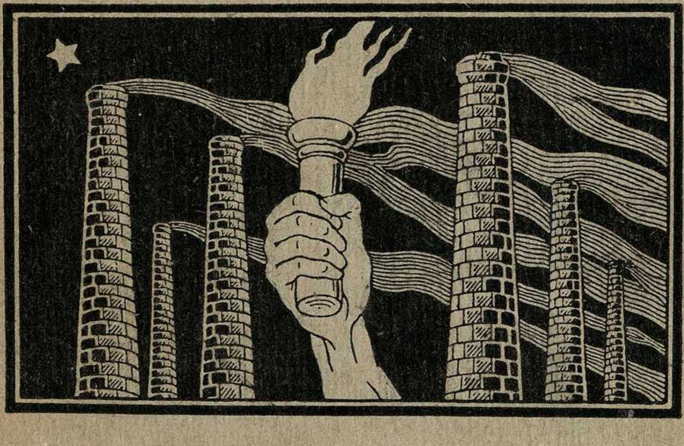
№ 6/5 14 23/7 95

Г. САФАРОВ

ОСНОВЫ ЛЕНИНИЗМА

„ПРИБОЙ“

ЛЕНИНГРАД

фб-2

W 273/14
XXIV-11757

Г. САФАРОВ

ОСНОВЫ ЛЕНИНИЗМА

„ПРИБОЙ“
РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
19 ЛЕНИНГРАД 24

АВАНГАРДУ В АВАНГАРДЕ,
ЛЕНИНГРАДСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ Р.К.П. (б.)
ПОСВЯЩАЕТСЯ ЭТА КНИГА.

АВТОР.

2015148068

I.

Два пути теоретического развития

(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ).

Разбираясь в причинах господствовавшего тогда застоя в области разработки марксистской теории, Роза Люксембург 20 лет тому назад писала: «Если теперь мы замечаем теоретический застой в движении, то об'ясняется это не тем, будто марксова теория, —которой мы питались до сих пор,—неспособна к развитию или «пережила» себя, а наоборот, тем, что мы уже взяли из марксова арсенала все важнейшее, необходимое нам для теперешней стадии борьбы оружие, нисколько не исчерпав его; об'ясняется это не тем, что мы в практической борьбе «перегнали» Маркса, а наоборот, тем, что Маркс в своей научной работе обогнал нас как практическую боевую партию; не тем, что Маркс уже недостаточен для удовлетворения наших потребностей, а тем, что наши потребности еще ограничены и не могут вместить все богатство марксовых идей. Так мстят за себя теоретически открытые Марксом социальные условия существования пролетариата в современном обществе на судьбах самой марксовой теории» [1]. Центральное место в революционном марксизме занимает учение о неизбежном крахе капиталистического строя, о социалистической революции и пролетарской диктатуре. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали это, всегда решительно отмежевываясь от реформистского крохоборства, принимающего классовую борьбу лишь в мирных, «законных и нормальных» рамках.

Застой теоретической научно-марксистской мысли в эпоху Второго Интернационала об'яснялся низким уровнем тео-

[1] Р. Люксембург. «Прогресс и застой в марксизме». См. сб. «Карл Маркс—революционер, мыслитель, человек». М. 1923 г.

ретических потребностей самого рабочего движения. Пока рабочий класс находился в обстановке устойчивого капиталистического господства, он не мог помышлять о близком ниспровержении буржуазии, и революционная теория была далека от его повседневной борьбы за частичные требования. Отсталости пролетариата в революционном отношении в точности соответствовал низкий идейный уровень рабочего движения. Между теоретическими запросами и революционными потребностями здесь можно вполне поставить знак равенства.

Как раз опираясь на эту отсталость движения в принципиальной области, ревизионизм поднял свой поход против марксизма и предложил выбросить за борт все революционное содержание его.

— «Идею экспроприации я хочу изгнать из социал-демократии. Эта идея противоречит как действительному экономическому развитию, так и общему культурному прогрессу» [1].

Угрожая этим Каутскому, «отец ревизионизма» Эдуард Бернштейн в 1898—99 г.г. совсем не предполагал, что через полтора-два десятка лет Каутские полностью капитулируют перед ним и придут к ревизионистским, буржуазным взглядам на пролетарскую революцию как в вопросе об экспроприации экспроприаторов, так и в вопросе о пролетарской диктатуре.

Пресловутая формула Бернштейна—«Движение—все, конечная цель—ничто»—уже на грани XX века вскрыла опасность буржуазного вырождения социал-демократии. Первоначально она была теоретической ересью, так как борьба за конечную цель еще не стояла на очереди дня. Однако, уже тогда она практически означала окостенение рабочего движения в мирных и легальных формах борьбы. Когда борьба за конечную цель сделалась позже жгучей злобой дня, это противопоставление мирно-обновленческих методов методам революционным приобрело определенный политический смысл и ознаменовало прямой переход социал-демократии в лагерь буржуазной реакции. В германском рабочем движении сдача позиций «марксистским центром» началась со споров о применении массовой политической стачки в борьбе за всеобщее избирательное право в Пруссии. В этих спорах против Розы Люксембург и Паннекука, Каутский и его единомышленники целиком скатились к тактической позиции ре-

[1] Э. Бернштейн. Очерки из теории и истории социализма. СПБ. 1902 года.

визионистов. «Лиха беда начало»,—тактическая измена принципам революционного марксизма повлекла за собой и дальнейшее. Марксизм—обоюдоострое оружие. Он является незаменимым орудием познания, великолепным оружием борьбы в руках революционной пролетарской партии. Он тотчас же обращается против людей, всуе поминающих его имя, заставляя их отрекаться до конца,—и от революции на практике, и от революционной теории.

Еще в 1908 году т. Ленин предупреждал международную социал-демократию об опасности колебаний в деле борьбы с ревизионизмом: «То, что теперь мы переживаем, зачастую только идейно: споры с теоретическими поправками к Марксу—то, что теперь прорывается на практике лишь по отдельным частным вопросам рабочего движения, как тактические разногласия с ревизионистами и расколы на этой почве, это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу» [1]. Против ревизионизма ортодоксальные марксисты Второго Интернационала, в подавляющем большинстве своем, занимали исключительно оборонительную позицию, тогда как реформизм и ревизионизм практически переходили в наступление. Упрекая Бернштейна в поспешности, умный реформист Ауэр, которому принадлежит знаменитое изречение—«Всеобщая стачка—всеобщая бессмыслица» (Generalstreik ist Generalunsinn), заявлял: «Это делают, но об этом не говорят». И в действительности, ревизионизм, прежде всего на практике, подкапывался под революционный марксизм.

— Застой в области научной разработки революционного содержания учения К. Маркса и Ф. Энгельса, обусловленный тем, что движение, протекавшее в мирных и легальных рамках капитализма, не доросло до революционного уровня марксистской теории; тактические уклоны на практике в сторону ограничения классовой борьбы мирным исправлением и усовершенствованием буржуазного порядка; наступательные атаки ревизионизма против

[1] Н. Ленин. «Марксизм и ревизионизм». Сборник «Памяти Карла Маркса».

конечной цели,—вот характернейшие черты предвоенного состояния Второго Интернационала.

Они таили в себе неминуемую катастрофу, которая должна была разразиться при первом же революционном столкновении классовых интересов труда и капитала. 4 августа 1914 г. тайное сделалось явным и, поэтому, первым словом теоретического вождя Второго Интернационала, Карла Каутского, после грехопадения,— было благочестивое напоминание: «Интернационал не есть орудие военного времени, он—инструмент мирной эпохи».

На практике отличие «правоверных» марксистов Второго Интернационала от ревизионистов было отнюдь уже не такое значительное, и крах 1914 года обнаружил это, выравняв в одну социал-патриотическую шеренгу Каутского и Бернштейна, Плеханова [1] и Вандервельде, Гэда и Марселя Самба.

Идейный застой имел своим неотвратимым последствием гниение и разложение; тактическое соглашательство кончилось политической изменой рабочему классу.

То жалкое и нищенское существование, какое влачит в настоящее время социалистическая теория в лагере Второго Интернационала, служит безошибочным показателем распада международного меньшевизма.

Революционному марксизму нечего делать в рядах людей, продавших шпагу свою капиталу. Каутские, Куновы, Отто Бауэры и Гильфердинги органически не могут подняться выше умственного уровня окружающего их мещанства. Пролетарское учение, которое они связывают еще с именем своим, с именем контр-революционной социал-демократии, лишь по традиции и в целях обмана рабочих масс, по существу составляет для них опасную помеху. Поэтому, с 1914 года на всем земном шаре эти сикофанты открыто выполняют ту роль, которую до войны брали на себя, главным образом, буржуазные «критики Маркса».

Они выхолащивают марксизм, оставляя от него лишь шелуху буржуазно-демократических фраз. С 4 августа 1914 г. международная социал-демократия начала официально «переучиваться» (umlernen), и с тех пор она так преуспела в своем ренегатстве, что ушла далеко назад за эпоху Второго Интерна-

---

[1] Плеханов - меньшевик, несмотря на всю свою ортодоксальность в теории, не мог уйти от судьбы.

ционала, к луиблановщине, к мелкобуржуазной «социал-демократии» времен французской революции 1848 года.

Когда-то обращаясь к злобным защитникам буржуазного порядка, Маркс говорил: «Вы—обращенные вспять утописты!» Господа Каутские, Бернштейны, Вандервельде и пр. ныне по отношению к революционному марксизму представляют собой таких обращенных вспять утопистов!

— Капитализм гниет, падает, расползается, а они из кожи лезут вон, чтобы оправдать его, спасти, возвеличить, увековечить! Чем беспощаднее их бьет революционная действительность, тем дальше и поспешнее они уходят от марксизма к реакционному буржуазному утопизму.

Между бывшим ортодоксальным марксистом Каутским и крайним буржуазным реформистом Бернштейном сейчас не только нет никакой практической разницы, их принципиальные, теоретические взгляды совпадают вплоть до самой последней мельчайшей подробности. Идейное убожество их, по сравнению с которым даже писания Луи Блана кажутся образцом глубокомыслия, является одновременно и предпосылкой, и следствием их предательской беспомощности в практической политике. Они—и без'идейные ренегаты, и политические банкроты.

Исключение из правила в довоенном Втором Интернационале составляла партия большевиков, во главе со своим гениальным вождем Лениным. Еще на заре рабочего движения в России борьба с народничеством, а потом с так называемым «легальным марксизмом», за классовое самоопределение пролетариата, потребовала усиленной теоретической работы в области марксистской социологии и философии диалектического материализма.

— «Большевизм возник в 1903 году на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой—и только этой революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и, в особенности, опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине выстрадала полувековой историей неслыханных

мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставления опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью насчет всемирных форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире» [1]. — Диалектика Гегеля и материализм Фейербаха, заговорщическая тактика захвата власти Огюста Бланки и мелкобуржуазный анархизм Прудона и Бакунина, опыт французской революции 1848 г. и Парижской Коммуны 1871 г., вульгарный материализм Бюхнера, Фогта и Молешота и марксова теория общественного развития, и т. д., и т. п. — все это было пройдено и пережито общественным движением России XIX столетия, начиная от петрашевцев-фурьеристов, Белинского и Герцена, переходя к Добролюбову и Писареву, к разночинству и народничеству, к Лаврову и Чернышевскому, и кончая Г. В. Плехановым и группой «Освобождение Труда». Этот путь развития общественной мысли был, в известной степени, повторением индивидуального развития замечательных творцов «Коммунистического Манифеста», самих К. Маркса и Фр. Энгельса. Варварские политические условия царизма, насильственно с'уживавшие область практической деятельности, толкали настойчиво вперед работу революционного мышления. «Стремясь ко злу», они «творили добро», создавая богатый идейный арсенал для будущей борьбы рабочего класса.

— «С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете, ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тя-

[1] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

жести гнета царизма, особенно быстро созревала, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта»[1].

Революционное рабочее движение в России не плелось позади марксистской теории, до которой не доросло западно-европейское рабочее движение эпохи 1889—1914 г.г. Эта теория неизменно была его знаменем и служила ему избранным боевым оружием.

Не какие-либо самобытные национальные пути России определили этот факт.—Благодаря крайней запоздалости буржуазной цивилизации в стране, чистка ее от средневековой гнили и дворянско-крепостнического мусора чрезвычайно сблизилась, а позже и совпала с всемирным кризисом капитализма. Гигантское обострение противоречий между крестьянским большинством страны и дворянско-полицейской, государственной и социальной надстройкой,—с одной стороны, между буржуазией и пролетариатом в борьбе за руководство общественным движением,—с другой, вызвало скачкообразное политическое развитие страны в течение последних двух десятков лет. Накоплявшийся на протяжении долгих десятилетий теоретический «капитал» был не только, таким образом, пущен в обращение, но и стал быстро расти на почве революционного опыта.

Об'ективная обстановка толкнула Россию первой из европейских стран на путь революции и, по этой причине, она могла обогнать Второй Интернационал как практически, так и теоретически. Само собою разумеется, что решающее влияние на успех «русского примера» оказало наличие революционной пролетарской партии, Р.К.П., которая построила свою тактику на сознательном марксистском руководстве революционной борьбой. Именно она своей длительной и упорной борьбой очистила российское рабочее движение от буржуазных уклонов.

На споры внутри российского рабочего движения Второй Интернационал смотрел с полупрезительной скептической усмешкой, как на пережиток сектантства, и всегда, с большей или меньшей откровенностью, отдавал свое предпочтение меньшевикам, считая их «европейским» направлением.

Необходимость отстаивать теоретическим оружием марксизма каждую пядь в практическом рабочем движении вытекала, конечно,

[1] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме.

не из сектантского и узко-кружкового характера наших споров, а об'яснялась ожесточенной борьбой за партию, которую меньшевики хоронили по всякому поводу. В России последовательно-революционная пролетарская партия могла сложиться окрепнуть и закалиться только в неустанной борьбе за пролетарскую гегемонию в революционном движении, между тем как меньшевики пытались построить ее на парламентско-трэд'юнионистский образец, применительно к «европейским» условиям. Без партии, действительно способной выполнять роль вождя в революции, российский рабочий класс был бы обречен на положение пушечного мяса в чужих, буржуазных руках.

Международная социал-демократия видела в наших яко-бы фракционных спорах «бесполезную растрату сил», «ущерб единству рабочего движения» и прочие «ужасы». Последующий ход истории показал, что гораздо предусмотрительнее было проводить генеральную размежевку с оппортунизмом до решающих классовых битв, чем во время и в ходе их, под риском в любую минуту быть выданным изменниками врагу. В период 1914—1923 г.г. пролетариату Европы пришлось расплачиваться потоками крови за измену социал-демократии.

Революционная обстановка в России навязывала народным массам революционные методы и пути борьбы. В зависимости от их практического отношения к этим методам и путям происходил исторический отбор классов, партий и течений. Сообразно с этим, они располагались на поле сражения в классовой борьбе. Историческим отбором пролетариат был выдвинут в авангард народных масс в борьбе против царизма, а позже и против буржуазии; боевые качества партии большевиков поставили ее во главе борющегося пролетариата.

Тогда как для Второго Интернационала марксизм, в значительной степени, был «отвлеченной теорией», для нас он всегда был и оставался «алгеброй революции», руководством к действию,— независимо от того, шло ли дело о наступлении или об отступлении.

Уже крах 1914 года вызвал большевизм на международную арену, победа же Октябрьской революции завоевала ему сочувствие и поддержку в рабочем классе всего мира. Большевизм стал авангардом международного рабочего движения.

Из всех партий довоенного Второго Интернационала, после катастрофы 4-го августа, партия большевиков уцелела в един-

ственном числе, так как эта катастрофа не могла увлечь ее в пропасть. Р.К.П. одна оказалась крепким мостом, соединившим опыт эпохи Второго Интернационала с революционными потребностями нового исторического периода. Из старых партий она одна смогла стать центром организации международной коммунистической партии—Коммунистического Интернационала.

За период 1914—1923 г.г. целый ряд основных черт российского революционного развития показал свою международную общезначимость. Организация большевистской партии, тактика большевизма, последовательные этапы борьбы за пролетарскую диктатуру и формы последней,—служат бесспорным образцом для всемирного пролетарского движения. Нередко все это об'ясняют преимущественно превосходством Р.К.П. в области тактического искусства. Однако, это об'яснение однобокое и неверное.—Р. К. П., и в первую голову т. Ленин, не только тактически, но и идейно, теоретически подготовили организацию Коммунистического Интернационала. Теоретическое об'яснение империализма и марксистское учение о государстве, научно-принципиальное обоснование гегемонии пролетариата в крестьянских и национально-освободительных движениях, пути социалистической экономики переходного времени, словом, вся та сумма идей, которая в целом дает конкретное марксистское понимание пролетарской революции,—все это есть плод теоретической работы большевизма. Нельзя отделить научно-теоретическую работу от революционной практики, в особенности, в обстановке последнего и решительного боя. Без марксистского знания нельзя успешно делать пролетарскую революцию; не делая пролетарскую революцию, нельзя ее научно об'яснять.

В довоенном Втором Интернационале, поскольку на очереди дня стояла задача систематического разоблачения классовых противоречий буржуазного общества в целях всесторонней организации и социалистического воспитания рабочих масс,—марксизм находил практическое применение, по преимуществу, как метод исследования и об'яснения, но отнюдь не как метод революционного преобразования существующих общественных условий. Массы действуют на исторической арене только в революционные эпохи, а теория становится силой общественного развития только тогда, когда ею практически овладевают массы. В довоенном Втором Интернационале марксизм играл, главным образом, роль агитационно-пропагандистского орудия и лишь, в

очень малой степени, роль метода для тактических расчетов, обусловленных участием масс в практической борьбе. В эпоху 1889—1914 г.г. массы, подчиненные автоматическому действию экономической необходимости и не достигшие еще сознания непримиримости своих интересов с капиталистическим господством, покорно скрывались за кулисами общественной жизни.

В отличие от Западной Европы, в России массы делали историю, и, естественно, что в силу этого, тактика передовой революционной партии должна была быть принципиальной, научно-обоснованной с точки зрения того марксистского метода, который только один способен наперед определить пути движения целых классов.

Второй Интернационал, возлагая все свои надежды на постепенный рост сознательности рабочих масс, в то же время придавал чрезвычайно ничтожное значение вопросу о том, как может и должно произойти превращение этого пассивно-отрицательного отношения к буржуазным порядкам в массовую революционную борьбу против них. Квиетизм,—убеждение в том, что одна вера—без всяких дел—может привести «ко спасению»,—был ему свойственен в наивысшей мере.

В противоположность ему большевизм в массовом масштабе воплотил единство бытия и мышления, практики и теории классовой борьбы. Пролетарская революция есть марксизм в действии на исторической арене. Здесь он выступает в качестве движущей силы истории самым непосредственным и для всех очевидным образом.

Ленинский большевизм знаменует собой новую ступень в теоретическом и практическом развитии марксизма.

Спрашивается: как он достиг этой ступени и что он внес принципиально-нового в революционный опыт международного рабочего движения? Международная общезначимость и обязательность большевистской тактики в главнейших ее особенностях неизбежно должна основываться на принципиально-обязательном, теоретически неопровержимом марксистском фундаменте. Сравнение ее со взглядами Маркса и Энгельса на революционные задачи и тактику пролетариата составляет отправной пункт нашего исследования. Определение основ тактики Второго Интернационала позволит нам сопоставить ее с тактикой большевизма на русской почве в предвоенный период. Об'ективный ход развития

классовой борьбы в эпоху империалистической войны и революции укажет нам, какая передвижка экономических и политических отношений привела к революционному прогрессу марксизма под знаменем большевистской тактики.

II.

Взгляды К. Маркса и Фр. Энгельса на революцию.

В настоящее время в лагере Второго Интернационала царит полное единогласие в вопросе об «утопическом и отсталом» характере взглядов К. Маркса и Фр. Энгельса на революцию.

Российский меньшевик Д. Далин прямо «обвиняет» основателей научного коммунизма в единомыслии с большевиками.

— «Таковы уж общественные науки. В них человеческие страсти и интересы перекрещиваются с ходом научного анализа, отсюда получается на одном полюсе полное отрицание всякого социализма, на другом—«немедленный социализм», для которого все якобы готово. Революционное нетерпение заменяет собой научное исследование. Революционное нетерпение—очень благородная вещь, но когда оно заменяет собой холодный и трезвый анализ, социализм проделывает обратный путь: от науки к утопии. В этом отношении грешны все, в том числе и творцы научного социализма. Иные ошибки их кажутся прямо непонятными сейчас. Смешно и глупо их замалчивать. Наоборот, надо вложить персты во все раны, безбоязненно признать все болезни, чтобы их радикально исцелить» [1]. Меньшевистский карлик, таким образом, считает необходимым провести антибольшевистский пересмотр социализма и рабочего движения, начиная с авторов «Коммунистического Манифеста».

Эдуард Бернштейн, поясняя «ошибки» Маркса с той же тупоумной «снисходительностью», пишет: «В том виде, как она представлялась в свое время Марксу, борьба эта [2] в существе своем была направлена к революции, каковую следует тут понимать не как социальное изменение, совершающееся в укладе жизни (!), а в том смысле, что данный класс посредством восстания и т. д. добивается господства и оттесняет классы, господствовавшие до этого. К этой цели шло еще движение у Маркса,

[1] Д. Далин. После войн и революций, стр. 175—176. Берлин, 1922 года.
[2] Политическая.

к ней оно должно было итти, потому что (!!) в то время, когда Маркс писал, рабочие еще ни в одной стране не имели избирательных прав... Марксу и Энгельсу не суждено было быть свидетелями отличающей нашу эпоху усиленной деятельности рабочих в публично-правовых административных органах, в принудительных товариществах, общинах, в государственных и имперских учреждениях, а также в их собственных вольных административных корпорациях. Между тем, не подлежит никакому сомнению, что без воспитательной подготовки к управлению влияние пролетариата в обществе может быть, в конце концов, лишь ограниченным. Но сама подготовка эта могла быть осуществлена только в результате более и менее демократической эволюции»[1].

— «А жаль, что не знаком ты с нашим петухом!» Жаль, что Маркс и Энгельс не были знакомы с успехами «демократической эволюции» Эбертов, Носке и Шейдеманов!..

Карл Каутский абсолютно солидарен с Бернштейном и повторяет тот же либеральный вздор: «Хотя Марксу уже в 1852 году было ясно, что пролетарская революция не может быть похожей на буржуазную, однако, он не мог еще наблюдать этого различия, ибо ни в одном из крупнейших государств Европы демократический строй не достиг таких успехов и не укрепился так прочно, чтобы совершенно новое (!) влияние его могло заметным образом отразиться на классовой борьбе пролетариата»[2].

Давая в «18 Брюмера» характеристику мелкобуржуазной «социал-демократии» во Франции, Маркс буквально отметил те черты, которые ныне составляют достояние каутскианско-шейдемановской социал-демократии: «В противовес буржуазной коалиции образовалась коалиция мелкой буржуазии и рабочих, так называемая социал-демократическая партия... Социальные требования пролетариата получили демократическую интерпретацию[3], устранившую их революционное жало; демократические притязания мелкой буржуазии, не ограничиваясь одной политической стороной, выдвигали свои социалистические пункты. Своеобразный характер этой социал-демократии определялся тем, что она требовала демократически-республиканских учреждений не для того, чтобы при помощи их одновременно уничтожить обе противоположности — ка-

[1] Эд. Бернштейн. Спорные вопросы социализма, стр. 132—133, пер. Р. Болимовского. Берлин.

[2] К. Каутский. Пролетарская революция и ее программа, стр. 98. Берлин, 1922 г., русск. пер.

[3] Т. е. мелкобуржуазное истолкование.

питал и наемный труд,—а для того, чтобы смягчить противоречие между ними и превратить его в гармонию»[1]. Господам социал-предателям положительно опасно ссылаться на «отсталость» Маркса и Энгельса, так как не они первые вступили на путь демократического примирения классов, и великие основатели революционного марксизма имели не мало дела с их предшественниками и учителями.

Однако, обратимся к существу вопроса.—Как Маркс и Энгельс смотрели на тот цикл революционного развития с 1848 года по 1871 год, современниками которого они были? Не подлежит никакому сомнению, что в основу тактического плана, отстаивавшегося ими, легло различие между восходящей и нисходящей линией революции. Вспомним его: «Во время первой французской революции за господством конституционалистов следует господство жирондистов, а за господством жирондистов—господство якобинцев. Каждая из этих партий опирается на более прогрессивную. Каждая из этих партий, доведя революцию до того пункта, за которым она уже не в состоянии итти с ней в ногу и уже отнюдь не в состоянии вести ее за собой, устранялась и отправлялась на гильотину более смелым союзником, стоявшим за ней. Революция движется, таким образом, по восходящей линии. Как раз обратное происходит во время революции 1848 г. Пролетарская партия здесь является придатком мелкобуржуазно-демократической. Последняя предает ее и губит 16 апреля, 15 мая и в июньские дни. Демократическая партия, в свою очередь, опирается на плечи буржуазно-республиканской. Буржуазные республиканцы, едва нащупав твердую почву под ногами, стряхивают досадных товарищей и сами опираются на плечи партии порядка. Партия порядка поводит плечами, предоставляя буржуазным республиканцам лететь кубарем, и бросается на плечи вооруженной силы. Воображая, что она все еще прочно сидит на надежных плечах, она вдруг, в одно прекрасное утро, замечает, что плечи превратились в штыки. Каждая партия нападает сзади на стоящую впереди и с самого начала опирается на партию, тянущую назад. Нет ничего удивительного, что она не выдерживает равновесия в этой комической позиции и низвергается,

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, том III, стр. 162—163. Гос. Издат.

проделав неизбежные гримасы и самые поразительные курбеты. Революция движется, таким образом, по нисходящей линии»[1]. Различие между восходящей и нисходящей линиями революции заключается в степени достигнутой остроты классовой борьбы.

Там, где революция «делается» при постоянной оглядке назад и где последовательные этапы ее приводят к всеобщему равнению слева направо, движение теряет свою силу при каждом новом повороте. Всякий новый компромисс, новое соглашение ведут к новым, более сильным поражениям революции. Рамки революции с'ужаются непрерывно, поскольку движущей силой событий служит боязнь перед «крайностями» революционного пути, перед резким обострением классовой борьбы. Несамостоятельность и незрелость передового революционного класса на другой же день после первого победоносного восстания вызывают об'единение против него всех более умеренных общественных слоев. «Те, кто делают революцию наполовину», — говорил один из вождей великой французской революции, Сен-Жюст, — «лишь роют себе могилу». Борьба за захват государственной власти составляет неизбежный высший этап классовой борьбы, а она может быть подготовлена только последовательной классовой борьбой в предшествующий период. «Когда класс, концентрирующий в себе революционные интересы общества, начинает восстание, он находит содержание и материал своей революционной деятельности непосредственно в своем собственном положении: он должен отражать врагов, принимать меры, диктуемые требованиями борьбы; следствия его собственных поступков толкают его дальше»[2].

Так было с французской мелкой буржуазией в революцию 1789—1793 г.г., в которой она играла роль вождя-гегемона в борьбе с феодализмом и половинчатостью буржуазных партий. Таков был путь борьбы российского пролетариата с 9 января 1905 года до 25 октября 1917 года, путь от борьбы с самодержавием к ниспровержению буржуазии.

Восходящая линия революции определяется в зависимости от того, насколько передовому классу удается «концентрировать в себе революционные интересы общества», т. е. насколько он сознает свои классовые интересы и способен взять на себя

---

[1] «18 Брюмера». III-й том собр. соч., стр. 156—157.

[2] К. Маркс. «Борьба классов во Франции в 1848—50 г.», собр. соч., том III-й, стр. 36.

Всесоюзная Библиотека им. Ленина

политическое руководство движением широких народных масс. Способность передового класса к революционному руководству—вот что, по мнению Маркса, является решающим для хода революции.

От напряжения и силы классовой борьбы зависит успех восходящей или нисходящей линии в революции. Если заряд массовой революционной энергии достаточен только для первой победы, то в дальнейшем нить политического руководства ускользает из рук передовой партии. Массы решают дело в революции. Связь с массами на почве исторически-конкретного понимания их интересов обусловливает силу или слабость передовой революционной партии.

Борьба за восходящую линию в революции требует революционных методов, принять политические последствия которых способна на себя лишь действительно передовая партия. На определенной ступени классовая борьба из политической области переходит в военную. Ход политических событий подчиняется законам военной стратегии. Отсюда необходимость в определенный момент обеспечить революционной политике успех в смысле военно-технического перевеса,—организованной подготовки восстания и проведения известного плана войны.—«Восстание—в такой же мере искусство, как война или другие искусства; оно подчиняется известным правилам, пренебрежение которыми ведет к гибели партии, виновной в их игнорировании... Во-первых, никогда не следует играть восстанием, если нет возможности дать отпор всем последствиям игры. Восстание—это задача с крайне неопределенными величинами, значение которых может изменяться каждый день; на стороне боевых сил, против которых приходится сражаться, всецело стоят выгоды организации, дисциплины и традиционного авторитета; если нет возможности противопоставить им крупные силы, то восставших ожидают поражение и уничтожение. Во-вторых, раз восстание начато, необходимо действовать с величайшей решительностью и переходить в наступление. Оборона—смерть всякого вооруженного восстания; оно потеряно, прежде чем померяется силой с врагом. Нападай врасплох на врага, пока его полки рассеяны; ежедневно заботься о новых, хотя бы и мелких успехах; удерживай за собой моральный перевес, которое тебе дало первое успешное восстание; привлекай к себе те колеблющиеся элементы, которые идут всегда за сильнейшим

толчком и примыкают к более надежной стороне; принуждай своих врагов к отступлению, пока они еще не успели сосредоточить против тебя своих сил; короче, припоминая слова Дантона, величайшего из известных до сих пор мастеров революционной тактики: «Смелость, смелость, и еще раз смелость!» [1]

— «Война есть продолжение политики, только другими средствами» [2], и революционная, гражданская война есть прямое продолжение революционной политики. Она должна быть подготовлена не только политически, но и военно-технически. Наступательная стратегия и тактика вооруженного восстания немыслима без этого, а сама она является результатом того факта, что угнетенные и еще не имеющие своей государственной организации массы вынуждены разрушать готовую и сложенную машину принуждения.

Приведенный взгляд Энгельса на восстание, как небо от земли, разнится от позднейших меньшевистских воззрений социал-демократии.

Гражданская война есть историческая необходимость, вытекающая при определенных обстоятельствах из стихийного хода классовой борьбы. Поведение масс, на которые опирается революционная партия-авангард направляет ход политической борьбы либо на путь восстания, либо на путь использования легальных возможностей. Отказ революционной партии от сознательного и планомерного руководства готовым, созревшим восстанием равносилен ее политическому банкротству. По поводу героической борьбы парижских коммунаров Маркс писал, беспощадно высмеивая оппортунистов, желающих всегда иметь успех в кармане: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо благоприятных шансов. С другой стороны, история имела бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, сами составной частью в общий ход развития, уравновешиваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависит от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай»,

---

[1] Фр. Энгельс. Революция и контр-революция в Германии. Собр. соч., т. III-й, стр. 321.

[2] Знаменитая формула Клаузевица.

как характер людей, стоящих вначале во главе движения.

Решающий неблагоприятный «случай» на этот раз следует искать никоим образом не в общих условиях французского общества, а в присутствии во Франции пруссаков, стоящих у самого Парижа. Это знали и буржуазные версальские канальи. Потому - то они поставили перед парижанами альтернативу: либо принять вызов к борьбе, либо сдаться без борьбы. Деморализация рабочего класса в последнем счете была бы гораздо большим несчастьем, чем гибель какого угодно числа «вожаков» [1].

В решающие моменты классовой борьбы партия революционного класса не может уклониться от руководства массами и должна использовать для революционной победы все до последнего шанса.

Иначе она теряет доверие своего класса и самоустраняется как фактор классовой борьбы, что не может пройти безнаказанно. Частичные поражения расчищают дорогу к окончательной победе угнетенного класса.

— «Ни одна партия никогда не отказывалась, если не лгала при этом, от права на вооруженное сопротивление при некоторых обстоятельствах. Ни одна партия никогда не могла отказаться от такого права. Если же дело доходит до дискуссии о том, при каких обстоятельствах партия имеет право на такое сопротивление, то спор уже выигран: тут уже не о чем говорить,— в особенности, когда речь идет о партии, об‘явленной бесправной, т. е. такой, которой сверху прямо указывают на революционный путь. А такое об‘явление партии на бесправном положении может повторяться ежедневно, что уже и случалось. От такой партии требовать подобного безусловного заявления — сущая бессмыслица» [2].

Приведенное заявление Фр. Энгельса относится к 18 ноября 1884 года.

Для тактики революционной партии вопрос о применении революционных средств и методов сообразно с обстановкой, имеет первостепенное значение. Qui veut les fins, veut les moyens—кто стремится к цели, тот признает и нужные для этого средства.

---

[1] Письмо Маркса к Кугельману, 17 апреля 1871 г. см. К. Маркс и Фр. Энгельс. Письма. Изд. «Московский рабочий». 1923 г., стр. 226.

[2] Фридрих Энгельс. Политическое завещание, стр. 10. Москва. «Красная Новь», 1922 г.

Фердинанд Лассаль не раз и не два обращал внимание на причинную связь, соединяющую революционную цель со средствами революционной борьбы.

«Сливаются в одно и цель и средство. Путь изменив, изменим мы и цель» [1].

Несмотря на свои оппортунистические уклоны, он правильно указывал на трудности борьбы угнетенного класса. Он отмечал: «Вечную силу всех господствующих, защищающих существующий порядок классов, составляет та безошибочная, последовательная сознательность, которая пропитывает их классовый интерес, — именно в виду того, что он господствующий и оформившийся.

Вечная слабость всякой правильной революционной идеи, стремящейся к претворению на практике, заключается в недостатке сознательности у членов отстаивающего ее класса, принцип которого еще не осуществлен, так же, как и в связанном с этим недостатке организации средств, находящихся в ее распоряжении» [2].

Арсенал пролетарской классовой борьбы непрерывно пополняется в ходе самой этой борьбы, и новые тактические методы и принципиальные предпосылки борьбы вырабатываются, прежде всего, с помощью революционного опыта.

В тактических построениях Маркса и Энгельса идея борьбы за восходящую линию революционного развития играет центральную роль. Известно, с какой резкостью они протестовали против утверждения, выставленного проектом Готской программы [3], о „сплошной реакционной массе“, которую должны представлять все партии буржуазного общества в борьбе с пролетариатом. Готскую программу они критиковали за оппортунизм, и, в то же время, они решительно восставали против изображения пролетарской партии в абсолютно-изолированном состоянии. Чем это об‘яснить?

Об‘яснение мы находим в письме Энгельса от 28 октября 1882 года, посвященном критике одной статьи. — «Тут все та же мечта о конечном осуществлении фразы о «единой реакционной массе»,

---

[1] «Франц фон-Зиккинген».

[2] Der Briefwechsel zwischen Lassale und Marx. Herausgegeben von Gustav Mayer. Berlin, 1922, seite 151. Lassale an Marx 6 März 1859.

[3] Этот проект предназначался для об‘единительного с‘езда в Готе в 1875 г., который положил конец расколу между сторонниками Лассаля из «Всенемецкого Рабочего Союза» и марксистами—«эйзенахцами», входившими в «Социал-Демократическую Рабочую Партию».

все официальные партии об'единяются в одной куче здесь; а мы, социалисты, образуем колонну там. Происходит решительное сражение, и победа по всей линии с одного удара. Так просто, в действительности, вещи не делаются. В действительности, как раз наоборот, революция начинается с того, что значительное большинство народа, а также и официальных партий, об'единяются против покинутого, таким образом, правительства и низвергают его, и только после того, как те из официальных партий, которые еще остались, последовательно передрались друг с другом и спихнули одна другую со сцены, только тогда происходит великое размежевание народа, и вместе с этим становится возможным утверждение нашей власти. Если-же мы захотели бы начать революцию с конца, то нам бы не поздоровилось»[1].

Но какая другая революция «начинается с конца», как не та, которая идет по нисходящей линии? Революция, поднимающаяся по восходящей линии, уничтожает реакционные препятствия, последовательно изолируя и разбивая партии, не могущие поспевать за ходом ее. Тактика пролетарской партии должна быть построена на самом тщательном использовании классовых противоречий, развивающихся за пределами непосредственной противоположности интересов между трудом и капиталом и обостряемых этой противоположностью.

Вражеский стан нужно разбивать по частям. Нужно разбивать чужими силами главного врага, чтобы после победы над ним расколоть и уничтожить и эти силы.

Нужно следовать тактическому правилу, провозглашенному великой французской революцией: «Смело станем в середину неприятельских армий; соединив свои силы, мы будем иметь перевес над каждою из неприятельских армий в отдельности, а затем станем переходить от побежденной армии к той, которую еще надо разбить»[2]. Гегемония пролетариата во всяком революционном движении — логический вывод из борьбы за восходящую линию революции.

Упрощенное представление о «единой реакционной массе» было враждебно этой идее гегемонии, так как исходило из группировки общественных сил, свойственной мирным эпохам. В такие эпохи

[1] «Политическое Завещание», стран. 7—8.

[2] Доклад Гоша Комитету Общественного Спасения. См. Н. Лукин-Антонов. Из истории революционных армий, стр. 197. Москва. 1923 г.

революционный класс находится в изолированном состоянии, он — одинок или почти одинок в своей борьбе.

В эпохи бури и натиска разложение на верхах общества и их изоляция служат одним из признаков революционного кризиса.

В своем знаменитом «Обращении Центрального Комитета к Союзу коммунистов» Маркс и Энгельс изложили тактический план, рассчитанный на переход через ряд промежуточных этапов от революции буржуазно-демократической к революции пролетарской.— «Отношение революционной рабочей партии к мелко-буржуазной демократии таково: она борется вместе с ней против той фракции, к низвержению которой она стремится; она выступает против нее во всех случаях, когда она сама хочет упрочиться... В то время, как демократические мелкие буржуа хотят с проведением возможно большего числа (своих) [1] требований наиболее быстро закончить революцию, наши интересы и наши задачи заключаются в том, чтобы сделать революцию непрерывной, до тех пор, пока все более или менее имущие классы не будут устранены от господства, пока пролетариат не завоюет государственной власти, пока ассоциации пролетариев не только в одной стране, но и во всех господствующих странах мира, не разовьются настолько, что конкуренция между пролетариями этих стран прекратится, и пока, по крайней мере, решающие, производительные силы не будут сконцентрированы в руках пролетариев» [2].

У всякого соглашателя эти строки способны вызвать только суеверный ужас: как основатели научного коммунизма могли думать о зрелости социальной революции в 1850 году! Мы еще займемся этим вопросом, сейчас же остановимся на существе тактического плана. В «Обращении» Маркс и Энгельс рисуют перспективу непрерывной революции. Однако, они бесконечно далеки от попытки начать непосредственную борьбу за социализм с первых же этапов буржуазно-демократической революции. Наоборот, они утверждают, что чем последовательнее будет буржуазно-демократический переворот, чем радикальнее будет чистка Германии от дворянско-крепостнических привилегий, порядков и

---

[1] Демократических.

[2] «Обращение центрального комитета к Союзу», Март 1850 г. К. Маркс и Ф. Энгельс, собр. соч., т. III, стр. 500—501.

учреждений, чем больше пролетариат выдвинется на руководящие позиции в этой борьбе, тем ближе он подойдет к задачам собственного освобождения. У них нет и тени меньшевистской пескариной «мудрости», проповедывавшей пролетариату 1905 —1907 г.г. воздержание от руководства «чужой» революцией. Свои суждения о роли различных классов буржуазно-демократической революции они основывают на об'ективно-историческом анализе. Опыт революции 1848 г. в Европе показал, что великая французская революция 1789—93 г.г. была последней революцией, в которой мелко-буржуазная демократия, в качестве крайнего левого фланга буржуазного общества, могла еще помимо и без пролетариата выступать в миссии революционного вождя. В отсталости классового строения французского общества конца XVIII столетия кроется этот секрет. Французская революция 1848 г. обнаружила, что «как только пролетариат был удален со сцены и буржуазная диктатура получила официальное признание, промежуточные слои буржуазного общества, мелкая буржуазия и крестьянство, стали все более примыкать к пролетариату по мере того, как их положение становилось все невыносимее и противоположность их интересов с интересами буржуазии все более обострялась. Как раньше они видели причину своей нищеты в том, что пролетариат поднялся, так теперь они должны были увидеть ее в его поражении» [1]. Это было, так сказать, доказательство от противного в пользу гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции. Франция же, с ее более развитыми классовыми отношениями, открывала их будущее перед другими, более отсталыми странами. Но раз пролетариат призван быть представителем восходящей линии революции, и лишь в этом случае она может победоносно завершить свою буржуазно-демократическую стадию,— то, очевидно, одной из исторических возможностей является захват власти пролетариатом и переход к рабочей революции. Парижская Коммуна 1871 г. подтвердила это историческое предвидение. По поводу ее Маркс подчеркивал, что «борьба рабочего класса с классом капиталистов и государством, представляющим его интересы, вступила благодаря Парижской Коммуне в новую фазу. Как бы ни кончи-

[1] К. Маркс. Борьба классов во Франции 1848 — 50 г. г., собр. соч., т. III-й, стр. 51.

лось дело непосредственно на этот раз, новый исходный пункт всемирно-исторической важности все-таки завоеван» [1].

Слишком дешево было бы обвинять Маркса и Энгельса во «вспышкопускательстве» и «путчизме». Поскольку они имели дело с определенной линией революционного развития и пока эта линия шла зигзагами вверх, свои тактические расчеты они обязаны были строить на этом поступательном движении. Поэтому-то «Обращение» призывает рабочий класс «наряду с новыми официальными правительствами», после первой победы, «учреждать собственные революционные рабочие правительства, в виде ли правлений общин, общинных советов, в виде ли рабочих клубов и рабочих комитетов, так, чтобы буржуазно-демократические правительства не только немедленно утратили бы опору в рабочих, но и увидали бы себя с самого начала под наблюдением и угрозой властей, за которыми стоит вся масса рабочих... Уничтожить влияние буржуазных демократов на рабочих, немедленно создать самостоятельную и вооруженную организацию рабочих и установить условия, по возможности, наиболее тяжелые и компрометирующие для временного и неизбежного господства буржуазной демократии, — таковы главные пункты, которые пролетариат, а вместе с ним и Союз [2] должны иметь в виду во время и после предстоящего восстания» [3]. Здесь программа революционного действия ставит прямо принципиальный, коренной вопрос революции—о государстве. Революция взрывает старую государственную машину, и остаткам ее, в переходное время мелко-буржуазного господства, пролетариат противопоставляет свои органы классовой диктатуры, и в первую голову, свою вооруженную силу.

В «Новой Рейнской Газете» Маркс спрашивал по поводу рабочих организаций, действовавших во французской революции 1848 года: «А что же представляли клубы, как не коалицию всего рабочего класса против всего буржуазного класса, как не образование государства рабочих против государства буржуа? Разве это не были учредительные

---

[1] Письмо Маркса к Кугельману от 17 апреля 1871 г., см. К. Маркс и Энгельс. Письма. Изд. «Московский Рабочий», 1923 г., стр. 226.
[2] Союз коммунистов.
[3] Собрание соч., т. III-й, стр. 503—504.

собрания пролетариата, не были готовые к бою отряды армии бунта?» [1]

Сравните этот взгляд гениального революционера с глубокомыслием какого-нибудь Каутского: «Самое актуальное, самое животрепещущее, практическое значение имеет вопрос о том, какая конституция (!!!) необходима для государства в период перехода от капиталистического к социалистическому способу производства, в период, когда политическая власть завоевана пролетариатом, капиталистическое же производство еще продолжает (?!) итти своим ходом» [2]. Материалистическому «цинику» Марксу эти сомнения были совершенно чужды, и он полагал, что любая революционная форма рабочего движения может лечь в основу политического господства пролетариата. Само собой разумеется, что ему и Энгельсу никогда не могла прийти в голову идиотская мысль о возможности соединения пролетарской власти с капиталистической собственностью на «решающие производительные силы»! Маркс писал Кугельману 12 апреля 1871 года: «Если ты просмотришь последнюю главу «18-го Брюмера», ты увидишь, что, по моему мнению, ближайший под'ем французской революции будет попыткой не передать бюрократически-военную машину из одних рук в другие, как это бывало до сих пор, а разрушить эту машину. Именно таково предварительное условие всякой действительно народной революции на континенте» [3]. Империя Наполеона III-го естественно сосредоточила внимание вождей рабочего класса на необходимости разрушения аппарата классового господства капитала. Энгельс отмечал 13 апреля 1866 года: «Для меня становится все яснее, что буржуазия не в состоянии править сама непосредственно, и потому там, где нет олигархии, которая, подобно тому, как здесь в Англии, могла бы взять это на себя,—там нормальной формой является бонапартистская полудиктатура—руководство государством и обществом за хорошую плату» [4]. Таков же был вывод Маркса из уроков 1848 года. Июньское поражение «показало, что в странах старой цивилизации, с развитым классовым расчленением, с новейшими производственными условиями и с ясным самосознанием, разрушившим в процессе вековой работы все традиционные идеи, рес-

[1] К. Маркс. Борьба классов во Франции 1848—50 г.г. Собр. соч., т. III-й, стр. 72.
[2] К. Каутский. Пролетарская революция и ее программа, стр. 141.
[3] К. Маркс и Фр. Энгельс. Письма, стр. 225.
[4] Письмо Марксу. См Письма, стр. 121.

публика представляет, вообще, лишь форму политического переворота, а отнюдь не устойчивую жизненную форму буржуазного общества. В этом последнем виде республика является, например, в Соединенных Штатах Северной Америки, где хотя и существуют уже классы, они еще не фиксированы, постоянно обновляют свои составные части в непрерывном потоке изменений, где современные средства производства, вместо того, чтобы вызвать застойное перенаселение, замещают скорее относительный недостаток голов и рук, где, наконец, юношеское, лихорадочное развитие материального производства, стремящегося присвоить себе новый мир, не оставляет времени и не дает повода для того, чтобы направиться на разрушение старого духовного мира» [1]. Различие между странами старой цивилизации и «Новым Светом» имеет чрезвычайно важное методологическое значение, с точки зрения подхода к оценке буржуазной демократии. В странах старой цивилизации ход событий с 1848 по 1871 год привел к столкновению между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата. Здесь крайнее обострение классовых противоречий выдвинуло вперед против пролетариата репрессивный аппарат государственной власти капитала. В Америке же не было феодализма; буржуазное общество там выросло на естественной основе; богатства новой части света на большой срок обеспечили под'ем с народных низов в ряды имущих классов. Вырождение буржуазной демократии в буржуазную военно-террористическую диктатуру есть, таким образом, неизбежный результат обострения и углубления классовой борьбы. Если бы буржуазное общество в Европе не оказалось в состоянии на несколько новых десятков лет укрепить свой экономический фундамент и, таким образом, на известный период залечить свои исторические противоречия, оно вынуждено бы было в этой бонапартистской форме защищать свое существование против наступающего рабочего класса. Военно-империалистическая диктатура эпохи мировой войны и фашизм послевоенного времени,—в перспективе нового цикла революционного развития,—оправдали это предвидение. Именно, имея в виду наступление новых революционных потрясений, Энгельс в 1884 году выяснял контр-революционную сущность буржуазной демократии в ее борьбе против пролетарского переворота: «Что касается чистой демократии и ее роли в будущем, то и я того мнения, что

[1] Собр. соч., том III-й, стр. 145.

она играет в Германии гораздо более второстепенную роль, чем в странах более старого промышленного развития. Но это не помешает тому, что в момент революции она, как крайняя буржуазная партия, каковой она уже выступала во Франции, сможет приобресть на некоторое время значение последнего якоря спасения для всего буржуазного и даже феодального хозяйства. В такой момент вся реакционная масса станет позади нее и усилит ее: ибо все, что реакционно, наденет тогда на себя демократическую личину.

...Так было во всех революциях: самая смирная партия, способная еще взять управление в свои руки, становится у государственного руля, но только потому, что побежденные видят в этом последнюю надежду на спасение. И у нас самих нельзя ожидать, что в момент переворота за нами будет большинство избирателей, а значит—и народа. Весь буржуазный класс, все остатки феодально-собственнических классов, значительная часть мещанства и сельского населения столпятся тогда вокруг той буржуазной партии, которая на словах тогда будет наиболее революционной, и я считаю вполне возможным, что она будет представлена во временном правительстве и, может быть даже, на короткое время составит в нем большинство... Во всяком случае, наш единственный противник в момент переворота и на другой день после него—это группирующаяся вокруг чистой демократии реакционная масса, и это, я думаю, нельзя упускать из вида»[1].

Тот факт, что Германия совершила свою буржуазную революцию в ублюдочной монархическо-дворянской форме, не мог, конечно, не отразиться на узком и ограниченном применении буржуазной демократии. В цитированном отрывке Энгельс пророчески предсказал, что в Германии буржуазной демократии суждена лишь роль контр-революционного пережитка и временного прикрытия для организации белогвардейского наступления на пролетариат. В этой роли она и фигурировала фактически с 1918 по 1923 г.г. Эта «демократия», выступающая в качестве контр-революционного пережитка, в самом зародыше своем обращена своей бонапартистско-черносотенной стороной против рабочего класса.

Революционная критика буржуазной государственности и установление основных вех марксистского учения о пролетарской дик-

---

[1] Энгельс. Политическое завещание. 11 декабря 1884 г., стр. 13—14.

татуре у Маркса и Энгельса являются обобщением исторического опыта классовой борьбы. Они не выдумывают «конституции» для переходного времени, но ищут в высших формах классовой борьбы обобщенного и последовательного выражения революционных тенденций. Таков анализ Парижской Коммуны, данный Марксом в «Гражданской войне во Франции» и Энгельсом—во введении к этой работе; такова же замечательная «Критика Готской Программы» К. Маркса; таков же ход идей «Политического Завещания» Фр. Энгельса. Переход к пролетарской диктатуре они рассматривали как завершение восходящей линии буржуазно-демократической революции. Отсюда они делали вывод о необходимости борьбы за гегемонию пролетариата в деле руководства полупролетарскими и крестьянскими массами и считали пролетарскую диктатуру высшей ступенью этой гегемонии. Это-то и дает основание захудалому меньшевику Далину констатировать, что «в 40-х годах Маркс был большевиком» [1]. «40-е годы» приставлены не более, как для «литературного украшения»!

Только на Востоке Европы, в России, непосредственно произошел уже в другую историческую эпоху тот переход от буржуазно-демократической к пролетарской революции, который основатели научного коммунизма предполагали возможным в период 1848—1871 г.г. в Западной Европе. Тем не менее, новый фактор—империализм—сделал обязательным и для Западной Европы «русский пример» и тем самым направил и страны старой буржуазной цивилизации по пути, указанному во второй половине XIX столетия «большевиками», Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом.

Маркс и Энгельс ошиблись в конкретном расчете на восходящую линию революции в эпоху 1848—1871 г.г. Они переоценили революционную зрелость пролетариата, переоценили движущие силы революции той эпохи. У них не было перед глазами тех возможностей организационного роста рабочего движения вширь, которые позже составили главное завоевание эпохи Второго Интернационала. Им казалось, что тогдашнее развитие промышленного капитализма уже привело к созданию достаточно сильных исходных позиций для пролетарской революции. Однако, и в своих ошибках они были великими учителями. Нет ничего пошлее эти ошибки об'яснять обращением Маркса и Эн-

[1] «После войн и революций», стр. 178.

гельса вспять «от науки к утопии». Маркс и Энгельс видели свою революционную задачу в исчерпывающем использовании определенной исторической возможности. Осуществление этой возможности зависело от фактического хода и исхода классовой борьбы в Европе. Лишь история могла вынести приговор в окончательной форме. Даже после поражения 1871 года положение правящих классов не стало сразу достаточно устойчивым. Как же подходили Маркс и Энгельс к вопросу об условиях зрелости революции? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо принять во внимание, из каких исторических противоречий завязывался узел европейского революционного кризиса. Главным двигателем его была необходимость последовательной и беспощадной ликвидации всех пережитков дворянско-крепостнического строя в Центральной Европе. Во Франции борьба против господства финансово-ростовщической буржуазии подвела вплотную буржуазное общество к его коренному противоречию между трудом и капиталом. В наиболее промышленно-развитой стране, Англии, рабочее движение, в лице чартизма, от борьбы за всеобщее избирательное право перешло к открытой атаке против самого эксплоататорского господства. Дворянско - монархическая надстройка господствовала не только над пробужденными капитализмом силами внутри отдельных стран, но и над их взаимными, международными отношениями, над государственно-политическими делениями Европы. Европейская политическая карта существовала в том виде, как она была установлена «Священным союзом» на Венском Конгрессе 1815 года. Стремления к национально-государственному об'единению Германии, Италии и т. д. наталкивались не только на внутренние препятствия, но и на внешний гнет царской России, бонапартистской Франции, великодержавно-бюрократической Австрии. Вопрос о демократическом перевороте, национальный вопрос и «рабочий вопрос» составляли один общий международный переплет.

С другой стороны, промышленная революция, уничтожавшая мелкое производство и разорявшая промежуточные слои, непрерывно пополняла новыми кадрами недовольную армию мелкой буржуазии и в сугубой степени обостряла политическую борьбу за коренную революционную перестройку Европы. Она-то и распахивала почву для гегемонии пролетариата в условиях того времени. Уже создавшийся к тому времени мировой рынок под господством Англии стал потрясать Европу между-

народными экономическими кризисами. Таким образом, кризис отсталого политического и экономического уклада Европы осложнился рядом регулярно повторявшихся капиталистических кризисов. Во Франции болезнь картофеля и неурожаи 1845 и 1846 г.г., дороговизна 1847 года, а также влияние торгово-промышленного кризиса в Англии в 1847 году предшествовали революционному взрыву 1848 года. За кризисом 1847 года следовал кризис 1857 года в Англии, а затем 1866 года. Здесь не место вдаваться в описание экономических условий разбираемого периода, но несомненно, что судорожный характер развития мирового рынка той эпохи должен был оказать революционизирующее влияние на политическое состояние европейских стран.

Взвешивая шансы в пользу нового революционного под'ема в Германии в 1884 году, Энгельс недвусмысленно связывал свои надежды на него с бурным темпом промышленной революции.— «Наше большое преимущество»—писал он—«заключается в том, что у нас промышленная революция сейчас в полном разгаре, в то время как во Франции и Англии она, в сущности, закончилась, и сейчас там происходят только медленные изменения. Там люди в большинстве случаев уже с детства привыкают к условиям, в которых им потом приходится жить, и для них даже кризисы являются чем-то само собою разумеющимися. Кроме того, они не забывают прежних неудачных выступлений. У нас напротив, все еще в полном ходу... У нас больше промышленно-революционизированной территории, чем где бы то ни было... Сюда присоединяется то, что наш промышленный переворот, начатый революцией 1848 года, с ее буржуазными достижениями, был чрезвычайно ускорен, во-первых, устранением всяких внутренних стеснений, в период 1866—1870 г.г. и, во-вторых, французскими миллиардами, которые в конце концов получили капиталистическое применение. Так мы и очутились перед промышленным переворотом, который оказался серьезнее, глубже и захватил большее пространство, чем в какой-либо другой стране,— и это при совершенно свежем, нетронутом, еще не деморализированном поражениями пролетариате и при таком, благодаря Марксу—понимании причин экономического и политического развития и условий предстоящей революции, какого не имел никто из наших предшественников. Поэтому, мы обязаны победить» [1].

[1] «Политическое Завещание», 11 декабря 1884 г., стр. 11—12—13.

Всякий кризис существующего общественного строя должен быть использован пролетарской партией в расчете на восходящую линию революционного развития.

Таково было непоколебимое убеждение основоположников марксизма. Всякое историческое противоречие они неуклонно стремились развернуть в законченном виде, в революционной перспективе. 30 октября 1869 г., например, Маркс жалуется Энгельсу: «Поразительно плохо отвечали Вильгельм (Либкнехт) и другие на все завывания обывателей... Никому из них не пришло и в голову спросить либеральную воющую свору: а не существует ли в Германии, рядом с мелкой крестьянской собственностью, крупная земельная собственность, являющаяся основой пережитков феодального хозяйства, не нужно ли во время революции ее ликвидировать, если даже собираются покончить всего только с современным государственным порядком, и не следует ли это произвести устарелым способом 1789 г. Ничего подобного. Они верят обывательскому предрассудку, что земельный вопрос имеет непосредственно практический интерес только для Англии» [1].

Союз рабочего класса с крестьянством, на основе борьбы за раскрепощение земли от феодально-помещичьих пут, представлялся Марксу и Энгельсу главной предпосылкой для успеха пролетарской революции: «Весь ход дела в Германии будет зависеть от возможности оказать поддержку пролетарской революции, так сказать, вторым изданием крестьянской войны. Тогда все будет прекрасно» [2].

Наряду с крестьянским вопросом, национальный вопрос был другим рычагом революционного развития. В свое время Энгельс указывал, что «с конца средних веков история работает в направлении организации Европы в крупные национальные государства. Такие государства являются единственным типом государственного устройства, нормальным для правящей европейской буржуазии, а также непременной предпосылкой для установления гармонического международного взаимодействия, без которого немыслимо господство пролетариата. Чтобы обеспечить международный мир, прежде всего должны быть устранены все излишние поводы к националь-

---

[1] См. Письма, стр. 192.
[2] Маркс Энгельсу, 16 апреля 1856 г. «Письма», стр. 65.

ным трениям; каждый народ должен быть независимым, быть хозяином в своем доме» [1].

Осуществление права на национально-государственную самостоятельность и единство со стороны народов Европы предполагало революционную борьбу, в ходе которой должны были выдвинуться и укрепиться передовые пролетарские партии. С точки зрения восходящей линии революции оценивали Маркс и Энгельс лозунг революционной войны против царско-крепостнической России и, вообще, все международные военные осложнения того периода. Так они смотрели и на бисмарковскую попытку 1870—71 г. закончить национальную революцию сверху, сообразно с дворянско-монархическими и династическими интересами. Свою борьбу с дворянско-крепостническим национальным гнетом они связывали с борьбой против английского колониального гнета в Ирландии. Английское крупное землевладение, бывшее главным источником его, отнюдь не привлекало их своей более «цивилизованной» внешностью. Напротив того, они, исходя из более развитых классовых отношений в Англии, ставили специальной задачей рабочего класса освобождение Ирландии от рабской зависимости. «Если Англия является крепостью европейского лендлордизма и капитализма»—гласило обращение Генерального Совета Интернационала к Романскому Центральному Комитету в Женеве,— «то единственный пункт, откуда можно нанести сильный удар оффициальной Англии, представляет из себя Ирландия».

Причину поражения национальной революции в Европе Маркс и Энгельс искали впоследствии в условиях, приведших к поражению пролетариата, в той обстановке, которая помешала ему сыграть роль гегемона в разнообразных формах освободительного движения.

Для Второго Интернационала была показательной постановка вопроса о зрелости пролетарской революции исключительно в национальных рамках, с точки зрения достигнутого той или иной страной материального уровня.

Учителям международного рабочего класса такая постановка вопроса была совершенно чужда. Они, даже живя в условиях несравненно более отсталых, чем современные, неустанно защищали международную кооперацию в революционной борьбе— англий-

[1] Фр. Энгельс. «Сила и Экономика в образовании германской империи», стр. 16. Изд. «Красная Новь», 1923 г.

ского чартизма, французского рабочего движения, германского рабочего класса и т. д. В каждой из отдельных национальных ветвей революционного движения они выделяли, с одной стороны, общие элементы, а с другой, особенности, позволяющие дополнять недостатки отсталого национального уровня более богатым опытом передовой страны. События в Англии, Франции, Германии и Италии были для них единой цепью, отдельные звенья которой соединены между собой зависимостью от мирового рынка и международной политики. Более высокий уровень развития классовой борьбы в Англии и Франции, по их мнению, давал основание для развития революции по восходящей линии в Центральной Европе.

Маркс с возмущением цитировал абзац проекта Готской программы, говоривший, что «рабочий класс добивается своего освобождения прежде всего в рамках современного национального государства, сознавая, что неизбежным результатом усилий, общих у него с рабочими всех цивилизованных стран, будет международное братство народов». На это он отвечал: «В противоположность Коммунистическому Манифесту, в противоречии со всем развитием социализма, Лассаль рассматривал рабочее движение с узко-национальной точки зрения. За ним следуют даже в этом — следуют после деятельности Интернационала. Само собою разумеется, что для того, чтобы иметь возможность бороться, рабочий класс должен прежде всего организоваться в класс у себя, и что ближайшее поле сражения представляет для него его собственная страна. В этом смысле, не «по содержанию», а «по форме», как говорит Коммунистический Манифест, классовая борьба «национальна». Но «рамки современного национального государства», т.-е. германской империи, в свою очередь, заключены экономически в «рамки международного рынка», а политически в «рамки системы государств». Первый попавшийся коммерсант знает, что немецкая торговля есть в то же время внешняя торговля, и величие господина Бисмарка именно и состоит в «своего рода международной политике». И к чему же сводит немецкая рабочая партия свой интернационализм? К сознанию, что результатом ее усилий будет «международное братство народов», к фразе, заимствованной у буржуазной лиги мира и свободы, и долженствующей заменить действительное международное братство рабочих классов в их общей борьбе против господствующих классов и их правительств. Итак, ни слова, о международных функциях германского рабочего класса. Он должен в одиночку противо-

стоять как своей собственной буржуазии, уже побратавшейся с буржуазией других стран, так и ведущему политику международного заговора господину Бисмарку!» [1]

Пролетарская революция является международной не только по своим суб'ективным устремлениям, но и по своим об'ективным, материально-производственным и общественно-классовым предпосылкам. Она не только должна, вынуждена перешагнуть национальные рамки при первом же своем успехе, она подготовляется, имея своим фундаментом международное экономическое и политическое развитие. Самый прогресс капитализма в странах с разнообразными материальными условиями, с различным классовым строением общества, с особыми чертами политического развития и т. д.,—создает международное революционное разделение труда в рабочем движении. Национальная по форме односторонность и однобокость хозяйства, политических и культурных предпосылок преодолевается международной смычкой. Зрелость пролетарской революции определяется, во-первых, в зависимости от существующего соотношения между материальным уровнем производства и общественно-производственной организацией общества, в международном масштабе, во-вторых, в соответствии с наличным соотношением классовых сил в этих же международных рамках. С этим интернациональным мерилом следует подходить к конкретной обстановке в отдельных странах, ибо оно дает решающую оценку. В этом отношении особенно интересны соображения Маркса, высказанные им в письме к Энгельсу 8 октября 1858 г.

«Собственно задача буржуазного общества заключается в том, чтобы **установить мировой рынок,** хотя бы в общих чертах, и установить **производство, покоящееся на его основе.** А так как земля—шар, то, как мне кажется, с колонизацией Калифорнии и Австралии и с открытием дверей Китая и Японии, это дело закончено. Трудным для нас вопросом является следующий: на континенте революция неизбежна и примет немедленно социалистический характер. Не будет ли она в этом маленьком уголке неизбежно раздавлена в виду того, что на неизмеримо более широкой территории движение буржуазного общества все еще идет по восходящей линии» [2].

---

[1] К. Маркс. Критика Готской программы, стр. 22—23. Птр. 1919 г.
[2] «Письма», стр. 74—75.

Установление мирового рынка и производства, покоящегося на его основе, важно для решения вопроса о зрелости пролетарской революции потому, что при этом всякий глубокий кризис капиталистического способа производства распространяет свое революционизирующее действие на весь земной шар и, наоборот, всякий значительный революционный кризис в какой-нибудь одной стране сразу же приобретает международный вес, влияет на международную обстановку. С помощью мирового рынка осуществляется цепная связь между различными участками мирового хозяйства.

Указание Маркса на движение буржуазного общества по восходящей линии в большей части света представляет поистине гениальную догадку о возможности новой стадии капитализма, призванной еще более глубоко интернационализировать противоречия капитализма и соединить революционную борьбу колониальных народов против великодержавно-капиталистического гнета, под знаменем туземного буржуазного прогресса, с пролетарской революцией в передовых странах. В 1858 г. мысль об империализме могла быть только отдаленнейшей «музыкой будущего». Последующий ход истории доказал, что лишь империализм был в состоянии установить действительную международную базу для революционной борьбы против капиталистического господства не только в отсталых частях земли, но даже и в передовых странах.

Мы видим, что учителям революционного социализма в период бури и натиска в Европе казалось, что демократическая размежевка Европы по национально-государственному признаку будет необходимой и достаточной «предпосылкой для установления гармонического международного взаимодействия, без которого немыслимо господство пролетариата». В этом они ошиблись. Помимо того, что эта размежевка не удалась в необходимой мере, она не могла установить что-нибудь большее, чем простой параллелизм в ходе классовой борьбы отдельных стран. Второй Интернационал и стал координирующим и об'единяющим центром таких параллельных действий рабочих партий капиталистических государств. Действительно-единый международный пролетарский фронт мог быть продуктом только более тесной связи, вытекающей из общности об'ективных условий классовой борьбы.

В период 1848—71 г.г. не были зрелы, прежде всего, международные предпосылки пролетарской революции, а это было обусловлено тем, что капитализм имел еще перед собой обширную

внутреннюю и внешнюю территорию, по которой он мог совершать свое движение по восходящей линии. Ставка на разрушительное влияние промышленной революции была ошибочной не сама по себе [1], а потому, что эта революция, водворяющая капитализм на его историческом основании, еще не прошла своей части пути в Европе, еще не создала в достаточно широких размерах пролетариат,—«вышколенный, об'единенный и организованный самим механизмом капиталистического способа производства».

Завоевание командующих международных позиций еще предстояло. Без них же рабочий класс не мог воспользоваться в своих интересах капиталистической революцией в отсталой среде.

Курс на восходящую линию революционного развития есть основное тактическое правило марксизма. Тактическое искусство классовой борьбы есть лишь практическое применение научной теории классовой борьбы. Именно эта научная теория и формулирует основной закон классовой борьбы—ее движение по восходящей линии. «Что касается меня,—писал Маркс—то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собой. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы» [2].

Марксизм имеет свою внутреннюю логику, и эта логика—материалистическая диалектика—перекидывает мост между революционными потребностями борющегося рабочего класса и научной теорией, освещающей путь этой борьбы.

Критерием научной достоверности марксизма служит то, что он в качестве оружия борьбы проверяет на практике свои достижения, как орудия исследования. Такая же опытная

---

[1] Этого никогда не могли понять социал-демократические критики Маркса, бесконечно далекие от интернационализма.

[2] Письмо Вейдемейеру 5-го марта 1852 г. «Письма», стр. 42.

проверка применяется точным естествознанием в области технического подчинения стихийных сил природы. Полем исследования марксизма является стихийно возникающая и стихийно развивающаяся классовая борьба.

Революционно-марксистская тактика вносит сознательное руководство в стихийный ход классовой борьбы и направляет его по более экономному и короткому пути,—по восходящей линии.

III.

Формы борьбы и организация рабочего класса в эпоху Второго Интернационала.

Карл Каутский, в бытность его марксистом, умел понимать различие между революционным и реформистским типом рабочего движения.

В брошюре «Американский и русский рабочий» он проводил вполне правильное марксистское сравнение форм борьбы англосаксонского и российского пролетариата. Он отмечал, что монопольное положение Англии на мировом рынке обусловило консерватизм и цеховую ограниченность английского рабочего класса. «Правда, с тех пор, как Англия в 80-х годах потеряла свою гегемонию на всемирном рынке [1] и столкнулась с серьезным конкурентом в лице быстро прогрессирующих промышленных государств, антагонизм между пролетариатом и промышленным капиталом снова обострился. Но английские рабочие только с трудом решаются расширить свою борьбу против промышленных предпринимателей до пределов борьбы против всей системы капиталистической эксплоатации» [2].

Таково же было в 1906 г. положение и в Америке, где монопольное положение капитализма выростало из естественного богатства завоеванной им территории. На общественной психологии пролетариата оно отражалось в смысле подчинения всех его стремлений, в погоне за личной удачей.

Каутский указывал: «в то время, как огромная часть русского пролетариата преисполнена тем, что в настоящее время некоторые

[1] Только отчасти и в небольшой мере.

[2] «Американский и русский рабочий», стр. 17. Изд. «Знание» Петербург, 1906 г.

из наших товарищей презрительно называют «революционной романтикой», масса американских рабочих до сих пор еще заражена духом «здоровой реальной политики», приводящей в восторг тех же наших товарищей, — той политики, которая преследует лишь ближайшие и непосредственно осуществимые задачи. Это различие воззрений и настроения рабочего класса в России и Америке проистекает не из различия расового характера, а из различного здесь и там хода исторического развития. Русский рабочий воспитывается в стране, где варварство восточного деспотизма вооружено всеми средствами власти, выработанными абсолютизмом в XVIII веке; в рамках этого абсолютизма развился капиталистический способ производства. Как только среди пролетариата началось движение, он тотчас на каждом шагу стал наталкиваться на почти неопреодолимое препятствие, — на собственной шкуре он испытал все безумие такого государственного строя, он научился его ненавидеть и был поставлен в необходимость вступить с ним в решительную борьбу. Реформировать подобные порядки не было никакой возможности, единственным выходом может быть только полное ниспровержение существующего политического строя. Так, сама жизнь воспитывает в русском рабочем инстинктивного революционера, с воодушевлением воспринимающего сознательно-революционное учение; последнее только ясно и точно формулирует то, что он уже и сам смутно чувствовал и понимал... Ничто в такой степени не содействует духовному росту человека, как революционное мышление, ибо ничто не ставит ему более высоких целей. Революционно-мыслящий человек постоянно имеет в виду все государство и общество в его целом; не забывая о мелочах повседневной жизни, он, однако, не останавливается на них, он видит в них лишь части великого целого и отводит им в этом целом подобающее место; прежде всего, он изучает взаимодействие целого и его частей и, таким образом, научается правильно их оценивать и воздерживаться от всяких иллюзий насчет их значения» [1].

Революционная психология и способность к революционному мышлению рождаются на почве непримиримого расхождения различных элементов исторического развития. Тогда как так называемым, «органическим» эпохам присущ медленный постепенный

[1] «Американский и русский рабочий», стр. 31—32.

ход, «критические» эпохи отличаются быстрым накоплением классовых противоречий и бурным выступлением их на поверхность общественной жизни. В обозрении «Новой Рейнской Газеты» в 1850 году Маркс и Энгельс заявляли: «При этом всеобщем под‘еме промышленности, когда производительные силы буржуазного общества расцветают настолько пышно, насколько это вообще возможно при буржуазных отношениях, ни о какой настоящей революции не может быть и речи. Такая революция возможна только в периоды, когда *оба эти фактора*—современные производительные силы и буржуазные формы производства—*становятся в противоречие друг к другу*».

Само собою разумеется, что революционные потрясения не обязательно совпадают со всяким *данным* экономическим кризисом, но всегда их источник коренится в растущем несоответствии между потребностями развития производительных сил и враждебной им общественной формой. Единое и *целостное* понимание движущих сил истории возможно лишь тогда, когда сама обстановка общественной жизни *в сгущенном, концентрированном виде* представляет противоречие между отжившим строем и общественными потребностями. Реформистскому штопанью дыр старого строя тут нет места. Каждое частичное требование, каждый частичный успех борьбы в такой обстановке образуют исходную позицию для дальнейшей борьбы. Формы классовой борьбы соответствуют бурному проявлению классовых противоречий. Взгляд не приковывается к какой-нибудь отдельной точке, к какому-нибудь «копеечному интересу», но охватывает весь театр военных действий. Самый «копеечный интерес» двигает борьбу за рамки, устанавливаемые им. Революционное движение само преодолевает недостаточность тех форм борьбы, которые оно применяет для достижения первоначальных успехов, и, преодолевая их, оно выставляет новые, более высокие требования.

Второй Интернационал действовал в *период органического развития капитализма по восходящей линии*, т. е. в той обстановке, когда несоответствие между существовавшей общественной формой производства и ростом производительных сил не прорывалось еще резко наружу. Напротив того, поступательное движение капитализма, выражавшееся в концентрации капитала и растущей зависимости от него мелкого производства, способствовало расширению сферы экономической борьбы пролетариата и увеличению его политического удельного веса при выбо-

рах в парламент. Победы капитализма расчищали путь следовавшей по его пятам социал-демократии. Движению капитализма по восходящей линии соответствовал организационный прогресс рабочего движения, рост социал-демократии и профсоюзов. Этот параллелизм путей развития буржуазной цивилизации и пролетариата в рамках известного исторического промежутка внушил мысль о предустановленной гармонии интересов между капитализмом и рабочим движением. Она легла в основу всего реформистского «пересмотра» марксизма. Ревизионисты, с трагическим жестом людей, измученных бесплодной теоретической «словесностью», отбросили идею пролетарской социальной революции и провозгласили мирное и безмятежное «вростание» социализма в буржуазное общество.

Ревизионисты пред'явили марксизму обвинение в фаталистическом взгляде на историю. На самом деле, именно их воззрения были насквозь проникнуты либерально-буржуазным фатализмом. Ревизионисты приняли в учении Маркса и Энгельса единственно теорию развития промышленного капитализма и то с поправками и ограничениями, исключающими всякую революционную перспективу. Сохранение мелкого хозяйства в земледелии и отчасти в промышленности они противопоставили исторической тенденции к машинизации и обобществлению народного хозяйства. Эдуард Бернштейн доказывал: «Уничтожение феодализма произошло совершенно иным образом, чем мы обыкновенно предполагаем и чем предполагали еще Маркс и Энгельс в эпоху выработки своей теории. Когда феодализм пал, буржуазная собственность была уже вполне развита. По всем признакам, падение капиталистической собственности совершится тем же путем. Коллективная собственность разовьется не вследствие насильственного уничтожения капиталистической собственности, но, обратно, последняя исчезнет, когда коллективная собственность достигнет высокой ступени развития» [1].

Об'являя каждое хозяйственное предприятие буржуазного государства или местного самоуправления «кусочком социализма», ревизионизм откровенно высказывал свою цель, кроющуюся за этим. «Кусочки социализма» должны были сыграть роль манны небесной в деле облегчения пролетариату странствия по капиталистической пустыне. Разбивая социализм на кусочки буржуазных

[1] Эдуард Бернштейн. Очерки по теории и истории социализма, стр. 377.

реформ, ревизионизм стремился обезопасить буржуазное общество в целом от угрозы социальной революции.

Ревизионистский метод исследования был приспособлен к этой практической цели притупления классовых противоречий. К этому сводился пересмотр марксистской теории о концентрации классовых противоречий на всей территории буржуазного общества. «Очевидно, что при раздроблении промышленных, сельскохозяйственных и торговых предприятий», — писал Бернштейн, — «социал-демократия, единственная партия, которая в виду происходящего развития партий в Германии, может стать у кормила правления в случае переворота — очутится перед неразрешимой задачей. Она не будет в состоянии одним декретом устранить капитализм [1], не в состоянии даже обойтись без него и в то же время она не будет в состоянии обеспечить ему ту уверенность в своей прочности, в которой он нуждается для выполнения своих функций» [2]. В 1898 г. даже Бернштейн, при всем его буржуазном оптимизме, не мог предвидеть, что впоследствии поддержка этой «уверенности» в капиталистах станет главной задачей социал-демократии.

Возражая Бернштейну, Роза Люксембург не даром подмечала, что «наиболее общей предпосылкой теории Бернштейна является приостановка капиталистического развития» [3].

— «Мгновение, остановись! Ты, прекрасно!» Ревизионизм искал способа увековечения капиталистического господства и вполне последовательно, со своей точки зрения, выбрасывал за борт развитие классовой борьбы.

«Классовая борьба между рабочими и капиталистами», — поучал он, — «остается (!) классовой борьбой и в том случае, если она совершается не на улицах, а в законодательном собрании и в органах самоуправления и проявляется не в периодических забастовках рабочих союзов, но в постоянных организованных смешанных комитетах для установления заработной платы» [4]. Бернштейн загодя благословил колониальную политику империализма и предвосхитил на 20 лет «оригинальный» довод Карла Каутского против Советской Власти, состоящий в том, что пролетарская революция, разрушая капиталистическое производство, уничтожает и собственный фундамент!

---

[1] Как это смахивает на Каутского 1914—23 г.г.!

[2] Там же, стр. 218.

[3] Р. Люксембург. Реформа или Революция. Изд. «Пролетарий», 1923 г., стр. 50.

[4] Э. Бернштейн. »Очерки», стр. 305.

— «Если предположить, что все капиталисты будут экспроприированы, так сказать, одним ударом, то этим самым предполагают, что все рабочие сразу перестают быть пролетариями в смысле теории, и поэтому подвергаются опасности лишиться (!) тех нравственных побуждений, которые развиваются в них специфическим капиталистическим противоречием» [1].

Итак, во имя сохранения своих «нравственных» качеств рабочий класс не должен расставаться с капиталистическим рабством. Как белка в колесе он должен вечно вращаться в кругу частичных требований и буржуазных реформ.

Мирной эпохе органического развития капитализма соответствует известная, исторически-преходящая форма взаимоотношений между экономикой и политикой. Поскольку капиталистическая организация хозяйства находится в состоянии более или менее устойчивого равновесия, политический гнет капитала скрывается за экономической необходимостью, заставляющей рабочего автоматически подчиняться буржуазным условиям производства и распределения. Коллективная рабочая сила пролетариата входит составной частью в общую массу производительных сил. До тех пор, пока нормальное функционирование капиталистического производства и его постепенный рост служат условием материального воспроизводства рабочей силы; пока, грубо выражаясь, капитализм способен еще прокормить основную массу рабочей силы, коренная классовая противоположность между наемным трудом и капиталом не выявляется в законченной, зрелой и всеоб'емлющей форме. Капитализм в этот период выполняет подготовительную революционную задачу постепенного собирания рабочего класса. Государственная власть буржуазии выступает блюстителем только общих условий капиталистического производства, и, так как классовая борьба на экономической почве выражается в ряде частичных столкновений на отдельных заводах и по отдельным профессиям, государство,— орган классового господства капитала—может еще рядиться в мантию высшего третейского судьи в споре между различными общественными группами. Здесь-то и берет свое начало реформистская теория примирения классовых интересов с помощью государства. Государство является надстройкой над экономикой и всегда остается таковой, но в описанной об-

[1] Э. Бернштейн. «Очерки», стр. 272.

становке обратное влияние государственной надстройки на экономический фундамент происходит гораздо незаметнее, чем в революционные эпохи, когда вся сила классовых противоречий непосредственно сосредоточивается против государственной власти господствующего класса. Своекорыстно-классовое вмешательство эксплоататорского государства происходит в замаскированном виде. Автоматически действующее, подобно часовому механизму, экономическое принуждение вырабатывает в общественной психологии устойчивый рефлекс подчинения: «не нами началось общественное неравенство, не нами и кончится».

Лассалевский проект устройства производительных товариществ при поддержке прусского буржуазно-помещичьего государства был отражением своей эпохи. Маркс высмеивал этот проект за его крохоборчество, прикрытое в Готской программе каучуковой фразой «о государственной помощи под демократическим контролем рабочего народа».—«Что же это за «народовластный контроль рабочего народа?» Рабочего народа, который этими требованиями, пред'являемыми им к государству, высказывает свое полное сознание, что он не находится у власти и не созрел для этого»[1].

Точно так же, как Лассаль и его единомышленники, ставили и реформисты вопрос о «демократическом контроле» над всякого рода государственными и муниципальными предприятиями.

В эпоху органического роста промышленного капитализма единственной ареной массового, хотя и частичного, столкновения интересов труда и капитала в открытой форме является экономическая борьба.

Блаженной памяти российские «экономисты», возглавлявшиеся Е. Кусковой и С. Прокоповичем, были только подражателями западно-европейского ревизионизма. Ревизионизм об'явил борьбу «за пятачковые интересы» высшей ступенью рабочего движения, подчиняющей своим задачам все другие виды его, включая и политическое движение. Организационным выводом из этого было провозглашение политического нейтралитета профессиональных союзов и противопоставление их политической партии. Штопанье прорех капитализма с помощью демократии следовало из этого как общеполитический вывод. Принижение рабочего движения до самого элементарного уровня составляло главную особенность ре-

---

[1] К. Маркс. Критика Готской программы. Госиздат, 1923 года, стр. 66.

визионизма. Г. В. Плеханов писал про «экономистов», что они обращают свои взоры «на заднюю» рабочего класса. И это целиком приложимо к их учителям Бернштейну и компании.

Ревизионисты не случайно брали за образец английский трэд-юнионизм с его цеховщиной и либеральной ограниченностью интересов. В английском трэд-юнионизме воплотился тот тип рабочего движения, который выражает его реакционную отсталость, поддерживаемую монопольным положением рабочей аристократии на рынке труда и подкупом ее капиталистами за счет колониальной сверх-прибыли. Развивающаяся тут борьба против промышленного капитала мирно уживается с участием рабочей аристократии в империалистическом грабеже финансового капитала. Спор идет о переделе монополистической сверх-прибыли. Как раз при таком положении широкой массой рабочего класса усваивается взгляд на рабочее движение, как на простой придаток буржуазного общества. Предполагается, что между классами буржуазного общества царит гармония интересов, покоящаяся на «нормальном разделении труда» и нуждающаяся лишь в маленьких и ничтожных поправках. Стоя на почве буржуазного господства, пролетариат не в состоянии осознать себя как класс. Пока он не покидает этой почвы, он продолжает оставаться профессионально цеховым подразделением буржуазного общества,— не более.

В эту точку били российские «экономисты», когда они писали: «Марксизм нетерпимый, марксизм отрицающий, марксизм примитивный (пользующийся слишком схематичным представлением классового деления общества) уступит место марксизму демократическому, и общественное положение партии в недрах современного общества должно резко измениться. Партия признает общество; ее узко корпоративные, в большинстве случаев, сектантские задачи расширяются до задач общественных, и ее стремление к захвату власти преобразуется в стремление к изменению, к реформированию современного общества в демократическом направлении приспособительно к современному положению вещей, с целью наиболее удачной, наиболее полной защиты прав (всяческих) трудящихся классов» [1].

[1] «Credo». См. В. Астров. «Экономисты» — предтечи меньшевиков. Москва, 1923 г., стр. 139.

Ревизионизм представляет собой буржуазное влияние на пролетариат. Он укорачивает, урезывает, притупляет и принижает классовую борьбу до уровня буржуазных интересов.—«В чем заключается его неизбежность в капиталистическом обществе? Почему он глубже, чем различия национальных особенностей и степеней развития капитализма? Потому, что во всякой капиталистической стране рядом с пролетариатом всегда стоят широкие слои мелкой буржуазии, мелких хозяев. Капитализм родился, и постоянно рождается, из мелкого производства. Целый ряд «средних слоев» неминуемо вновь создается капитализмом (придаток фабрики, работа на дому, мелкие мастерские, разбросанные по всей стране, ввиду требований крупной, напр., велосипедной и автомобильной индустрии и т. д.). Эти новые мелкие производители также неминуемо опять выбрасываются в ряды пролетариата. Совершенно естественно, что мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в широких рядах рабочих партий. Совершенно естественно, что так должно быть и будет всегда вплоть до перипетий пролетарской революции, ибо было бы глубокой ошибкой думать, что необходима «полная» пролетаризация большинства населения для осуществимости такой революции» [1].

Классовое расчленение общества глубже национальных особенностей развития капитализма в различных частях мирового хозяйства. Пролетариат в буржуазном обществе пребывает не только под постоянным гнетом экономической эксплоатации и государственного принуждения, но и под непрерывным давлением «переходного класса» мелкой буржуазии. Попадая в лагерь наемного труда, пролетаризированная мелкая буржуазия, начинает свое обучение классовой борьбе с азбуки, с «пятачковых интересов». Она начинает эту борьбу с представлениями мелкого частного собственника, она не может проникнуться сразу сознанием общественно-революционной роли пролетариата в производстве, «демократия» же привлекает ее своими иллюзиями относительно чудотворной силы большинства,—pouvoir du nombre [2]. Ее влияние на рабочий класс тем более основательно, чем более сильны профессионально-цеховые разделения в рабочем классе, чем более

---

[1] Ленин. Марксизм и Ревизионизм. Сборник П«амяти Карла Маркса». Москва, 1923 г., стр. 138—139.

[2] «Могущества числа».

близки к мелко-буржуазному уровню существования отдельные категории рабочих, словом, чем более значительна и влиятельна рабочая аристократия в рядах пролетариата. Последняя же укрепляется на основе капиталистической монополии, которая развивается еще в рамках промышленного капитализма из свободной конкуренции.

Немецкий социал-демократический реформизм не мог обойтись без теоретического боя с марксизмом в силу того «частного» исторического обстоятельства, что в Германии марксистская традиция была продуктом предшествующей эволюции. Три четверти XIX века в Германии теоретическая мысль имела прочный перевес над скудной общественной деятельностью, благодаря господству абсолютизма и национально-государственной раздробленности.

Однако, немецкий ревизионизм теоретически обобщил мелкобуржуазный уклон в международных условиях рабочего движения мирной эпохи.

Его «теоретический» налет об'яснялся не общими свойствами «немецкого духа», а ограниченностью парламентско-демократических возможностей в буржуазно-помещичьей монархии Гогенцоллернов.

Превознесение ревизионистами пятачковой «экономики» над непримиримой политикой проистекало из урезанной роли масс в рабочем движении периода победившего и развивающегося промышленного капитализма. Массы оперируют на главных классовых позициях, на политической арене, в революционные эпохи. В «органические» эпохи им отведено место за кулисами. Они действуют как таковые, только на поприще частичной экономической борьбы. Разнообразные избирательные компании в парламент или органы местного самоуправления выводят их на политическую арену в распыленном виде. Хитрая механика буржуазного парламентаризма разрешает им, только идя врозь, вместе быть.

«Разделяй и властвуй!» — Этот неизменный принцип всех господствующих классов ревизионизм принял за жизненный принцип самого рабочего движения. Социальную разношерстность массы мелкобуржуазных попутчиков он перенес на рабочий класс в целом, утверждая, что «именно в наиболее развитых фабричных индустриях господствует целая иерархия диффере-

цированных рабочих, между группами которых царит лишь весьма умеренное чувство солидарности» [1].

Ревизионизм этим не удовлетворился. Он изобразил целую историческую перспективу разложения рабочего класса по мере его приближения к конечной цели:

«Если сосчитать всех неимущих, всех тех, которые не имеют дохода ни с имущества, ни в силу привилегированного положения, то пролетариат, конечно, составит абсолютное большинство населения в передовых странах. Но в таком случае этот «пролетариат» представит собой смесь чрезвычайно разнообразных элементов или слоев, которые еще больше разнятся между собой, нежели «народ» 1789 г., и которые хотя, при существующих отношениях собственности, имеют больше общих или, по крайней мере, одинаковых интересов, нежели противоположных, однако, по устранении или экспроприации нынешних имущих или господствующих классов, весьма скоро сознают различие своих потребностей и интересов» [2]. Выставляя буржуазную демократию, как средство притупления классовой борьбы, ревизионисты вполне последовательно ждали от ее успехов распада пролетариата изнутри «на первоначальные множители».

— «Если английскому трэд-юнионистскому движению и присуща некоторая цеховая черта, то она гораздо меньше представляет собой наследие старого цехового строя, который в Германии, во всяком случае, просуществовал гораздо дольше, чем в Англии, нежели продукт, главным образом, англосаксонской свободы, т. е. того обстоятельства, что английский рабочий класс никогда (!?), даже в период запрещения коалиций, не состоял под ферулою полицейского государства. При свободе развивается сознание обособленности или, употребляя выражение Штирнера, Eigenheit» [3].

Будучи сознательными проводниками мелкобуржуазного вырождения социал-демократии и рабочего класса, ревизионисты, в своих теоретических построениях, предсказали будущий позор-

---

[1] Эд. Бернштейн. Социальные проблемы (условия возможности социализма и задачи социал-демократии). Изд. «Популярно-научной библиотеки». СПБ. 1906 г., стр. 125.

[2] Эд. Бернштейн. Там же, стр. 125.

[3] Эд. Бернштейн. Там же, стр. 126. Не имея под руками другого перевода, мы вынуждены цитировать по этому, весьма плохому. Eigenheit означает «самость», индивидуальность.

ный провал Второго Интернационала, вызванный засилием рабочей бюрократии и рабочей аристократии [1].

Бернштейн и компания, вздыхая об ублюдочности парламентской демократии в Германии, сожалели, главным образом, об урезанных возможностях подкупа и развращения пролетариата капиталистами!

Их утешением была лишь «теоретическая» возможность такого проституирования рабочего движения:

— «Французам и русским подвластна земля,
«Британцам все море покорно,
«Но в царстве воздушном мечтательных грез
«Владычество наше бесспорно» [2].

«Политика» и в рабочем движении образует надстройку над «экономикой».

«Мирной» эпохе экономической борьбы за пятачковые интересы «соответствует» парламентско-реформистское крохоборчество, в особенности там, где разрозненность рядов рабочего класса освобождает вождей от всякого пролетарского, партийного и иного, контроля. Точно так же, как при господстве промышленного капитализма обратное воздействие буржуазной государственной надстройки на экономический фундамент ограничено общими интересами капитала, в рабочем движении этого периода обратное воздействие парламентской политики на экономику частичной борьбы сужено и укорочено «пятачковыми интересами», имеющими под собой массовую базу.

Это-то и облегчает проведение разлагающего влияния буржуазно-демократического соглашательства на рабочие массы.

Во Втором Интернационале, германская социал-демократия, не случайно занимала главенствующее место, не случайно революционно-марксистское крыло его всегда ставило ее в пример другим.

В большей степени, чем все другие западно-европейские партии Второго Интернационала, германская социал-демократия,—благодаря своей работе под гнетом буржуазно-помещичьей монархии, лишь прикрытой парламентскими формами,—была чужда буржуазно-демократических иллюзий. Это и было, в свое время, причиной бессильной злобы немецких ревизионистов против германского рабочего движения вообще,—за перевес в нем партийно-

[1] См. Г. Зиновьев. Война и кризис социализма. Птг. 1920 г. Гос. Издат.
[2] Генрих Гейне. «Германия», пер. Вейнберга.

политического влияния над узким цеховым профессионализмом английского типа. До тех пор, пока в ней не обнаружились первые признаки внутреннего разложения, она превосходила типом своей массовой организации все другие «национальные» отрасли международного рабочего движения. Ее историческое развитие под влиянием идейной традиции марксизма давало ей несомненное преобладание над англо-саксонским практицизмом и французской либерально-анархической поверхностностью.

Гегемония германской социал-демократии во Втором Интернационале вытекала из исторического характера той эпохи, в которую он действовал. С точки зрения рабочего класса на долю победившего тогда промышленного капитализма выпала историческая задача политическо-воспитательной и организационной подготовки пролетариата к социальной революции.

Германский промышленный капитализм вышел на мировой рынок много позже других и должен был проявить особую гибкость и приспособляемость на почве международной конкуренции. В отличие от английского и французского капитализма, его быстрый рост и под‘ем не задерживался, благодаря уже завоеванному монопольному положению в колониях, или на арене деятельности ссудно-ростовщического капитала. Он этого положения не имел, и ему было необходимо завоевать свое «место под солнцем», с помощью свободной конкуренции, не пользуясь поддержкой никаких исторических привилегий. Он не мог сразу создать монопольного положения на рынке труда для лучше оплачиваемых групп рабочего класса. В его распоряжении не было монопольной сверх-прибыли для подкупа и приручения этих групп.

Германская социал-демократия, поднявшаяся на плечах этого быстро растущего и всесторонне развивающегося классического промышленного капитализма, в несравненно большей степени, чем социал-демократия всякой иной страны Западной Европы и Америки, смогла усвоить историческую задачу своей эпохи в области собирания разрозненных масс пролетариев в единый класс. Равномерное и соразмерное во всех своих главных частях развитие промышленного капитализма, служило предпосылкой равномерного и

соразмерного роста различных отраслей рабочего движения,

Приглядимся ближе к задаче организационно-политической подготовки пролетариата.

Составные элементы общеклассовой организации пролетариата вырабатываются в ходе классовой борьбы. Первичная ступень временного и местного об'единения рабочих, стачка в отдельном цеху, на заводе или в целом городе. От стачки путь об'единения рабочего класса идет к профессиональному союзу, а позже к союзу производственному, руководящему экономической борьбой рабочих целой профессии или отрасли производства. Экономическое об'единение основных производственных групп пролетариата образует предварительную ступень для об'единения политического на основе общеклассовых интересов.

Описывая путь борьбы рабочего класса за свою организацию, Маркс и Энгельс рисовали следующую картину: «Рабочие начинают устраивать коалиции для совместной борьбы против буржуа; совокупными силами отстаивают они свою заработную плату. Они устраивают даже постоянные ассоциации, которые могли бы поддерживать их в минуты активной борьбы. Местами эта борьба переходит в восстания. Иногда рабочие остаются победителями, но не надолго. Существенным результатом их борьбы является не непосредственный успех, но все более возростающее сплачивание их между собой. Ему способствует вызываемое развитием крупной промышленности улучшение средств сообщения, которое приводит в соприкосновение рабочих различных местностей. Только это соприкосновение и нужно, чтобы борьбу рабочих отдельных местностей, повсюду носящую один и тот же характер, превратить в национальную классовую борьбу. Но всякая классовая борьба есть борьба политическая. И об'единение, для которого средневековым гражданам, с их проселочными дорогами, нужны были столетия, совершается современными рабочими в немногие годы, благодаря железным дорогам.

Эта организация пролетариев в отдельный класс, а вместе с тем и в политическую партию, ежеминутно разбивается конкуренцией рабочих между собой. Но она возникает снова и снова, каждый раз крепче, сильнее, могущественнее. Пользуясь взаимными несогласиями различных слоев буржуазии, она добивается

признания некоторых интересов рабочих в форме закона»[1].

Если стихийный ход классовой борьбы ведет к периодической смене эпох под'ема и упадка, то организация рабочего класса служит постоянным хребтом классовой борьбы, постоянным оружием ее, сберегающим трату боевой энергии. При отступлении она сохраняет накопленный опыт и обученный кадр, при наступлении предоставляет стихийному движению готовый мобилизационный аппарат, командный состав и военный штаб.

Партия и профсоюз суть основные формы организации пролетариата при господстве капиталистического строя. Вокруг партии и профсоюза разрастаются подсобные формы организации—рабочая потребительская кооперация, рабочие просветительные общества и клубы, спортивные рабочие союзы и т. д.

Партия, как орган, выражающий общеклассовые интересы, об'единяет руководство всеми видами рабочих организаций, организуя в них свои фракции и стремясь через них утвердить свое влияние на всю массу рабочего класса. Она выделяет органы общеклассового представительства в рамках буржуазного парламентаризма, обеспечивая создание рабочих партийных фракций в общегосударственном парламенте и местных самоуправлениях. Через эти фракции она использует противоречия интересов в среде правящих классов, для борьбы за частичные реформы. Через них же она разоблачает правительственную политику.

Вся эта сеть организации предназначена для одной общей цели — для организации пролетариев в отдельный класс, сознающий свои революционные интересы. Такова «черновая» работа, подготовляющая «суб'ективный фактор» пролетарской революции, об'единение и революционизирование рабочего класса. Охватывая организационно и политически массы рабочего класса, партия стремится этим путем внушить им целостное и всестороннее понимание условий освобождения пролетариата.

Однако, ей удается это лишь постольку, поскольку классовая борьба скрепляет об'единенный фронт рабочих организаций и прочно связывает их с широкой массой рабочего класса.

В эпоху Второго Интернационала, наряду с классическим рабочим движением германского типа, выделяются своими особыми чертами, с одной стороны—рабочее движение англо-

[1] «Коммунистический манифест». Пер. под ред. и с примечаниями Д. Рязанова. Изд. «Моск. Рабочий». 1922 г., стр. 30—31.

саксонских стран, с другой стороны—французское рабочее движение.

Характерные особенности первого мы уже разобрали. Тем не менее, здесь, к общему описанию его мелкобуржуазно - цеховой ограниченности следует еще добавить характеристику его политической организации. Эта организация целиком отвечает низкому уровню классового об'единения в английском рабочем движении. Labor Party — «Рабочая партия» или, точнее, «Партия Труда», существующая еще и поныне, не представляет собой партии в собственном смысле. Она организовалась путем об'единения профессиональных союзов вокруг парламентского представительства. Членами ее являются все члены профсоюзов, входя в состав «Рабочей Партии» автоматически, на основании своего профсоюзного членства. Организационно она не централизована и построена как федерация различных профессиональных об'единений. Точной и определенной программы она не имеет и служит исключительно для проведения своих депутатов в английский парламент и для чисто-парламентской защиты рабочих интересов. В течение пары десятков лет она выступает в качестве придатка либеральной партии. Об'единяя широкие массы рабочих, она не может быть, однако, признана классовой партией — авангардом пролетариата. «Рабочая Партия» есть коалиция самых разнообразных рабочих элементов под политическим руководством рабочей аристократии. Ее политическая деятельность и организационное построение отражают тот перевес «экономики» пятачкового интереса над самостоятельной классовой политикой, который указывает на классовую незрелость движения. Гегемония рабочей аристократии накладывает на «Рабочую Партию» неизгладимый отпечаток собачьей старости, об'ясняющийся победой капиталистической монополии над общностью классовых интересов пролетариата.

Англия была первой страной, где началось классовое пробуждение рабочих. Чартистское движение проложило социализму путь от утопии к науке. Но, приоткрыв предохранительный клапан эмиграции, британская буржуазия сумела своевременно избавиться от тех, кто мог бы поддержать революционную чартистскую традицию в рабочем движении.

Новое движение, выросшее к концу XIX века, развилось на экономическом базисе, изборожденном и расколотом профессионально-цеховыми противоречиями.

Что касается Франции, то она, на протяжении всего XIX столетия, была прибежищем мелкобуржуазного «социализма» манеры Луи Блана и мелкобуржуазного анархизма прудоновского толка. Для этого были на-лицо глубокие экономические причины. «Не промышленность собственной страны разорила французского ремесленника, а иностранная промышленность, прежде всего, Англии. Не в образе фабричного предпринимателя выступил против французского пролетария его эксплоататор, но в лице купца, раздатчика работы на дому, ростовщика»[1].

Французская промышленность вплоть до войны 1914 г. не могла утратить своего отсталого и децентрализованного облика. Непропорционально - чрезмерный рост ссудно - ростовщического банковского капитала, ставшего предметом вывоза заграницу раньше, чем где либо, создал у имущей верхушки прямую заинтересованность в сохранении мелкого хозяйства, как источника сбережений, пускаемых в оборот крупными банками. Режим финансовой олигархии, задрапированный республиканскими занавесками, стал коренной причиной непреодолимой слабости пролетариата. Распыленный по мелким мастерским и предприятиям, утопающий в мелкобуржуазной массе населения и придавленный «демократической» диктатурой финансовой олигархии, пролетариат оказался не в силах овладеть ни оружием экономической борьбы, ни избирательной запиской на парламентских выборах[2]. Расхождение экономики и политики в рабочем движении приняло роковые для пролетариата размеры. На политической арене французский рабочий класс был подавлен силой большинства мелкобуржуазной демократии.

Вынужденный в этой области прибегать к идейной помощи выходцев из буржуазной интеллигенции и не будучи в состоянии подчинить ее пролетарскому руководству и дисциплине, он неизбежно становился жертвой буржуазно-демократического карьеризма различных Мильеранов, Брианов, Вивиани и т. п. Последние выскакивали к власти, употребляя пролетарскую спину, как трамплин. Сначала они ратовали за участие социалистов в правительстве, потом открыто переходили в лагерь буржуазии. Таким образом, во французском рабочем движении партийная политика

---

[1] Gustav Eckstein. Marxismus in der Praxis. Marx-Studien. Vierter Band. Wien 1918. Seite 13.

[2] Это мы еще отмечали в 1915 году в подцензурном журнале «Летопись», «Н. Егоров. Письма из Франции».

вместо того, чтобы служить организации пролетариата в класс, служила прямой дезорганизацией рабочего класса. Реакция на министериализм и беспардонное сотрудничество классов проявились в анархо-синдикализме. И она не усилила, а еще более обессилила экономическую борьбу французских рабочих.

Слабость французскаго пролетариата всегда в первую голову выражалась в ничтожной численности его организаций, в организационной раздробленности его и обилии сект в его рядах. Как раз эту сторону французского рабочего движения и воплотил в себе синдикализм. Инстинктивное отвращение к политике, превратившейся в жалкий привесок буржуазного политиканства, толкнуло массы в его об'ятия. Пресловутая «Амьенская Хартия», принятая на конгрессе Всеобщей Конфедерации Труда в октябре 1906 г., гласила: «В повседневной борьбе синдикализм стремится к согласованию рабочих усилий, к увеличению благосостояния рабочих посредством достижения немедленных улучшений, как то: сокращение продолжительности рабочего дня, увеличение заработной платы и т. д. Но эта деятельность является лишь одной стороной синдикализма; синдикализм подготовляет полное освобождение пролетариата, которое может осуществиться только путем экспроприации капиталистов. Средством для достижения этой цели синдикализм признает всеобщую стачку. Он полагает, что синдикат, ныне союз борьбы, — в будущем станет органом, ведающим производством и распределением продуктов—основой социального преобразования».

Отсутствие массовой опоры и децентрализация во французском профессиональном движении были следствием недостаточной производственно-территориальной концентрации кадров пролетариата. Незрелость материальных условий и суб'ективных предпосылок мешала действительно-самостоятельной деятельности рабочего класса на политическом поприще. Синдикализм «из беды сделал добродетель» и возвел в принцип эту низкую и недостаточную степень классового об'единения. Он об'явил синдикат ячейкой будущего общества, отбросив в сторону всякую возможность дальнейшей классовой концентрации интересов пролетариата в рамках буржуазного строя. Идею всеобщей стачки, как единоспасающего средства, он противопоставил исторически-закономерному ходу классовой борьбы, высшей ступенью которой является пролетарская диктатура. Он пошел по линии наименьшего сопротивления, и вся его теория по сути дела была призывом

к рабочим массам — пассивно отсиживаться в «экономических» окопах, пока не произойдет чудо—всеобщая стачка. Теоретик синдикализма Жорж Сорель раскрыл этот секрет синдикалистской тактики, признав всеобщую стачку «социальным мифом». Однако, такая постановка не могла не привести к самым пагубным последствиям. Еще до войны во французском рабочем движении установилось молчаливое разделение труда между парламентско-демократическим реформизмом, обнаружившим подозрительную заботу о политической нейтральности профсоюзов, и анархо-синдикализмом, отстаивавшим принцип свободного выбора в политике. Крах 1914 года в одинаковой степени нанес удар и реформизму, и синдикализму. И тот и другой поступили на службу к империализму и буржуазной государственности. Со ссылками на Прудона, на «Амьенскую хартию» и пр. доводы из арсенала мелкобуржуазной «революционной» фразы, господа Жуо и К° впряглись в колесницу французской финансовой олигархии, вместе с Альбером Тома, Жюлем Гэдом, Пьером Ренsocialделем и пр.

Подлинно революционные элементы французского синдикализма должны были взяться за пересмотр своего устаревшего идейного багажа, чтобы не оказаться в одной общей яме с этими ренегатами.

Кроме Франции, анархо-синдикализм в эпоху Второго Интернационала получил еще известное распространение в двух отсталых романских странах—в Италии и в Испании.

Наблюдая еще успехи Бакунина в Италии, Фридрих Энгельс давал вполне материалистическое об‘яснение этому явлению: «Большая часть итальянских городов все еще стоит вдали от мирового оборота, с которым она знакома лишь по приезжающим путешественникам. Эти города снабжают окрестных крестьян ремесленными продуктами и посредничают в обмене земледельческих продуктов в более широком масштабе; кроме того, в них живет земледельческая аристократия и проедает там свою ренту; наконец, туда притекают деньги от путешествующих иностранцев. В этих городах пролетарские элементы малочисленны и слабо развиты и к тому же еще перемешаны с людьми без постоянных и определенных занятий, которым благоприятствуют приезд иностранцев и мягкий климат. Здесь высокореволюционная фраза, блистающая ядом и кинжалом, сначала нашла плодотворную почву. Но в Италии есть и промышленные города, на севере, и, поскольку там

движение распространилось среди истинно пролетарских масс, эта сомнительная пища уже не могла их больше удовлетворять; еще меньше эти рабочие могли примириться на долгое время с опекой неудачников—молодых буржуа, брошенных к социализму потому, что, по словам Бакунина, они «не могут найти никакого выхода для своей карьеры» [1].

В Италии, уже к концу прошлого века, победил «немецкий» социализм [2], найдя прочную базу на промышленном севере.

В Испании анархизм и синдикализм удержались гораздо дольше, приобретя специфический привкус национальной отсталости.

И английский трэд-юнионизм, и французский полусиндикализм-полуреформизм были уклонами от основного типа рабочего движения периода Второго Интернационала. Их роднила между собой общая черта, выражавшаяся в оторванности экономической борьбы от самостоятельной классовой политики. Наоборот, в Германии гегемония политической партии, по отношению к профессиональному движению и всем другим видам рабочих организаций, была бесспорным фактом. — «Почему профессиональное движение пролетариата развивалось в Германии медленнее его политического движения, это достаточно об'ясняется историей германской социал-демократии... В последнем счете это явление вытекало из всего хода германской истории. Германский капитализм родился позже своих западно-европейских братьев: когда немецкая буржуазия и, следовательно, также немецкий пролетариат начали развиваться в сколько-нибудь крупном масштабе, то оба нашли уже накопленный исторический опыт относительно классовой борьбы, которая должна была возгореться между ними. Отсюда являлись более смелая вера в свои силы и более широкий кругозор у пролетариата, большая нерешительность и более узкий горизонт у буржуазии. Такое взаимно усиливающее друг друга действие получилось оттого, что германская буржуазия отказалась от борьбы против абсолютизма и феодализма, что рабочий класс должен был вложить всю свою силу в эту борьбу, дабы приобрести простор, необходимый ему в рамках современного буржуазного общества, для своей профессиональной организации.

---

[1] Напечатано в «Vorwärts» 16 Марта 1877 г. См. «Neue Zeit» 32 Jahrgang, I Band, № 1.

[2] Правда, с поправками на романскую отсталость.

Самый простой инстинкт самосохранения предписывал пролетариату поставить в своей классовой борьбе политическую организацию выше профессиональной; поступи он наоборот, ему понадобилось бы несравненно больше времени, чтобы стать могущественною силою в национальной жизни» [1]. Мы видим и на примере германской социал-демократии, что рабочий класс идет тем дальше по пути развития своего классового самосознания и своей классовой организации, чем больше общественные условия вынуждают его к борьбе за политическую гегемонию. Исходя из этого, К. Каутский, еще не изменивший рабочему делу, в 1906 году констатировал: «Германия по своим экономическим условиям — ближе к Америке, а по политическим условиям — ближе к России. Поэтому, обе эти страны показывают нам наше будущее; это будущее будет иметь наполовину американский, наполовину российский характер» [2].

Сочетание американских предпосылок могучего экономического развития с революционными тенденциями российского политического развития делало германскую социал-демократию образцовой партией Второго Интернационала. Пока это сочетание не было подорвано мелкобуржуазными влияниями, ревизионизм был бессилен одолеть германскую социал-демократию.

Но, именно, после первой российской революции стройное здание германского рабочего движения дало трещину. «Русский метод», сначала подхваченный Каутским и другими, как последнее слово классовой борьбы, затем в их же устах стал ругательным словом. — Как это случилось?

Подойдем к этому вопросу с точки зрения зависимости различных форм классовой организации и их взаимной связи между собой от наличных форм классовой борьбы.

Товарищ Ленин, в одной из своих статей, дал, можно сказать, классическую постановку вопроса о формах классовой борьбы:

«Какие основные требования должен пред‘являть всякий марксист к рассмотрению вопроса о формах борьбы?

Во 1-х, марксизм отличается от всех примитивных форм социализма тем, что он не связывает движения с какой-либо

---

[1] Франц Меринг. История германской соц.-демократии, т. IV. Изд. Гранат, Москва 1907 г., стр. 368, 369, 370.

[2] К. Каутский. Американский и русский рабочий. Стр. 2, 1906 г.

одной определенной формой борьбы. Он признает самые различные формы борьбы, при чем не „выдумывает“ их, а лишь обобщает, организует, придает сознательность тем формам борьбы революционных классов, которые возникают сами собою в ходе движения. Безусловно враждебный всяким отвлеченным формулам, всяким доктринерским рецептам, марксизм требует внимательного отношения к идущей массовой борьбе, которая, с развитием движения, с ростом сознательности масс, с обострением экономических и политических кризисов порождает все новые и все более разнообразные способы обороны и нападения.

Поэтому, марксизм, безусловно не зарекается ни от каких форм борьбы. Марксизм ни в коем случае не ограничивается возможными и существующими только в данный момент формами борьбы, признавая неизбежность новых, неведомых для деятелей данного периода форм борьбы с изменением данной социальной кон'юнктуры. Марксизм в этом отношении учится, если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензий учить массы выдуманным кабинетными систематиками формам борьбы...

Во-2-х, марксизм требует безусловно исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторической конкретной обстановки — значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, а в связи с этим видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы» [1].

Тактика пролетарской партии заключается в учете стихийно-возникающих, исторически-необходимых форм борьбы и в сознательном направлении их к известной цели, к осуществлению определенного плана классовой борьбы, выработанного марксистским анализом. Тактические предначертания лишь тогда совпадают с исторически-конкретной действительностью, когда они правильно и точно формулируют стихийный ход классовой борьбы. В противном случае партийная тактика не становится оружием классовой борьбы, не становится ее движущей силой и, по этой причине,

[1] Н. Ленин. Собр. соч., том VII, часть 2, «Партизанская война».—«Пролетарий» № 5, от 30 сентября 1906 г., стр. 77—78.

получается отрыв партии от масс, отрыв организационных форм рабочего движения от реального хода классовой борьбы, разрыв между различными организациями рабочего класса.

Французский анархо-синдикализм защищал всеобщую стачку— «революцию скрещенных рук»—как всеобщую панацею, как единственное революционное средство классовой борьбы. Поэтому, она из действительного оружия в его руках превратилась в иллюзию.

Парламентско-демократический реформизм ратовал за частичные реформы, как исключительное средство борьбы за освобождение пролетариата. Поэтому, реформистский метод превратился в оружие, направленное против рабочего класса.

Марксизм требует рассмотрения классовой борьбы в целом,— от первичной стачки до пролетарской диктатуры.

Только такое революционное понимание гарантирует рабочее движение от мелкобуржуазных уклонов. Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Революционный марксизм отсюда делает вывод, что всякая классовая борьба в зародышевом или развитом состоянии—есть классовая борьба за власть, поскольку государство есть сгущенное и обобщенное выражение всех классовых противоречий существующего общественного строя. — «Кто признает только борьбу классов, тот еще не марксист, тот может оказаться еще не выходящим из рамок буржуазного мышления и буржуазной политики. Ограничивать марксизм учением о борьбе классов — значит урезывать марксизм, искажать его, сводить его к тому, что приемлемо для буржуазии. Марксист лишь тот, кто распространяет признание борьбы классов до признания диктатуры пролетариата. В этом самое глубокое отличие марксиста от дюжинного мелкого (да и крупного) буржуа» [1].

Отношение к тем формам классовой борьбы, которые конкретно выявляют революционную сущность рабочего движения, определяет, с одной стороны, отношение той или иной партии к революционному марксизму, а с другой стороны, ее способность руководить стихийным ходом классовой борьбы, неизбежно развивающейся в сторону генеральной

---

[1] Н. Ленин. Государство и революция. Гос. Издат. 1923 г., стр. 36.

битвы между трудом и капиталом, за пролетарскую диктатуру.

Германская социал-демократия теоретически признала революционный опыт российского рабочего движения 1905—07 г.г.

Однако, когда дело дошло до практического применения его, большинство ее отказалось итти по «русскому пути», обязательность которого для Германии была указана Каутским в 1906 г. Споры в германской социал-демократии по поводу массовых выступлений (die Massenaktionen), возгоревшиеся с 1910 г., в связи с вопросом о всеобщей стачке с целью достижения всеобщего избирательного права в Пруссии, вскрыли организационное закостенение образцовой партии Второго Интернационала.

Если «организационные соображения» побеждают требования политики в рабочей партии, такая партия, несомненно, близка к самоубийству. Организация рабочего класса не есть самоцель, но—средство классовой борьбы. Между тем, точно так же, как раньше Бернштейн заявлял: «движение—все, конечная цель—ничто», «марксистский центр», руководивший германской социал-демократией, после первой российской революции—провозгласил: «организация—все, движение неорганизованных масс—ничто». Каутский и другие вожди марксистского центра пошли по стопам Бернштейна.—Бернштейн, во имя частичных успехов, ликвидировал революционную сущность рабочего движения; Каутский и его единомышленники, во имя частичных успехов организации рабочего класса, заклеймили кличкой «утопизма» и «революционного авантюризма» всякий дальнейший прогресс классовой борьбы. По следам ревизионистов они добрались до принципиального противопоставления пролетарской организации стихийной борьбе неорганизованных масс.

— «В чем заключается дисциплина, привычка организованных масс?»—спрашивал К. Каутский в 1912 г. немецких радикалов, сторонников развязывания революционной тактики, и отвечал:—«В подчинении общему руководству, без чего «организованное действие» широкой массы совершенно невозможно. Сущность демократической организации заключается в том, что эта руководящая верхушка избрана самой массой, и что цели и средства борьбы, по крайней мере принципиально, но не всегда в частностях, установлены массой. Однако, это может быть осуществлено только «при современной форме организаций и союзов», «в условиях еще прочного буржуазного порядка».

Если эти формы станут невозможными, если массы уже не могут более регулярно сходиться, чтобы разбирать свои общие дела согласно установленным правилам (!), демократическая организация станет невозможной. Тогда, как при стихийных массовых выступлениях, будет делом простой случайности (!!), кто выступит их вождем, или, как было это при исключительном законе против социалистов, вожди, до этого признанные массами, будут продолжать, как обычно, выполнение своих функций. Или же, как это было местами также при исключительном законе [1], небольшое меньшинство тайно организуется и поведет широкую неорганизованную массу. Борющийся пролетариат и при этих обстоятельствах также останется значительной силой. Однако, никто еще не открыл, чтобы в такой обстановке повышение и усовершенствование организации пролетариата превзошло уровень более свободного состояния» [2]. — Здесь уже в готовом виде, весь, с головы до ног, ренегат Каутский! Связь с массами, по его мнению, возможна лишь в мирных «нормальных» условиях, когда рабочее движение имеет возможность внутри своих организаций применять развернутую демократию, во всем ее формальном совершенстве. Возможность применения демократии внутри рабочих организаций является критерием их влияния на рабочий класс, критерием единственным и исключительным. Это внутри-организационное мерило определяет отношение к формам классовой борьбы.

Отсюда уже недалеко до признания английской «Рабочей Партии»—идеалом пролетарской организации, отсюда уже недалеко до полного отказа социал-демократии быть авангардом пролетарской классовой борьбы!

В 1912 г. «теоретик» Каутский делал вид, что он «не знает», какие новые и более высокие формы борьбы и организации рабочего класса приносят с собой революционные эпохи. А в то же время ему неоднократно приходилось цитировать, например, положение Маркса о том, что Парижская Коммуна 1871 г. подняла рабочее движение на новый всемирно-исторический уровень!

Против соображения о необходимости учитывать при тактических выкладках возможную роль революционной стихии, К. Каутский выставлял следующее: «Выступление организованных проле-

---

[1] Закон против социалистов, обрекший германскую социал-демократию на подпольное существование был издан Бисмарком и действовал с 1878 по 1890 г.

[2] «Die neue Taktik»—«Neue Zeit», 30 Jahrgang, 2 Band № 45, Seite 690.

тариев, легко побеждающих и, следовательно (!), не нуждающихся в неорганизованных элементах, конечно, способно увлечь за собой последнее. Выступление, наталкивающееся на упорное сопротивление и, может быть, даже сопряженное с опасностью поражения, отнюдь не способно увлечь слабых, трусливых и нерешительных, а значит и неорганизованных»[1].

— «Die erste Kolonne marschiert. Die zweite Kolonne marschiert!»[2]

Еще перед войной, так называемый, «марксистский» центр, совершенно уподобился генералу Пфулю, из романа Льва Толстого «Война и Мир».

— Классовая борьба только в существующих организационных рамках.

К. Каутский, став союзником реформистов, уже не был в состоянии уразуметь, что массовый героизм свойственен революционным эпохам, именно потому, что они ставят на карту не пятачковый интерес, а пролетарские интересы в целом, которые способны поднять на борьбу и тех, кто не умеет бороться за пятачок.

Каутский и центристы исключали революционную стихию из своих расчетов, что практически означало урезывание классовой борьбы до пределов приемлемого для буржуазии, не выносящей больше всего масс, их стихийного движения и порыва. Следствием реформистской недооценки роли масс был отказ от больших боев из страха потерять свой организационный «капитал».— Большинство германской социал-демократии пыталось, в борьбе за всеобщее избирательное право в Пруссии, продолжать старую испытанную тактику партии, которую можно назвать «стратегией утомления врага» (Ermattungsstrategie). Это была подходящая тактика для партии, которую враг еще превосходил силою, но которую непрерывно усиливали как экономическое развитие, так и мелкая повседневная борьба, тем самым день-ото-дня подрывая перевес ее противника. При умной выдержке нам была в самый удобный момент обеспечена победа. Только преждевременное выступление могло ей повредить»[3].

«Абсолютные» шансы на победу,—этот кумир всякого и всяческого оппортунизма,—мог доставить только «правильный и посте-

[1] Nachdenken zu den nachdenklichen Betrachtungen. «Neue Zeit», 31 Jahrgang, 2 Band, № 42, Seite 561.

[2] «Первая колонна выступает. Вторая колонна выступает!»

[3] K. Kautsky. «Mein Verhältnis zur Unabhängigen Sozial-demokratischen Partei». Berlin 1922, Seite 3.

пенный» организационный рост. 4-го августа 1914 г. он достиг своего финала, и, «ради целости своей организации», социал-демократия окончательно пожертвовала классовой борьбой.

К тому времени, когда в германской социал-демократии оформился «марксистский» центр, его представители уже определенно вступили на почву буржуазного реформизма, прославляющего благодетельный автоматизм капиталистического развития. Задача удержания организационной монополии в рабочем движении оттеснила на задний план политическую задачу приспособления социалдемократии к обстановке обостряющейся классовой борьбы. В этом пункте скрестились и сошлись интересы партийно-профсоюзной рабочей бюрократии и рабочей аристократии[1]. Под предлогом обеспечения связи с массами через внутри-организационную демократию, бюрократия восстала против пересмотра «старой, испытанной» тактики собирания сил по мелочам. Завоевавшая монопольное положение с ростом германского империализма, рабочая аристократия, естественно, солидаризировалась с ней.

Еще Кельнский конгресс профсоюзов Германии в 1905 году заявил, что «он не считает нужным обсуждать идею всеобщей стачки, которую защищают анархисты и люди, лишенные всякого опыта в области экономической борьбы, и предостерегает рабочих от пренебрежения мелкой повседневной работой над укреплением организации ради пропаганды идеи всеобщей стачки»[2].

Легины и Компания уже во время российской революции связали социал-демократию профсоюзной оппозицией массовым выступлениям. Вся организационная техника профсоюзной борьбы была построена в расчете на незаменимость для капиталиста высоко-квалифицированных групп рабочих. Профсоюзный чиновник должен был—«точно изучать структуру предприятия, правильно понимать особенности производственного процесса, уметь распознать «чувствительное место» предприятия, уметь найти возможность успешно приостановить работу предприятия, удалив ту группу рабочих, которая надежной шеренгой стоит за спиной

---

[1] Нагулявшей мускулы благодаря росту германского империализма с конца XIX века.

[2] Цитирую, не имея под руками другого источника, по книжке Ц. Фридлянда и А. Слуцкой. «Хрестоматия по истории революционного движения Западной Европы XIX и XX в.в.».

организации и не может быть заменена предпринимателем без особых усилий»[1].

Поскольку в стачечной борьбе, с повышением квалификации труда, увеличивалось стратегическое значение рабочей аристократии и чернорабочая масса убиралась в тыл, постольку возрастало и руководящее влияние лучше поставленных групп рабочих на профсоюзные организации и на рабочее движение вообще.—Какое значение имеют 950 чернорабочих, если для остановки предприятия, в котором занято 1000 человек, достаточно прекращения работы кучкой высоко-квалифицированных специалистов, численностью в 50 человек[2].

Если в начале организованного оформления германского рабочего движения немецкий трэд-юнионизм должен был ютиться на задворках, то, построив свою массовую организацию с богатыми кассами и разветвленным аппаратом, он смог без труда взять реванш у партии, ставшей также организацией—самоцелью в рамках капитализма.

Роза Люксембург была права, когда она, в противовес организационному фетишизму, ссылалась на основные положения материалистического понимания истории: «Социал-демократия, прежде всего благодаря теоретическому проникновению в социальные условия борьбы рабочих, с'умела в доселе еще неизвестной мере внести сознание в пролетарскую классовую борьбу, внушить ей ясное понимание цели и выдержку. Она впервые создала прочную массовую организацию рабочих и тем самым обеспечила классовой борьбе прочный хребет. Однако, было бы опасным заблуждением воображать, что отныне вся историческая дееспособность народных масс целиком перешла на социал-демократическую организацию, что неорганизованная масса пролетариата стала бесформенной кашей и мертвым балластом истории. Совсем наоборот. Живым материалом всемирной истории, несмотря на социал-демократию, попрежнему остается народная масса, и только тогда, когда существует оживленный обмен крови между организованным ядром и народной массой, когда обоих оживляет биение одного и того же пульса, социал-демократия способна проявить себя в великих исторических

[1] Richard Woldt. Massen und Führer im Gewerkschaftskrieg. «Neue Zeit», 32 Jahrgang, 1 Band, № 25, Seite 939.

[2] См. Richard Woldt. Der industrielle Grossbetrieb. 1913.

выступлениях»[1].—Отрыв от масс рабочего класса имел своим последствием ослабление политической связи с ними, с'ужение политического кругозора в классовой борьбе и подмену массовой классовой борьбы борьбой организованных сил на верхах в различного рода представительных учреждениях. Нет классовой борьбы вне организации! С этого начал якобы — марксистский центризм свой период на сторону реформизма. Этот взгляд исключал всякую революционную перспективу, ибо в революционные эпохи на исторической арене действуют неорганизованные массы, выдвигающие организацию, как свое оружие в стихийной классовой борьбе. Эти массы следуют призывам и указаниям организованного ядра не в силу своей организационной принадлежности к нему, но подчиняясь его политическому руководству. Приоритет, первенство политической целесообразности над организационной формой в революционной пролетарской партии обусловлены ее революционной миссией. Она должна довести организацию рабочего класса до пролетарской диктатуры, до поголовного об'единения рабочих в рамках пролетарского государства переходного времени.—Как правильно отметил Меринг, германская социал-демократия, выполняя требование политической целесообразности, «поставила в своей классовой борьбе политическую организацию выше профессиональной», и этим путем достигла лучших результатов, чем рабочее движение англо-саксонских и романских стран. Но, поставив в позднейший период организационную форму выше политики, она совершила попятное движение и, в конце концов, оказалась связанной по рукам и ногам в борьбе против буржуазии. Выводом из ограничения классовой борьбы существующими организационными формами было низведение пролетарского влияния на промежуточные слои до уровня простых парламентских комбинаций и блоков, неосуществимых без принципиальных уступок мелкобуржуазным попутчикам, особенно в борьбе с милитаризмом и империализмом[2].

Еще отбиваясь от нападок Эд. Бернштейна, К. Каутский приписывал социал-демократической тактике свойства зонтика, пригодного для любой погоды: «Бернштейн говорит о «тактике, рассчитанной на катастрофы»... «Социал-демократическая тактика предусматривает всякую случайность и не рассчитана ни на

[1] «Leipziger Volkszeitung». См. «Neue Zeit» 31 Jahrgang, 2 Band, № 49— «Das Offiziösentum der Theorie», Seite 831.
[2] Об этом ниже.

какой определенный темп развития» [1]. Это была уже явная уступка соглашательству. Эти же доводы Каутский повторил против левых, успокаивая их надеждой на быструю перемену тактики с «внезапным» наступлением революционной ситуации. На них Роза Люксембург в свое время ответила достаточно метко и язвительно: «Каутский охотно при изложении своих тактических планов употребляет военные термины. От него много слышишь о битвах, походах и полководцах. Ну, такой полководец, который, ожидая генеральной битвы с сего дня на завтра, вместо того, чтобы позаботиться о наиболее полной военной подготовке своего лагеря, вдруг издает приказ попрежнему мирно начищать пуговицы, заслуживает увековечения, конечно, не в военной истории, а в «Настоящем Якове» [2].

В условиях Второго Интернационала только—организационная подготовка «на всякий революционный случай» была равносильна признанию исключительно-парламентского пути для этой подготовки. К. Каутский и расписывался в этом: «Это, мне кажется, сейчас наиболее подходящей дорогой к подготовке массовой стачки для борьбы за избирательное право в Пруссии: только рост значения рейхстага в сознании народных масс поможет им усвоить значение избирательного права в рейхстаг. Противоположный путь, предлагаемый романтиками массовых выступлений и сводящий к небольшой величине дееспособность рейхстага, а вместе с ним и избирательного права в рейхстаг, есть самый ошибочный путь» [3].

Чем ближе в Германии дело подходило к империалистической войне и чем больше давал себя знать вылупившийся из скорлупы промышленного капитализма империализм, тем сильнее застопоривалась парламентская работа, тем меньше было надежд на частичные реформы, тем решительнее предпринимательский отпор встречал всякую попытку улучшения положения рабочих. Указания левой оппозиции на эти факты Каутский парировал единственной в своем роде реформистской сентенцией:

«Цель нашей политической борьбы остается той же, что и раньше: **завоевание государственной власти путем достижения**

---

[1] К. Каутский. Ответ Бернштейну (Анти-критика). Изд. «Буревестник». Одесса. 1905 г., стр 205.

[2] «Das Offiziosentum der Theorie»—«Neue Zeit» 31 Jahrgang, 2 Band, № 49, Seite 836. «Der wahre Jakob» -«Настоящий Яков»—юмористический журнал германской с.-д.

[3] См. «Neue Zeit», 31 Jahrgang, 2 Band, № 49, Seite 837.

большинства в парламенте и возвышение парламента до роли хозяина правительства, отнюдь—не разрушение государственной власти [1]. Это была тактика, рассчитанная на определенный темп и характер исторического развития, но это была тактика, готовившая предательскую измену рабочему классу.

— Wunderschön war diese Stute,
Leider aber, war sie tot...
— Хороша была кобыла,
Только, жаль, была мертва.

Начав свою карьеру с организационного отрыва социал-демократии от революционной классовой борьбы, каутскианский центр быстро докатился до реформистского лозунга: ничего кроме парламентаризма—и попытался его теоретически обосновать ревизией учения Маркса и Энгельса о пролетарской диктатуре.

Бернштейн преждевременно воевал за политическое врастание социал-демократии в буржуазное государство. Когда появились организационные предпосылки для этого, врастание произошло автоматически с благословения «марксистских» теоретиков Второго Интернационала. Амнистию ревизионизму Отто Бауэр, в одной из своих статей, об‘яснял так: «Теоретический ревизионизм—не что иное, как оппонент вульгарному марксизму, он—необходимое следствие столь же необходимого упрощения и об‘единения марксова учения при первом его проникновении в широкие, мало подготовленные народные массы. Но именно нападки ревизионизма должны были вернуть нас, марксистов, на правильный путь» [2].

Освободившись от масс, ставших балластом для парламентско-профсоюзной организации, каутскианский «марксизм», действительно, нашел себя в беспринципном примирении с ревизионизмом. От него он перенял идею о самодовлеющей роли частичных форм борьбы и организации рабочего класса—парламентской деятельности профессионального и кооперативного движения. Встав на этот путь, он освятил разрыв между различными формами

[1] «Die Neue Taktik».—«Neue Zeit», 30 Jahrgang, 2 Band, № 46, Seite 732.

[2] Отто Бауэр. История «Капитала», «Neue Zeit», 1907—1908 г.г., том I. См. «Основные проблемы политической экономии», стр. 43—44.

рабочего движения, единого и неразрывного по самой своей сути. Источник единства рабочего движения во всех его проявлениях составляет его революционная основа, которая неотделима от стихийной классовой борьбы масс. Классовая борьба масс—центральное соединительное звено на всех ступенях классового об'единения пролетариата. Утратив связь с ней, германская социал-демократия после 4 августа 1914 года превратилась в неприглядную копию английского трэд'юнионизма и французского министериализма.

Международная организация рабочего движения в период Второго Интернационала отличалась тою же половинчатостью, что и движение отдельных стран. Она имела своей отправной точкой размещение промышленного капитализма по национальным квартирам. Второй Интернационал сложился, как продукт параллельного капиталистического развития различных стран. Он ставил своей задачей не об'единение рабочего авангарда в единую международную партию, но лишь согласование деятельности различных рабочих партий.

Его первый конгресс в Париже, в 1889 г., высказался, именно, в этом смысле: «Конгресс об'являет, что должна быть установлена постоянная связь между социалистическими организациями различных стран, но что эта связь ни в коем случае не должна вредить независимости организаций отдельных стран, ибо эти организации являются лучшими судьями в тактических вопросах своей страны» [1].

Вмешательство Второго Интернационала в деятельность отдельных партий было исключением. Парижский Конгресс 1900 г. и Амстердамский Конгресс 1904 г. занимались обсуждением и решением вопроса о французском министериализме. Они осудили участие в буржуазных министерствах. Но для национальных партий этот вопрос был, прежде всего, вопросом их внутреннего самосохранения. Для министериализма международного обстановка была еще слишком сыра.

Вообще же только вопросы внешней политики были главной, областью международного регулирования. Чем дальше Второй Интернационал врастал в империализм в лице своих отдельных секций, тем больше на его деятельности отражалась слабость политической и организационной международной спайки. Разрыв

[1] См. Ц. Фридлянд и А. Слуцкий—«Хрестоматия по истории революционного движения Западной Европы», стр. 148.

международного единства отдельных национальных ветвей рабочего движения стал фактом с наступлением первой империалистической войны.

Трэд-юнионизм и парламентское соглашательство способны были проложить дорогу сростанию организационной верхушки рабочего движения с национально-буржуазным государством; вывести рабочий класс из тупика мирового империализма они, конечно, были не в состоянии.

IV.

Большевизм в борьбе за пролетарскую гегемонию в революции.

«Какое же новое слово сказал Третий Интернационал? Он сочетал «немецкую методу» со старой «французской методой», подчинив первую второй. Третий Интернационал—это большевизм в международном масштабе, и тактика Третьего Интернационала логически и последовательно вытекает из того положения, которое вождь большевиков Ленин высказал еще в 1904 г. в брошюре «Шаг вперед, два шага назад»: «Якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы,—это и есть революционный социал-демократ».

Расшифровать эту формулу теперь не трудно. Организацией пролетарских масс и пропитанием их классовым сознанием путем агитации и пропаганды и путем постоянного противопоставления задач пролетарской партии задачам буржуазных партий в повседневной, будничной политической жизни, в области парламентской и всякой другой партийной деятельности занималась германская социал-демократия; это была «немецкая метода». Якобинизм же, т. е. стремление партии монополизировать в своих руках руководство всенародным революционным движением, вести борьбу за власть путем насильственной ломки государственного строя и диктаторски подавлять всякое сопротивление при достижении власти—это была старая «французская метода». Подчинение первой методы второй, т. е. ведение «по-немецки» организованного и политически просвещенного пролетариата по «французскому» революционному пути—это и было в

общем то, что рекомендовал Ленин в 1904 г., и это есть та большевистская «русская метода», которую сейчас на практике с успехом применяет Третий Интернационал» [1].

Бывший старейший противник большевизма, ныне наш товарищ, А. Мартынов здесь точно и правильно передал сущность большевистской тактики.

Высшим достижением эпохи Второго Интернационала была «немецкая метода», но она содержала в себе существенный недостаток—она была приноровлена к постепенному ходу общественного развития. Для простого копирования «немецкой методы» условия русской жизни мало подходили. Они представляли исторически-своеобразное переплетение быстрого прогресса крупно-капиталистической промышленности и рабочего движения в городах с дворянско-крепостническими формами господства в стране, напоминавшими тот порядок вещей, который существовал во Франции до революции 1789—1793 г.г.

Французский путь был не выдуман большевиками. Он явился выводом из марксистского анализа общественных отношений России, впервые произведенного т. Лениным в его книге—«Развитие капитализма в России». Доступ к внутреннему крестьянскому рынку капитализму в России был загорожен дворянско-помещичьей властью и крепостнической кабалой. Русский крестьянин не мог поверить в революционную миссию буржуазии потому, «что в России капитализм нес крестьянам не улучшенные школы, не деньги для приобретения искусственного удобрения, усовершенствованных орудий и машин, а лишь усиленную эксплоатацию. Если в Европе рост эксплоатации крестьян государством и капиталом шел рука об руку с увеличивающейся производительностью сельско-хозяйственного труда, то в России, наоборот, рост эксплоатации крестьян, вытекающий из увеличивающейся конкуренции России с капиталистически развитыми нациями, вел за собой постоянное понижение производительности сельского хозяйства» [2].

Само собой разумеется, что капитализм в России по своему внутреннему строению не был подобием привилегированно-монополистического торгово-ростовщического французского капитализма

---

[1] А. Мартынов. Великая историческая проверка, „Красная Новь“, № 2 (12) март—апрель 1923 г., стр. 234.

[2] К. Каутский. Движущие силы и перспективы русской революции. Пер. под ред. и с предисловием Н. Ленина, изд. „Новая эпоха“, Москва, 1907 г., стр. 17.

конца XVIII века, покоившегося на искусственном фундаменте и чуждого крестьянскому потреблению. Однако, традиционной силой отживающего режима его развитие направлялось в сторону от поднятия производительных сил крестьянского хозяйства и, по преимуществу, в область борьбы за внешние, главным образом, колониальные и полуколониальные рынки. Это и дало повод народникам говорить, что капитализм не может жить без внешних рынков.

Русская буржуазия к сделке с царско-помещичьим самодержавием подталкивалась всем ходом экономического развития. Она поднялась не из свободной крестьянской собственности, но на основе роста капиталистических потребностей дворянского государства и дворянского сословия. Исходя из этого, т. Ленин доказывал: «На данной экономической основе русской революции об'ективно возможны две основные линии ее развития и исхода. Либо старое помещичье хозяйство, тысячами нитей связанное с крепостным правом, сохраняется, превращаясь медленно в чисто капиталистическое «юнкерское» хозяйство. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является внутреннее преобразование крепостнического помещичьего хозяйства. Весь аграрный строй государства становится капиталистическим, надолго сохраняя черты крепостнические. Либо старое помещичье хозяйство ломает революция, разрушая все остатки крепостничества и крупное землевладение прежде всего. Основой окончательного перехода от отработков к капитализму является свободное развитие мелкого крестьянского хозяйства, получившего громадный импульс благодаря экспроприации помещичьих земель в пользу крестьян. Весь аграрный строй становится капиталистическим, ибо разложение крестьянства [1] идет тем быстрее, чем полнее уничтожены следы крепостничества. Иными словами: либо сохранение главной массы помещичьего землевладения и главных устоев старой «надстройки»; отсюда преобладающая роль либерально-монархического буржуа и помещика, быстрый переход на их сторону зажиточного крестьянства, понижение крестьянской массы, не только эксплоатируемой в громадных размерах, но закабаляемой к тому же теми или иными кадетскими выкупами, забиваемой и отупляемой господством реакции; душеприказчиками такой бур-

[1] Как отсталого сословия старого общества.

жуазной революции будут политики типа, близкого к октябристам [1]. Либо разрушение помещичьего землевладения и всех главных устоев старой «надстройки»; преобладающая роль пролетариата и крестьянской массы при нейтрализации неустойчивой или контр-революционной буржуазии; наиболее быстрое, свободное развитие производительных сил на капиталистической основе при наилучшем, какое только мыслимо, вообще, в обстановке товарного производства, положении рабочей и крестьянской массы; отсюда создание наиболее благоприятных условий для дальнейшего осуществления рабочим классом его настоящей и коренной задачи социалистического переустройства» [2].

«Французский» путь, по примеру Великой Революции 1793 г., в противоположность «немецкому» пути буржуазно-помещичьей сделки за счет народных масс, требовал последовательного курса на восходящую линию революции. Но то, что в девяносто третьем году выполняла якобинская мелкобуржуазная демократия, теперь должен был взять на себя пролетариат, опираясь на свойственную ему организацию.

Мелкобуржуазная демократия Великой Французской Революции могла выступать в роли гегемона лишь благодаря отсталости тогдашних общественных отношений, еще не поставивших мелкую буржуазию в положение «переходного», промежуточного класса. Из ее среды, как цыпленок из яйца, вылупились впоследствии все основные группировки свободного буржуазного общества, начиная от новой буржуазии и кончая пролетариатом.

Это и привело к разложению якобинскую организацию, которая уже не могла возродиться в последующих революциях.

В России XX века пролетариат был выдвинут в качестве главного проводника восходящей линии революции. Его классовый интерес звал его к осуществлению этой задачи, поскольку «немецкий» путь капитализма отдалял его от социалистической революции. Широкую организацию и выучку рабочих масс по немецкому социал-демократическому образцу он должен был приспособить к выполнению им центральной исторической задачи

---

[1] „Союз 17 октября“ был основан после манифеста 17 октября 1905 г., как об'единение торгово-промышленных тузов и „умеренных“ крепостников (Гучков и Компания).

[2] Предисловие ко второму изданию «Развития Капитализма в России», 1907 г. См. изд. „Московский Рабочий“, 1923 г., стр. 6—7.

проведения своей гегемонии в революции. Организация рабочего класса есть производное следствие исторических тенденций и форм классовой борьбы. Предвосхищая свою будущую роль, пролетарский авангард в России с самого начала рабочего движения стал строить свою организацию сообразно со своей революционной задачей.

В мирной обстановке прогрессивно развивающегося промышленного капитализма пролетариат, так сказать, предоставлен самому себе. Он изолирован, отделен и обособлен общественными условиями производства от других классов. Он несравненно больше варится в «собственном соку», чем в революционные эпохи. В революционные эпохи, во имя собственного самосохранения, он должен руководить революционной борьбой масс, включающих в свой состав весьма массивные мелкобуржуазные пласты. Отказ его от задачи политического руководства равносилен превращению его в пушечное мясо революции, в придаток чуждых и враждебных ему классовых сил. Он обязан «итти в народ», а это неминуемо сопряжено с опасностью чуждых классовых влияний и мелкобуржуазных в особенности.

В 1912 г. Карл Каутский, начав свой переход к реформизму, пытался отделаться от обсуждения вопроса о массовых действиях ссылкой на то, что «выступления люмпенпролетариев, наемных рабочих, мелких буржуа и крестьян принципиально различны [1]. Боязнь запачкать себя, «принципиальное» белоручничество и чистоплюйство в высокой степени характерны для якобы-марксистского центризма.

Не так понимали свою задачу большевики. Если нужно перебираться через воду, следует научиться плавать. Если для проведения пролетарской гегемонии в революции нужно «итти в народ», следует создать такую централизованную партийную организацию пролетарского авангарда, которая бы с‘умела противостоять чужеродным влияниям и руководить не только пролетарскими массами.

«Чем держится дисциплина революционной партии пролетариата? Чем она проверяется? Чем подкрепляется? Во-первых, сознательностью пролетарского авангарда и его преданностью революции, его выдержкой, самопожертвованием, героизмом. Во-вторых, его умением связаться, сблизиться, до известной степени, если хотите, слиться с самой широкой массой

[1] «Die Neue Taktik», «Neue Zeit». 30 Jahrgang, 2 Band, № 44, Seite 655.

трудящихся в первую голову пролетарской, но так же и с непролетарской трудящейся массой. В-третьих, правильностью политического руководства, осуществляемого этим авангардом, правильностью его политической стратегии и тактики, при условии, чтобы самые широкие массы собственным опытом[1] убедились в этой правильности. Без этих условий дисциплина в революционной партии, действительно способной быть партией передового класса, имеющего свергнуть буржуазию и преобразовать все общество, неосуществима»[2].

За этот тип партийной организации, за партию-авангард рабочего класса, большевики вели борьбу с первых зачатков рабочего движения в России. Авангард рабочего класса не мог отбросить от себя задачи борьбы за гегемонию пролетариата в революции. Первыми против этой борьбы восстали «экономисты». Это была первая попытка пересадить парламентско-трэд-юнионистский реформизм на российскую почву в интересах буржуазии. «Разговоры о самостоятельной рабочей политической партии»,— утверждало пресловутое «Credo».—«суть не что иное, как продукт переноса чужих задач, чужих результатов на нашу почву... Забыв, что на Западе рабочий класс выступил уже на расчищенное политическое поле деятельности, наши марксисты, более чем это нужно, относятся с презрением к радикальной или либерально-оппозиционной деятельности всех других не рабочих слоев общества.... Для русского марксиста исход один: участие, т. е. помощь в экономической борьбе пролетариата и участие в либерально-оппозиционной деятельности»[3].

Появление «экономистов» у колыбели российского рабочего движения было, до известной степени, пророческим. Оно было предвестником будущей жестокой борьбы в его рядах в течение полутора десятков лет между сторонниками и противниками пролетарской гегемонии в революции. Признание этой гегемонии служило в России обязательной предпосылкой существования самостоятельной рабочей политической партии.

Не случаен, а безусловно закономерен тот факт, что всю свою борьбу против большевизма меньшевики провели под знаком

[1] Подчеркнутое перед примечанием—курсив т. Ленина.
[2] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Гос. Издат., 1920 г., стр. 9.
[3] См. В. Астров, «Экономисты» — предтечи меньшевиков. Полный текст «Credo», стр. 140—141.

борьбы против партии, в форме всякого рода ликвидаторства. Политическая борьба рабочего класса, невозможная в «нормально»-парламентском виде, была возможна в России только как борьба за революционный путь развития, за пролетарскую гегемонию в революции. Уже «экономисты» ограничивали круг «чисто-рабочих» интересов мирными «европейскими» формами борьбы. Поскольку смешно было думать в начале XX века о парламентско-конституционных возможностях в России, постольку в борьбе за пятачок они видели единственное проявление пролетарской классовой борьбы. Тов. Ленин об'яснял уклон «экономистов» своеобразием политических условий России: «В странах с политической свободой различие профессиональной и политической организации совершенно ясно, как ясно и различие трэд-юнионов и социал-демократии... В России же гнет самодержавия стирает, на первый взгляд, всякое различие между социал-демократической организацией и рабочим союзом, ибо всякие рабочие союзы и всякие кружки запрещены, ибо главное проявление и орудие экономической борьбы—стачка—является вообще уголовным (а иногда даже политическим) проступком. Таким образом, наши условия, с одной стороны, очень «наталкивают» ведущих экономическую борьбу рабочих на политические вопросы, а с другой стороны, «наталкивают» социал-демократов на смешение трэд-юнионизма и социал-демократизма»[1].

По стопам «экономистов» пошел меньшевизм, когда он устами Л. Мартова предложил на II С'езде, в 1903 году, об'явить всякого стачечника социал-демократом. Отстаивая необязательность участия члена партии в партийной работе в 1903 году, меньшевики стремились защитить ту организационную расплывчатость, которая бы позволила буржуазно-интеллигентским попутчикам социал-демократии находить поддержку в отсталости широкой рабочей массы. Смешение партии-авангарда с широкой массой класса мы находим во всех оппортунистических уклонах. Трэд-юнионизм для рабочих, либеральная политика—для буржуазных попутчиков,—таков неизменный идеал всех сторонников скрытого или полуоткрытого сотрудничества классов. Меньшевистская попытка 1905—7 годов распустить революционную пролетарскую партию и заменить ее организацией, созданной широким «Рабочим С'ездом», принадлежит к политике этого же сорта. Перед умствен-

[1] «Что делать» (1902 г.). См. «За 12 лет». Птг. 1919 г., стр. 268—269.

ным взором меньшевиков постоянно витал образ английской «Рабочей Партии», представляющей малосвязанное об‘единение профсоюзов, под руководством либеральных «рабочих» политиков. Как раз глашатаи организационного оппортунизма, в России становятся в «независимую» позу и клеймят борьбу за пролетарскую гегемонию в революции, как навязывание пролетариату чуждых ему классовых задач. Защитник «широкой рабочей партии», на английский манер, Ю. Ларин в 1906 году заявлял: «мы можем смотреть на с.-р.—ство как на аграрный оппортунизм в широкой русской социал-демократии, но по самому характеру своему широкое рабочее движение не может быть без оппортунистической струи. Чем шире его захват, чем больше его роль, тем больше он группирует вокруг себя надежды всех униженных и обиженных, и тем более новые их потоки приливают к рабочей партии... Поэтому, отсутствие оппортунистической струи в общем потоке социалистического движения в наши дни свидетельствовало бы лишь об его относительной слабости» [1]. Стремление сделать рабочую партию «парламентом мнений» на самом широком, децентрализованном организационном фундаменте было присуще меньшевизму, который не хотел проведения пролетарской гегемонии в революции и для которого якобинская форма пролетарского руководства движением народных масс была одновременно и покушением на «буржуазную» сущность демократической революции и на «чисто-рабочий» трэд-юнионизм.

Задача пролетарского руководства революционным движением требовала, во-1-х, организационного отбора—на основе революционной программы, тактики и фактического участия в партийной работе—наиболее выдержанных передовиков рабочих, во-2-ых, такой тактики, которая бы делала централизованную пролетарскую организацию авангарда стержнем всякой революционной борьбы.

Вся меньшевистская тактика была рассчитана не на руководящее участие пролетариата в демократической революции, а на парламентско-трэд-юнионистское использование будущих результатов революции такого типа, в которой главная роль выпадает на долю буржуазии. Меньшевистская тактика была слепым ожиданием того «благословенного» момента, когда—

---

[1] Ю. Ларин. «Широкая рабочая партия и рабочий с‘езд». 1906 г., стр. 46.

наконец!—российское рабочее движение сможет «европеизироваться». Отсюда обилие «конституционных иллюзий» в этой тактике: всякий шаг царско-помещичьего самодержавия в сторону превращения его в буржуазно-помещичью монархию меньшевики принимают за сигнал к ликвидации подпольной пролетарско-революционной партии и к переходу к тактике мирной оппозиции в рамках устойчивого капиталистического порядка. Стараясь «дорваться до Европы»[1], меньшевики молчаливо принимали ту «прусско-немецкую» линию развития революции, которая исключала всякие дальнейшие революционные перспективы.

В своей брошюре «Народная Дума и Рабочий С'езд» Павел Аксельрод писал: «Исторические условия зарождения и развития русской социал-демократии в дореволюционную эпоху привели к тому, что она в конце концов сложилась в организацию, в которой революционная интеллигенция является как бы правящим классом, охраняющим ее принципиальные основы, а пролетарские элементы — классом управляемым и опекаемым против всяких искушений извне буржуазным духом. Но, в действительности, этот правящий» элемент все более и более теряет способность выполнять свою принципиальную миссию — развивать классовое сознание русского пролетариата и, наоборот, в лице своих консервативных представителей, становится тормозом для социал-демократического развития рабочих масс; под флагом социал-демократии, они сами заражают доступные их влиянию слои пролетариата буржуазным революционизмом и мешают развитию его политической самостоятельности»[2].

Не против участия интеллигентских элементов, как таковых, в рабочем движении протестовали меньшевики, а против «профессиональных революционеров». Ярлык «интеллигентщины» они наклеивали только на большевизм.

К. Каутский совершенно правильно указывал, в бытность свою марксистом, что, благодаря запоздалому развитию капитализма в России, при отсталом политическом режиме, интеллигенция, — в рамках определенного исторического этапа, — могла оказывать революционную помощь рабочему движению. До поры, до времени, в России, в отличие от развитых

---

[1] Формула социал-патриота А. Потресова.

[2] П. Б. Аксельрод. Народная Дума и Рабочий С'езд. 2-е издание. Изд. «Новый Мир». 1907 г., стр. 16.

буржуазных стран, интеллигентские профессии еще не являлись «той ступенью, по которой поднимаются из мира неимущих в царство капитализма» [1]. Сравнивая Россию и Америку, Каутский проводил различие между интеллигенцией той и другой страны: «Если интеллигенция в России, благодаря своему социальному положению, близкому к положению пролетариата, сделалась носителем революционного сознания, которое она передает пролетариату, то в Америке представляет собой промежуточное связующее звено между пролетариатом и классом капиталистов» [2]. Это соответствовало действительному положению вещей до поражения революции 1905—7 г.г., когда вся буржуазная Россия, включая и интеллигенцию, круто повернула на «немецко-прусский путь» приспособления к буржуазно-помещичьей монархии, и когда начал воплощаться в жизнь «союз науки и миллионов».

Истории было угодно внести фактическую поправку в меньшевистские крики о «засильи интеллигенции» в большевистских рядах: типической формулой перехода из рабочего движения в лагерь буржуазии стало меньшевистское ликвидаторство.

Революционизирующее влияние интеллигенции на рабочее движение в начальном периоде развития капитализма исторически неизбежно и подтверждается примерами распространения социализма в Германии—в эпоху борьбы за национальное об'единение, в Англии — в эпоху чартизма, во Франции — в период перехода от утопического социализма к классовой борьбе.

Культурно-обездоленный рабочий класс не может обойтись без этой помощи, не рискуя большой задержкой своего сознательного развития. На плечах буржуазной культуры он поднимается и опасностью для него является не это временное использование попутчиков, а застой в его собственном движении. Он должен быть достаточно силен к моменту ухода интеллигентских элементов из его рядов. Он должен быть достаточно чуток, чтобы еще до этого ухода отделить плевела от пшеницы в интеллигентских влияниях. Российский пролетариат, в лице его авангарда, в этом отношении оказался на высоте своего призвания.

Тов. Ленин неоднократно подчеркивал «своеобразие русского с.-д. оппортунизма, исторически развивающегося в направлении

[1] «Американский и русский рабочий» СПБ. 1906 г., стр. 34.
[2] Там же, стр. 34.

подчинения «чисто-рабочего» движения влиянию буржуазии» [1]. «Возьмите первую историческую форму российского с.-д. оппортунизма. Начало массового рабочего движения (вторая половина 90-х годов прошлого века) породило этот оппортунизм в виде «экономизма» и струвизма... [2] Знаменитое Прокоповическо-Кусковское «Credo» (1899—1900 г.г.) выразило эту связь рельефно: интеллигенция и либералы ведут политическую борьбу, а рабочие—экономическую. Политическая рабочая партия—выдумка революционного интеллигента.

В этом классическом «Credo» ярко выражен исторический, классовый смысл интеллигентского увлечения «чисто-рабочим» движением. Смысл этот — подчинение рабочего класса (во имя «чисто-рабочих» задач) буржуазной политике и идеологии. «Увлечение» интеллигентов выражало капиталистические тенденции подчинения неразвитых рабочих либералам.

Теперь, на высшей стадии развития мы видим то же самое [3]. Блок с кадетами, вообще политика поддержки кадетов и беспартийный рабочий с'езд, это две стороны одной медали, связанные так же, как либерализм и чисто-рабочее движение в «Credo». На деле беспартийный рабочий с'езд выражает ту же капиталистическую тенденцию ослабления классовой самостоятельности пролетариата и подчинения его буржуазии. Эта тенденция выступает ярко в планах замены социал-демократии беспартийной рабочей организацией или подчинения ее этой последней» [4].

Российский оппортунизм на всех своих ступенях был вынужден кутаться в мантию защиты «чисто-рабочих» интересов потому, что классовое самосознание пролетариата в нашей стране рано созрело и только этим путем его можно отвлечь от революционных задач.

Точно так же, как решение вопроса о самостоятельной политической рабочей партии в России было обусловлено тем или иным отношением к идее пролетарской гегемонии в революции, отношение к революционным формам борьбы определя-

---

[1] Н. Ленин. «Сердитая растерянность» (К вопросу о рабочем с'езде). «Вопросы тактики». Сборник II-й. (1907 г.). См. собр. соч., том VIII. Москва. 1923 г., стр. 318.

[2] Петр Струве, наиболее известный представитель так наз. «легального марксизма», звал «пойти на выучку капитализму», преклонившись перед экономической и политической прогрессивностью буржуазии.

[3] Здесь и в последующих местах этой цитаты курсив т. Ленина.

[4] «Сердитая растерянность», там же, стр. 319.

лось в зависимости от положительной или отрицательной оценки этой идеи. Меньшевик Л. Мартов в своей «Истории российской социал-демократии» относит возникновение коренного расхождения в вопросе о формах борьбы ко времени Лондонского С'езда Р. С.-Д. Р. П. 1903 года: «Две тактические концепции были противопоставлены друг другу, и борьба двух фракций вышла из сферы чисто организационных вопросов. С одной стороны, попытка в отсталых общественно-политических условиях России усвоить рабочему движению, в меру возможности, европейские методы самостоятельного политического выступления в каждом конфликте внутри имущего общества, в котором поставлены вопросы общенационального значения, и постепенно вырабатывать из стихийно волнующихся пролетарских масс устойчивую политическую силу, способную к сознательному действию в момент революционного кризиса; с другой — концентрация всех партийных сил на боевом упражнении этих волнующихся масс с тем, чтобы в подходящий момент, используя политическую обстановку, бросить их в генеральное сражение.

Одна тактика учитывала предстоящий постепенный развал царизма и поступательное движение имущих классов к власти, как ряд этапов, способствующих классовому самоопределению пролетариата и формированию из него силы, способной довести начинающуюся революцию до крайних демократических пределов. Другая спекулировала (!), напротив, на неоформленность и относительную беспомощность непролетарских классов, как на фактор, который должен позволить крайней революционной партии, опирающейся на возбужденные и в боевой школе организованные массы, одним ударом достигнуть своих политических целей. Все тактические разногласия между большевиками и меньшевиками, развернувшиеся в 1905 — 1907 г. г., заключались в зародыше в этом первом споре о тактике» [1].

На буксире у буржуазного политического развития должны были, по мнению меньшевиков, подвигаться вперед организация и просвещение пролетариата. Готовая парламентско-демократическая форма буржуазного господства, в рамках которой выросло западно-европейское рабочее движение периода Второго Интернационала, мыслилась как неот'емлемая подпорка рабо-

[1] Л. Мартов. История российской социал-демократии. Часть I. Изд. «Книга». 1918 г., стр. 102—103.

чего движения. В виду отсутствия такой подпорки, меньшевики заменяли ее разнообразным либерально-парламентским прожектерством. Классическим примером этого прожектерства является мысль Аксельрода о самочинном созыве «Народной Думы» [1], которая должна была быть избрана всем населением, в противовес Булыгинской Думе — на основе всеобщего избирательного права. Смехотворное парламентское упражнение гражданских чувств, поставленное в порядок дня П. Аксельродом, никем не было поддержано, а Булыгинская Дума, которую должна была оттеснить на задний план аксельродовская «Народная Дума», была сорвана просто на просто октябрьской всеобщей стачкой 1905 года.

Российский пролетариат боролся в условиях, для которых «европейские» формы борьбы и организации были недостаточны и, поэтому, он не мог обойтись без самостоятельной боевой школы. «Европейские» методы годились ему, главным образом, на тех этапах, когда ему приходилось отступать. Тогда обстоятельства заставляли его посвящать свою энергию, в первую очередь, собиранию новых сил, организационному накоплению их в профсоюзах и т. д., использованию куцого парламентаризма. Догматики «европейских» парламентско-трэд-юнионистских методов, меньшевики в своей тактике с роковой неизбежностью отражали «заднюю» рабочего движения. Перед всяким переходом в наступление и в момент самого наступления, они проповедывали... тактику отступления, подменяли высшие формы классовой борьбы низшими и менее действенными.

«К укреплению и расширению связей с массой направлена вся обычная регулярная, текущая работа всех организаций и групп нашей партии, работа пропаганды, агитации и организации. Это работа всегда необходима, но в революционный момент она менее, чем когда-либо, может считаться достаточной. В такой момент рабочий класс инстинктивно рвется к открытому революционному выступлению, и мы должны уметь правильно поставить задачи этого выступления, чтобы распространить затем как можно шире знакомство с этими задачами и понимание их. Не надо забывать, что ходячий пессимизм насчет нашей связи с массой прикрывает теперь особенно часто буржуазные идеи относительно роли пролетариата в революции. Несомненно, нам надо еще много и много поработать над воспита-

[1] В 1905 году.

нием и организацией рабочего класса, но весь вопрос теперь в том, где должен лежать главный политический центр тяжести этого воспитания и этой организации. В профессиональных союзах и легальных обществах или вооруженном восстании, в деле создания революционной армии и революционного правительства?.. Правильные тактические лозунги социалдемократии имеют теперь особенно важное значение для руководства массами. Ничего нет более опасного, как принижение значения принципиально выдержанных тактических лозунгов в революционное время» [1].

Так ставил вопрос т. Ленин уже в июле 1905 года. Требования тактики, сознательно отражающие потребности классовой борьбы, большевики всегда ставили выше данных, готовых, выработанных методов агитации, пропаганды и организации. Усвоение этого положения и дает ключ к действительному пониманию гибкости большевистской тактики. Оппортунистичес ая «гибкость» меньшевизма противоречила реальному ходу классовой борьбы в России и, поэтому на деле, обращалась в мертвую оппортунистическую догму.

Вместо прямого ответа на злобы для, меньшевизм преподносил рабочим школьные поучения о пользе профессиональных союзов вообще. Выходило так, что он стратегический план войны подменял экономистской «теорией стадий», согласно которой рабочий класс обязательно, при всех условиях, должен проходить курс постепенного обучения, начиная с борьбы за пятачок. Бывший враг экономизма, Плеханов, именно так и рассуждал в 1906 году: «Организация профессиональных союзов означает организацию сил пролетариата. Такая организация необходима везде, особенно же она необходима в России, где пролетариат несет на своих плечах,—если не исключительно, то в ее большей части,— тяжесть освободительного движения. Чем многочисленнее будут професссиональные организации, создающиеся в процессе этого движения, тем сильнее сделаются те позиции, которые займет пролетариат в обновленном обществе, избавившемся от пережитков «доброго старого времени». Правда, на пути к созданию профессиональных союзов стояло много полицейских рогаток; но, сталкиваясь с ними, пролетариат все более и более убеждался бы в необходимости их полного разрушения и тем самым расширял бы

[1] Н. Ленин. Предисловие к брошюре „Две тактики“. См. „За 12 лет“, Птг., 1919 г., стр. 412.

свой кругозор, углублял бы свое классовое сознание, приобретал бы ясное понимание связи между экономикой, с одной стороны, и политикой,—с другой. Организация профессиональных союзов, без всякого сомнения, тоже принадлежала к числу первостепенных практических задач, поставленных перед идеологами пролетариата октябрем прошлого года [1]. Я не скажу, что идеологи пролетариата пренебрегли этой задачей. Нет... Они кое-что сделали для ее решения. Но они не сделали всего того, что они могли и должны были сделать в интересах рабочего класса, в частности, и всего нашего освободительного движения, вообще. Большинству их было не до того: они лихорадочно спешили опередить революционный процесс развития [2]; они находили нужным предварительно [3] осуществить свои политические «лозунги» [4].

Тут вся «теория стадий» повторена во всех деталях. Нельзя осуществлять политические лозунги борьбы за власть до предварительного построения профессиональных организаций. Подобная попытка Плехановым приравнивается к стремлению «опередить» революционный процесс.

Здесь снова мы встречаемся с реформистской идеей Второго Интернационала о предустановленном гармоническом, постепенном и равномерном развитии всех отраслей рабочего движения. Путь капитализма в Западной Европе меньшевики считали обязательным и для России, игнорируя революционное своеобразие условий нашей страны. Мирный, постепенный, и равномерный рост промышленного капитализма, как фундамент для такого же роста рабочего движения, им казался «пределом, его же не прейдеши».

Плеханов спрашивал в 1906 году: «Каким же образом добьется жизнь удовлетворения своих требований?» И отвечал: «Очевидно, что она может добиться этого лишь посредством увеличения сил народа. А в чем состоят силы народа?—В его сознательности и организованности» [5].

Под «сознательностью и организованностью» меньшевики разумели сознательность и организованность в европейско-парламентском, а не в революционном смысле.

---

[1] 1905 года.
[2] Курсив Плеханов.
[3] Наш курсив.
[4] Г. Плеханов. «Заметки публициста.—Новые письма о тактике и бестактности». С.-П.Б. Изд. Н. Глаголева. Письмо второе, стр. 49—50.
[5] Г. Плеханов. Там же. Письмо седьмое, стр. 148.

Во все революционные периоды они были похожи на людей, застигнутых грозным наводнением и спасающих... старые галоши. Не так действовали большевики. Они были истинными представителями страны, вынужденной стечением исторических обстоятельств первой выйти навстречу новой революционной эпохе. Они познали историческую неизбежность гражданской войны на фоне еще мирно дремлющей Европы и поставили перед собой задачу марксистского анализа условий этой гражданской войны. Марксизм, служивший Второму Интернационалу исключительно средством парламентских и профсоюзных расчетов, они применили к революционной обстановке, как боевое оружие. Своей тактикой они, таким образом, подготовили всестороннее развитие марксистского учения о государстве и пролетарской революции.

В своей замечательной статье «о партизанской войне», т. Ленин устанавливал следующие положения: «Марксист стоит на почве классовой борьбы, а не социального мира. В известные периоды острых экономических и политических кризисов классовая борьба доразвивается до прямой гражданской войны, т. е. вооруженной борьбы между двумя частями народа. В такие периоды марксист обязан стоять на точке зрения гражданской войны. Всякое моральное осуждение ее совершенно недопустимо с точки зрения марксизма.

В эпоху гражданской войны идеалом партии пролетариата является воюющая партия. Это абсолютно неоспоримо. Мы вполне допускаем, что с точки зрения гражданской войны можно доказывать и доказать нецелесообразность тех или иных форм гражданской войны в тот или иной момент [1]. Критику различных форм гражданской войны с точки зрения военной целесообразности мы вполне признаем. Но во имя принципов марксизма мы безусловно требуем, чтобы от анализа условий гражданской войны не отделывались избитыми и шаблонными фразами об анархизме, бланкизме, терроризме» [2].

Этими взглядами была продиктована резолюция Третьего С'езда Р. С.-Д Р. П., гласившая: «Третий С'езд Р. С.-Д. Р. П. признает, что задача организовать пролетариат для непосредствен-

[1] Речь шла о партизанских действиях в 1906 году.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., том VII, часть, 2-я. «Партизанская война». «Пролетарий», № 5. 30 Сентября 1906 года, стр. 82—83.

ной борьбы с самодержавием, путем вооруженного восстания, является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент. Поэтому с'езд поручает всем партийным организациям:

а) выяснять пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания;

б) выяснять при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания;

в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников»[1].

Большевикам принадлежит та заслуга, что они еще до бурных событий последней четверти 1905 года вскрыли значение массовой стачки, как средства мобилизации пролетарских масс для революционной борьбы и как орудия мобилизации под пролетарским руководством непролетарских трудящихся слоев населения. Быстрая и мощная производственная и территориальная концентрация пролетарских масс в крупнейших административно-политических центрах страны, влияние пролетариата через централизованную сеть железнодорожных путей сообщения на всю страну, его еще непорванные связи с деревней, инстинктивно-враждебной помещичьей власти,—все это сделало массовую стачку в России таким оружием борьбы, которое с наибольшей выпуклостью выражало идею пролетарского руководства революцией. Тов. Роза Люксембург, в брошюре «О всеобщей стачке», выяснила это исчерпывающим образом.

Связь массовой стачки с вооруженным восстанием вытекала из этих же причин.

Стачечное движение в России в предреволюционную эпоху до 1905 года, в период первой революции и в период под'ема 1912—14 годов, служило главным показателем революционного роста рабочего движения. При невозможности широкой организации масс в профессиональных союзах и открытой политической

[1] См. «Р.К.П. в резолюциях ее с'ездов и конференций. (1898—1921 г.г.)». Гос. Издат. 1922 г., стр. 30.

партии, оно играло роль важнейшего связующего звена между экономической и политической борьбой рабочего класса. Эта смычка между экономикой и политикой в рабочем движении отражала связь между широкой пролетарской массой и ее авангардом. На основании данных статистики стачек в 1905—7 г.г. т. Ленин устанавливал следующий общий закон: «усиление революционного движения при усилении экономической борьбы.—«Этот общий закон» логически связывается с основными чертами всякого капиталистического общества: в нем всегда будут существовать столь отсталые слои, которых может разбудить лишь самое экстренное обострение рабочего движения, а иначе как с экономическими требованиями отсталые слои не могут втянуться в борьбу» [1].

«Экономические и политические стачки находятся в самой тесной связи. Они вместе поднимаются и вместе падают. Сила движения в эпоху наступления (1905 г.) характеризуется тем, что политические стачки как бы воздвигаются на широком базисе не менее сильных экономических стачек, которые, даже взятые отдельно, далеко оставляют позади цифры за все десятилетие 1895—1904 г.г.

При упадке движения число экономических стачечников падает быстрее, чем число политических. Слабость движения в 1906 г. и особенно в 1907 г. характеризуется, несомненно, отсутствием широкой и прочной базы экономической борьбы. С другой стороны, более медленное падение числа политических стачечников, вообще, и особенно небольшое падение этого числа с 1906 по 1907 год указывает, видимо, на знакомое уже нам явление: передовые слои с наибольшей энергией стараются приостановить отступление и превратить его в наступление» [2].

«Совершенно очевидно теперь, какова именно взаимозависимость экономической и политической стачки: без их тесной связи действительно-широкое, действительно-массовое движение невозможно; конкретной же формой этой связи является, с одной стороны, то, что в начале движения и при втягивании новых слоев в движение чисто экономическая

---

[1] Н. Ленин (В. И. Ульянов). Рабочее движение в России в эпоху первой революции. Первоначально напечатано в журнале «Мысль» №№ 1—2, 1910—11 г.г. Изд. «Новая Москва», 1923 г., стр. 37.

[2] Н. Ленин. Там же, стр. 33.

стачка играет преобладающую роль, а с другой стороны, политическая стачка будит и шевелит отсталых, обобщает и расширяет движение, поднимает его на высшую ступень» [1].

Чутьем революционера Роза Люксембург уже в эпоху первой российской революции поняла, что большевистская практика представляет более высокую историческую ступень классовой борьбы по сравнению с методами борьбы парламентского периода.

«В самом деле, разобщенность между политической и экономической борьбой и их независимость друг от друга не более, как искусственный, хотя и исторически необходимый, продукт парламентского периода. С одной стороны, при этом спокойном «нормальном» развитии буржуазного общества, экономическая борьба раскалывается, распадается на множество отдельных конфликтов в каждом предприятии, в каждой отрасли промышленности. С другой же стороны, политическая борьба ведется не непосредственным действием самой массы; она приспособляется, напротив, к формам буржуазного государства и ведется представительным путем, давлением на законодательные органы. Как только наступает период революционной борьбы, другими словами, как только на поле битвы появляется сама масса, немедленно исчезает как разбросанность экономической борьбы, так и косвенная, парламентская форма борьбы политической. В революционном массовом действии политическая и экономическая борьба сливаются в одно целое, и искусственная перегородка, воздвигнутая между профессиональным союзом и социал-демократией, как между двумя отдельными, совершенно независимыми формами рабочего движения, попросту исчезает» [2].

Наш спор с меньшевиками и западно-европейскими реформистами о нейтральности профессиональных союзов имел ту же самую подкладку, что и спор о революционных формах классовой борьбы.

Отбрасывая прочь революционное обострение классовой борьбы и настаивая на введении ее в «нормальные» парламентские рамки, меньшевики ратовали за нейтральность профсоюзов, выступали против «внесения политики в профессиональное движение», подобно

---

[1] Н. Ленин. Там же, стр. 34—35.

[2] Р. Люксембург. Всеобщая стачка и немецкая социал-демократия. Птг. 1919 г, стр. 68—69

английским трэд-юнионистам и немецким «чистым» профессионалистам.

Вся искусственность этого отделения профсоюзов от политической борьбы, особенно на российской почве била в лицо. «Классовые интересы буржуазии порождают стремление ограничить союзы мелкой и узкой деятельностью на почве существующего строя, отдалить их от всякой связи с социализмом, и теория нейтральности есть идейное облачение этих буржуазных стремлений. Ревизионисты внутри с.-д. партий всегда проложат себе дорогу так или иначе в капиталистическом обществе.

Конечно, в начале политического и профессионального рабочего движения в Европе, можно было отстаивать нейтральность союзов, как средство расширить первоначальную базу пролетарской борьбы в эпоху ее сравнительной неразвитости и отсутствия систематического буржуазного воздействия на союзы. В настоящее время, с точки зрения международной социал-демократии, отстаивать нейтральность союзов совсем уже неуместно» [1].

В России профессиональные союзы впервые широко распространились в эпоху 1905—7 г.г. Революционный под'ем наложил на них свой отпечаток при самом их зарождении. Поэтому, Лондонский С'езд 1907 г. только высказал то, что есть, когда он напомнил партийным организациям и членам партии, работающим в профсоюзах, «об одной из основных задач социал-демократической работы в них—содействии признанию профессиональными союзами идейного руководства с.-д. партии, а также установлению организационной связи с ней и о необходимости там, где местные условия позволяют, проводить эту задачу» [2].

Революционная особенность российской обстановки выражалась в связи элементарных форм борьбы и организации рабочего класса с более высокими формами этой борьбы и организации, в подчинении первых вторым.

Половинчатость в выборе средств борьбы у меньшевиков неизменно влекла за собой половинчатость в определении целей борьбы. В 1905 году это было вскрыто с чрезвычайной выпуклостью постановкой вопроса о вооруженном восстании и Вре-

[1] Н. Ленин. «Нейтральность профессиональных союзов». «Пролетарий», № 22. 19 февраля 1908 г. Собр. соч., том XI, ч. I, стр. 25.

[2] «Р. К. П. в резолюциях ее с'ездов и конференций», стр. 77.

менном Революционном Правительстве. Не для меньшевиков писал Энгельс об «искусстве» вооруженного восстания.

Когда требовался марксистский анализ конкретной обстановки гражданской войны, идущей через массовую пролетарскую стачку к вооруженному восстанию, меньшевики преподносили прописные «истины» о том, что революция есть дело стихийное. «Социал-демократия»,—заявлял меньшевистский идеолог того времени, А. Мартынов,—«всюду и всегда признавала, что народная революция не может быть заранее назначена, что она не изготовляется искусственно, а сама совершается. Заговорщики-якобинцы, напротив того, исходя из теории «увлечения народа своим примером», всегда мечтали о совершении народных революций по методу дворцовых переворотов. Соответственно с разницей во взглядах социал-демократов и якобинцев на ход народной революции, различаются их взгляды на ее подготовку. С точки зрения социал-демократии, содействовать развитию классового сознания пролетариата и его классовой борьбы во всем ее об'еме, значит тем самым скорее всего приблизить момент народной революции, значит тем самым лучше всего подготовиться к ее использованию; техническая же подготовка демонстраций и восстаний, хотя необходимость ее и выдвигается в известные моменты, играет для нас, во всяком случае, совершенно второстепенную, подчиненную роль» [1].

Вместо сосредоточения внимания масс на решительной схватке, меньшевики стремились обойти вопрос об условиях, ведущих к победе в гражданской войне.

Массовые стачки 1905—7 г.г. выявили организующую роль пролетариата в этом отношении в небывалой степени. Переход от массовой стачки к восстанию был об'ективно неизбежен. Меньшевики отказывались от руководства пролетарскими массами при этом самом трудном переходе.

Они очень много говорили о пролетарской организованности. Когда же нужно было с помощью средств пролетарской организации обеспечить победу в гражданской войне, они заранее об'являли о банкротстве пролетарской организованности в этих условиях, отдавая всю судьбу революции на волю стихии. Всем своим поведением они говорили массам: пролетарские методы борьбы и формы организации есть исключительно «инструмент мирного времени». Они не могли и не хотели понять того, что

[1] А. Мартынов. Две диктатуры. 2-е изд. 1918 г., стр. 16.

в российской революции, в борьбе со старым режимом, пролетариат впервые выступает самой организованной политической силой, главной революционной силой. Тащась в хвосте либеральной буржуазии и пытаясь подражать ей, меньшевики призывали рабочий класс к отказу от руководящего участия в гражданской войне.

Из отношения меньшевиков к вооруженному восстанию вытекало их отношение к революционной власти.

Меньшевики самым тщательнейшим образом обходили вопрос о том, кто должен вырвать власть у старого правительства. Они изображали дело таким образом, что эта смена власти произойдет в результате решения «собрания народных представителей», неизвестно кем созванных и неизвестно на что опирающихся.

В противоположность им, большевики отдавали себе ясный отчет в реальном положении вещей. III с'езд большевиков по пункту о Временном Революционном Правительстве сказал следующее:

«Принимая во внимание

1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма, требуют возможно более полной политической свободы, а следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой;

2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного вооруженного восстания, **органом которого** явится Временное Революционное Правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права, с тайной подачей голосов, Учредительное Собрание, действительно выражающее волю народа;

3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода,—III с'езд Р. С.-Д. Р. П. постановляет:

а) необходимо распространять в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости в известный ее момент появления Временного Революцион-

ного Правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программа минимум);

б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во Временном Революционном Правительстве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контрреволюционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса;

в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям;

г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во Временном Революционном Правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на Временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции» [1].

Против этого решения меньшевики подняли отчаянный поход. По их мнению, пролетарская партия должна была оставаться «партией крайней оппозиции» во время революции. Вхождение во временный орган революционного восстания они приравняли к участию социалистов в буржуазном правительстве «нормального» парламентского происхождения. В те времена, по поводу резолюции меньшевистской конференции, исходившей из этой путаницы, т. Ленин писал: «Категории парламентской борьбы вставляются в резолюции, писанные для таких условий, когда никакого парламента налицо нет. Понятие «оппозиции», явившееся отражением и выражением такой политической ситуации, когда о восстании никто серьезно не говорит,—переносится бессмысленно на ситуацию, когда восстание началось и когда о руководстве им думают и говорят все сторонники революции» [2].

Для роли парламентской оппозиции в гражданской войне нет места. Простое сравнение резолюции большевистского III с'езда с «Обращением Ц. К. союза коммунистов», составленным в марте

---

[1] «Р. К. П. в резолюциях ее с'ездов и конференций», стр. 30—31

[2] Н. Ленин. Две тактики. Сб. «За 12 лет». 1919 г., стр. 454.

1850 года, показывает, кто, в действительности, в 1905 году стоял на позиции революционного марксизма, — меньшевики-ли, передававшие решение вопроса о победе в гражданской войне в предательские руки буржуазии, или большевики, боровшиеся за революционную гегемонию пролетариата. «Смеем ли мы победить?» — спрашивал в 1905 году т. Ленин меньшевиков, всячески замазывавших вопрос о победе через вооруженное восстание.

Оппортунистическая тактика вызывала у меньшевиков большую боязнь перед победой, чем перед поражением. Боязнь власти, боязнь быстрого приближения к «последнему, решительному бою» руководила всеми их тактическими расчетами.

А. Мартынов в своих пресловутых «Двух диктатурах» запугивал этой «опасностью»: «ничего невероятного нет в том, что в той или другой стране, благодаря слепой игре революционной стихии, пролетариат очутится на момент у власти в то время, как там не будет еще об'ективных условий для социалистической революции. В каком положении тогда очутится партия, стоящая во главе пролетариата? Она, несомненно, не сможет уже суб'ективно повторить историю якобинской диктатуры, но в то же время она об'ективно не сможет еще выполнить задачу диктатуры пролетариата, и потому ее действительная роль будет неизбежно ролью несостоятельного плательщика. Если же, к тому партия очутится в таком положении, не благодаря слепой исторической необходимости, а благодаря собственному авантюризму, то история заклеймит ее названием—злостный банкрот» [1].

Меньшевики предпочитали нисходящую линию революции, которая сразу бы создала «ясность положения»... в смысле быстрого упрочения буржуазного господства на долгий срок.

Большевики, борясь за восходящую линию революции безбоязненно рвали с шаблонными буржуазными взглядами на революцию, как на простую смену правительственной верхушки.

Тов. Ленин следующим образом раз'яснял резолюцию III с'езда: «Оценка значения Временного Революционного Правительства была бы неполна и неверна, если бы был упущен из виду классовый характер демократического переворота. Резолюция добавляет поэтому, что переворот усилит господство буржуазии. Это неизбежно при данном, т. е. капиталистическом общественно-

---

А. Мартынов. Там-же, стр. 72.

экономическом строе. А результатом усиления господства буржуазии над сколько-нибудь свободным политически пролетариатом неизбежно должна быть отчаянная борьба между ними за власть, должны быть отчаянные попытки буржуазии «отнять у пролетариата завоевания революционного периода». Борясь за демократию впереди всех и во главе всех, пролетариат ни на минуту не должен позабывать, поэтому, о таящихся в недрах буржуазной демократии новых противоречиях и о новой борьбе... Раз выяснено значение Временного Революционного Правительства и отношение к нему пролетариата, возникает следующий вопрос: допустимо-ли и при каких условиях наше участие в нем (действие сверху)? Каково должно быть наше действие снизу? Резолюция дает точные ответы на оба эти вопроса. Она решительно заявляет, что в принципе участие социал-демократии во Временном Революционном Правительстве (в эпоху демократического переворота, в эпоху борьбы за республику) допустимо. Этим заявлением мы бесповоротно отделяем себя и от анархистов, отвечающих на этот вопрос принципиально в отрицательном смысле, и от хвостистов социал-демократии (в роде Мартынова и ново-искровцев) [1], пугавших нас перспективой такого положения, когда это участие могло бы оказаться для нас необходимым... Но вопрос о принципиальной допустимости, само собою разумеется, не решает еще вопроса о практической целесообразности. При каких условиях этот новый вид борьбы, борьбы «сверху», признанной с'ездом партии, является целесообразным? Само собою разумеется, что о конкретных условиях, в роде соотношения сил и т. п., говорить теперь нет возможности... Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящей в Европе, почти беспрерывно со времен Парижской Коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений

[1] Ново-искровцы—меньшевики.

и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий. Из таких условий резолюция с'езда выдвигает на первый план два: одно касается формальной стороны участия соц.-дем. во Временном Революционном Правительстве (строгий контроль партии за ее уполномоченными), другое—самого характера этого участия (ни на минуту не упускать из виду цели полного социалистического переворота).

Выяснив, таким образом, со всех сторон политику партии при действии «сверху»,—этом новом, почти невиданном доселе способе борьбы,—резолюция предусматривает и тот случай, когда сверху действовать нам не удастся. Действовать снизу на Временное Революционное Правительство мы обязаны во всяком случае. Для такого давления снизу пролетариат должен быть вооружен, ибо в революционный момент дело доходит особенно быстро до прямой гражданской войны,—и руководим социал-демократией. Цель его вооруженного давления—охрана, упрочение и расширение завоеваний революции», т. е. тех завоеваний, которые, с точки зрения интересов пролетариата, должны состоять в осуществлении всей нашей программы минимум» [1].

В июле 1905 года гений т. Ленина уже прощупал исторический поворот в международном рабочем движении.

В марте 1906 года в своей брошюре: «Победа кадетов и задача рабочей партии» т. Ленин проводил резкое различие между «народной» революцией обычного буржуазного типа и народной революцией, совершаемой под руководством действительно революционного класса.—«В чем состояло главное отличие периода «революционного вихря» от теперешнего, «кадетского» периода [2], с точки зрения различных приемов политической деятельности?—С точки зрения разных методов исторического творчества народа? Прежде всего и главным образом, в

[1] Н. Ленин. «Две тактики в демократической революции». Сб. «За 12 лет». Изд. 1919 г. Птг., стр. 418, 420, 421.

[2] Весна 1906 г.—Пора «конституционных иллюзий», пробужденных кадетской I Думой.

том, что в период «вихря» применялись некоторые особые методы этого творчества, чуждые иным периодам политической жизни. Вот наиболее существенные из этих методов: 1) «захват» народом политической свободы [1],—осуществление ее без всяких прав и законов и без всяких ограничений (свобода собраний хотя бы в университетах, свобода печати, союзов, с'ездов и т. д.); 2) создание новых органов революционной власти,—Советы рабочих, солдатских, железнодорожных, крестьянских депутатов, новые сельские и городские власти и проч., и т. п. Эти органы создавались исключительно революционными слоями населения, они создавались вне всяких законов и норм, всецело революционным путем, как продукт самобытного народного творчества, как проявление самодеятельности народа, избавившегося или избавляющегося от старых полицейских пут. Это были, наконец, именно органы власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Они действовали, как власть, захватывая, напр., типографии (Петербург), арестуя чинов полиции, препятствовавших революционному народу осуществлять свои права (примеры бывали тоже в Петербурге, где соответствующий орган новой власти был наиболее слаб, а старая власть наиболее сильна). Они действовали, как власть, обращаясь ко всему народу с призывом не давать денег старому правительству. Они конфисковывали деньги старого правительства (железнодорожные стачечные комитеты на Юге) и обращали их на нужды нового, народного, правительства—да, это были, несомненно, зародыши нового, народного, или, если хотите, революционного правительства. По своему социально-политическому характеру это была в зачатке диктатура революционных элементов народа,—вы удивляетесь, г. Бланк и г. Кизеветтер?» [2]

Вы не видите здесь «усиленной охраны», равнозначащей для буржуа с диктатурой? Мы уже говорили вам, что вы не имеете никакого представления о научном понятии: диктатура. Мы сейчас об'ясним вам его, но сначала укажем третий «метод» действия эпохи «революционного вихря»: приложение народом насилия по отношению к насильникам над народом.

Описанные нами органы власти были, в зародыше, диктатурой, ибо эта власть не признавала никакой другой власти и ни-

[1] В этой цитате всюду курсив Вл. Ильича.

[2] Кадетские публицисты.

какого закона, никакой нормы, от кого бы то ни было исходящей.

Неограниченная, внезаконная, опирающаяся на силу, в самом прямом смысле слова, власть,—это и есть диктатура. Но сила, на которую опиралась и стремилась опереться эта новая власть, была не силой штыка, захваченного горсткой военных, не силой «участка», не силой денег, не силой каких бы то ни было прежних, установившихся учреждений. Ничего подобного. Ни оружия, ни денег, ни старых учреждений у новых органов новой власти не было... На что же опиралась эта сила? Она опиралась на народную массу. Вот основное отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти. Те были органами власти меньшинства над народом, над массой рабочих и крестьян. Это были органы власти народа, рабочих и крестьян над меньшинством, над горсткой полицейских насильников, над кучкой привилегированных дворян и чиновников» [1].

Частичое разрушение старой государственной машины и хотя бы временная организация пролетарских и крестьянских масс в качестве господствующего класса—уже в 1905 году служили зародышевой формой диктатуры рабочего класса, которая должна была развиться из дальнейшего хода классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом.

Начиная с Великой Французской революции 1789—1793 года, во всех демократических революциях проявлялось стремление угнетенных и эксплоатируемых масс обеспечить свои политические и экономические интересы против господствующих классов с помощью революционной диктатуры. Но только в рабочем классе XX века, этот неоформленный и смутный протест против классового господства мог найти сознательное выражение и завершение—в виде пролетарской диктатуры, осуществляющей переход от капитализма к коммунизму.

— Болтливый фигляр французской революции 1848 года, Ламартин, был недалек от истины, восклицая: «93-й год—это не республика, это революция».

В цитированной нами брошюре т. Ленин блестяще разоблачал меньшевиков и их кадетских покровителей, как бы предвидя будущую полную капитуляцию меньшевистской социал-демократии

[1] Н. Ленин. «Победа кадетов и задача рабочей партии». Собр. соч., т. VII, ч. I, стр. 120, 121, 122.

перед буржуазией в вопросах революционного переустройства государственной власти.

«Бернштейнианцы принимали и принимают марксизм, за исключением его непосредственно-революционной стороны. Парламентскую борьбу они рассматривают не как одно из средств борьбы, пригодное особенно в определенные исторические периоды, а как главную и почти исключительную форму борьбы, делающую ненужными «насилие», «захват», «диктатуру». Все это пошлое мещанское извращение марксизма и переносят теперь в Россию г.г. Бланки и прочие либеральные хвалители Плеханова... Почему должен был возникнуть такой взгляд? Потому, что он самым глубоким образом соответствует классовому положению и интересам мелкой буржуазии. Идеолог «очищенного» буржуазного общества допускает все методы борьбы социал-демократии, кроме именно тех, которые применяет революционный народ в эпохи «вихря», и которые одобряет и помогает применять революционная социал-демократия. Интересы буржуазии требуют участия пролетариата в борьбе с самодержавием, но только такого участия, которое бы не переходило в главенство пролетариата и крестьянства, только такого участия, которое бы не устраняло совершенно старых, самодержавно-крепостнических и полицейских органов власти. Буржуазия хочет сохранить эти органы, лишь подчинив их своему непосредственному контролю,—они нужны ей против пролетариата, которому слишком облегчило бы его пролетарскую борьбу полное уничтожение этих органов»[1].

Здесь мы находим все важнейшие элементы ленинского учения о государстве, составляющего последовательное развитие взглядов К. Маркса и Фр. Энгельса.

Они предстают перед нами, как обобщенный вывод из марксистского анализа условий гражданской войны при наличии революционного, сознательного и организованного массового рабочего движения. К. Маркс в «18 Брюмера», также на основании анализа революций во Франции, делал вывод о необходимости беспощадной революционной

[1] Н. Ленин. «Победа кадетов и задачи рабочей партии». Собр. соч., том VII, ч. I, стр. 127—128.

ломки государственной машины буржуазного общества: «все перевороты только совершенствовали эту машину, вместо того, чтобы сломать ее. Партии, последовательно боровшиеся за господство, видели в обладании этим колоссальным государственным зданием главную добычу победителя»[1].

В коренном вопросе классовой борьбы, в вопросе о государственной власти, Маркс видел основное, главнейшее и самое существенное расхождение между буржуазно-реформистскими и пролетарско-революционными тенденциями общественного развития. Буржуазно-демократический реформизм завладел социал-демократией и сгубил ее, как раз воспользовавшись ее беспомощностью в деле критики оружием существующего строя.

Уже в первой революции большевизм наметил руководящие вехи в борьбе за пролетарскую диктатуру. Однако, было бы ошибочно думать, что в своих тактических расчетах 1905—7 годов он исходил из задач непосредственной борьбы за пролетарский переворот, что он хотел двинуться «прямо к цели», оставляя в стороне трезвый учет реального соотношения сил. Напротив того, восставая против меньшевистского понимания буржуазно-демократической революции, провозглашавшего буржуазию главным двигателем политического прогресса, большевизм решительно и непреклонно отбрасывал всякие иллюзии насчет возможности прямого скачка к социализму при тогдашних междуклассовых отношениях внутри страны и на международной арене. Тов. Ленин, с не оставляющей никаких сомнений ясностью, формулировал тактический план большевиков в «Двух тактиках»: «Пролетариат должен довести до конца **демократический** переворот, присоединяя к себе массу крестьянства, чтобы раздавить силой сопротивление самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии.

Пролетариат должен совершить **социалистический** переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии»[2].

Владимир Ильич безусловно отвергал смешение этих двух тактических планов, связанных между собою исторической причин-

---

[1] К. Маркс и Фр. Энгельс. Собр. соч., том III. Гос. Издат. 1921 г., стр. 221.
[2] Собр. соч., том VI, стр. 371.

ностью. «Начиная с женевских газет «Вперед» и «Пролетарий» и продолжая брошюрой «Две тактики», русские большевики всегда[1] основу своей борьбы с меньшевизмом видели в извращении[2] правыми с.-д. понятия: «буржуазная революция». Сотни раз говорили мы и показывали на бесчисленных заявлениях меньшевиков, что понимать категорию «буржуазная революция» в смысле признания за буржуазией главенства[2] и руководящей роли в русской революции есть опошление марксизма. Буржуазная[2] революция, вопреки неустойчивости буржуазии, посредством парализования неустойчивости буржуазии, вот как формулировали большевики основную задачу с.-д. в революции[3]. — Ополчаясь против меньшевистского понимания буржуазного характера первой революции—в духе парламентского кретинизма, т. Ленин писал: «только непонимание задач и сущности буржуазной революции порождает рассуждения вроде следующих: «она (наша революция) в последнем счете порождена не интересами крестьян, а (??) интересами развивающегося буржуазного общества», или: «эта—революция буржуазная и потому (!!??) она не может итти под крестьянским знаменем и руководством» («Народная дума», № 21, от 4 апреля). Выходит, что крестьянское хозяйство в России стоит на какой-то иной, не на буржуазной, почве. Интересы крестьянской массы это и есть интересы самого полного, быстрого и широкого «развития буржуазного общества», развития «американского», а не «прусского». Именно поэтому, буржуазная революция может итти под «крестьянским руководством» (вернее: под пролетарским руководством, если крестьяне, колеблясь между к.-д. и с.-д., пойдут, в общем и целом, за с.-д.). Буржуазная революция под руководством буржуазии может быть только неоконченной революцией (т. е. не революцией, а реформой, говоря строго). Она может быть действительной революцией только под руководством пролетариата и крестьянства»[4].

Но, может быть, т. Ленин и большевики ошибались и шли по стопам мольеровского героя, только наоборот: говорили социалистическими «стихами», думая, что выражаются демократической «прозой»?

---

[1] Курсив тов. Ленина.

[2] Наш курсив.

[3] Н. Ленин. «Пролетариат и его союзник в русской революции»—«Пролетарий» № 10. 20 декабря 1906 г. Собр. соч., том VIII, стр. 58.

[4] Н. Ленин. «Сила и слабость русской революции».—«Наше эхо», № 10 и 12, 5 и 7 апреля 1907 г., собр. соч., том VIII, стр. 352. Курсив т. Ленина.

— Так думает сейчас, например, т. Мартынов.

Тов. Мартынов, исследуя «российские корни нашего долголетнего партийного раскола», «заявляет»: «в настоящее время их нетрудно раскрыть: русская социал-демократия ставила себе противоречивую задачу — осуществить гегемонию пролетариата в буржуазной революции. Выяснить же себе неразрешимость этой задачи наша социал-демократия долгие годы не была в состоянии, ибо революция 1905 г. не могла быть доведена до логического конца при тогдашних международных условиях. Русская революция 1905 г. не могла победить, ибо ее победа неизбежно должна была вынести к власти пролетариат и вызвать небывалое в истории вторжение в право частной собственности уже хотя бы одним решением аграрного вопроса — два обстоятельства, достаточные для того, чтобы потрясти до основания весь капиталистический мир, связанный тысячью финансовых, экономических и идейных связей с Россией. Но капиталистический мир до того, как империалистическая война нанесла ему неизлечимые раны, имел еще достаточно жизненных сил, чтобы финансовым, а при нужде и военным, способом подавить локализированную, не поддержанную западно-европейским пролетариатом русскую революцию раньше, чем она примет угрожающие размеры. Французские миллиарды, как известно, это и сделали, а германские штыки, как тоже известно, стояли наготове у польской границы, чтобы сказать свое слово, если это понадобится. Но это не понадобилось, ибо французский заем, выпрошенный Витте-Коковцевым, и «рыцарское обещание» Вильгельма были на первый раз достаточны, чтобы вдохнуть силу и бодрость в поставленное на колени царское правительство. Революция 1905 г. не дошла и не могла дойти до логического конца. При таких условиях ни одна из наших фракций, подходивших каждая со своей точки зрения к решению неразрешимой задачи, не могла найти в опыте русской революции достаточно убедительного, для всего русского пролетариата в целом, аргумента в пользу своей правоты, и спор затягивался на долгие годы» [1].

Не даром говорят — «русский человек задним умом крепок». В 1923 году т. Мартынов об'ясняет разногласия между меньшевиками и большевиками... «недоразумением с обеих сторон» (!)

[1] А. Мартынов. «Великая историческая проверка», — «Красная Новь», 1923 г., кн. 2, март—апрель, стр. 239.

Он полагает, что он все же «перебольшевичил» большевиков, и в споре о «двух диктатурах» в 1905 г. теоретическая истина была на его стороне, когда он утверждал, что «современное буржуазное общество запишет в свою историю только две революционных диктатуры: революционную диктатуру крайних элементов буржуазии на его заре, в XVIII веке, и революционную диктатуру пролетариата на его закате» [1].

С этим никак нельзя согласиться. Реальное соотношение классовых сил определяет переход революции от одного исторического этапа к другому, от борьбы за свержение помещичье-крепостнической монархии к борьбе за ниспровержение буржуазии. Никогда не следует забывать, что «с прогрессом революции изменяется соотношение классов в революции» [2].

Но в 1905—7 г.г. этот прогресс не пошел дальше размежевания по линии классовой борьбы из-за форм буржуазно-демократического переворота. Разногласия наши с меньшевиками упирались тогда в вопрос о крестьянстве, за которым меньшевики не хотели признавать решающей роли в демократической революции.

Правильно указывал т. Ленин в свое время, что «революция 1905—7 г.г. обострила, сделала открытым, выдвинула на очередь дня антагонизм крестьянства и либеральной буржуазии в вопросе о форме буржуазного порядка в России. Политически созревший пролетариат не мог не принять самого энергичного участия в этой борьбе, и отражением его отношения к разным классам общества является борьба большевизма и меньшевизма» [3].

Тов. Мартынов ломится в открытую дверь, стараясь доказать, что политическая гегемония пролетариата в революции в развернутом и законченном виде есть пролетарская диктатура, а не переходная диктатура пролетариата и крестьянства в целом [4].

Об этом спора нет. Спор может быть только о том,—осуществлялась-ли в 1904—7 г. гегемония пролетариата по отношению к крестьянским массам или нет? Служила эта гегемония в демократической революции подготовкой к социалистической

---

[1] А. Мартынов. Две диктатуры. Стр. 66. Изд. «Книга», 1918 г.

[2] Н. Ленин. К вопросу об общенациональной революции, собр. соч., т. VIII, стр. 367.

[3] «Дискуссионный листок» (Приложение к «С.-Д.», № 3. 1911 г., 29/12. V. Н. Ленин—«Исторический смысл внутри партийной борьбы в России».

[4] Включая и деревенскую буржуазию.

диктатуре пролетариата или нет? В марте 1906 года т. Ленин отмечал, что частично, в недозрелой форме «диктатура пролетариата и крестьянства» осуществлялась в октябрьские-декабрьские дни 1905 года[1]. В перезрелой форме она, по его же словам, осуществилась в феврале—марте 1917 года, уже утратив свое революционное содержание[2]. Конечно, в 1905 г. международные условия, а также и внутренняя обстановка, соответствующая этим международным условиям—не созрели для социалистического переворота. Но как бы они стали «зреть», если бы победила тогда революция, является областью чистых гаданий. Факт тот, что два последовательных тактических плана, сформулированные в «Двух тактиках» Владимиром Ильичем, всем дальнейшим ходом русской истории были подтверждены: первоначальная группировка сил рабочего класса и крестьянства в борьбе против помещиков и колебаний буржуазии оказалась неот‘емлемой предпосылкой их дальнейшей группировки по линии социалистической революции. Тов. Ленин был безусловно прав, когда он в четвертую годовщину Советской власти писал: «Непосредственной и ближайшей задачей революции в России была задача буржуазно-демократическая. И анархисты и мелкобуржуазные демократы (т. е. меньшевики и эс-эры, как русские представители этого международного типа) говорили и говорят невероятно много путаницы по вопросу об отношении буржуазно-демократической революции к социалистической (т.-е. пролетарской). Верность нашего понимания марксизма в этом пункте, нашего учета опыта прежних революций подтвердилась полностью. Мы довели буржуазно-демократическую революцию до конца, как никто. Мы вполне сознательно, твердо и неуклонно продвигаемся вперед, к революции социалистической, зная, что она не отделена китайской стеной от революции буржуазно-демократической, зная, что борьба решит, насколько нам удастся (в конечном счете) продвинуться вперед, какую часть необ‘ятно высокой задачи мы выполним, какую часть наших побед закрепим за собой»[3].

Как и т. Мартынов, т. Троцкий не склонен признавать своих ошибок в первой революции.—«Что касается теории «перманентной революции», то я решительно не вижу оснований отре-

[1] См. „Победа кадетов и задачи рабочей партии“, Собр. соч., т. VII, ч. I.
[2] См. „Письма о тактике“. Собр. соч., т. XIV, ч. I.
[3] Н. Ленин. «К четырехлетней годовщине Октябрьской Революции». Собр. соч., том XVIII, ч. I, стр. 363—364.

каться от того, что писал по этому поводу в 1904—5—6 г.г. и позже. Я и сейчас считаю, что основной ход мыслей, развивавшихся мною тогда, несравненно ближе к действительной сущности ленинизма, чем многое и многое из того, что писалось рядом большевиков того времени» [1].

Что-же писал тогда т. Троцкий?

«В случае решительной победы революции, власть переходит в руки класса, игравшего в борьбе руководящую роль—другими словами, в руки пролетариата. Разумеется, скажем тут-же, это вовсе не исключает вхождения в правительство революционных представителей непролетарских общественных групп. Они могут быть и должны быть,—здравая политика заставит пролетариат приобщить к власти влиятельных вождей мещанства, интеллигенции или крестьянства. Весь вопрос в том, кто даст содержание правительственной политике, кто сплотит в ней однородное большинство? Одно дело—когда в рабочем, по составу своего большинства, правительстве участвуют представители демократических слоев народа; другое дело—когда в определенном буржуазно-демократическом правительстве участвуют *в качестве более или менее почетных заложников*, представители пролетариата» [2] ... «Социал-демократия не может вступить в революционное правительство, дав предварительно обязательство пролетариату ничего не уступать из минимальной программы и обещав буржуазии не переступать за пределы минимальной программы. Такое двухстороннее обязательство было бы совершенно невыполнимым. Вступая в правительство, не как бессильные заложники, а как руководящая сила, представители пролетариата *тем самым разрушают грань между минимальной и максимальной программой, т. е. ставят коллективизм в порядок дня*. На каком пункте пролетариат будет остановлен в этом направлении, это зависит от соотношения сил, но никак не от первоначальных намерений партии пролетариата [3].

В качестве одной из очередных мер рабочего правительства, переводящего революцию на социалистические рельсы, т. Троцкий указывал на «вмешательство пролетариата в организацию сельского хозяйства», которое «*начнется* не с прикрепления разрозненных работников к разрозненным клочкам земли, а с

[1] Л. Троцкий. «Новый Курс», изд. «Красная Новь». 1924 г., стр. 50—51.

[2] Л. Троцкий. «Наша революция». Книгоиздательство Н. Глаголева. Отдел «Итоги и перспективы», стр. 249—250. Курсив наш.

[3] Там-же, стр. 258.

эксплоатации крупных имений за государственный или коммунальный счет»[1]... Далее т. Троцкий высказывал ту мысль, что «без прямой государственной поддержки европейского пролетариата рабочий класс России не сможет удержаться у власти и превратить свое временное господство в длительную социалистическую диктатуру»[2].

Отсюда т. Троцкий делал довольно внезапный вывод: «Российский пролетариат, оказавшись у власти, хотя-бы лишь вследствие временной кон'юнктуры нашей буржуазной революции, встретит организованную вражду со стороны мировой реакции и готовность к организованной поддержке со стороны мирового пролетариата. Предоставленный своим собственным силам, рабочий класс России будет неизбежно раздавлен контр-революцией в тот момент, когда крестьянство отвернется от него. Ему ничего другого не останется, как связать судьбу своего политического господства и, следовательно, судьбу всей российской революции с судьбой социалистической революции в Европе»[3].

Вряд-ли нужно много распространяться о том, что в изложенном здесь плане непрерывной социалистической революции т. Троцкий игнорировал основное об'ективно-историческое содержание русской революции и, прежде всего, забывал о мужике, игравшем роль движущей силы революции. Тот же доктринерский шаблон, что и у Мартынова в «Двух диктатурах», тяготел увесистым грузом над этим «планом», который никак не мог уложиться в рамки реального тактического расчета, основанного на точном учете соотношения классовых сил. Разбирая брошюру Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции», т. Ленин противопоставлял тогдашние верные взгляды Каутского увлечению «социалистическим планом».— «Каков-же тот класс, который может помочь с.-д. пролетариату победить в теперешней революции, поддержать его и определить границы немедленно осуществимых преобразований? Этот класс, по мнению Каутского, крестьянство. Только у него есть «прочная общность экономических интересов на все время революции».—«В общности интересов промышленного пролетариата и крестьянства заключается революционная сила русской социал-демократии и возможность ее победы, но эта же

[1] Л. Троцкий. «Наша революция», стр. 277.
[2] Там-же, стр. 278.
[3] Там-же, стр. 285—286.

общность определяет и пределы возможного использования этой победы». Это значит: не социалистическая диктатура пролетариата, а демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Иными словами, Каутский формировал давнюю основную посылку всей тактики революционных с.-д. в отличие и от оппортунистов, и от «увлекающихся» [1].

Ошибка тов. Троцкого состояла в чрезвычайной переоценке «действия сверху» через государственную власть, при существовавших тогда классовых взаимоотношениях. Эта переоценка была неизбежно сопряжена с отрывом пролетарского руководства от крестьянской базы революции.

Что касается ставки «на победу в срок» рабочей революции на Западе, то она представляла собой предвосхищение ошибки «левых» коммунистов во времена Бреста.

Совсем неосновательно утверждение т. Троцкого о том, что «идея перманентной революции полностью и целиком совпадает с основной стратегической линией большевизма» [2]. Для стратегических расчетов эта идея уж никак не могла служить руководством. Если большевистский авангард в 1905—7 г.г. проложил кое-какие переходы от демократического переворота к пролетарской революции, то сохранить их за собой он мог исключительно только с помощью умелого тактического маневрирования.

Героические усилия пролетарского авангарда раскачать крестьянские массы после падения мощной волны 1905 года не привели к желанным последствиям. Помещичья монархия удержалась на своих командующих позициях в области экономики и политики. На помощь ей пришла наполовину-прямая, наполовину-косвенная поддержка либеральной буржуазии. Опираясь на эту поддержку, самодержавие попыталось сделать «еще шаг по пути к превращению в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лже-конституционными формами» [3].

---

[1] Н. Ленин—«Пролетариат и его союзник в русской революции». Собр. соч., том VIII, стр. 59—60.

[2] Л. Троцкий—«Новый курс». стр. 51.

[3] Резолюция общерусской конференции Декабря 1908 г. См. «Р.К.П. в резолюциях ее с'ездов и конференций».

Пролетарскому авангарду пришлось отступать, применяясь к изменившейся классовой обстановке. И здесь, в первый период отступления, ему грозила, прежде всего, внутренняя опасность слева. Нужно было сочетать не в условиях революционного под'ема, а в обстановке жесточайшей реакции победившего царизма «немецкие» методы работы, рассчитанные на длительное накопление организованных сил, с задачами подготовки нового «разговора по-французски», т. е. второй революции, назревавшей, по-новому, в борьбе с новым союзом помещиков и буржуазии. Владимир Ильич тогда это и втолковывал противникам участия в третье-июньской столыпинской Думе бойкотистам-отзовистам и ультиматистам [1]: «Попробуйте поставить вопрос так, как обязательно ставить его марксисту: в чем специфическая особенность политики и тактики русских социал-демократов данного момента? Мы должны сохранить и укрепить нелегальную партию, как и до революции. Мы должны неуклонно готовить массы к новому революционному кризису,—как и в 1897—1903 г. г. Мы должны всячески укреплять связь партии с массой, развивать и использовать в целях социализма всевозможные рабочие организации, как и всегда и везде все социал-демократические партии. Специфической особенностью момента является именно попытка (и неудачная попытка) старого самодержавия разрешить новые исторические задачи при помощи октябристско-черносотенной Думы. Поэтому и специфической задачей тактики для социал-демократии является использование этой Думы в своих целях, в целях распространения идей революции и идей социализма... Не суметь изнутри Думы, через наших партийных рабочих, которые могут пройти и которые прошли в эту Думу, отстоять эти идеалы, задачи и методы (революции)—значит не уметь сделать первого шага в деле политического учета опыта революции. Этим первым шагом наша задача отнюдь, и ни в коем случае, не исчерпывается. Несравненно важнее, чем первый шаг, будут шаги второй и третий, т. е. превращение уже учтенного массами опыта в идейный багаж для нового исторического действия. Но если же сами эти отзовистские пустомели говорят о «межреволюционной» эпохе, то они должны были-бы понять... что «межреволюционный» как раз и значит выдвигающий элементарные пред-

[1] Отзовисты стояли за отзыв из Думы партийной фракции, ультиматисты стояли за пред'явление ей «левого» ультиматума тоже фактически с целью ее отзыва.

варительные задачи на очередь дня»[1]. Большевики дали международному пролетариату пример революционного использования самого реакционного парламентаризма в эпоху под'ема 1912—1914 г. г. и во время войны. «Революционный класс на собственном горьком опыте учится понимать, что нельзя победить, не научившись правильному наступлению и правильному отступлению. Из всех развитых оппозиционных и революционных партий большевики отступили в наибольшем порядке, с наименьшим «ущербом» для их «армии», с наибольшим сохранением ядра ее, с наименьшими (по глубине и неизлечимости) расколами, с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачили и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях»[2].

Всякий крупный переход пролетариата от наступления к отступлению влечет за собой мелко-буржуазные сомнения в пролетарском руководстве, шатания, колебания и отход попутчиков, «разочарованных» в притягательной силе пролетарского ядра после понесенных им поражений. «Левые» позже образовали «идейную группу» «Вперед», отколовшуюся от партии и собравшую вокруг себя незначительную горстку политиканствующих бездельников вроде Алексинского, богостроителей и идеалистов Богдановского толка.

Другое проявление отхода мелкобуржуазных и буржуазно-интеллигентских попутчиков от рабочего класса заключалось в ликвидаторстве. Ликвидаторство выросло на базе меньшевизма, который с поражением первой революции приобрел отчетливый контр-революционный облик. В лице Столыпина царская монархия сделала попытку перестроиться на новый лад, пойдя на частичные уступки капиталу и «хозяйственному мужичку» и об'единив их под своим руководством. Эта попытка разрешить «по Бисмарку»—«революцией сверху» те задачи, которые была

---

[1] Н. Ленин «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства».—Приложение к № 47—48 «Пролетария» 11/24 сент. 1909 г. Собр. соч., том XI, ч I, стр. 306—307.

[2] Н. Ленин. «Детская болезнь левизны». Гос. Издат. 1920 г., стр. 13—14.

бессильна разрешить революция снизу, не имела достаточных шансов на успех, поскольку она сохраняла в неприкосновенности крупное помещичье землевладение и соответствующую ему дворянско-бюрократическую надстройку. Борьба за вторую революцию, ее упорная и систематическая подготовка стала коренной задачей пролетарского авангарда. Декабрьская обще-русская конференция 1908 г. признала, что «об'ективные задачи буржуазно-демократической революции в России остаются нерешенными... Основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 г., продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно» [1].

Меньшевики-ликвидаторы, без дальнейших разговоров, открыто повернули на «прусский», столыпинский путь, выступив в роли ликвидаторов демократической революции.

Они сделались контр-революционными «демократами» задолго до социалистической революции.

Вот послушайте, что писал, например, Н. Рожков, порвавший с большевиками: «Об'ективные условия времени—завершающийся переход к культурному капитализму—предполагают возможность, даже необходимость открытой и широкой экономической и политической организации рабочего класса. История всех капиталистических стран подтверждает это и указывает, что только при легальной организованности рабочих масс возможна культурная (!) классовая борьба. Даже теперь в России прицепиально уже не отрицается классовая организация: хотя и с трудом, но все же отчасти терпятся и профессиональные союзы и кооперативы и клубы. Прогрессизм, хотя-бы и самый умеренный, несомненно, должен будет расширить существующие слишком узкие рамки. Наконец, и это главное,—собственные насущные интересы рабочих неудержимо толкают их к организации. Культурная и планомерная борьба немыслима вне открытой и широкой политической организации. Без такой организации борьба неизбежно приняла-бы анархический (!) характер, вредный не только для рабочего класса, но и для культурной буржуазии» [2].

---

[1] «Р. К. П. (б) в резолюциях ее с'ездов и конференций», стр. 94—95.

[2] Н. Р—ков—«Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент.» «Наша Заря», СПБ., 1911 г., № 9—10.

Так Рожков убеждал Столыпина, Рябушинского и Струве допустить легальную «рабочую партию» для борьбы с революционным подпольем.

Ю. Ларин, тогда состоявший в ликвидаторах, другими словами излагал тот-же план: «Очередной задачей является проникновение широких кругов руководящих идеей о том, что в наступившем периоде рабочий класс должен организоваться не для революции, не «в ожидании революции», а просто так для твердой и планомерной защиты своих особых интересов»[1].

Этому вторил Левицкий: «Если прежняя с.-д.-ия была гегемоном в общенациональной борьбе, то будущая будет классовой партией вступивших в свое историческое движение масс»[2].

Отказ от борьбы за вторую революцию знаменовал превращение рабочего движения в придаток либерально-буржуазной «оппозиции его величества»[3]. Именно в эпоху столыпинщины решался вопрос о том, пойдет ли российское рабочее движение по пути Бернштейна, Шейдемана, Каутского и Носке, или же оно сохранит свою революционную самостоятельность и, укрепив и усилив свое подпольное ядро, поведет массы к новой борьбе за пролетарскую гегемонию. Этот период характеризовался «победой контр-революции, восстановлением самодержавия и 3-й Думой, Думой черносотенцев и октябристов. Борьба между буржуазными классами[4] за форму нового порядка сошла со сцены. Для пролетариата выдвинулась на очередь дня элементарная задача отстоять свою пролетарскую партию, враждебную и реакции и контр-революционному либерализму.

Эта задача не легка, потому что, именно, на пролетариат обрушилась вся тяжесть экономических и политических преследований, вся ненависть либералов за вырванное у них социал-демократами руководство массами в. революции»[5].

---

[1] Не имея под рукой «Возрождения» за 1910 г. и «Нашего Дела» за 1911 г., где выступал тогда Ларин, цитируем по книге Л. Каменева «Между двумя революциями». Изд. «Нов. Москва». 1922 г., стр. 453.

[2] «Наша Заря», 1910 г. № 7.

[3] Так Милюков рекомендовал кадетскую партию в противовес «оппозиции его величеству».

[4] Здесь имеется в виду борьба буржуазии и крестьянства в целом.

[5] Н. Ленин. «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России»— «Дискуссионный листок» № 3, 1911 г., 29/12. V.

Ликвидаторы стремились к политическому и организационному разрушению нелегальной партии и, по мере их сил, на деле разрушали ее. Эта ренегатская работа по старой традиции российского оппортунизма совершалась под ярлыком «рабочелюбие».

Редактор ликвидаторского легального [1] лейб-органа, господин Потресов, прикрываясь полицейскими «возможностями» столыпинщины, уговаривал рабочих не восстанавливать «прошлое», т. е. революционную пролетарскую партию: «ведь это восстанавливаемое прошлое и раньше страдало уже органическим недостатком — оно выростало на фоне слабо развитой самодеятельности рабочего класса, оно вырабатывалось не в орган, для проявления его самодеятельности, а в аппарат для внешнего руководства этим классом для управления им» [2].

Полицейский доносчик, господин Евгений Маевский [3], обосновал целесообразность ликвидации старой партии тем, что все прошлые попытки меньшевиков, «к прекращению партии, как аппарата, в партию не только как аппарат, встречали со стороны другого течения, большевистского, самое жестокое противодействие» [4].

Ликвидаторы хоронили подпольную партию, для которой они не находили никакого «дела» при их «вползании в столыпинскую легальность» [5], и, так как партийная централизация и «ленинский кружок», ядро большевиков, служили им главной помехой, они обрушивали все свои громы на «аппарат», на «иерархию», «кружковщину» за «бюрократизм», «антидемократичность» и т. п.

Тов. Ленин еще в 1906 г. разоблачал подобную же оппортунистическую демагогию Ларина: «Противопоставление партии аппарата и партии авангарда, которое делает Ларин, или партии борцов с полицией [6], партии сознательных политических борцов, кажется глубоким и полным, «чисто-пролетарского» духа. На деле это совершенно такой же интеллигентский оппортунизм, как и соответственное противопоставление,

---

[1] Заграницей выходил — «Голос социал-демократа», под ред. Л. Мартова, А. Мартынова и Ф. Дана.

[2] «Наша Заря», апрель, 1910 г., № 4.

[3] Сей муж заявил жандармам, что не может принадлежать к Р.С.-Д.Р.П., так как «такой партии не существует».

[4] «Наша Заря», 1910 г., № 11—12, ноябрь—декабрь.—«Что такое ликвидаторство».

[5] Так определял ликвидаторский «курс» Владимир Ильич.

[6] Конспиративный аппарат обусловливался этой борьбой.

делавшееся в 1899 — 1901 г.г. рабочемысленцами и акимовцами [1]. С одной стороны, когда есть об'ективные условия для непосредственно-революционного натиска масс, тогда «обслуживание стихии» [2] есть высшая политическая задача партии.

Противополагать такую революционную работу «политике», — значит низводить политику до политиканства.

Всякая форма борьбы требует соответственной техники и соответственного аппарата. Когда главной формой борьбы, в силу об'ективных условий, становится парламентская борьба, в партии неизбежно усиливаются черты аппарата для парламентской борьбы. Наоборот, когда об'ективные условия порождают борьбу масс в виде массовых политических стачек и восстаний, партия пролетариата должна иметь «аппараты» для «обслуживания», именно, этих форм борьбы, и само собою разумеется, что это должны быть особые «аппараты», не похожие на парламентские [3].

Организованная партия пролетариата, которая бы признавала наличность условий для народных восстаний и не заботилась о собственном аппарате, была бы партией интеллигентских болтунов; рабочие ушли бы от нее в анархизм, буржуазный революционизм и т. п» [4].

Последнее указание особенно важно: никто другой, как большевизм обезопасил рабочее движение России от мелкобуржуазно-анархических шатаний и уклонов, собравших на протяжении революционного развития другой страны мелкобуржуазного большинства — во Франции чрезвычайно богатую жатву. В своей идеологии борьбы за пролетарскую гегемонию в революции большевизм с'умел соединить повседневные интересы частичной классовой борьбы с задачами быстрого продвижения к революционной цели.

Отвергая необходимость «сочетания легального с нелегальным», ликвидаторы хотели проложить дорогу вростанию социал-демократии в столыпинский строй.

---

[1] «Рабочая Мысль»—газета «экономистов» (К. Тахтарев и др.) возникла в Петрограде в 1897 г. Ее программа была: «Борьба за экономическое положение, борьба с капиталом на почве ежедневных насущных интересов и стачка, как средство этой борьбы—вот девиз рабочего движения». См. Н. Ленин, собрание соч., т. 8, прим. 38. Акимов—Маховец—«экономист» типичный с.-д. либерал.

[2] В этом усматривался первородный грех партийного аппарата.

[3] Речь шла о боевых организациях партии.

[4] Н. Ленин. «Кризис меньшевизма». Собр. соч., т. VIII, стр. 43—44

Бесповоротный разрыв с ними был обязательной предпосылкой восстановления партии. «У нас две партии—таков факт, такова реальность, таково партийное бытие», констатировали большевики. «А партийное сознание все еще не учло окончательно этого факта, все еще отказывается с полной определенностью зарегистрировать этот факт и сделать из него соответствующие выводы» [1]. Беспринципное примиренчество, с течением времени самоопределившееся как «марксистский центризм», препятствовало очищению рабочего движения от либерально-буржуазного уклона, старавшегося под прикрытием старой с.-д. вывески сформироваться в «столыпинскую рабочую партию». Борясь за партию, большевизм боролся за пролетарско-революционную однородность партии, без которой пролетарский авангард не мог осуществлять своих функций руководства. Точно так же, как меньшевистско-ликвидаторская беспринципность искала себе прикрытия в идеях «широкой легальной рабочей партии», революционно-марксистский большевизм видел свою опору в сплоченной и выдержанной организации авангарда передовиков рабочего класса. И поэтому, большевизм не мог миновать борьбы с примиренчеством.

«Примиренчество», — писал т. Ленин — «есть сумма настроений, стремлений, взглядов, неразрывно связанных с самой сутью исторической задачи, поставленной перед Р.С.-Д.Р.П. в эпоху контр-революции 1908 — 11 г.г. Поэтому целый ряд с.-д. в этот период «впадал» в примиренчество, исходя из самых различных посылок. Последовательнее всех выразил примиренчество Троцкий, который едва-ли не один пытался подвести теоретический фундамент под это направление. Фундамент это такой: фракции и фракционность были борьбой интеллигенции «за влияние на незрелый пролетариат». Пролетариат зреет, и фракционность сама собой гибнет. Не изменения в отношениях между классами, не эволюция коренных идей двух главных фракций [2] лежат в основе процесса слияния фракций, дело зависит от соблюдения или несоблюдения соглашений между всеми интеллигентскими фракциями. Троцкий упорно и проповедует—уже давно колеблясь при этом то больше в сторону большевиков, то больше в сторону меньшевиков, такое соглашение (или компромисс) между

[1] Г. Зиновьев. «Что же дальше»—«С.-Д.,» № 23, 1911 г. Соч., т. 2-ой, стр. 42.

[2] Меньшевики-партийцы, сторонники Плеханова, в это время пошли на сближение с большевиками против ликвидаторов.

всеми и всяческими фракциями»[1]. Ход рассуждений примиренцев был таков же, что и меньшевиков, рассматривавших партию-авангард, как интеллигентскую, «аппаратную» или эмигрантскую надстройку над рабочим движением. Уже под'ем 1912—14 г.г. опрокинул всю эту надуманную теорию примирения с ликвидаторством, показав на деле безгранично-широкую действительно массовую связь «узкой» нелегальной партии с рабочим классом через «Правду», профсоюзы и легальные общества, думскую фракцию и революционное стачечное движение. Примиренцы, «по Каутскому» манеры 1912 г., по-центристски понимали связь между партией и рабочим класссом. Они не понимали того, что в русских условиях форма этой связи иная, чем в странах, переживавших парламентский период. В Питере нелегальная большевистская организация в 500—1.000 передовиков рабочих умела проводить в 1912—14 г.г. политические стачки, в которых участвовало сто и полтораста тысяч рабочих. То, что на Западе было делом медленной организации, в России, не выходившей из революционной лихорадки, было делом политики.

Тогда как ликвидаторы по-ревизионистски «копировали Европу», примиренцы подражали ей по-центристски. Журнал Л. Д. Троцкого «Борьба» в редакционной статье выдвигал такое принципиальное оправдание примиренчества: «Действительное единство может существовать лишь в том случае, если у партии, помимо двух крыльев, имеется становой хребет, марксистский центр, который идейно преодолел центробежные тенденции правого и левого фланга и стал оплотом партийного общественного мнения и партийной дисциплины. Никогда германская социал-демократия не могла бы сохранить своего единства, если бы оппортунистическое крыло ее (Бернштейн, Давид и др.) стояло лицом к лицу с ультра-радикальным крылом (Р. Люксембург и др.); оплотом единства и дисциплины в партии немецкого пролетариата является марксистский центр Бебеля и Каутского, сплачивающий вокруг себя не менее $^2/_3$ партии»[2].

По отношению к российскому рабочему движению это значило: «Оба крайние фланга движения—правдистский[3] и ликвидаторский—стремятся построить две непримиримые идейно-тактические

[1] Н. Ленин. «О новой фракции примиренцев или добродетельных». «Социал-Демократ», 1911 г., № 24. 18/31. X.
[2] «Борьба» 6-го июля 1914 г., № 7—8.
[3] «Правдисты» в 1913—14 г.г. был легальный синоним большевиков. Не смешивать с примиренческой венской «Правдой», выходившей в 1909—12 г.г.

линии. Эти постройки выдвигаются ими, разумеется, не из фантазии, а из действительных потребностей рабочего движения; но наши фракции направляют все усилия на то, чтобы раз'единить эти потребности, тактически противопоставить их друг другу, теоретически придать им абсолютно-непримиримое выражение. Марксистская тактика химически соединила реформистские и революционные тенденции пролетарской борьбы. Ликвидаторство и правдизм в борьбе за влияние на рабочее движение разлагают марксизм, выделяя на одном полюсе рабочий (?!) реформизм, на другом—вульгарный (!!!) упрощенный революционизм»[1].

Примиренчество исходило из выдуманного им «разделения труда»—большевики, мол, стремятся «обслужить» нелегальные потребности, ликвидаторы—потребности легальной работы.

На деле, в период 1912—14 г.г. большевики победили ликвидаторов на всех тогдашних легальных позициях—при выборах по рабочей курии в IV Думу (наша «шестерка»), в области рабочих сборов на «Правду», в профсоюзах и легальных рабочих клубах. Разногласия между большевиками и ликвидаторами коренились не в склонности их к разным видам партийной работы, а в самой постановке ее для революции или против нее. Примиренчество это избегало замечать, и это привело его к пресловутому августовскому блоку 1912 г. с ликвидаторами[2].

Примиренчество не в состоянии было усвоить того своеобразного исторического факта российской действительности, что в России после поражения 1907 года оппортунизм должен был окраситься в контр-революционные цвета. Российское рабочее движение предвосхитило развал единства на Западе. Это «единство» правой, центра и левой, об'единение их в одной партии могло существовать лишь при черепашьем шаге революционного прогресса. Уже перед войной в немецкой социал-демократии оно выродилось в блок ревизионистов и центристов против группы Розы Люксембург. Центристский «марксизм» был способен «химически соединять» буржуазный реформизм и левое пролетарское крыло марксизма только вне обстановки революционного кризиса.

[1] «Борьба за единство и марксистский центр».—«Борьба» 1914 г., № 7—8.

[2] Он был заключен на якобы «внефракционной» ликвидаторской конференции в августе 1912 года, созванной в противовес январской конференции 1912 г., восстановившей подпольную партию.

Большевики, организационно-политически отделившиеся от ликвидаторов и примиренцев-центристов на всероссийской конференции нелегальной партии в январе 1912 года, завершили этим организационное строение революционно-марксистской пролетарской партии. Они не дали себя запугать фразами о «недемократичности кружкового отбора», но выдвинули определенную политическую линию, как самую верную и действительную гарантию революционной связи с рабочим классом. Они признали организационной основой партии не «об'единение и представительство всех фракций, групп и течений», а отбор—на непримиримой идейно-политической платформе и революционной работе—передовиков рабочего класса.

Политическая бессодержательность примиренчества была проверена на практике под'емом 1912—14 годов, когда оно фактически капитулировало перед ликвидаторством, присоединившись к плану «петиционной кампании» [1] и поддержке ликвидаторской думской «семерки» [2].

Партия-авангард, подготовляющая пролетарскую гегемонию в революции в условиях реакции и осуществляющая ее при стихийном под'еме классовой борьбы, является краеугольным камнем фундамента пролетарской диктатуры. В революции 1905—7 г.г. большевики помогли рабочему классу понять свою историческую роль и выступить революционным вождем народных масс. В период разгула столыпинской реакции они отстояли революционную форму организации пролетарского авангарда и его основные кадры. Под'ем 1912—14 годов дал им возможность восстановить, укрепить и расширить массовую связь авангарда с рабочим классом, ту массовую связь, которая была завоевана большевиками еще в первую революцию. В новую эпоху войны и революции российский пролетариат, благодаря этому, вступил с лучшим вооружением и с лучшим руководством, чем любая из партий Второго Интернационала. К борьбе за превращение империалистической войны в войну гражданскую, к борьбе за пролетарскую диктатуру и социализм,—в отличие от российского рабочего

[1] Он состоял в собирании подписей среди рабочих для подачи петиции в Государственную Думу, с ходатайством о введении свободы коалиций. Кампания эта началась в 1911 г. Новая волна рабочего движения после Ленского расстрела разоблачила всю искусственность и оппортунизм петиционного плана, который полностью провалился.

[2] Чхеидзе, Чхенкели и другие.

класса,—рабочее движение Западной Европы не было подготовлено ни организационно, ни политически.

Учителям революционного марксизма, К. Марксу и Фр. Энгельсу, для полного завершения своего учения о пролетарской революции не хватало опыта новейшей классовой борьбы, перебрасывающей мост между демократической революцией и революцией пролетарской. Мост, переброшенный чартизмом, французскими революциями 1848 и 1871 г.г. между двумя этими этапами, оказался недостаточно прочным и устойчивым, вследствие тогдашней слабости рабочего класса. Большевизм, его вождь—товарищ Ленин, переложил азбуку германской социал-демократии на язык 1793 года. Он наполнил конкретным историческим содержанием промежуток между двумя революционными этапами. Это содержание и выкристаллизовалось в идею пролетарского руководства всяким революционным движением народных масс. Оно нашло свое превосходное выражение в тактике большевизма, пробившей дорогу дальнейшему развитию марксистской теории.

V.

«Война войне!»

«Струвизм [1] есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события [2], международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм, «посредством мягкости», удушить посредством об'ятий, путем якобы признания «всех», «истинно-научных» сторон и элементов марксизма, кроме «агитаторской», «демагогической», «бланкистско-утопической» стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность.

Марксизм есть теория освободительного движения пролетариата. Понятно поэтому, что сознательные рабочие должны уделять громадное внимание процессу подмены марксизма струвизмом. Двигательные силы этого процесса многочисленны и разнообразны.

---

[1] «Критические заметки» Петра Струве в 1894 г. в России положили начало буржуазному выхолащиванию марксизма.

[2] Мировая война.

Мы отметим только главные три: 1) развитие науки дает все больше материала, доказывающего правоту Маркса. Приходится бороться с ним лицемерно, не идя открыто против основ марксизма, а якобы признавая его, выхолащивая софизмами его содержание, превращая марксизм в безвредную для буржуазии святую «икону». 2) Развитие оппортунизма среди с.-д. партии поддерживает такую «переделку» марксизма, подгоняя его под оправдание всяческих уступок оппортунизму. 3) Период империализма есть раздел мира между «великими» привилегированными нациями, угнетающими все остальные. Крохи добычи от этих привилегий и этого угнетения перепадают, несомненно, известным слоям мелкой буржуазии и аристократии, а также бюрократии рабочего класса. Такие слои, будучи ничтожным меньшинством пролетариата и трудящихся масс, тяготеют к «струвизму», ибо он дает им оправдание их союза со «своей» национальной буржуазией против угнетенных масс всех наций»[1].

Тов. Ленин никогда не брал теоретического содержания марксизма вне связи с реальной классовой борьбой. Первая мировая империалистическая война со всей властностью потребовала теоретической и практической, революционной критики империализма. Но это было под силу только действительным пролетарским революционерам, а не крохоборам реформизма.

До сих пор всесторонний прогресс капитализма служил источником успехов рабочего движения. В прогрессе капитализма западно-европейская социал-демократия черпала свои организационные возможности—новый приток членов профсоюзов, новые слои сочувствующих из среды пролетаризированной мелкой буржуазии и т. д. Международная политика, так же как и внутренняя, по мнению социал-демократов, находилась под этим же «благодетельным» влиянием капиталистического роста: международное переплетение интересов капитала «давало» гарантию согласованного и гармонического развития различных национальных капитализмов друг подле друга; социал-демократии надлежало только содействовать своим влиянием такому естественному ходу вещей. Поэтому, несмотря на революционные декларации Штутгартского (1907) и Базельского (1912 г.) международных социалистических конгрессов, струвизм все больше и больше пропитывал социал-демократию,

---

[1] Н. Ленин. «Крах II Интернационала». «Коммунист», № 1. 1915 г. Сборник «Против течения». Изд. Петр. Совета. 1918 г., стр. 148.

имея материально-заинтересованную опору в мелкобуржуазных попутчиках и рабочей аристократии и бюрократии. Куновы и Каутские в мирной обстановке отвыкли видеть безвыходные противоречия капитализма, а новейшая стадия капитализма—империализм рос и креп на почве тех противоречий, которых в рамках буржуазного господства нельзя было разрубить; он выражал эти противоречия между привилегированным монополистским производством и с'уженным потреблением масс, противоречие между производством средств производства и истребления и производством средств потребления, противоречие между быстрым ростом производительных сил в одних отраслях, в одних участках мирового хозяйства и их застоем и гниением в других и т. д.

— «Монополии, олигархия, стремление к господству вместо стремлений к свободе, эксплоатация все большего числа маленьких и слабых наций небольшою горстью богатейших или сильнейших наций,—все это породило те отличительные черты империализма, которые заставляют его охарактеризовать как паразитический или загнивающий капитализм. Все более и более выпукло выступает, как одна из тенденций империализма, создание «государства-рантье», государства-ростовщика, буржуазия которого живет вывозом капитала и «стрижкой купонов». Было бы ошибкой думать, что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма: нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций. В целом, капитализм неизмеримо быстрее, чем прежде, растет, но этот рост не только становится **вообще все более неравномерными**, но **неравномерность проявляется** также, в частности, **в загнивании** самых сильных капиталом стран (Англия)» [1].

Неравномерность роста капитализма, приводящая его к загниванию и вырождению, является исходным положением теоретического познания и революционной критикою последней ступени капитализма—и империализма. В этом—«гвоздь» революционной диалектики, которая исходит из того, что противоречие ведет вперед, а не пытается замазывать, притуплять и скрывать противоречие.—

---

[1] Н. Ленин.—«Империализм, как новейший этап капитализма». Изд. 1917 г. Петроград, стр. 12.

«Именно дурная сторона, обусловливая собой борьбу, создает историческое движение» [1].

Борцы социал-демократии, разучившись бороться, разучились и понимать историческое движение. Откровенный социал-империалист Кунов в наиболее законченном виде изложил общий взгляд всех соглашателей на империализм: «Перед социал-демократической рабочей партией встает задача—по возможности устранять вредные последствия империализма и, наоборот, всемерно использовать, в интересах рабочего класса, те хозяйственные преобразования, из которых рабочий может извлечь кое-какую выгоду... С другой стороны, рабочему классу нужно добиться более сильного влияния на государственную власть или, как обычно говорят (!), завоевать политическую власть и использовать ее с тем, чтобы выгоды хозяйственного развития шли не только на пользу олигархии капитала, но давали все большую долю участия государству (?!) и рабочему классу» [2].

Эта прудоновская пошлость, принимающая «хорошую сторону» империализма и оппозиционная его «дурной стороне», во время войны 1914—1918 годов стала евангелием немецкого социал-империализма и социал-патриотизма.

Еще до войны, предвосхищая будущую каутскианскую теорию «ультра-империализма», Густав Экштейн—яркий образчик центристской трусости и половинчатости, доказывал, что «во-первых совсем не все слои буржуазии прямо (!) заинтересованы в империалистической политике, но, главным образом, работающая с капиталом высокого органического состава, крупная промышленность, что, во-вторых, задержка этой политики отнюдь не должна повести к параличу капиталистического хозяйственного развития. Эта задержка» замедлила бы накопление капитала в тяжелой промышленности, а оно как раз и мешает двигаться вперед хозяйственному развитию других индустрий и особенно земледелия. Капитал зато обратился бы больше к этим отраслям производства, они бы испытали более быстрое развитие и, особенно, земледелие было бы, наконец, втянуто в капиталистическое русло. Конечно, препятствия (!) империализму вызвали бы крупные перемены в народном хозяйстве, но развитию капитализма они бы не помешали, а только направили бы его по другим путям» [3].

[1] Карл Маркс.—«Нищета философии». Петроград. 1906 г., стр. 91.

[2] Heinrich Cunow. «Parteizusammenbruch?» Berlin. 1915. Seite 19.

[3] Gustav Eckstein. — «Imperialismus und Rüstungsbeschränkung»,— «Die Neue Zeit«. 30 Jahrgang, 2 Band, № 50—13, сентября 1912 г.—Стр. 913.

Струвизм, вера в «благословенный» автоматизм капиталистического развития, отсортировывающий все «плохое и дурное», препятствовали единому и целостному пониманию империализма, как *нового* исторического этапа. Более того, струвистские предрассудки содействовали распространению того взгляда, что «вредные» и «преходящие» стороны империализма изживутся сами собой, без всякого, боже-упаси!—революционного вмешательства. Боязнь *революционных* выводов мешала социал-демократии признать и осмыслить *факт* империалистического господства, признать его экономическим фундаментом *новых* политических отношений между классами.

— «По своей *экономической* сущности империализм есть монополистический капитализм. Уже этим определяется *историческое* место империализма, ибо монополия, вырастающая на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции, есть *переход* от капиталистического к более высокому экономическому укладу. Надо отметить в особенности четыре главных вида монополий или главных проявлений монополистического капитализма, характерных для рассматриваемой эпохи.—Во-первых, монополия выросла из концентрации производства на очень высокой ступени ее развития, это—*монополистические союзы капиталистов*: картели, синдикаты, тресты...

Во-вторых, монополии привели к усиленному захвату важнейших источников сырья, особенно для основной и наиболее картелированной промышленности капиталистического общества: для каменноугольной и железоделательной. *Монополистическое обладание важнейшими источниками сырых материалов* страшно увеличило власть крупного капитала и обострило противоречие между картелированной и некартелированной промышленностью.

В-третьих, монополия выросла из банков. Они превратились из скромных посреднических предприятий в монополистов финансового капитала... *Финансовая олигархия, налагающая густую сеть отношений зависимости на все, без исключения, экономические и политические учреждения современного буржуазного общества*, вот рельефнейшее проявление этой монополии.

В-четвертых, монополия выросла из колониальной политики. К многочисленным «старым» мотивам колониальной политики финансовый капитал прибавил борьбу за источники сырья, за вывоз капитала, за «сферы влияния»,—т. е. сферы выгодных сделок,

концессий, монополистических прибылей и пр.,—наконец за хозяйственную территорию вообще. Когда европейские державы занимали, напр., своими колониями одну десятую долю Африки, как это было еще в 1876 г., тогда колониальная политика могла развиваться не монополистически, по типу, так сказать, «свободно-захватного» занятия земель. Но когда 9/10 Африки оказались захваченными (к 1900 г.), когда весь мир оказался поделенным,—наступила неизбежно эра монопольного обладания колониями, а следовательно, — и особенно обостренной борьбы за раздел и передел мира»[1].

Если свободная конкуренция прежде, до известной степени, сглаживала неравномерный ход капиталистического развития и служила регулятором при распределении и перераспределении производительных сил, то в эпоху империализма монополия—по всем направлениям—тысячекратно усилила действие центробежных стремлений, неравномерность, непреодолимые противоречия.

Этого-то и не хотели усвоить ренегаты Каутские. Стиснутые противоречиями истории, они старались выискать лазейку назад, к «нормальным» условиям эпохи промышленного капитализма, старались обойти империалистическое соперничество.

К. Каутский следующим образом строил свою теорию «ультра-империализма», названную Владимиром Ильичем «самой тонкой, наиболее искусно подделанной под научность и под международность теорией социал-шовинизма»[2].—«Ослабление протекционистского движения в Англии, понижение пошлин в Америке, стремление к разоружению, быстрое уменьшение, за последние годы перед войной, вывоза капитала из Франции и из Германии, наконец, усиливающееся международное переплетение различных клик финансового капитала—все это побудило меня взвесить, не может ли теперешняя империалистская политика быть вытеснена новою ультра-империалистскою, которая поставит на место борьбы национальных финансовых капиталов между собою общую эксплоатацию мира интернационально-об'единенным финансовым капиталом. Подобная новая фаза капитализма, во всяком случае, мыслима... Решающим в этом отношении может оказаться ход и исход теперешней войны. Она может совершенно раздавить слабые зачатки ультра-империализма, разжигая до высшей степени национальную ненависть также (!!?) и между финансовыми капита-

[1] Н. Ленин.—«Империализм», стр. 120—121—122.
[2] «Против течения», стр. 149.

листами, усиливая вооружения и стремления обогнать в этом друг друга, делая неизбежной вторую всемирную войну... Но война может кончиться иначе. Она может привести к усилению слабых зачатков ультра-империализма. Ее уроки могут ускорить такое развитие, которого долго пришлось бы ждать во время мира.

Если дело дойдет до этого, до соглашения нации, до разоружения, до длительного мира, тогда худшие из причин, ведших до войны все сильнее к моральному отмиранию капитализма, могут исчезнуть» [1].

— Так в 1915 году Каутский чаял пришествия... Версальского мира, обнаруживая при этом всю свою «прозорливость».

Как товарищ Ленин опрокидывал этот карточный домик реформистской «теории»?

Он брал для примера три колониальных страны—Индию, Индо-Китай и Китай. Допускал временное соглашение, союз империалистических хищников между собой, об общей эксплоатации этих стран и спрашивал: «Мыслимо ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно, такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы были *не* кратковременны? Чтобы они исключали прения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах? Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния, интересов, колонии и пр., кроме, как учет *силы* участников дележа, силы обще-экономической, финансовой, военной и т. д. А сила изменяется не одинаково у этих участников дележа, ибо *равномерного* развития отдельных предприятий, трестов, отраслей промышленности, стран при капитализме быть не может» [2].

Если во время войны каутскианская теория ультра-империализма стала прибежищем идейной трусости реформизма, то еще до войны реформизм пытался отгородиться от Молоха империализма бумажным драконом демократии. Наиболее искренний из реформистов, Жан Жорэс, почти всерьез запугивал империалистических поджигателей мировой войны угрозой «перерыва» *мирной* эволюции буржуазного общества.—«*Пока длится мир, социальная революция* (!) *может совершаться в рамках закона теми средствами, которые предоставляет в распоряжение тружеников демократия, путем по-*

[1] Neue Zeit, № 5, 30-го апреля 1915 года, стр. 144—45. Цит. по сбор. «Против течения», стр. 149.

[2] Н. Ленин. «Империализм», стр. 116—117. Курсив Вл. Ильича.

степенного завоевания политической власти, путем роста экономической организованности. Но кризис великой войны ниспроверг бы эту эволюцию. Либо он разрушил бы социализм и заставил бы рабочий класс захлебнуться в кровавом потоке шовинистских страстей, либо он вынес бы революционным путем к власти смелое пролетарское меньшинство, которое бы нарушило (!) ход событий» [1]. В другом месте Жорэс заявлял: «Прежде всего война сделала бы невозможной правильную социальную эволюцию. Напротив того, при прочном мире и демократии, при полной обеспеченности народных прав и международной безопасности, переход от буржуазного общества к социалистическому строю может произойти постепенно, по взаимному соглашению (!), без насилия и пролития крови, без растраты экономических сил» [2].

Каутскианская теория ультра-империализма развилась из жорэсистской проповеди полюбовного соглашения между империалистами и международного арбитража. — Жорэс утверждал, что «есть три силы, которые работают в пользу мира. Первая это — интернациональная организация рабочего класса во всех странах. Вторая сила мира—это современный капитализм. Все больше и больше интересы перемешиваются, переплетаются, мобилизуются... Через языковые, через таможенные границы работают крупные организации промышленного и финансового капитала и банки, громадные банки стоят за их спиной. Падение кредита в Париже немедленно отзывается в Гамбурге и в Нью-Иорке... Таким образом, создается начало капиталистической солидарности, которая страшна, когда она движется низменными интересами, но которая, под влиянием единодушной воли народов, может стать в определенный момент гарантией мира... Есть, далее, третья пацифистская сила, это — возрождение англо-саксонской Америки, старого идеала пуритан... Если завтра Европа будет иметь безумие расколоться, растерзать себя на части, великий американский идеализм пристыдит нас, выступив с предложением арбитража» [3]. В этом призыве Жорэса к буржуазному благоразумию, во имя прочного кредита вообще, и в Америке в частности,

[1] Charles Rappoport. Jean Jaurès. Paris, 1916. Page 79.
[2] Там же, из Armée Noavelle, page 285.
[3] J. Jaurès. La Protestution du droit pour la paix contre la guerre. Edition de «L'Humanité p. p. 42—46. Речь в палате депутатов 19—20 декабря 1911 года.

как в свернутой ленте кинематографа, весь последующий порочный путь демократического социал-пацифизма,—и Вильсоновский «идеал» и Версальский мир, и «Лига Наций».

Международную политику пролетариата Жорэс пытался построить путем перенесения буржуазной парламентской демократии в область международных отношений. Жорэс, разумеется, не предполагал, что такой жалкой каррикатурой кончится его затея пацифистского устранения «ненормальностей» капитализма. Или международный арбитраж, или революция против правительства, отказавшегося от судейско-парламентского решения международного конфликта!—гремел Жорэс. Карлики—эпигоны жорэсизма сейчас вполне довольствуются каррикатурой «международного парламента».—Один из них писал в 1923 году: «До сего времени развитие Интернационала существенно тормозилось отсутствием учреждения, призванного регулировать международные отношения. Подобно тому, как в отдельных странах существование парламента впервые создает нормальные условия для развития массовых рабочих партий, так и в области международных отношений, с появлением Лиги Наций, Интернационал—в идее (!) международная рабочая партия—получает впервые реальную базу для своей деятельности» [1].

Каутские и Экштейны без всяких оговорок и околичностей скатились к жорэсизму в вопросах войны и мира еще до мировой войны.—«Война невыгодна капиталистам».—Этот тезис буржуазного пацифизма они стали пережевывать, особенно с наступлением войны, с большой тщательностью и с неменьшим упорством. Их буржуазно-демократическая ограниченность не мирилась с революционными выводами. Они свыклись, срослись с методами борьбы мирной эпохи, и, поэтому, даже гром пушек не был в состоянии вывести их из бездны мещанского тупоумия. Каутский в самый бешеный разгар войны «выводил» такие строки: «К империализму мы должны относиться точно так же, как к понижению заработной платы, удлинению рабочего дня, повышению цен на с'естные припасы путем налогов и пошлин и т. д. Мы должны бороться против империализма не с целью препятствовать экономическому развитию,

[1] А. Горский. «О Лиге Наций». «Социалистический Вестник», № 19 (65) 7 октября 1923 г.

а с целью заставить капиталистов поискать других путей для увеличения прибыли в области экономической эксплоатации, поднятия вывоза продуктов промышленности, ввоза сырья и пищевых веществ. Пусть они достигают этого не путем империализма, а требующими более ума (!) средствами демократии и свободного обмена продуктов» [1].

Для Каутского империализм был и остался лишь частичным извращением капитализма, и отсюда он делал вывод о возможности преодоления империализма с помощью мирных средств борьбы.

До войны даже реформист Жорэс, сторонник участия социалистов в буржуазном министерстве, видел недостаточность старых форм борьбы и организации рабочего класса в деле войны против войны: «Голос всемирного пролетариата, начинающий все же громко и сильно подниматься над нациями, взбудораженными вечным шумом беспокойства и войны, все же не может полностью повторить слова шиллеровского колокола, он может сказать: Vivos voco, mortuos plango—зову живых и оплакиваю мертвых. Он не может добавить: Fulgura frango—мечу молнии. Нам еще предстоит совершить огромную работу воспитания и организации» [2].

Поскольку мирные и легалистские методы во Втором Интернационале все более и более становились самоцелью, постольку и мир становился обязательным условием его существования и роста, мир во что бы то ни стало. В эпоху империалистического грабежа это было равносильно признанию социал-демократией всех совершенных ранее захватов, аннексий.

Будущий министр войны, Марсель Самба, в своей нашумевшей книжке: Faites le roi, sinon faites la paix («Поставьте короля, или дайте мир»!) это и выболтал: «Мы не признаем никакого права войны, но верно, что, с течением времени, насилие становится совершившимся фактом, и это не зависит от наших желаний и согласия. Мы ненавидим войну и стремимся к миру. Но стремление к миру имеет смысл только при том условии, если мы признаем status quo (статус кво), т. е. совершившийся факт».

Характерно, что, никто другой, как Карл Реннер, патриот лоскутной монархической Австро-Венгрии, внес в комиссию Копенгагенского Международного Социалистического Конгресса 1910 года,— того конгресса, который принял международный третейский

---

[1] Карл Каутский. «Национальное государство, империалистское государство и союз государств». Изд. 2-ое, Москва, 1917 г., стр. 92.

[2] Ch. Rappoport. J. Jaurès p. p. 69—70.

суд и ограничение вооружений,—предложение «гарантировать территориальную неприкосновенность существующих государств» [1].

Уже до войны лозунг защиты отечества было трудно оправдывать «правом наций на самоопределение», ибо это право, при господстве империализма, со стороны великодержавных стран, превратилось в право грабежа и захвата.

Во время войны товарищ Ленин разоблачил двусмысленность определения Каутским империализма, как политического стремления промышленных капиталистических наций подчинить себе аграрные страны.

«Для империализма характерно как раз стремление к аннексированию не только аграрных областей, а даже самых промышленных, ибо, во-1-х, законченный раздел земли вынуждает, при переделе, протягивать руку ко всяким землям; во-2-х, для империализма существенно соревнование нескольких крупных держав в стремлении к гегемонии, т. е. к захвату земель не столько прямо для себя, сколько для ослабления противника и подрыва его гегемонии» [2].

Каутскианский центризм и в этом отношении кривил душой в угоду империализму. И в этом отношении он проявлял свойственную ему «дальновидность» по части грядущих перспектив Брестского и Версальского мира!

Если центрист Рудольф Гильфердинг первый в общих чертах под‘итожил сказанное в международной экономической и социалистической литературе об империализме [3], то и он быстро «дал задний ход», когда дело дошло до марксистской критики империализма на деле.

Второй Интернационал в подавляющем большинстве своем в момент мировой катастрофы оказался в плену у струвизма и буржуазного реформизма и в области понимания капиталистической экономики, и области понимания буржуазной политической надстройки.

Понятно, что он по-струвистски принял и войну, расставшись раз и навсегда с азбукой марксизма.

—«Интернационал есть орудие мирного времени. В период войны,—все вправе и обязаны защищать свое отечество; истинный интер-

[1] Jnternationaler Sozialistenkongress zu Kopengagen, seite 102.
[2] Н. Ленин. Империализм, стр. 88 Курсив т. Ленина.
[3] «Финансовый капитал»,—на нем. яз. вышел в 1910 г.

национализм состоит в признании этого права за социалистами всех наций, в том числе и воюющих с моей нацией»[1].

В этих положениях Каутского фаталистическая вера в капитализм достигла своего кульминационного пункта. Даже и с помощью империалистической войны капитализм прогрессирует и ослабляет свои противоречия: да будет воля его!

Роза Люксембург блестяще высмеяла эту жалкую «теорию» пресмыкания:

«Как падшая девица, эта теория уверяет нас, что между сегодняшней практикой социализма и его прошлым царит полнейшая гармония, что нельзя упрекнуть ни одну из социалистических партий в чем либо таком, что бы ставило под вопрос их принадлежность к Интернационалу. Однако, одновременно эта гибкая и уклончивая теория имеет в кармане готовое об'яснение противоречия, существующего между нынешней позицией международной социал-демократии и ее прошлым, того противоречия, которое бьет в глаза слепому.

— Интернационал вентилировал только вопрос о предохранении войны. Но вот «случилась война», как гласит формула, и выяснилось, что после наступления войны социалистам приличествует другая позиция, чем до войны. Раз война налицо, для пролетариата любой страны есть лишь один вопрос: победа или поражение. Или, как пояснил один «австро-марксист», Фр. Адлер, выражаясь более естественно-научно-философски: нация, как всякий организм, должна бороться за свое существование.

На добром немецком языке это значит: для пролетариата нет одного правила поведения, как это было провозглашено научным социализмом, но есть два правила: одно для мирного времени, другое для военного. В мирное время внутри страны—классовая борьба, вне ее—интернациональная солидарность; во время войны внутри—солидарность классов, вне ее—борьба между рабочими разных стран.

Всемирно-исторический призыв Коммунистического Манифеста подвергнут существенному дополнению и ныне, с поправкой Каутского, гласит: Пролетарии всех стран, соединяйтесь в мирное время и режьте друг другу глотку во время войны!..

[1] Die Neue Zeit, 2 октября 1914 г.

Эта приятная теория провозглашает вдобавок совершенно новую «ревизию» исторического материализма, ревизию, по сравнению с которой все прошлые попытки Бернштейна являются невинной детской игрой. Пролетарская тактика перед наступлением войны и после ее наступления следует по совершенно различным, прямо-противоположным линиям. Это предполагает также, что и общественные условия,—основы нашей тактики,—коренным образом различны в мирное и в военное время. Согласно историческому материализму,—как его обосновал Маркс,—вся предшествующая писанная история есть история борьбы классов. Согласно пересмотренному Каутским материализму сюда нужно добавить: за исключением войн. Таким образом общественное развитие, не мало уже веков прерываемое войнами, следует такой схеме: период классовой борьбы, потом пауза, во время которой классы об'единяются и сообща ведут национальные войны, затем опять период классовой борьбы, опять пауза и об'единение классов, и так, с неподражаемой грацией, дальше... Это теория развития на манер Ваньки-Встаньки» [1].

Оппортунистическое, реформистско-центристское большинство Второго Интернационала имело перед глазами только параллельный рост международных связей рабочего движения в соответствии с ростом международных связей капитализма. Оно базировало свою деятельность исключительно на международном «разделении труда» в границах капитализма, на международном «разделении труда» национальных капитализмов между собой.

В этих рамках происходило согласование национальных — частичных, «пятачковых» интересов отдельных ветвей рабочего движения с общими интересами интернационального об'единения пролетариата.

Возвращаясь из Штутгарта в 1907 г., Жорэс говорил: «Паролем Интернационала в Штутгарте было: «ни измены социализму и рабочему классу, ни измены отечеству!» [2].

Перерождение промышленного капитализма, с помощью свободной конкуренции, поддерживающего международное разделение труда, в империализм, подорвало почву у реформистского учения о согласованности национальных интересов буржуазной демократии

---

[1] Rosa Luxemburg. «Der Wiederaufbau der Jnternationalen». «Die Internationale». Heft 1, April 1915.

[2] Ch. Rappoport. J. Jaures. p. p. 266—267.

с интернациональными интересами социализма. Война же сделала тайное явным. Вростание верхушек рабочего движения в буржуазно-империалистическое государство под покровом буржуазной демократии привело к краху. Продувной ревизионист, Эдуард Давид, об этой победе буржуазии поведал без всяких обиняков: «С каждым шагом вперед гражданского равноправия, с каждой новой ступенью хозяйственного и культурного под‘ема растет чувство солидарности народа на случай нападения извне. В этом вся тайна краха интернациональной пролетарской солидарности с наступлением войны» [1].

Желтая социал-демократия не справилась с исторической диалектикой, оказалась не в силах понять превращения международных связей капитализма из фактора мира в фактор войны. Когда война разбила прежнее международное «разделение труда» между отдельными государственно-территориальными участками мирового хозяйства и прежнее «равновесие сил» на международной арене, рухнула и та международная постройка, которая держалась на реформистском фундаменте буржуазной демократии.

Система империалистических государств из состояния «вооруженного равновесия» перешла в состояние взаимной вооруженной борьбы.—Автоматически, повинуясь механическому нажиму этой «системы», Второй Интернационал от реформистских попыток сглаживания и примирения национальных противоречий империализма перешел к «защите отечества» и гражданскому миру,—«священному единению классов». От мирной поддержки империалистического «международного равновесия» Второй Интернационал скатился до вооруженной поддержки этого, уже нарушенного войной «равновесия»! В первый период войны лозунгом этой поддержки у каутскианского центра была формула: «нужно выбирать между победой и поражением»; во второй период империалистической бойни трусливым пересказом ее стал лозунг: «ни победы, ни поражения!»

«Всяк за себя, а бог—т.-е. капитализм—за всех»,—так решили Каутские, Вандельвельдэ, Альберты Тома и Гендерсоны, предложив пролетариату своих стран,—плечо о плечо с буржуазией,—сражаться за свою «национальную» долю дохода от мирового хозяйства.

[1] Eduard David. «Die Sozialdemokratie im Weltkrieg. — Berlin 1915. Seite 185

Национальные интересы мелкобуржуазных попутчиков, рабочей аристократии и рабочей бюрократии, заинтересованных в подачках от империалистических сверх-прибылей, победили международные интересы рабочего класса.

Тред-юнионистский и парламентско-демократический реформизм, всегда эксплоатирующий цеховую раздробленность рабочего класса в угоду буржуазии, воспользовался и здесь его национальной раздробленностью в ее интересах.

Империалистическая война создала новую революционную обстановку, новую революционную ситуацию, поставив на карту существование всех буржуазных «отечеств», столкнув между собой все коренные противоречия мирового капитализма и мобилизовав миллионы людей в тылу и на фронте для целей империалистического захвата. Борьба за власть между империалистическими хищниками выдвинула на очередь дня борьбу за власть между буржуазией и пролетариатом.—«Социализм или империализм»—к этой исчерпывающей альтернативе сводилась политическая ориентировка рабочих партий за последнее десятилетие. С наступлением мировой войны слово облеклось в плоть, альтернатива из исторической тенденции стала политической ситуацией» [1]. Самый факт мировой войны означал крах всех попыток сглаживания и примирения империалистических противоречий в границах буржуазного строя.

Большевики всегда следовали тому тактическому правилу, которое гласило: «Задача передового класса в революции—познать направление борьбы и исчерпать все шансы, все возможности для победы. Такой класс должен первым встать на непосредственно-революционный путь и последним его покинуть для других, более «будничных», более «обходных путей» [2]. И поэтому, когда разразилась война, большевики, можно сказать, в единственном числе, дали исчерпывающую, последовательно-революционную оценку положения, сказав: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный Базельской (1912 г.) резолюцией [3] и вытекающий из всех условий империалистской войны между высокоразвитыми буржуазными странами. Как бы ни ка-

---

[1] Р. Люксембург. Там же.

[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 35, курсив Вл. Ильича.

[3] Международного Социалистического Конгресса.

зались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом»[1].

В условиях военной диктатуры буржуазии, всякое проявление классовой борьбы должно было носить в себе зародыш гражданской войны. С другой стороны, лишь поскольку классовая борьба переходила в открытую и сознательную гражданскую войну, в революцию, она могла рассчитывать на международное влияние, на прямую помощь и поддержку пролетариев других стран.

Важнейшая, бессмертная заслуга т. Ленина в области критики империализма, что он, в отличие от центристов—Руд. Гильфердинга и др., с особой настойчивостью вскрывал и подчеркивал с самого начала войны неравномерность развития отдельных стран в эпоху империализма, ту неравномерность, которая не допускала задерживать революционную подготовку и победу в одной стране в ожидании созревания других, более отсталых.—«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма. Отсюда следует, что возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране»[2].

Весь Второй Интернационал все свои интернациональные выступления, начиная с отказа от голосования военных кредитов и вплоть до утопической панацеи всеобщего отказа от мобилизации[3], обусловливал их одновременностью и одинаковостью во всех странах... во избежание ущерба «возлюбленному отечеству».

Каутские и К-о пытались изобразить большевиков в качестве вспышкопускателей, готовых «делать» революцию по заказу.

Тов. Ленин неизменно отвечал на эти выпады указанием на обязательность немедленной революционной подготовки. Когда Павел Аксельрод защищал Вандервельде, отстаивая его «право» на защиту отечества, т. Ленин бичевал эту пошлость и показывал, как нужно соединять вынужденный отказ от немедленной революции с революционной борьбой, приближающей взрыв массового движения.—«Бельгийской «стране» в данной конкретной войне, если относиться отрицательно, или издевательски, или ха-

[1] Манифест Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. (большевиков) в сентябре 1914 г. См. «РКП. в резолюциях с'ездов и конференций», стр. 165.

[2] Н. Ленин—«О лозунге Соединенных штатов Европы». «С.-Д.» № 44, 23 августа 1915 г. Сб. «Против течения», стр. 132.

[3] «Военная стачка»—идея Густава Эрве, ставшего затем агентом Пуанкарэ.

латно к социалистическому перевороту, нельзя помочь иначе, как помогая царизму душить Украину. Это—факт. Обходить его со стороны русского социализма есть цинизм. Кричать о Бельгии и молчать о Галиции есть цинизм. Что же было делать бельгийским социалистам? Если они не могли совершить социального переворота вместе с французами и т. д., им надо было подчиниться большинству нации в данный момент и итти на войну. Но, подчиняясь воле класса рабовладельцев, надо было на них свалить ответственность, не голосовать кредитов, послать Вандервельдэ не в министерские поездки к эксплоататорам, а в организаторы (вместе с революционными социал-демократами всех стран) нелегальной революционной пропаганды «социалистического переворота» и гражданской войны; надо было и в армии вести эту работу (опыт показал, что возможно даже «братанье» рабочих-солдат в траншеях воюющих армий!). Болтать о диалектике и марксизме и не уметь соединить необходимое (если оно на время необходимо) подчинение большинству с революционной работой при всяких условиях есть издевательство над рабочими, насмешка над социализмом» [1].

Такое соединение было осуществимо только для людей, ставящих международное единство рабочих выше «национального» единства классов.

Война подчинила внутреннюю политику внешней и отсюда с неизбежностью следовала обязательность не ограничивать, не суживать и не урезывать революционных лозунгов интересами «защиты отечества», боязнью нарушить неустойчивое «равновесие» борющихся сил на фронтах. Всякая урезка в этом отношении, уступка социал-патриотизму была равносильна отказу от проповеди гражданской войны. Колебавшаяся в сторону центризма, Парижская русская С.-Д. группа [2] «Наше слово», напр., считала желание поражения царской России «уступкой политической методологии социал-патриотизма». Тов. Ленин беспощадно боролся с такими колебаниями: «Революционная борьба против войны есть пустое и бессодержательное восклицание, на которое такие мастера герои Второго Интернационала, если под ней не разуметь революционные действия против своего правительства и во время войны... А революционные действия во время войны

[1] Н. Ленин—«Русские Зюдекумы». «С.-Д.» № 37, 1 февраля 1915 г. Сб. «Против течения», стр. 48—49. Курсив Вл. Ильича.

[2] Группа Л. Д. Троцкого и других.

против своего правительства, несомненно, неоспоримо означают не только желание поражения ему, но на деле и содействие такому поражению» [1].

Бернская конференция секций заграничной организации большевиков в марте 1915 года уточнила значение лозунга поражения:

«В каждой стране борьба со своим правительством, ведущим империалистическую войну, не должна останавливаться перед возможностью в результате революционной агитации поражения этой страны. Поражение правительственной армии ослабляет данное правительство, способствует освобождению порабощенных им народностей и облегчает гражданскую войну против правящих классов. В применении к России это положение особенно верно. Победа России влечет за собой усиление мировой реакции, усиление реакции внутри страны и сопровождается полным порабощением народов в уже захваченных областях. В силу этого поражение России при всех условиях представляется наименьшим злом» [2].

Лозунг поражения отечества в империалистической войне являлся выражением додуманного до конца курса на взрыв и уничтожение империалистической государственной машины. Победоносное осуществление гражданской войны было немыслимо без этого.

Проповедь гражданской войны была неразрывно связана и с другими неот'емлемыми условиями осуществления диктатуры пролетариата: с полным уничтожением буржуазной монополии на военное господство и вооружением пролетариата для борьбы за власть.

— «Во всяком классовом обществе, — будь оно основано на рабстве, крепостничестве, или, как теперь, на наемном труде, — угнетающий класс бывает вооруженным. Не только теперешнее постоянное войско, но и теперешняя милиция — даже в самых демократических буржуазных республиках, напр. в Швейцарии — есть вооружение буржуазии против пролетариата... Нашим лозунгом должно быть: вооружение пролетариата для того, чтобы победить, экспроприировать и обезоружить буржуазию. Это —

---

[1] Н. Ленин.—«О поражении своего правительства в империалистской войне». «С.-Д.» № 43. 26-VII 1915 г. Ст. «Против течения», стр. 110.

[2] «Р. К. П. в резолюциях ее с'ездов и конференций», стр. 171—172. Курсив подлинника.

единственно возможная тактика революционного класса, тактика, вытекающая из всего об'ективного развития капиталистического милитаризма, предписываемая этим развитем»[1].

Борьба за пролетарскую гегемонию в российской революции т. Ленину и большевизму служила, так сказать, методологическим подходом к решению вопросов империалистической войны.

Из анализа своеобразного сочетания под диктатурой империализма высокоразвитых капиталистических стран и отсталых патриархально-крестьянских колоний, уже прочно сложенных классов буржуазного общества и его промежуточных, «переходных» слоев, передовых и отсталых элементов политики и экономики, т. Ленин извлекал вывод о возможности мобилизации под пролетарским руководством самых разнообразных масс трудящегося и эксплоатируемого населения. Тактический расчет на союз пролетариата с крестьянством он не только распространял и на Западную и на Восточную Европу, где война далеко двинула вперед экспроприацию мелкобуржуазных слоев крупным капиталом, но и на колониальный Восток, подтолкнутый войной на дорогу капиталистического развития и борьбы за свою национальную самостоятельность. Отвлеченная «теория империализма»—без критики, «защиты отечества» и лозунга гражданской войны, без конкретной перспективы пролетарской борьбы за руководство полупролетарскими и мелкобуржуазными массами и угнетенными народами, без включения «неравномерности капиталистического развития» в план борьбы за социалистический переворот,—была пустой и безжизненной схемой. Такую схему могли «открыть» Гильфердинги, но вложить революционный смысл в мертвые чертежи они были бессильны.

«Это было делом Владимира Ильича Ленина».

Теория перестала быть «небесной туманностью». Традиционному меньшевистскому пониманию социалистической революции именно большевистским анализом условий империалистической войны был нанесен смертельный удар.

В октябре 1916 года т. Ленин писал: «Думать, что мыслима социальная революция без восстаний маленьких наций в колониях и в Европе, без революционных взрывов части мелкой буржуазии со всеми ее предрассудками, без движения несознательных пролетарских и полупролетарских масс против по-

[1] Н. Ленин. «О лозунге «разоружения». Сборник «С.-Д.» № 2. Окт. 1916 г.— «Против течения», стр. 523—524.

мещичьего, церковного, монархического, национального и т. п. гнета,— думать так, значит, отрекаться от социальной революции. Должно быть, выстроится в одном месте одно войско и скажет: «мы за социализм», а в другом другое и скажет: «мы за империализм», и это будет социальная революция!... Кто ждет «чистой» социальной революции, тот никогда ее не дождется. Тот революционер на словах, не понимающий действительной революции...

Социалистическая революция в Европе не может быть ничем иным, как взрывом массовой борьбы всех и всяческих угнетенных и недовольных. Части мелкой буржуазии и отсталых рабочих неизбежно будут участвовать в ней — без такого участия невозможна массовая борьба, невозможна никакая революция — и столь же неизбежно будут вносить в движение свои предрассудки, свои реакционные фантазии, свои слабости и ошибки. Но об'ективно они будут нападать на капитал, и сознательный авангард революции, передовой пролетариат, выражая эту об'ективную истину разношерстной и разноголосой, пестрой и внешне-раздробленной массовой борьбы, сможет об'единить и направить ее, завоевать власть, захватить банки, экспроприировать ненавистные всем (хотя по разным причинам!) тресты и осуществить другие диктаторские меры, дающие в сумме ниспровержение буржуазии и победу социализма, которая далеко не сразу «очистится» от мелкобуржуазных шлаков» [1].

Европейское оппортунистическое, меньшевистское представление о социалистической революции, как о «планомерном» переходе политической и экономической власти из рук — численно доведенной до минимума — буржуазии в руки исключительно пролетарского большинства общества выработалось под влиянием изолированности пролетарской классовой борьбы от промежуточных слоев трудящихся в условиях мирной эпохи. В руках класса капиталистов буржуазная демократия в мирных условиях играла роль не только орудия политического угнетения и обмана пролетариата, но и средства психологического давления на пролетариат. Буржуазия терроризировала пролетариат демократическим большинством, якобы стоявшим за ее спиной. Поскольку рабочий класс был опутан по рукам и ногам реформистской идеологией непротивления буржуазному злу революционным насилием, постольку он сам закрывал себе доступ к промежуточным слоям трудящихся,

---

[1] Н. Ленин. «Итоги дискуссии о самоопределении». Сб. «С.-Д.», № 1. Октябрь 1916 г.—«Против течения», стр. 426—427, курсив т. Ленина.

постольку он сам не был в состоянии вступить на революционный путь.

Реформистская тактика, методы борьбы и формы организации делали его бессильным орудием и жертвой буржуазных влияний.

Товарищ Ленин и большевизм разорвали с этой приспособленческой традицией.

В империалистическую войну партия большевиков вошла с другими методами, с другим вооружением, с другой идеологией.

Империалистическая война выдвинула все «проклятые вопросы» капитализма в революционной постановке. Для революционного решения их «русский опыт» оказался наиболее пригодным. Борьба за пролетарскую гегемонию в российской революции оказалась незаменимой школой подготовки для обучения и западноевропейского рабочего движения новой тактике классовой борьбы.

Большевистский лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую не ограничивался тем, что указывал на необходимость революционной подготовки международного социалистического переворота. Он брал отправным пунктом борьбу империалистических трестов за господство над миром и этой борьбе за империалистическую гегемонию над массами трудящихся и угнетенных народов земного шара противопоставлял борьбу за пролетарскую гегемонию, борьбу за пролетарское руководство полупролетарскими, крестьянскими и национально-освободительными движениями.—С помощью войны империализм стремился найти выход из порожденных им противоречий. С помощью революционной борьбы пролетариат и должен был привлечь на свою сторону угнетенные и эксплоатируемые массы, чтобы, опираясь на их поддержку, разрушить империалистическое господство.

Пролетарская гегемония в революционной борьбе оказалась и на Западе обязательной предпосылкой завоевания пролетарской диктатуры. Империализм обобщил, интернационализировал специфические— «русские» условия борьбы. Вместе с этим и «русская» тактика приобрела значение международного правила поведения, международного образца. До русской революции 1905 г. раскол в международном социализме шел по линии размежевания ортодоксов и ревизионистов, по линии формального признания или отрицания классовой борьбы. Споры об отношении реформ к революции в тот период не задевали прямо коренных вопросов массовой классовой борьбы. С «практической» точки зрения ревизионизм

выглядел только как известный уклон в рамках единого движения. Многие ортодоксы из будущего «марксистского центра» не желали брать в серьез опасности реформистского вырождения социал-демократии и проявляли чрезвычайное примиренческое благодушие.

Русская революция уже вызвала более глубокие расхождения также и в самом ортодоксальном лагере. Но лишь первая империалистическая война со всей резкостью, остротой и глубиной поставила вопрос о взаимоотношении между реформой и революцией. Военная диктатура помещиков и капиталистов одним взмахом смела «конституционную почву» и потребовала открытого выбора между безусловным подчинением и революционной борьбой.

При этом окончательном размежевании между буржуазным и пролетарским крылом рабочего движения реформисты и центристы очутились в одном лагере.

Война вынудила высказать то, что есть,—признать позорный крах Второго Интернационала. Единым фронтом Каутские и Носке, Шейдеманы и Гаазе в самый решающий момент пошли против рабочего класса. Строительство III Интернационала должно было начаться с беспощадного размежевания с предателями-реформистами и центристами.

И в этом отношении большевистская партия оказалась опять-таки в несравненно более благоприятном положении, чем немецкие спартаковцы и другие представители революционного марксизма на Западе. Предварительную работу очистки рядов рабочего движения от ликвидаторства и примиренческих колебаний она произвела в обстановке революционного под'ема. Ликвидаторско-примиренческий блок с наступлением войны стал социал-патриотическим и, тем самым, еще больше подорвал свою связь с массами. Горстки «кандидатов» в российскую рабочую аристократию, сгруппировавшиеся вокруг военно-промышленных комитетов, не встретили никакого сочувствия своей тактике братания с Гучковым и Милюковым. Большевикам не пришлось, подобно спартаковцам в период войны, рекрутировать ядро своих сторонников в рядах реформистской социал-демократии.

Но на Западе большевизму пришлось с величайшим напряжением сил бороться с остатками прошлого. Участвуя на Циммервальдской (1915 г.) и Кинтальской (1916 г.) международных социалистических конференциях, состоявших в большинстве своем из тогдашних сторонников левого центра—каутскианцев и полукаутскианцев, большевики вынуждены были мириться с отсрочкой

полного организационного разрыва. «Циммервальдская левая» организовалась из лево-интернационалистских представителей этих конференций, как идейно-политический и организационный зародыш Коммунистического Интернационала.

Если в первую полосу войны каутскианский центр выполнял по преимуществу роль «марксистского» прикрытия воинствующего социал-империализма, то во вторую полосу, с началом роста массового недовольства империалистической бойней, он выступил в качестве пацифистского буфера, разрежающего революционную атмосферу. Это были люди, которых так убийственно-метко зарисовал Карл Либкнехт в своих «Письмах Спартака».

— «После полутора лет войны при голосовании пятого миллиарда военных ассигновок, 21 декабря 1915 года кучка голосующих против кредитов возросла до 20. Есть ли это спасение? Ситуация может запутать. Нарисуем себе ясную картину.

Спасением может быть такое фракционное меньшинство [1], которое единодушно по вопросу о сущности социализма и империализма, о задачах пролетариата в борьбе с империализмом и войной, о методах борьбы,—едино в стремлении бороться; фракционное меньшинство у которого есть решимость на каждом шагу, всеми мерами, открытой борьбой, разрушать гражданский мир, безостановочно вести классовую борьбу против войны, правительства и господствующего общественного строя; фракционное меньшинство, не задерживающее революционные силы, но творящее все новые и новые—смелым развязыванием инициативы.

Померим этим аршином людей 21 декабря и их дела! Едины ли они в основном понимании? Ничуть! Кто они эти немногие представители принципиального интернационализма, которые, по существу, отвергают путаную фразу о защите отечества, и находятся рядом со всевозможными «противниками захватов», цепляющимися за эту фразу, по всякому случаю парадирующими своим «истинно-патриотическим» сердцем и изредка лишь обнаруживающими волосок аннексионистской политики в супе империалистической «защиты отечества»; рядом с верующими в «гарантии», с живущими верой в Гинденбурга и Фалькенгайна [2] и думающими, что «Германия уже достаточно победила», враги и защитники политики 4 августа, огонь и вода вместе?...

---

[1] Меньшинство с.-д. фракции рейхстага.

[2] Немецкий военный министр.—«Гарантии безопасности на случай мира»—прикрытое название аннексий.

Едины ли они в своем отношении к большинству фракции? Ничуть. Лишь немногие хотят избрать принципом своего поведения беспощадное открытое сопротивление и беспощадную открытую борьбу против него. Большинство из них не осмеливается «нарушить дисциплину» при голосовании кредитов, старается по-адвокатски успокоить свою «дисциплинированную» совесть, клянется охранять партийное единство, восхваляет свой запоздалый радикализм, как лучшее средство для подмасливания недовольных масс и ободряет себя и фракционное большинство надеждой на скорое возобновление верного содружества. И потом, насколько они тверды и заслуживают доверия эти ново-обращенные в декабре, оппозиционность которых навеяна настроением масс? Этот политический сыпучий песок должен еще затвердеть, стать камнем,—раньше, чем на нем можно будет что-нибудь строить» [1].

Не порывая с защитой буржуазного отечества в разбойничьей войне, социал-пацифисты пытались эксплоатировать растущую тягу измученных масс к миру, чтобы нажить себе на этом политический капиталец.

Мало-мальски серьезная борьба за прекращение империалистической бойни была невозможна без революционной подготовки гражданской войны. Но как раз этого-то больше всего боялись представители социал-пацифистского фразерства и обмана.

Их старшие братья, откровенные социал-империалисты закончили свой переход из лагеря рабочего класса в лагерь буржуазии вхождением в империалистические правительства войны и полной поддержкой режима военно-буржуазного террора.

Они ограничили свой «интернационализм» рамками дозволенного этим террором воздыхания о мире между правительствами.

Социал-империалисты взяли на себя задачи непосредственного обслуживания войны; каутскианцы-социал-пацифисты задачу обслуживания империалистической дипломатии, — нащупывания возможностей империалистического мира «по соглашению» [2]. В этом виде осуществлялось разделение труда между элементами 2-го и будущего—$2^1/_2$-го Горе—Интернационалов в период войны.

---

[1] Karl Liebknecht. Reden und Aufsätze, 1921. Verlag, der Kommunistischen Internationale. Seite 89—90.

[2] Verständigungsfrieden—такова была формула и Шейдеманов и Каутских во вторую половину войны.

Тов. Ленин совлекал эту предательскую маску лицемерия с социал-пацифистских приспешников империализма: «Интернационализм Каутского и меньшевиков [1] состоит вот в чем: от империалистического буржуазного правительства требовать реформ, но продолжать его поддерживать, продолжать поддерживать ведомую этим правительством войну, пока все воюющие не приняли лозунга: без аннексий и контрибуций... Одобряя внешнюю политику меньшевиков [2], об'являя ее интернационалистской и циммервальдистской, Каутский, во-1-х, показывает этим всю гнилость циммервальдского оппортунистического большинства (не даром мы, левая Циммервальда, сразу отгородились от такого большинства), а во-2-х—и это самое главное—Каутский переходит с позиции пролетариата на позицию мелкой буржуазии, с позиции революционной на позицию реформистскую. Пролетариат борется за революционное свержение империалистской буржуазии, мелкая буржуазия—за реформистское «усовершенствование» империализма, за приспособление к нему, при подчинении ему» [3].

В период Керенщины в 1917 г. в России каутскианский центризм имел случай проверить себя в неестественном положении—у власти,—точно так же и с таким же успехом, как во время ноябрьской революции 1918 г. в Германии!

Для пролетариата не было выхода из империалистической войны при условии единовременного и общего признания всеми империалистическими хищниками «демократической программы мира». Расчет на такое признание мог быть только обманом.

А между тем, каутскианский социал-пацифизм на протяжении всей войны и даже раньше «теоретически» обосновывал возможность международной гармонии и согласия между интересами различных национально-империалистических групп.

Ни возрастающего несоответствия и противоречий в развитии капитализма, ни загнивания и «израсходования» капитализма в историческом смысле он как будто не видел. Здесь он остался до конца верен теоретической традиции буржуазного сикофантства, адвокатски оправдывающего капиталистический строй.

Тов. Ленин видел бесконечно дальше других, предупреждал еще в 1908 году о смертельном бое между марксизмом и реви-

---

[1] Здесь он имел в виду специально русских оборонцев после победы февральской революции.

[2] Чхеидзе, Церетелли и др. в 1917 г.

[3] Н. Ленин «Пролетарская революция и ренегат К. Каутский». Изд. Петросовета 1919, стр. 57, 58, 59.

зионизмом в тот момент, когда «пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих непосредственное значение для определения поведения масс».

Большевизму еще во время войны пришлось также столкнуться с уклоном «левого коммунизма» в среде революционных интернационалистов. Этот уклон проявился по отношению к национальному вопросу. Тов. Роза Люксембург, наиболее выдающийся представитель радикального нигилизма в национальном вопросе, еще задолго до войны расходилась в этом пункте с большевиками [1].

Выдвинутая ею еще перед войной, теория империализма представляла собой только более широкое обобщение этой ошибки в национальном вопросе. Тов. Роза Люксембург высказала тот взгляд, что капиталистическое «накопление невозможно в исключительно только капиталистической среде. Отсюда, начиная с первого момента развития капитала,—стремление к экспансии [2] за счет некапиталистических слоев и стран, разрушение ремесленного и крестьянского хозяйства, пролетаризация промежуточных слоев, колониальная политика, «политика открывания дверей», вывоз капитала. Только путем постоянного распространения капитализма на новые отрасли производства и новые страны с самого начала становились возможными развитие и существование капитализма. Но экспансия в своем мировом натиске приводит к столкновению между капиталом и докапиталистическими общественными формами. Отсюда—насилие, война, революция, словом, катастрофа, которая составляет жизненный элемент капитализма от начала до конца [3].

Французская пословица недаром говорит: Qui prouve trop, ne prouve rien—кто слишком много доказывает, ничего не доказывает.

Чтобы доказать фатальную неизбежность краха капитализма, т. Роза Люксембург выставила положение о том, что капитализм может существовать лишь постольку, поскольку он имеет возможность высасывать соки из некапиталистической среды крестьянства, ремесленников, колониальных народов и т. д. Получилась

---

[1] См. Г. Сафаров. «Национальный вопрос и пролетариат». Изд. «Красная Новь». Москва, 1923 г.

[2] Экспансия—распространение своей силы и влияния путем захватов.

[3] Роза Люксембург. «Накопление капитала, или—что эпигоны сделали из теории Маркса (Антикритика)». Пер. Ш. М. Дволайцкого. Гос. Издат., 1922 г., стр. 103—104.

фаталистическая теория узкого «экономизма», теория самоизживания капитализма—без всякой «посторонней» помощи исторического развития и классовой борьбы[1]. Понятие империализма утратило свой жизненный смысл, превратившись в голый шиболет, одинаково применимый и к эпохе первоначального накопления капитала и к эпохе промышленного капитализма, и к современному периоду, и потому, не имеющий никакого научного значения. Капитализм оказался низведенным до положения простой надстройки над некапиталистической средой.

В результате этого, одна из важнейших причин капиталистических кризисов—неравномерное распределение производительных сил между различными отраслями капиталистического хозяйства—оказалась выброшенной за борт и все свелось к упрощенной противоположности между капиталистическим перепроизводством и массовым недопотреблением, то-есть к повторению народническо-сисмондистской теории кризисов. Именно сторонникам этой теории возражал в давние годы Владимир Ильич, подчеркивая, что «отличие взглядов мелкобуржуазных экономистов от взглядов Маркса состоит не в том, что первые признавали вообще связь между производством и потреблением, а второй отрицал вообще эту связь (это было бы абсурдом). Различие состоит в том, что мелкобуржуазные экономисты считали эту связь между производством и потреблением непосредственною, думали, что производство идет за потреблением. Маркс же показал, что эта связь лишь посредственная, что сказывается она лишь в конечном счете, ибо в капиталистическом обществе потребление идет за производством. Но хотя и посредственная, а все-таки связь есть; потребление в конечном счете должно итти за производством, и если производительные силы рвутся к безграничному росту производства, а потребление сужено пролетарским состоянием народных масс, то противоречие здесь несомненно. Это противоречие не означает невозможности капитализма[2], но оно означает необходимость превращения в высшую форму, чем сильнее становится это противоречие, тем дальше развиваются как об'ективные условия этого превращения,

[1] Ср.—«Марксова схема накопления в ее правильном понимании как раз своей неразрешимостью (!) дает точно поставленный прогноз экономически неизбежной гибели капитализма в результате процесса империалистической экспансии»... Р. Люксембург: «Накопление капитала» и т. п. (Антикритика), ст. 104.

[2] Здесь курсив наш, в остальном—т. Ленина.

так и суб'ективные условия, т.-е. сознание противоречия работниками»[1].

Отличительный признак империализма т. Ленин усматривал в «монополии, вырастающей на почве свободной конкуренции и именно из свободной конкуренции». Благодаря монополии и борьбе за монополию противоречие между производством и потреблением, несогласованность между отдельными частями капиталистического хозяйства, постоянное нарушение равномерного хода развития производительных сил достигают высшего предела и ведут к загниванию капитализма. «Монополия, вырастающая из свободной конкуренции», служит показателем зрелости перехода от капитализма к коммунизму.

Совсем наоборот дело обстоит в теории Розы Люксембург.— «Капитализм есть зло, социализм — благо».—Эту недиалектическую и книжно-отвлеченную постановку вопроса, не дающую об'яснения условий перехода от капитализма к социализму, мы и находим у Розы Люксембург. Правильное понимание империализма необходимо прежде всего для того, чтобы понять, что, благодаря господству империализма, переход от капитализма к социализму может быть только неравномерным[2], только при участии непролетарских слоев трудящихся, только через длинный ряд тактических маневров. Об'яснение империализма, данное Розой Люксембург, не только не помогает этому, но, напротив того, затрудняет правильное понимание теоретических основ тактики переходного времени.

Вполне правильно опровергая ложные ссылки социал-патриотов на право самоопределения народов в оправдание «защиты» империалистических государств, Роза Люксембург перегибала палку и утверждала, что в современную эпоху вообще невозможны национально-освободительные войны, ибо империализм над всем господствует и все подавляет[3]. Против этого категорически протестовал Владимир Ильич.—Данная война есть война империалистическая между высоко-развитыми капиталистическими странами. Это не подлежит сомнению. Но «ошибкой было бы лишь преувеличение этой истины, отступление от марксистского требования быть

[1] Н. Ленин. Собр. Соч. Том II. „Ответ г. П. Нежданову" (Декабрь 1899 г.), стр. 500.

[2] Победа социализма по отдельным странам и его временное соседство со странами империалистического господства.

[3] Die Krise per Sozialdemokratie von Junius. Bern. 1916. Кризис социал-демократии Юниуса, псевдоним=Роза Люксембург.

конкретным, перенесение оценки данной войны на все возможные при империализме войны, забвение национальных движений против империализма. Единственным доводом в защиту тезиса: «национальных войн больше быть не может» является тот, что мир поделен между горсткой «великих» империалистических держав, что поэтому всякая война, хотя бы она была вначале национальной, превращается в империалистскую, задевая интересы одной из империалистских держав или коалиций.

Неправильность этого довода очевидна. Разумеется, основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет ни одного явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в войну империалистскую и обратно. Пример: войны великой французской революции начались как национальные и были таковыми. Эти войны были революционны: защита великой революции против коалиции контр-революционных монархий. А когда Наполеон создал французскую империю с порабощением целого ряда давно сложившихся, крупных, жизнеспособных, национальных государств Европы, тогда из национальных французских войн получились империалистские, породившие в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона [1].

Только софист мог бы стирать разницу между империалистской и национальной войной на том основании, что одна может превратиться в другую. Диалектика не раз служила и в истории греческой философии мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа данного в его обстановке и в его развитии.

Что данная империалистская война, 1914—16 г.г. превратится в национальную, это в высокой степени невероятно, ибо классом, представляющим развитие вперед, является пролетариат, который об'ективно стремится превратить ее в гражданскую войну против буржуазии, а затем еще потому, что силы обеих коалиций разнятся не очень значительно [2], и международный финансовый капитал создал повсюду реакционную буржуазию. Но невозможным такое превращение об'явить нельзя: если бы проле-

---

[1] Здесь слово «империализм» употреблено в ходячем ненаучном смысле, в смысле захватного.

[2] Написано было до вступления Америки в войну.

тариат Европы оказался лет на 20 бессильным; если бы данная война кончилась победами вроде наполеоновских и порабощением ряда жизнеспособных национальных государств; если бы внеевропейский империализм (японский и американский в первую голову) тоже лет 20 продержался, не переходя в социализм, например, в силу японо-американской войны, тогда возможна была бы великая национальная война в Европе. Это было бы развитием Европы назад на несколько десятилетий. Это невероятно. Но это не невозможно, ибо представлять себе всемирную историю идущей гладко и аккуратно вперед, без гигантских иногда скачков назад, недиалектично, ненаучно, теоретически неверно.

Далее, не только вероятны, но неизбежны в эпоху империализма национальные войны со стороны колоний и полуколоний. В колониях и полуколониях (Китай, Турция, Персия) живет до 1.000 миллионов чел., т. е. больше половины населения земли. Национально-освободительные движения здесь либо уже очень сильны, либо растут и назревают. Всякая война есть продолжение политики иными средствами. Продолжением национально-освободительной политики колоний неизбежно будут национальные войны с их стороны против империализма. Такие войны могут повести к империалистской войне теперешних «великих» империалистских держав, но могут и не повести, это зависит от многих обстоятельств...

В третьих, даже в Европе нельзя считать национальные войны в эпоху империализма невозможными. «Эпоха империализма» сделала теперешнюю войну империалистской, она порождает неизбежно (пока не наступит социализма) новые империалистские войны, она сделала насквозь империалистичной политику теперешних великих держав, но эта «эпоха» нисколько не исключает национальных войн, напр., со стороны маленьких (допустим, аннексированных или национально-угнетенных) государств против империалистских держав, как и не исключает она и национальных движений в большем масштабе на востоке Европы» [1].

Здесь т. Ленин набросал блестящими штрихами картину будущей карты мира после первой империалистской войны, в результате которой частично осуществилась победа пролетарской

[1] Н. Ленин.—«О брошюре Юниуса». Сб. «С.-Д.», № 1. Окт. 1916 г.—«Против течения», стр. 432—433—434—435. Везде курсив Вл. Ильича. См. также его статью «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме» (Осень 1916 г.). Журнал «Звезда», № 1. Петроград, 1924 г.

диктатуры (Союз Советских Социалистических Республик) и национально-освободительных движений (независимая Турция), частично победа империализма (Версальский мир).

Отрицание возможности национально-освободительной борьбы в эпоху империализма влекло за собой отрицание права угнетенных народов на государственную независимость, отрицание необходимости борьбы за пролетарское руководство национально-революционными движениями. Теоретическая поверхностность была чревата большим количеством политических ошибок.

Если спросить себя теперь, что внес своего большевизм— прежде всего, в лице т. Ленина — в понимание империализма, то надо признать, что главнейшей его заслугой была диалектическая постановка вопроса об империализме.

Империализм есть новейший этап капитализма, до последней степени обостряющий и углубляющий все противоречия капиталистического строя, повсюду в международном масштабе нарушающий равновесие между всеми частями капиталистической системы, везде ставящий на очередь дня переход к революционной борьбе масс, к устранению противоречий капитализма революционным путем. Он обобщает все противоречия капитализма на международной арене, но, в то же время, он делает неизбежным своеобразие революционного развития в различных, неравномерно-созревших для социализма, участках мирового хозяйства; у различных народов,—среди промежуточных слоев трудящихся.

Только Ленин перенес отвлеченное теоретическое противопоставление империализма и социализма—в плоскость конкретной борьбы между диктатурой империализма и диктатурой пролетариата в международном масштабе. Только он перенес теоретическое отрицание империализма в область тактических расчетов. Только он превратил марксистскую теорию империализма в алгебру международной пролетарской революции.

Кратковременные колебания такого мужественного и героического борца рабочего класса, как Роза Люксембург, давшие повод ренегатам типа Пауля Леви ссылаться на нее [1], были данью, принесенной ею ее теоретическим, принципиальным ошибкам в вопросе о сущности империализма и характере переходной эпохи.

---

[1] Мы имеем в виду ее брошюру о русской революции, писанную ею в 1918 г. в тюрьме. От взглядов, высказанных в этой брошюре, она потом отказалась и г-н П. Леви вопреки ее воле опубликовал последнюю.

Политика большевиков в аграрном и национальном вопросах потому и подвергалась впоследствии самым ожесточеннейшим нападкам меньшевиков из 2-го и $2^{1}/_{2}$-го Интернационалов, что здесь, наряду с вопросом о демократии, было главное «отклонение» от теории и практики социал-демократии, привыкшей слепо верить в то, что капиталистическое развитие само подготовит ей социализм в самом чистом и совершенном, «идеально-пролетарском» виде, в самом зрелом состоянии и с точки зрения международных отношений, и с точки зрения отношений между пролетариатом и «переходными» слоями.

Водворение господства империализма неминуемо должно было привести к решительному столкновению двух прямо-противоположных тенденций исторического развития, к ожесточенной борьбе между тенденцией революционно-пролетарской и тенденцией буржуазно-империалистической. Эта борьба должна была развернуться в международном масштабе, как борьба между стремлением империализма к мировой гегемонии и стремлением пролетариата к международной социалистической революции. Во всемирно-историческом масштабе империализм поставил ребром вопрос о том, кому будет принадлежать в течение новой эпохи безраздельное и полное руководство народными массами, международной политикой и экономикой, — финансовому капиталу или пролетариату? Эта постановка вопроса вытекла из самой сущности империалистической монополии, из диктатуры империализма, не терпящей рядом с собой никакой посторонней силы.

Смутно предчувствуя еще перед войной, «о чем сказывается сказка», Второй Интернационал пытался отсрочить и отклонить решение этого вопроса, стараясь распространить влияние буржуазной демократии и мелкобуржуазного пацифистского «общественного мнения» на международную политику. — «Да минует меня чаша сия!» — говорил он устами своих вождей и теоретиков, тщательно подыскивавших «другой, более подходящий» путь для капитализма. Буржуазная демократия должна была гарантировать его и от империалистической войны, и от «преждевременной и незрелой», пролетарской революции. Буржуазная демократия должна была обеспечить ему поддержку мелкобуржуазных слоев в борьбе с опасностью войны и империалистскими притязаниями на мировую гегемонию.

Буржуазная демократия, конечно, не могла стать оружием борьбы за революционное пролетарское руководство народными

массами против империализма. Борьба за такое руководство была бы началом открытой классовой схватки за власть.

Война прервала «мирную эволюцию» буржуазного общества, военная диктатура финансового капитала воплотилась в жизнь. Война сорвала завесу с неизбежной исторической перспективы— борьбы двух путей: революционного и империалистического. Раньше чем буржуазная демократия, как метод сглаживания и примирения классовых противоречий, была проведена во внутренней политике, она потерпела безнадежный крах, как метод политики международной. Она не смогла отсрочить решительной борьбы между империализмом и рабочим классом. Больше того.—Она помогла первой всемирной победе империализма над рабочим классом. Под ее прикрытием была выпестована военная диктатура империализма, под ее маской рабочая аристократия и рабочая бюрократия установили свою гегемонию над европейско-американским рабочим движением в интересах империализма.

Либо империалистическая перестройка мира с помощью бесконечных войн, захватов и насилий, военно-каторжного и колониального рабства; либо пролетарско-революционная перестройка всех междуклассовых и международных отношений!—Такой выбор в международном масштабе был выдвинут на очередь дня первой империалистической войной.

В противоположность центристскому болотному социал-пацифизму, большевизм не удовлетворился изысканием средств восстановления мира, но перенял от империализма об'ективно-революционную постановку вопроса: или мировая гегемония и диктатура империализма, или мировая революционная гегемония пролетариата в борьбе против империализма, международная революция!

В старое время, в период первой русской революции и после нее, меньшевики любили поиздеваться над большевиками, что они-мол-де мыслят только по схеме: «Переживаем мы 48-й год, эпоху революционного кризиса, или 49-й, период упадка, полосу «органического» развития?

Этот образ мышления особенно пригодился во время войны. Западно-европейская социал-демократия в подавляющем большинстве своем обнаружила неспособность к революционному, т. е. диалектическому мышлению, неумение «мыслить историческими этапами».

В своей книжке «Американский и Русский Рабочий», К. Каутский, еще не павший до ренегатского состояния, отметил, что

«в настоящее время можно насчитать целый ряд стран, в которых капитализм господствует над всей экономической жизнью, но ни в одной из них не развились в одинаковой мере все стороны капиталистического способа производства. Так перед нами две страны, которые можно противопоставить друг другу, как две крайности; в каждой из них один из обоих элементов капиталистического способа производства несоразмерно силен, т. е. по сравнению со степенью капиталистического развития этих стран: в Америке— класс капиталистов, в России—класс пролетариев»...

Американский класс капиталистов решил победу в первой империалистической войне, и этим частично спас на время мировую гегемонию империализма. Российский рабочий класс первый совершил переход от империалистической войны к войне гражданской, и этим открыл новую эпоху международной пролетарской революции. Эти «крайности» и сейчас представляют два классовых полюса земного шара!

VI.

Государство и Революция.

«Через все буржуазные революции, которых видела Европа многое множество со времени падения феодализма, идет развитие усовершенствования, укрепление этого чиновничьего и военного аппарата[1]. В частности именно мелкая буржуазия привлекается на сторону крупной и подчиняется ей в значительной степени **посредством этого аппарата,** дающего верхним слоям крестьянства, мелких ремесленников, торговцев и проч. сравнительно удобные, спокойные и почетные местечки, ставящие обладателей их над народом. Возьмите то, что произошло в России за полгода после 27 февраля 1917 г.; чиновничьи места, которые раньше давались предпочтительно черносотенцам, стали предметом добычи кадетов, меньшевиков и эс-эров. **Ни о каких серьезных реформах,** в сущности, **не думали,** стараясь оттягивать их «до Учредительного Собрания», а Учредительное Собрание

[1] «Чиновничество и постоянная армия, это—«паразит» на теле буржуазного общества, паразит, порожденный внутренними противоречиями, которые это общество раздирают, но именно паразит, «затыкающий» жизненные поры» (Н. Ленин, «Государство и революция». Собр. соч., том XIV, часть 2, стр. 320).

оттягивать помаленьку до конца войны! **С дележом же добычи,** с занятием местечек министров, товарищей министра, генерал-губернаторов и прочее и прочее **не медлили** и никакого Учредительного Собрания не ждали! Игра в комбинации насчет состава правительства была, в сущности, лишь выражением этого дележа и передела «добычи», идущего и вверху и внизу, во всей стране, во всем центральном и местном управлении. Итог, об'ективный итог за полгода—27 февраля—27 августа 1917 г.—несомненен: реформы отложены, раздел чиновничьих местечек состоялся, и «ошибки» раздела исправлены несколькими переделами.

Но чем больше происходит «переделов» чиновничьего аппарата между различными буржуазными и мелкобуржуазными партиями (между кадетами, эс-эрами и меньшевиками, если взять русский пример), тем яснее становится угнетенным классам, и пролетариату во главе их, их непримиримая враждебность ко всему буржуазному обществу. Отсюда необходимость для всех буржуазных партий, даже для самых демократических и «революционно-демократических», в том числе, укреплять аппарат репрессий, т.-е. **ту же** государственную машину. Такой ход событий вынуждает революцию «концентрировать все силы разрушения» против государственной власти, вынуждает поставить задачей не улучшение государственной машины, а разрушение, уничтожение ее» [1].

Еще в 90-х годах Жюль Гэд, тогда мужественно сражавшийся за революционный социализм, указывал, чего ждет пролетарий от захвата политической власти, и предостерегал от горького разочарования масс в результате соглашательства с буржуазией: «После того, как вы рабочего уверили, что с получением министерского портфеля одним из его людей социализм действительно завоевал власть, что эта власть завоевана им, он поднимется, чтобы потребовать у вас исполнения обещаний, он скажет: пришел час пла-

---

[1] Н. Ленин. «Государство и революция». Собр. соч., том XIV, ч. 2, стр. 320, 321.

тить—платите! И вы не сможете ему заплатить ничем, кроме жандармских репрессий»[1].

Примирение с государственной—военно-бюрократической и парламентской—буржуазной машиной угнетения есть главное существо социал-демократической политики коалиции с буржуазией. Самый раздел министерских местечек имеет подчиненное и второстепенное значение пред лицом того факта, в чьих руках находится законодательная и, особенно, исполнительная власть, какому классу она служит, какой класс руководит ею.

Положение, наступившее после ноябрьской революции 1918 года в Германии, Карл Каутский в те времена описывал таким образом: «Военная аристократия, которая до сих пор стояла на пути всякого прогресса, свержена, но старый административный и правительственный аппарат продолжает функционировать в государстве и в армии. Приходилось выбирать: уничтожить ли этот аппарат одним ударом и тем самым сделать невозможными (?!) демобилизацию, административную деятельность государства и всю общественную жизнь, или же оставить его и сохранить вместе с ним основы старого режима, ввергнувшего нас в пропасть и, таким образом, ограничить революцию временною переменою ролей. В этом отчаянном случае нам помогли рабочие и солдатские советы, благодаря контролю (!?) которых старый государственный аппарат мог продолжать работать, не вызывая (!!!) контр-революции»[2].

Мы знаем, что вышло из анекдотического «контроля» соглашательских советов: прямая дорожка от Носке к монархической попытке переворота Каппа-Лютвица в 1920 г. и от последней к военно-монархической диктатуре Секта в 1923 г.!

Что замечательно во всем этом рассуждении ренегата Каутского, так это типично реформистское «убеждение» в том, что исполнительная власть из старых вильгельмовских чиновников и офицеров, производя демобилизацию и «поддерживая» административную деятельность государства и общественную жизнь, не делала этим путем своей классовой политики.

Разделение властей—исполнительной и законодательной, вошедшее в государственную организацию буржуазного общества, как

---

[1] Jules Guesde—«En garde!», page 170.

[2] К. Каутский. «Проблемы пролетарской революции». ПТГ. 1919 г. (напечатано в конце января 1919 г. в «Форвертсе»), стр. 15—16.

следствие сделки между капиталистами и помещиками [1], было воспринято в полной неприкосновенности желтой социал-демократией, как основа для сделки и соглашения между буржуазией и рабочим классом.

Это примирение и сделка с государственным аппаратом классового угнетения и в России, и в Германии, и в Австрии, и в Италии и т. д. завели соглашателей много дальше их первоначальных намерений,—вплоть до «соглашения» с Колчаком, Сектом, генералами Антанты и Муссолини.

Им не по плечу пришлась не только пролетарская революция, но и революция демократическая. Они не только оказались не в состоянии доделать демократический переворот, у них не хватило сил и сделать его. Тотчас же вслед за падением волны революционной стихии в 1921 году буржуазная демократия во всех европейских странах стала хиреть, разлагаться и умирать.

В России потребовалось лишь три месяца [2] для того, чтобы правительственная репрессия социалистов у власти обрушилась на трудящиеся массы. В Германии двух месяцев было достаточно, чтобы пулеметы кровавой собаки Носке затрещали против берлинских рабочих.

— В самом начале войны 1914—18 годов империализм почуял необходимость кое-какого передела государственного аппарата между капиталом и мелкобуржуазными верхушками рабочего движения,— в связи с мобилизацией огромных народных масс для потребностей империалистической бойни. При получении портфеля в датском министерстве социал-патриотом Стаунингом, секретарь Международного Социалистического Бюро Гюисманс телеграфировал: «Итак, мы имеем уже десять социалистических министров во всем свете. Дела идут вперед» [2].

Пользоваться буржуазно-государственным аппаратом классового угнетения против революционного движения масс социалисты Вильгельма II, Николая II, Пуанкарэ, короля Альберта и Франца Иосифа научились и приучились еще в период войны, когда их свободная деятельность гарантировалась репрессиями против революционных интернационалистов.

[1] Капиталистам—парламентская законодательная власть, помещикам—армия, суд, полиция и т. д.

[2] См. «Против течения», стр. 380.

Империализм привел к непосредственному сростанию государственную власть и капиталистическую экономику. Этим он чрезвычайно усилил экономическую власть капитала, наделив ее военно-государственным авторитетом. Но в то же время это сростание поставило государственную власть под прямой удар классовых противоречий, неизбежно выростающих на экономической основе. Если возрасло обратное воздействие государственной надстройки на экономический фундамент, то увеличилась и почва для быстрого перехода всякой экономической классовой борьбы в борьбу политическую и борьбы политической в открытую борьбу за власть.

Сростание государственной власти капитала с частно-хозяйственной экономикой союзов капиталистов [1], об'единение политической и экономической монополии капитала в одних руках, не могло обойтись без включения в эту монопольную организацию рабочей аристократии, в качестве представителя капиталистической монополии в рабочем движении. Будучи «огосударствлена», став составной частью государственной машины, желтая социал-демократия окончательно перешла в ряды эксплоататорских классов,—как фактически, так и формально. Ее национал-либеральные взгляды на этой правительственной почве окрепли.

Весь Второй Интернационал военным «переучиванием» [2] был подготовлен к тому, чтобы революции, последовавшие в связи с империалистической войной, принять «как зло», как «перерыв мирной эволюции социализма на национальной основе».

В своих воспоминаниях Густав Носке с полной откровенностью, равной только его цинизму, повествует об этих настроениях германской социал-демократии в момент ноябрьского переворота 1918 г.: «Война была Германией бесповоротно проиграна... Дело шло только о том, чтобы после понесенного нами (!) поражения хоть кое-как сохранить Германию. До последнего момента представители власти продолжали мобилизацию своих сил, чтобы, по возможности, предотвратить катастрофу. И только, когда затея Людендорфа провалилась, они решились призвать к власти социа-

---

[1] Государственный капитализм военного времени!

[2] Umlernen—переучиваться.—Это словечко было введено в обиход для обозначения нового обучения социал-демократии политике мирного сотрудничества классов.

листов [1] и наметить крупные социальные реформы. Но подобная демократизация запоздала на 4 года. Мысль о том, что кайзер должен уйти, появилась не только у социал-демократов. Нельзя (!) было думать, что троны немецких государей окажутся настолько шаткими, что рухнут уже при первом натиске. Но менее всего, конечно, можно было предвидеть, что Бавария окажется первой немецкой республикой. Воскресенье 3-го ноября [2] я выступал с большой речью на одном собрании в Брауншвейге. Я говорил о неотложности крупных реформ, но высказался определенно против всякой насильственной революции, которая могла ухудшить и без того печальное положение немецкого народа. Вообще немецкая социал-демократия была против подобной революции. Собрание закончилось овацией по адресу народной освободительницы—революционной (!!?) социал-демократии, которая стремилась не при помощи насильственного переворота, а мирным путем добиться каких-нибудь (!) политических и экономических реформ» [3].

Тут весь он, кровавая собака Носке, сначала восстававший против насилия над Вильгельмовской монархией, а через несколько недель расстреливавший рабочих!

Установив милитаристическую диктатуру капитала в самом чистом и законченном виде, война выставила на первый план угнетательско-полицейские функции буржуазного государства. Тем самым, она вскрыла перед массами эксплоататорско-классовую сущность буржуазной государственной машины, сделала доступным, осязательным и понятным для масс тот факт, что государство является лишь «исполнительным комитетом по делам класса буржуазии», что оно представляет собой организацию классового насилия. Война в корне подорвала и почти уничтожила разделение властей — парламентской и военно-бюрократической в аппарате буржуазного насилия. Именно поэтому, когда стихийный напор революционных масс смел в России в 1917 г.— и в Центральной Европе после 1918 г.—большую часть военно-бюрократического аппарата, парламентская демократия, выдвинутая буржуазией в качестве буфера против революционного вихря, в качестве тактического маневра, была встречена массами, недо-

[1] В аппарат вожди профсоюзов—Легины и К., к участию в парламентской узкой верхушке—Шейдеманы и Носке, были призваны с начала войны.

[2] Т.-е. за несколько часов до революции!

[3] Густав Носке. «Записки о германской революции» (от восстания в Киле до заговора Каппа). Гос. Издат., Москва, 1922 г., стр. 7.

статочно осознавшими свои интересы, как крупнейшая уступка и победа. Мелкобуржуазные «конституционные иллюзии» мирной эпохи, придавленные в период войны, вспыхнули с новой силой и дали возможность желтой социал-демократии, переродившейся в контр-революционную силу, погреть себе руки на этом. Массы поняли ход исторических событий таким образом: с наступлением войны «аппарат» буржуазной государственности победил буржуазную «демократию», победа революции над военной диктатурой должна выразиться в победе парламентаризма и демократии над военно-бюрократическим аппаратом.

Тов. Ленин на это своеобразие, созданное войной, упирал в своих «Письмах о тактике» в 1917 году: «До февральско-мартовской революции 1917 г. государственная власть в России была в руках одного старого класса, именно: крепостнически-дворянско-помещичьего, возглавляемого Николаем Романовым.

После этой революции власть в руках другого, нового, класса, именно: буржуазии.

Переход государственной власти из рук одного в руки другого класса есть первый, главный, основной признак революции, как в строго-научном, так и в практически-политическом значении этого понятия.

Постольку буржуазная или буржуазно-демократическая революция в России закончена.

Здесь мы слышим шум возражателей, охотно называющих себя «старыми большевиками»: разве не говорили мы всегда, что буржуазно-демократическую революцию заканчивает лишь «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства»? Разве аграрная революция, тоже буржуазно-демократическая, кончилась? Разве же не факт, наоборот, что она еще не началась?

Отвечаю: большевистские лозунги и идеи в общем вполне подтверждены историей, но конкретно дела сложились иначе, чем мог (и кто бы то ни был) ожидать, оригинальнее, своеобразнее, пестрее...

Революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства уже осуществилась, но чрезвычайно оригинально с рядом в высшей степени важных изменений...

Кто ставит вопрос о «законченности» буржуазной революции по старому, тот приносит в жертву живой марксизм мертвой букве.

По старому выходит: за господством буржуазии может и должно последовать господство пролетариата и крестьянства, их диктатура.

А в живой жизни уже вышло иначе: получилось чрезвычайно оригинальное, новое, невиданное переплетение того и другого. Существует рядом, вместе, в одно и то же время и господство буржуазии (правительство Львова и Гучкова), и революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства, добровольно отдающая власть буржуазии, добровольно превращающаяся в придаток ее.

Ибо нельзя забывать, что фактически в Питере власть в руках рабочих и солдат; насилия над ними новое правительство не производит и не может произвести, ибо ни полиции, ни особой от народа армии, ни стоящего всесильно над народом чиновничества нет» [1].

Добровольная передача власти эксплоататорским классам при первоначальной почти-полной победе революционных масс повторилась и в Центральной Европе. В Германии, «когда в первых числах ноября была низвергнута прежняя власть, рабочие и солдатские советы, созданные по русскому образцу, предупредили хаос (!). Одни из них были вредны, другие ни к чему неспособны, но большинство все же было проникнуто добрыми (!?) намерениями. Держась в соответствующих границах, они могли бы быть для нового правительства, по крайней мере, в первое время его существования, солидной поддержкой, пока национальное собрание и другие вновь созданные закономерные учреждения не освободили (!!!) бы их от этой роли. С таким положением дела было согласно и большинство членов этих советов. В этом именно смысле высказался об их назначении и первый с‘езд советов. Избранный этим с‘ездом центральный совет, долженствовавший контролировать избранников [2], точно также выразился по этому вопросу следующим образом: «В ожидании, что национальное собрание возьмет в свои руки высшую верховную власть в стране, центральный совет передает ему власть, врученную ему с‘ездом рабочих и солдатских советов, и желает его деятелям полного успеха в их работе на благо и пользу немецкого народа» [3]. Только попытка спартаковцев-коммунистов утвердить Со-

[1] Н. Ленин. «Письма о тактике.—Письмо 1-е. Оценка момента». Собр. соч., том XIV, ч. I, стр. 28, 29, 30. Курсив Влад. Ильича.

[2] «Совет Народных Уполномоченных»—Правительство.

[3] Г. Носке. Записки о германской революции, стр. 77—78.

веты, как полновластные органы революции, по мнению Носке,— помешала их более длительному использованию, в качестве буферных органов.

Та же самая добровольная передача власти произошла и в Австрии, где, по словам Отто Бауэра, «у нового государства отсутствовали орудия принудительного властвования» [1].

Безнадежно пытаясь провести разграничительную линию между довоенным министериализмом пошиба Мильерана и министериализмом эпохи войны и революции, каутскианец Отто Бауэр писал: «Реформистский министериализм допускал участие пролетарских партий в правительственной власти, хотя военные и экономические средства господства оставались монополией буржуазии. Напротив, австрийское коалиционное правительство появилось вследствие того факта, что распоряжение армией и средствами сообщения, главными факторами власти, оказалось в руках пролетариата» [2].

— Центристский ублюдок не понимает или делает вид, что не понимает,—что это-то обстоятельство и разоблачает предательскую сущность коалиции с буржуазией при победе революции.

Добровольная передача власти буржуазии и помещикам победившими революционными классами составляет типичное явление всех революций, разразившихся под влиянием войны.

Где нужно искать корни этого явления?

В империализме, в той группировке и расстановке классовых сил, которые породила империалистическая война.

Применительно к России еще в начале революции раз'яснял это т. Ленин:

«Неизвестно, может ли теперь быть еще в России особая «рев.-дем. диктатура пролетариата и крестьянства», оторванная от буржуазного правительства. На неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя.

Но если это может еще случиться, то путь к этому один и только один: немедленное, решительное, бесповоротное отделение пролетарских, коммунистических элементов движения от мелкобуржуазных.

---

[1] Отто Бауэр. „Австрийская революция“ 1923 г. Вена. По-немецки.

[2] Статья в органе независимых «Freiheit» 3 января 1922 г.: «Коалиционные правительства и классовая борьба». Цит. из книжки К. Каутского «Пролетарская революция и ее программа», стр. 131—132.

Почему?

Потому, что вся мелкая буржуазия не случайно, а необходимо повернула к шовинизму (=оборончеству) [1], к «поддержке» буржуазии, к зависимости от нее, к боязни обойтись без нее и пр. и т. п.

Как можно «толкнуть» мелкую буржуазию к власти, если эта мелкая буржуазия теперь уже может, но не хочет взять ее?

Только отделением пролетарской коммунистической партии, пролетарской классовой борьбой, свободной от робости этих мелких буржуа. Только сплочение пролетариев,—на деле, а не на словах свободных от влияния мелкой буржуазии,—способно сделать такой «горячей» почву под ногами мелкой буржуазии, что ей, при известных условиях, придется взять власть; не исключено даже, что Гучков и Милюков будут—опять-таки при известных обстоятельствах—за всевластие, за единовластие Чхеидзе, Церетелли, с.-р., Стеклова, ибо это все же «оборонцы» [2].

Учитывая эту ситуацию, как возможную политическую перспективу, в 1915 году, редакция Центрального Органа партии большевиков «Социал-Демократ» писала в своих тезисах: «6) Задача пролетариата России—довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе. Эта вторая задача теперь чрезвычайно приблизилась к первой, но она остается все-же особой и второй задачей, ибо речь идет о разных классах, сотрудничающих с пролетариатом России: для первой задачи—сотрудник мелкобуржуазное крестьянство России, для второй—пролетариат других стран. 7) Участие с.-д. во временном революционном правительстве вместе с демократической мелкой буржуазией мы считаем, попрежнему, допустимым, но только не с революционерами-шовинистами.—8) Революционерами-шовинистами мы считаем тех, кто хочет победы над царизмом для победы над Германией,—для грабежа других стран,—для упрочения господства великороссов над другими народами России [3] и т. д. Основа революционного шовинизма—классовое положение мелкой

[1] Здесь курсив наш, в остальном т. Ленина.
[2] Н. Ленин. „Письма о тактике", собр. соч., том XIV, ч. I, стр. 34.
[3] Захват Галиции во имя укрепления гнета над украинцами, Познани—для упрочения господства над поляками.

буржуазии. Она всегда колеблется между буржуазией и пролетариатом. Теперь она колеблется между шовинизмом (который мешает ей быть последовательно-революционной **даже в смысле демократической революции**) и пролетарским интернационализмом. Политические выразители этой мелкой буржуазии в России в данный момент — трудовики [1], с.-р., «Наша Заря» [2], фракция Чхеидзе [3], О. К. [4], г. Плеханов и т. п.—9) Если бы в России победили революционеры-шовинисты, мы были бы против обороны их «отечества» в данной войне. Наш лозунг — против шовинистов, хотя бы революционеров и республиканцев, против них и за союз международного пролетариата для социалистической революции» [5].

Успех мелкобуржуазного соглашательства в коалиционный период в России и на Западе был обусловлен оборонческой боязнью повредить «защите отечества»: в России в смысле военного положения, в Центральной Европе по отношению к империалистическому, Версальскому миру.

Бессилие мелкой буржуазии и мелкобуржуазной политики по отношению к международной диктатуре империализма, которую не могла уничтожить ни одна революция в национальных рамках и которую способна разрушить лишь полная победа социалистической революции в ряде решающих капиталистических стран, сделало ее беспомощной даже в деле борьбы против монархическо-помещичьих пережитков.

Мелкобуржуазные колебания народных масс под влиянием империализма обусловили тот этап двоевластия, который оказался характерной чертой всех революций, порожденных империалистической войной.

Как ласточка, загипнотизированная удавом, народные массы даже после своей победы не могли, по крайне мере сразу, сбросить с себя «психологического внушения» империализма.

Но если массы не знали сразу, куда ведут их колебания, то предательская социал-демократия знала, какую задачу в революции она выполняет на службе буржуазии.

---

[1] Их вождем и был Керенский, позже с этим своим хвостом перешедший к с-рам.

[2] Ликвидаторский журнал Потресова и К°, ставший лейб-органом социал-шовинистов.

[3] Думская меньшевистская «семерка».

[4] «Организационный комитет»,—так назывался ликвидаторско-меньшевистский центр, выбранный на августовской конференции 1912 г.

[5] «Против течения», стр. 304.

«Я не знаю больше партий, я знаю только немцев» [1]— таков был надувательский лозунг начала войны. Обманная фраза священного единства всех классов затуманила мозг народов и бросила даже широкие круги всемирного пролетариата в одуревающий угар патриотического воодушевления, на котором стали наживаться шовинизм и палаческое безумие...

«Мы не знаем больше различия социалистических партий; мы знаем только социалистов»,—так звучит пароль конца войны. Флаг нового гражданского мира выкинут: фанатическую ненависть сеют против всякого, кто восстает против новой об'единительной шумихи. И опять самые громкие крикуны в споре—Шейдеман и компания...

Но не всякое «единение» дает силу. Единение огня и воды тушит огонь и испаряет воду; единение волка и овцы отдает овцу на пожирание волку; единение между пролетариатом и господствующими классами отдает в жертву пролетариат; единение с изменниками означает поражение...

Апостолы единения хотят только-что начавшуюся «революцию» ликвидировать; они хотят направить движение на спокойные рельсы, чтобы спасти капиталистическое общество; они хотят снова путем восстановления классового государства и сохранения экономического классового господства взять власть из рук пролетариата, загипнотизировать его фразой об единстве» [2].

Так предупреждал рабочие массы Германии великий трибун их, Карл Либкнехт, уже 19 ноября 1918 года.

Вспомните только распутную демагогию меньшевиков и эс-эров в 1917 г. о том, что «большевики играют в руку контр-революции, нарушая единство революционной демократии», и вы увидите, что все это — одно к одному, все это есть международное явление, во всех странах, имеющих одинаковые корни.

Почти тогда-же, когда Либкнехт призывал немецкий пролетариат к бдительности и борьбе, Карл Каутский, этот универсальный маскировщик буржуазной контр-революции, лил свои елейные фразы: «Спартаковцы должны были бы быть несколько осторожнее, применяя без оглядки прежние и чужие шаблоны к современности и к Германии. Они только что потерпели крушение со

[1] Слова Вильгельма 4 августа 1914 г.

[2] Karl Liebknecht. «Der neue Burgfriede». Reden und Aufsätze. s.s. 120—121. «Новый гражданский мир».

слепо перенятым из России лозунгом: «вся власть рабочим и солдатским советам». Нынешняя революция в Германии имеет свои собственные законы. Она отличается от всех других революций тем, что уже с самого начала она является пролетарской и социалистической. А за пролетариатом нет дальше другого порабощенного и эксплоатируемого класса, который, с своей стороны, был бы заинтересован в свержении нового режима. На этот раз нет такого класса, который в противоположность классу, стоящему сейчас у власти, хотел бы и должен был бы продолжать революцию дальше. Поэтому, в противоположность прошлым революциям, углубление нынешней германской революции не может произойти вследствие борьбы между буржуазией и пролетариатом. Всякая попытка углубления революции путем насильственного ниспровержения революционного правительства первой фазы означает борьбу в недрах самого революционного класса»[1].

Именно отсутствие открытого буржуазно-помещичьего насилия над массами в первую полосу революции—у нас до 3—5 июля 1917 г., в Германии до январского выступления берлинских рабочих в 1919 году—облегчало соглашателям спекулировать на слепом увлечении масс «самой свободной демократией».

Владимир Ильич это своеобразие первой полосы революции вскрыл с гениальной прозорливостью еще до выступления 21 апреля 1917 г., когда массы требовали у Питерского Совета убрать Милюкова.—«Надо ли тотчас свергнуть Временное Правительство?»

— «Отвечаю: 1) его надо свергнуть—ибо оно олигархическое, буржуазное, а не общенародное, оно не может дать ни мира, ни хлеба, ни полной свободы; 2) его нельзя свергнуть, ибо оно держится прямым и косвенным, формальным и фактическим соглашением с Советами Рабочих Депутатов и главным Советом, Питерским, прежде всего; 3) его вообще нельзя «свергнуть» обычным способом, ибо оно опирается на «поддержку» буржуазии вторым правительством, Советом Рабочих Депутатов, а это правительство есть единственно возможное революционное правительство, прямо выражающее сознание и волю большинства рабочих и крестьян...

---

[1] К. Каутский. «Проблемы пролетарской революции», стр. 19—20.

Чтобы стать властью, сознательные рабочие должны завоевать большинство на свою сторону: пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Мы не бланкисты, не сторонники захвата власти меньшинством. Мы марксисты, сторонники пролетарской классовой борьбы против мелкобуржуазного угара, шовинизма оборончества, фразы зависимости от буржуазии» [1].

Империалистическая война превратила социал-демократию в опору капитализма, и, когда он зашатался под натиском революционной стихии, разбуженной войной, он пустил ее в ход как последнее средство. Сбылись пророческие слова Энгельса о демократии, которая «сможет приобресть на некоторое время значение последнего якоря спасения для буржуазного и даже феодального хозяйства» [2].

Даже Советскую демократию, поскольку она находилась под руководством соглашателей, буржуазия сочла возможным и нужным в определенный момент использовать, чтобы под прикрытием ее провести свою работу по восстановлению подорванного аппарата буржуазного насилия. — Центристы из «Независимой Социалистической Партии Германии», во главе с Рудольфом Гильфердингом, в 1919 г. предложили «юридически, законным путем об'единить систему Советов с Национальным Собранием» [3], то-есть возвести двоевластие между пролетариатом и буржуазией в принцип государственной власти. Буржуазные демократы и либералы в Германии, «идя навстречу общему настроению», из'явили свое согласие на сочетание буржуазной демократии в политике с «советской системой» в области распоряжения хозяйством. Даже черносотенцы-фашисты из лагеря «немецко-национального социализма» стали делать глазки «Советской идее»: «Нет лекарства от всех болезней; всякая болезнь требует особого лекарства. Многообразна жизнь, пестры и многообразны, поэтому, ее проявления. По этой причине, мы не думаем, что советская система одна способна излечить все недуги больного государственного и народного организма. Но она бесспорно призвана обновить одну часть его жизненных функций, именно хозяйственную. Всякая профессия об'единяет всех принадлежащих к ней. Все вместе через их представителей оказывают влияние не

[1] Н. Ленин. «О Двоевластии»—«Правда» 9 апреля 1917 г. Собр. соч., т. XIV, ч. I., стр. 25–26.

[2] Фр. Энгельс «Политическое Завещание» Изд. 1922 г., стр. 13.

[3] См. Н. Ленин. «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата» (На 1-м Конгрессе Коминтерна). Собр. соч., том XVI, стр. 47.

на предприятие, в котором они заняты, а в сумме на все предприятия, т. е. на общую хозяйственную жизнь народа и государства, на народное хозяйство!.. Советская идея призвана нас снова спаять там, где нити развития были порваны веками. Она безусловно должна быть в немецком государстве использована в конституции. Это требование содержится в наших программных пунктах.—«Создание второй палаты на основе представительства профессий»... Решение вопроса о том, какая из двух палат [1] народного представительства будет в будущем играть большую роль в государственной жизни, спокойно предоставим будущему развитию». Кроме того сословно-феодальное «советское» представительство полезно увенчать короной: «корона влечет нас к себе как символ; идею господства и власти божией милостью мы отвергаем!» [2]

«Принятие» «советской идеи» немецкими крепостниками—юнкерами—превосходная иллюстрация «демократической» гибкости «подлых псов и свиней умирающей буржуазии», как называл Владимир Ильич представителей эксплоататорских классов.

С наступлением революции в связи с империалистической войной, социал-демократия, социал-соглашатели в России и на Западе, всюду выступили главной движущей силой буржуазной реставрации и контр-революции. Это было следствием того соотношения классовых сил, которое вытекло из краха военно-бюрократической машины.

Отсутствие налаженного аппарата насилия заставляло буржуазию временно использовать единственную «легальную возможность»: требовать себе «равноправия» с рабочими. Тысяча один пуд сочинений ренегата Каутского и его друзей, написанных в эту эпоху в защиту демократии и против диктатуры, и служили этой классовой цели буржуазии.

Тов. Ленин недаром с самого начала войны сосредоточивал все внимание масс на насильственном разрушении военно-бюрократической машины угнетения. Последующий период революций полностью подтвердил правильность его революционного прогноза.

---

[1] Первая палата избирается по закону, проведенному в 1923 г. Муссолини в Италии: все избиратели всей страны составляют один округ и посылают депутатов только от большинства.

[2] Rudolf Jung. Der nationale Sozialismus. München 2. Anflage 1922, s.s. 171, 172, 173.

Но если, с одной стороны, он неустанно проповедывал гражданскую, классовую войну, то, с другой стороны, он с неменьшим упорством пропагандировал разрушение Второго Интернационала, ликвидацию желтой социал-демократии.

Здесь он также оказался прав: на первом месте, после военно-бюрократической машины насилия, другой международной опорой империализма оказалась социал-демократия.

Возражая на указание т. Троцкого, что война пошатнула демократические иллюзии и власть буржуазии, К. Каутский не так давно пытался наивничать: «Вообще, при чем война во всей этой аргументации? Мы ставим вопрос: какой государственный строй больше всего соответствует интересам пролетариата, и получаем в ответ: не демократия, а война и поражение. Да разве война—государственный строй?» [1]

Престарелый обер-кретин меньшевизма хочет казаться глупее даже того, чем он есть на самом деле.

Фердинанд Лассаль раз'яснял еще, что «меньшая, но зато организованная сила армии часто в течение продолжительного времени может господствовать над гораздо большей, но неорганизованной силой нации» [2]. Лассаль ясно сознавал, что пушки, напр., входят очень существенной составной частью в конституцию. И вот, больше чем через полвека после Лассаля, является Каутский и имеет бесстыдство уверять рабочих, что военный крах Вильгельма и Николая Романова «не имеют никакого отношения к вопросу о государственном строе»!

Запугивание гражданской войной в руках социал-демократии в период 1917—21 г.г. стало средством перехода от «примитивной» демократии, опирающейся на непосредственную диктатуру революционных масс, к «нормальной» буржуазной «демократии», поддерживаемой военно-бюрократическим аппаратом буржуазного насилия.

— «Буржуазная революция заканчивается контр-революцией. Промежуточной формой между ними, как общее правило, является военная диктатура. Ее власть покоится на том, что революционные классы—буржуазия, крестьянство, мелкая буржуазия, проле-

[1] К. Каутский. «От демократии к государственному рабству» (ответ Троцкому). Перевод, под ред. Р. Абрамовича. Берлин, 1922 г. Издание «Соц. Вестник». Стр. 32.

[2] Ф. Лассаль. Избранные сочинения. Гос. Издат. Москва, 1920 г., стр. 123.

тариат,—обессилев в жестокой междуусобице, приходят в состояние равновесия, при котором ни один из них не в состоянии политически подчинить своему господству остальные классы. Демократия на этой стадии развития еще не укрепилась, а гражданские и зачастую внешние войны революционного времени ведут к образованию новой, строго дисциплинированной армии, вместо разложившейся старой армии абсолютизма. Тот, кто распоряжается новой армией, легко подчиняет своей абсолютной власти все революционные классы. Так революция кончается тем, что называют бонапартизмом или цезаризмом. Такой ход развития неизбежен в заключительной фазе буржуазных революций, но ни одной из необходимых предпосылок его не имеется там, где происходит не мнимо-пролетарская революция, как в России, но революция подлинно-пролетарская. В пролетарской революции такого исхода быть не может, во-первых, потому, что к моменту появления ее демократия пустила уже глубокие корни в стране, вследствие чего политическая борьба не принимает формы гражданской войны, в процессе которой вместо низвергнутого милитаризма создается новый. Во-вторых, самое наступление пролетарской революции предполагает численное превосходство пролетариата по сравнению со всеми прочими классами общества, вместе взятыми, так что противники революции могут получить перевес лишь в том случае, если пролетариат ослаблен, благодаря расколу в его рядах. Но такой исход отнюдь не есть неизбежное явление и может иметь место лишь в виде исключения» [1].

Такова пацифистская, бескровная и во внутренней политике и во внешней, идеально-демократическая теория пролетарской революции Карла Каутского, которую он приводит в доказательство необходимости самого экстренного отказа от пролетарской победы в случае самомалейшей угрозы гражданской войной со стороны буржуазии.

В 1918—19 годах К. Каутский неоднократно прославлял германскую революцию, как демократпческую форму истинно-пролетарской революции. В 1923 году эту «социалистическую» революцию увенчала диктатура монархических генералов рейхсвера.

Но оставим это в стороне. Перейдем к разбору предпосылок пролетарской революции.

---

[1] К. Каутский. Пролетарская Революция и ее программа, стр. 127—128.

Плеханов когда-то писал: «Один остроумный человек сказал, что символ веры анархистов сводится к двум статьям фантастического закона:

1. Ничего не будет.

2. Никому не поручается выполнение предыдущего параграфа.

Это неверно. Анархисты говорят:

1. Все будет.

2. Никому не поручается заботиться о том, что будет — что бы там ни было» [1].

Примерно такова же «концепция» теоретика Второго Интернационала:

1. Не будет гражданской войны.

2. Никому не поручается заботиться о том, что будет — что бы там ни было.

По Каутскому, пролетарская революция созревает лишь тогда, когда гражданская война уже невозможна.

Это предполагает: 1) такую недосягаемую ступень «демократического воспитания» помещиков и капиталистов, что у них не поднимается рука защищать свою собственность и власть внутри страны от экспроприации их пролетариатом, 2) такую ступень, тоже трудно-достижимую, «демократического воспитания» капиталистов и помещиков всех стран, когда им и в голову не сможет прийти мысль о захватах и нападении на страну пролетарской революции.

— Пролетарская революция по формальному письменному разрешению Гинденбурга, Людендорфа и Стиннеса, под покровительством Керзона, Пуанкарэ, Муссолини и Юза!

Это даже не теория полной прострации, а теория абсолютной кастрации пролетариата...

Деморализовать пролетариат, оболванить его евнушеским «социализмом» Каутских — это и значит для буржуазии выиграть дело. Каутские говорят рабочим: «Не смей разрушать государственного аппарата буржуазии, не смей строить свою власть!»

А, между тем, возможность мирного безболезненного перехода власти к пролетариату — после революционного взрыва военно-бюрократической, буржуазно-помещичьей машины — подрезывают сами, по своему почину, эксплоататорские классы.

[1] Г. В. Плеханов. «Анархизм и социализм». Собр. соч., том IV, стр. 231.

— Вспомните фактическое возобновление империалистской войны Керенскими и Церетелли, по прямому приказу царской ставки и Антанты 18 июня 1917 года. Это была сознательная провокация июльского взрыва.

Перед выступлением Корнилова—для того, чтобы создать подобающую «обстановку»—«между 28 августа и 2-го сентября в Петрограде, под видом большевиков, должен был выступить казацкий атаман Дутов»[1]. Эта провокация сорвалась, так как она, по признанию Милюкова, была разгадана большевиками.

В Германии социал-предатели ведут начало гражданской войны от так называемого «восстания спартаковцев» и Берлине, в начале января 1919 года.

На самом деле стихийный взрыв был сознательно и планомерно вызван белыми генералами, в союзе с социал-негодяями— «Накануне Рождества ген. Мэркер получил от Гинденбурга (сохранившего пост главнокомандующего армией до конца демобилизации)[2] приказ занять при помощи своего добровольческого корпуса Берлин. Для маскирования этой военной операции, корпус Мэркера был поставлен под команду ген. Лютвица, который оказался впоследствии правой рукой Носке и одним из главных руководителей Капповского восстания. Ген. Мэркер далее рассказывает, что уже в первые дни января в здании генерального штаба в Берлине состоялось совещание вождей добровольческих корпусов о деталях вступления этих корпусов в Берлин. На этом совещании присутствовал также вернувшийся только что из Киля Носке. Этот факт крайне важен для понимания дальнейшего хода событий. В конце декабря, как известно, независимые вышли из правительства в виду того, что не сочли возможным нести ответственность за меры военной репрессии, которые их право-социалистические товарищи по правительству вкупе с генералитетом применили к революционной «матросской дивизии». Уже в эти дни ген. Мэркер концентрировал свои добровольческие корпуса в военном лагере в Цоссене, недалеко от Берлина. Несколько дней спустя прибыл Носке, приглашенный после выхода независимых

[1] П. Н. Милюков. История второй русской революции. Том первый, выпуск второй. София. 1922 г., стр. 171

[2] Гинденбург сидел на этом месте во избежание того, чтобы без него не сделались «невозможными» «демобилизация, административная деятельность государства и вся общественная жизнь»! См. К. Каутский. Проблема пролетарской революции, стр. 15.

в состав правительства и поставленный своими товарищами во главе военных сил. С места в карьер он снесся с начальниками добровольческих корпусов и вместе с ними выработал, как выше указано, план вступления этих корпусов в Берлин, когда и следа какого-нибудь организованного восстания в Берлине еще не было. 4 января он посетил военный лагерь в Цоссене, где сконцентрировались главные силы ген. Мэркера, и лишь после этих военных приготовлений был издан приказ о смещении берлинского полицей-президента, независимого Эйхгорна,—приказ, который вызвал дружный протест берлинских рабочих и на следующий день привел к открытым столкновениям между рабочими и солдатами, вылившимся в конце концов в форму так называемого «январьского восстания» [1].

Изложенное взято нами из предисловия Александра Штейна, одного из весьма гнусных меньшевиков и постоянного сотрудника Шейдемановского «Форвертса», к книжке Эдуарда Бернштейна «Германская Революция». Даже этот господин вынужден поправлять поддержанную Бернштейном ложь о «восстании спартаковцев», ссылаясь на более откровенное свидетельство самого палача—генерала Мэркера, рассказавшего это в своей книге «От императорской армии к императорскому ополчению».

Мы не пожалели места для этого эпизода меньшевистского палачества, чтобы наглядно показать, что разумеют Каутские под «братоубийственной войной между социалистами»: только одно— всякую попытку самозащиты рабочих от белых и желтых кровавых собак!

Империалистическая война не случайно углубила и обострила вопрос о классовом аппарате насилия. Передав в руки империалистической монополии военное командование десятками миллионов людей на фронте и сотнями миллионов в тылу, она коренным образом изменила масштаб политики. Все вопросы международной и внутренней политики, которые до сего решались кучками избранных, отныне стали решаться невиданно-огромными массами,— вопросы победы и поражения, мира и власти. Империализм поставил ставку на бессознательное решение этих вопросов многомиллионными массами,—классовые противоречия позаботились

---

[1] Эдуард Бернштейн. Германская революция. Пер. с немецкого. С предисловием Александра Штейн. 1922 г. Изд. «Восток». Берлин—Дрезден, стр. X—XI предисловия.

о вовлечении масс в их сознательное решение. Наполеоновские войны и эпоха демократических революций в Европе—буря в стакане воды—по количеству участников и степени активности масс—в сравнении с новой исторической эпохой войны и революции!

На III-м Конгрессе Коммунистического Интернационала т. Ленин говорил: «Когда революция уже достаточно подготовлена, понятие «масса» становится другим: несколько тысяч рабочих более не составляют массы. Это слово начинает означать нечто другое. Понятие массы изменяется в том смысле, что под ним разумеется большинство, и притом *не просто лишь большинство рабочих, а большинство всех эксплоатируемых*; другого рода понимание недопустимо для революционера, всякий другой смысл этого слова становится непонятным» [1].

В 1908 году Владимир Ильич писал: «Кто не понимает неизбежной внутренней диалектики парламентаризма и буржуазного демократизма, приводящей к еще более резкому, чем в прежние времена *решению спора массовым насилием*,—тот никогда не сумеет на почве этого парламентаризма вести принципиально выдержанной пропаганды и агитации, действительно готовящей рабочие массы к победоносному участию в таких «спорах» [2].

Парламентаризм и буржуазная демократия соответствуют тому историческому этапу, когда пролетариат проходит *подготовительную*—организационную и агитационно-пропагандистскую—школу борьбы. Эта подготовительная школа имеет определенный смысл и значение лишь постольку, поскольку она прокладывает путь революционным формам борьбы, решению спора между классами массовым насилием. По этой причине узко-парламентская мерка мирной эпохи неприменима к периодам бури и натиска. В эти периоды первостепенная роль принадлежит не критерию формальной демократии, не парламентскому подсчету голосов, а *фактическому осуществлению массами своих классовых интересов*.

Лассаль, в свое время, превосходно вскрывал ограниченность парламентских методов, обусловленную прочно-сложившимся соотно-

---

[1] Н. Ленин. Защита тактики Коминтерна. 1 июля 1921 г. Собр. Соч., т., XVIII, ч. I, стр. 309.

[2] Н. Ленин. Марксизм и ревизионизм. Сб. «Памяти Карла Маркса». Петербург, 1908 г., стр. 215.

шением сил: «Никогда не было и никогда не будет в состоянии ниспровергнуть существующий порядок вещей какое-нибудь представительное собрание. Все, на что способно такое собрание,— так это прокламировать установленный извне порядок, санкционировать уже совершившийся переворот в обществе и выработать отдельные мероприятия, законы и т. д. Всегда такое собрание будет импотентно само ниспровергнуть то общество, которое оно представляет» [1].

Там, где классовая борьба обостряется до степени гражданской войны, революционные массы неизбежно выходят из подчинения установившемуся порядку, отбрасывают прочь и ломают соответствующую этому порядку парламентскую надстройку и, взамен представительного собрания старого общества, выдвигают свои органы массовой революционной борьбы. Такими органами были секции и клубы эпохи Великой Французской революции, клубы французской революции 1848 года, Парижская Коммуна 1871 года.

Революция 1905—7 г.г. создала новые революционные учреждения — Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов.

Если внимательно проследить причины их возникновения, то станет ясно, что они возникли впервые в России, прежде всего благодаря отсутствию широкой экономической и политической организации масс, как революционная форма движения неорганизованных масс. Таково было, по крайней мере, их стихийное зарождение.

Меньшевики отсюда обычно делают вывод, что Советы могут быть лишь временной побочной организацией переходного периода.

Им как будто невдомек, что единственно этим путем, явочным и революционным, массы угнетенных и эксплоатируемых людей могут прорваться к фактическому участию в политике, к деланию политики. Массы выходят из состояния спячки и безразличия в огромном большинстве лишь тогда, когда они восстают. Когда же они восстают, их первое, естественное и законное непреоборимое стремление—сбросить с себя всякую узду господствующих классов, организоваться самим и для себя.

Весь международный меньшевизм, стоящий всеми своими четырьмя ногами на почве буржуазного общества, отрицает ту

[1] Ф. Лассаль. Письмо к Марксу 19 июля 1851 г. Der Briefwechsel zwischen Lassalle und Marx. Herausgegeben von Gustav Mayer, 1922. Berlin, s. 37.

основную и простейшую истину, что при господстве капитализма поголовная организация рабочего класса невозможна, что капитализм большинство трудящихся держит на положении безнадежно-забитых и приниженных людей, разделяет их, чтобы над ними господствовать.

Вступление неорганизованных масс в политическую борьбу, поэтому, служит показателем назревания борьбы за власть, симптомом стремления масс «организоваться в качестве господствующего класса». Только убирая с пути своего освобождения все орудия классового насилия и буржуазно-помещичьей эксплоатации, угнетенные классы действительно могут организоваться в своем большинстве.

Советы в России в 1917 году появились на сцену вместе с февральской революцией именно как самопроизвольная, стихийная, революционная организация масс, в подавляющем большинстве своем доселе неорганизованных.

Чего стоит это свидетельство вихлястого эс-эрствующего интеллигентика об армии 1917 года: «Моральным авторитетом (в армии) пользовались не партии, а Петербургский Совет. Его признавали все, в него верили, за ним шли»[1].

Невиданный в истории пример—мужицкая армия в 8 миллионов человек, без всякого давления извне, без пользования услугами какой-либо парламентской машины, нашла своего выразителя!

Советы оказались не исключительно-русским явлением. Чудовищная военная встряска и на Западе сшибла плотины старой социал-демократической организованности.

Как раз об этом и плакался Мартов, наблюдая, как под напором революционной стихии, вслед за буржуазным парламентаризмом, уходил в прошлое и его придаток—социал-демократия.

«Вызванное войной классовое движение, поднявшее новые, глубокие пласты пролетарской массы, еще не прошедшие длительной школы организованной борьбы, застало перед собой не сплоченный блок передовых своих товарищей, об'единенных общностью целей и методов, программы и тактики, но рассыпанную храмину старых партий и союзов, старого Интернационала, переживающего глубочайший кризис, какой только знала история

[1] Виктор Шкловский. Сентиментальное путешествие. Воспоминания 1917—1922. Книгоизд. «Геликон», 1923. Берлин, стр. 39.

рабочего движения—Интернационала, разодранного на непримиримо враждующие части и поколебленного в тех своих верованиях, которые считались (!) незыблемыми в течение десятилетий.

При таких условиях и не могло быть ничего другого, как то, что мы теперь наблюдаем: движение новых пластов пролетариата и частью движение, возобновляемое теми его слоями, которые до 1914 года шли под знаменем социал-демократии, развивается как бы на пустом месте; в смысле идейно-политической преемственности свои формы, свою идеологию оно вырабатывает стихийно, под непосредственным давлением отношений и условий данного момента, момента исключительного и в экономическом, и в социально-психологическом, и в политическом отношениях.

«Голым человеком на голой земле» выступает ныне сплошь и рядом пролетарий после $4^1/_2$ лет полной остановки массового пролетарского движения, полного омертвения духовной жизни в рядах пролетариата, да одного-ли только пролетариата?» [1].

Мартов, конечно, предпочел бы, чтобы революционные массы встретили единый фронт Второго Интернационала,—тогда «единство всех социалистов» помогло бы спасению буржуазии!

Но именно то обстоятельство, что победоносные революционные массы, выдвинув Советы, как зародышевую форму своего классового господства, не оказались навеки связанными с «дурными пастырями» соглашательства, определило дальнейший путь развития Советов к пролетарской диктатуре. В зависимости от силы, организованности и зрелости коммунистических партий определилась судьба революции в различных странах.

Соглашательский «социализм» был призван буржуазией на помощь, чтобы помешать революционным массам осознать сущность классовых противоречий. Победа коммунистической партии над ними в России сделала неотвратимой Октябрьскую революцию.

Вождь русской буржуазии, Милюков, так и об‘ясняет свое поражение:

— Противоречие в понимании всей задачи революции—«по существу было противоречием между научным и утопическим социализмом» [2]. Но, при шаткости границ между тем и другим, при слабости умеренных течений социализма, оно при-

[1] Ю. О. Мартов. «Мировой большевизм». Берлин. 1923 г., стр. 15—16.
[2] Подчеркнуто Милюковым.

няло вид острого классового противоречия между «демократией» и «буржуазией» [1]. Умеренные течения социализма были убеждены в невозможности социалистического переворота и безусловно признавали необходимость итти вместе с «буржуазией» но в то же время они не могли разорвать нитей, связавших их в общий социалистический блок со сторонниками борьбы за немедленный социалистический переворот. Это внутреннее противоречие и вытекавшая из него неустойчивость тактики и погубили социалистический блок. Она просто сделала его ни для кого ненужным. Ибо позиция «буржуазной революции» лучше и последовательнее защищалась несоциалистическими течениями и наиболее организованным из них, партией народной свободы. А позиция «социалистической революции» опять-таки, если не лучше (!), то последовательнее развивалась большевистскими демагогами, находившими веру у солдат и рабочих. Призыв этих демагогов к углублению классовой борьбы рыл пропасть между двумя сторонами, и авторитет средних течений социализма потонул в этом прорыве» [2].

Иными словами, только неосознавшая себя и неоформленная революционная стихия могла путаться в силках соглашательства. Обострение и углубление классовой борьбы между империализмом и пролетариатом за руководство народными массами разбило мелкобуржуазные иллюзии, расчистив путь пролетарской диктатуре.

В Советах воплотился революционный союз рабочего класса с полупролетарскими слоями, вообще с широкими слоями трудящихся,—в России, в первую голову, с крестьянством.

Тов. Ленин совершенно правильно указывал, что советы выросли и выработали свои основные черты в процессе стихийной классовой борьбы.—Так, например, обстояло дело с лишением буржуазии избирательных прав при пролетарской диктатуре: «И в России большевики, задолго до Октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплоататоров избирательных прав. Эта составная часть диктатуры явилась на свет не по плану какой-либо партии, а выросла сама собой в ходе борьбы... Буржуазия еще при господстве меньшевиков (соглашателей с буржуазией) в Советах.

[1] Смятенная милюковская душа не выносит этого слова без кавычек!

[2] П. Н. Милюков. История второй русской революции. Том I, вып. 2, стр. 7—8.

сама отделила себя от советов, бойкотировала их, противопоставляла себя им, интриговала против них» [1].

Порицая меньшевиков и эс-эров за то, что они «не могли разорвать нитей, связывавших их в общий социалистический блок со сторонниками борьбы за немедленный социалистический переворот», беглый эмигрант Милюков имеет в виду Советы, к уничтожению которых буржуазия стремилась всемерно и всецело с первого дня их существования. Советы заставляли соглашателей временно буферить, тогда как Корнилов уже 21 апреля 1917 г. хотел пустить в ход броневики против рабочих и солдат.

Советы могли существовать лишь при условии их политического развития вперед, нога в ногу с массами. Лишь постольку они могли сохранять свою связь с массами. Удостоверяя, что «моральным авторитетом (в армии) пользовались не партии, а Петербургский Совет», г-н Виктор Шкловский прибавляет: «правда— он стоял, поэтому все, кто за ним шел, ушли от него».

В дни 3—5 июля политический разрыв соглашательских советов с массами перебросил эти советы по другую сторону баррикады, и советы перестали существовать для масс до того момента, когда они снова ожили под гегемонией большевиков в период борьбы с корниловской попыткой переворота в конце августа 1917 года.

Советы—чрезвычайно гибкая и эластичная форма революционной организации масс. Но самое их существование находится в прямой зависимости от движения революции по восходящей линии. По этой причине они, просуществовав некоторое время под соглашательским руководством, либо должны переходить под гегемонию революционной пролетарской партии, становясь непосредственными органами борьбы за пролетарскую диктатуру, либо отмирать, как незрелый зародыш этой диктатуры, уступая свое место обычным органам буржуазного господства.

Второй Конгресс Коммунистического Интернационала это и сказал в тезисах, предложенных т. Г. Зиновьевым: «Организовать Советы рабочих депутатов и превращать их в Советы рабочих и солдатских депутатов [2] можно только при наличии трех определенных условий:

а) массового революционного под‘ема среди самых широких кругов рабочих и работниц, солдат и трудящегося населения вообще;

[1] Н. Ленин. Пролетарск. революц. и ренегат Каутский. Собр. соч., т. XV, стр. 483.
[2] Т. е. вырывать старую армию из подчинения командующим классам.

б) обострения экономического и политического кризиса в такой мере, что власть начинает ускользать из рук прежнего правительства;

в) когда в рядах значительных слоев рабочих и прежде всего в рядах коммунистической партии созрела серьезная решимость начать решительную систематическую и планомерную борьбу за власть» [1].

— В Германии носкиты убили Советы; в Австрии их удушили в своих об'ятиях господа Фрицы Адлеры и Отто Бауэры, обратив их в пустую говорильню, в жалкий придаток буржуазно-соглашательской коалиции.

Стихийное выступление масс в дни 3—5 июля 1917 г. в Питере было в высшей степени характерным проявлением инстинктивной тревоги народных низов за судьбу советов, теряющих власть над массами, благодаря своему бессилию в борьбе за мир, хлеб и свободу. Боязнь, что советы упустят время и своей беспомощностью помогут буржуазии окончательно восстановить свою диктатуру, была преобладающим мотивом общего настроения.

Только меньшевистские пошляки и обыватели типа Н. Суханова способны, вместо об'яснения июльского движения массовыми импульсами, подсовывать с торжествующим видом такую репортерскую «сенсацию»: большевики еще 10 июня «готовились», «группа Ленина не шла прямо на захват власти в свои руки, но она была готова взять власть при благоприятной обстановке, для создания которой она принимала меры» [2]. Пошлякам это нужно, чтобы вернуть свое «особое мнение»... о революции: «я, действительно, не считал правильным форсирование ликвидации коалиционного правительства» [3].

Ну, еще бы! Революция без свидетельства об окончании всех восьми классов гимназии, то бишь всех меньшевистских «этапов» демократии, и не есть революция!..

Об'ективный ход классовой борьбы должен был убедить массы, что «буржуазия не есть парламентская партия, но господствующий класс, владеющий всеми сред-

[1] Тезисы ко Второму Конгрессу Коммунистического Интернационала. Изд. Коминтерна. 1920 г., стр. 72.

[2] Н. Суханов. Записки о революции. Книга 4-я изд. Гржебина. Берлин, стр. 318.

[3] Там же, стр. 194.

вами экономического и общественного принуждения»[1].

В процессе борьбы за удовлетворение своих насущных потребностей массы распознали необходимость безусловной и полной ломки и ликвидации всех остатков буржуазно-помещичьей военно-чиновничьей машины и замены ее своими органами власти, органами своей классовой диктатуры.

Еще чартист Дж. Р. Стефенс говорил, что «вопрос о всеобщем избирательном праве есть в конце концов «вопрос вилки и ножа» (т. е. вопрос о насущных потребностях)[2]. Для чартистов вопрос о всеобщем избирательном праве был вопросом о захвате власти пролетариатом.

В России решающий перелом в настроении масс всей страны был вызван корниловщиной. Открыв военный фронт под Ригой и разработав план окружения и разгрома красного Петрограда, Корнилов хотел бросить на чашку весов истории военно-бюрократический аппарат старой армии, чтобы создать решающий перевес в пользу буржуазии.

Ответом на эту попытку явилось «обольшевиченье» Советов, стихийное распространение красной гвардии в масштабе всей страны, ликвидация офицерского засилья в армии.

Точно также локаутная политика капиталистов послужила причиной развития фабрично-заводских комитетов, как органов рабочего контроля над капиталистическим производством.

Точно таким же путем оттяжка передела помещичьих земель вызвала к жизни крестьянские земельные комитеты, взявшие на себя этот передел.

Такова логика всякого массового революционного движения.

Описывая настроение пролетарских масс в момент попытки монархического переворота в Германии в марте 1920 г., буржуазный писака характеризует его следующим образом: «Борьба против привилегированного класса преобладающее настроение в жизни пролетариев, осознавших свое положение и положение своих товарищей. Однако, ясное разделение на два класса—собственников и лишенных собственности, в прежнее, бывшее ходячим представле-

---

[1] Роза Люксембург. См. Clara Zetkin. Um Rosa Luxemburgs Stellung zur Russischen Revolution. 1922. Verlag der Kominter. S. 107.

[2] Престон Вильям Слоссон. Чартистское движение и причины его упадка. Изд. т-ва «Мир», 1923 г., стр. 16.

нием участников классовой борьбы, теперь было не так легко распознать. С преобразованием правительства после революции и углублением дифференциации общественного целого, исчезла та ясность классовых позиций, которая столь необходима для массовой борьбы [1]. Но, особенно после капповского мятежа **враг был** опять найден, позиции противника снова четко вырисовались,—здесь противник, реакция,—это стало осязательным. Наконец, был найден об'ект, на котором можно было концентрировать уже распыленную энергию классовой борьбы. Для борьбы с открыто-реакционным рейхсвером могли об'единиться все рабочие.

Всякое народное движение создает известные лозунги, которые служат символом, знаменем для выражения всех чувств. Лозунгами, сопровождавшими это движение как отличительный признак, не были—«Свобода, Равенство и Братство», ни «Мир и Хлеб», даже ни «Советская Диктатура»; в эти дни больше слышали одно слово: Носке [2]. Этим обозначали все, что носило мундир,—не только для коммунистов и независимцев это было боевым паролем, но также и для многих социалистов большинства и «христиан» [3].

Контрольные комиссии в Германии, регулирующие цены на предметы широкого потребления [4], крестьянские комитеты в России в 1905—1917 году и в Италии в 1920 году, захватывающие помещичьи земли, фабрично-заводские комитеты, постепенно захватывающие в период революции управления предприятиями и в России и на Западе, организации красной гвардии и «пролетарских сотен», солдатские комитеты старой армии, и т. д., и т. п.,—все это, наряду с советами, продукт стихийного движения трудящихся масс к власти, к обладанию всеми сторонами общественной жизни.

— «Революционный класс, для осуществления своей задачи, должен уметь обладать всеми, без малейшего из'ятия, формами или сторонами общественной жизни, доделывая после завоевания

[1] Следствие социал-демократического соглашательства!

[2] «Die Noskes»—во множественном числе. Капп и Лютвиц были правой рукой Носке, начиная с января 1919 г.

[3] «Христиане»—члены желтых католических «христианских профсоюзов».—«Gerhard Colm. Beitrag zur Geschichte und Soziologie des Ruhraufstandes. Essen 1921, S. 51—52.

[4] Они особенно широко раскинули свою деятельность в период революционного под'ема в 1923 году.

политической власти, иногда с большим риском и огромной опасностью, то, что он не доделал до этого завоевания»[1].

Стихийное овладение всеми сторонами общественной жизни, является следствием стремления масс удовлетворить свои насущные потребности, осуществить свои классовые интересы наперекор и вопреки саботажу и контр-революции командующих классов.

Процесс классовой борьбы есть диалектический процесс развития классовых противоречий: чтобы скорее покончить с социалистическими «иллюзиями» революционных масс, буржуазия подбрасывает им власть, управление хозяйством, вопросы войны и мира; ее рассчет при этом состоит в ставке на «государственную незрелость» революции; но там, где она надеется окончательно отвоевать свое безраздельное господство, она и теряет его.

Этот рассчет, в значительной степени, и похоронил русскую буржуазию.

Уже при отставке Милюкова в апреле 1917 года широкие круги буржуазии были склонны к провокации кратковременного «социалистического эксперимента».—Сошлемся на показания члена Ц.К. кадетской партии, Изгоева: «Конец апреля глубоко врезался в мое сознание, так как тогда я понял неотвратимость пришествия большевиков. Я был в числе десяти, настаивавших на немедленном и полном уходе всех кадетов из всех министерств. Если огромное большинство русской интеллигенции продолжает пребывать в духовном плену у социалистов и одолеть это настроение нет сил, то не остается ничего другого, как поставить социалистов у власти. Без тяжелого предметного урока страна, очевидно, не обойдется. Чем скорей он придет, тем лучше для России: скорее закончится, сохранится больше нетронутых сил. Вреднее всего мне казалась коалиция с социалистами. Страна испытала бы тогда весь вред социалистического правления, не осознав политического урока. Социалисты мастерски прикрывались бы буржуазными министрами, продолжая свое дело разрушения и обвиняя буржуазию и кадетов в его результатах. У них всегда оставался бы довод: это оттого, что эгоистическая буржуазия не приемлет социалистической программы и саботирует ее осуществление.

[1] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Собр. соч., том XVII, стр. 182.

Мне казалось, что уход П. Н. Милюкова должен повлечь за собой отставку всех буржуазных министров и образование беспримесного социалистического кабинета. А в социалистической среде—я в этом не сомневался, и в 1907 г. говорил это в полемике с Г. В. Плехановым, а в 1911—13 г.г. в спорах с А. Н. Потресовым—очень скоро бы взяли верх большевики. Я и теперь держусь того мнения, что этот путь был единственно правильный. Конечно, и он обрекал Россию почти на те же страдания, какие начались для нее с октября. Но я убежден, что России было бы гораздо лучше пережить господство социалистов и большевиков без этого ужасного гнилого коалиционного промежутка, когда так бесславно погибли наши и прогрессивно-либеральные круги и социалисты не—большевики»[1].

Расчет воинствующих буржуев строился на незрелости масс для победы социализма, но на этом-то они и просчитались, поверив своим меньшевистско-эс-эровским советчикам.

Во время октябрьской революции большинство корниловцев «воздержалось» от поддержки Керенского, также в надежде на то, что «большевики не продержатся больше двух недель».

То, что произошло в России, повторилось и в ряде западноевропейских стран, где буржуазия также, по мере изживания коалиционно-демократических иллюзий массами, форсировала обострение классовой борьбы, чтобы скорее «поставить в порядок дня штыки».

Борьба против контр-революции и саботажа буржуазно-помещичьих верхов подводит вплотную рабочие и крестьянские массы к решению всех наболевших вопросов своими средствами, путем собственной организации.

Подойдя к первоначальной ступени организации рабочего класса, к организации профессиональных союзов, уже чартисты—в первой половине XIX века—стремились в этой организации охватить все стороны общественной жизни.—«Унион[2] есть единственный метод, с помощью которого могут рабочие получить всеобщее избирательное право, ибо в унионе они получают его практически; сюда они сначала поступают учениками, чтобы потом принять участие и в управлении своими делами. Растущая мощь и сознательность трэд-юнионов,

---

[1] А. С. Изгоев. «5 лет в Советской России» — «Архив русской Революции». Том X. Берлин. 1923 г., стр. 14—15.

[2] Профсоюз.

при правильном руководстве ими, сможет сосредоточить в кругу их все хозяйственные интересы страны; своей собственной силой они достигнут такого значения, что будут занимать прямо диктаторское положение в обществе. Когда это время наступит, мы будем иметь все, что хотим; мы будем иметь также и всеобщее избирательное право, ибо каждый член униона равноправен, а унион станет жизненным органом государства,—так что высшее руководство будет принадлежать Палате Трэд-Унионов, состав которой будет зависеть от голоса каждого рабочего. Палата Трэд-Унионов будет руководить хозяйственными интересами всей страны в согласии с волей унионов.—Вот та восходящая лестница, по которой дойдем до всеобщего избирательного права... У нас всеобщее избирательное право начинается с местного униона, получает более распространенный характер в окружном союзном об'единении и в обще-союзном об'единении, так что этим путем политическая власть поглощается и растворяется во всеобщей хозяйственной организации» [1]. Собравшийся 4 февраля 1839 года в Лондоне чартистский рабочий парламент получил название— «Конвента трудящихся классов Великобритании».

Само собой понятно, что наполовину ремесленные, наполовину рабочие трэд-унионы той эпохи не были пригодны для захвата политической власти рабочим классом. Помимо того, что они нуждались в руководстве со стороны революционной пролетарской политической партии, которой тогда не существовало [2], сами они по внутреннему строю своей организации были абсолютно неспособны служить органами революционной диктатуры. Профессиональные союзы вообще, даже в развитом состоянии, неприменимы для этой цели.—Государственная организация, во-первых, представляет собою организацию территориальную, охватывающую население всей страны; во-вторых, она основывается на об'единении не профессионально-групповых интересов, но интересов классовых. Стать господствующим классом—диктатором пролетариат может, лишь об'единив под своим классовым руководством большинство трудящихся.—В профессиональные союзы нельзя включать

---

[1] Макс Бер. История социализма в Англии. Цит. по немец. подлиннику. Изд. 1913 года, стр. 265—266. Приведенная выдержка принадлежит Моррисону и напечатана в газете «Pioneér» 31 мая 1834.

[2] Смешение задач политической революции и экономического переворота, смешение партии, профсоюза и кооперативного движения, вообще характерно для периода незрелого рабочего движения эпохи чартизма.

мелких товаропроизводителей. С другой стороны, они являются низшей ступенью классового об'единения, и их главная жизненная функция заключается в сплочении рабочих на основе интересов данной профессии или отрасли производства[1].

Парижская Коммуна 1871 г. впервые дала образец пролетарской диктатуры в смысле ее фактического осуществления.

Но только Советы оказались исторически-необходимой и международной, организационной формой осуществления диктатуры рабочего класса[2]. На протяжении всей истории классовой борьбы пролетариат искал такой формы революционной организации трудящихся, которая бы обеспечила ему политическое руководство непролетарскими слоями трудящихся.

«Свержение господства буржуазии возможно только со стороны пролетариата, как особого класса, экономические условия существования которого подготовляют его к такому свержению, дают ему возможность и силу совершить его. В то время как буржуазия раздробляет, распыляет крестьянство и все мелкобуржуазные слои, она сплачивает, об'единяет, организует пролетариат. Только пролетариат,—в силу экономической роли его в крупном производстве,—способен быть вождем **всех** трудящихся и эксплоатируемых масс, которые буржуазия эксплоатирует, гнетет, давит часто не меньше, а сильнее, чем пролетариев, но которые неспособны к **самостоятельной** борьбе за свое освобождение»[3].

«Советы — непосредственная организация самих трудящихся и эксплоатируемых масс, облегчающая им возможность самим устраивать государство и управлять им всячески, как только можно. Именно авангард трудящихся и эксплоатируемых, городской пролетариат, получает то преимущество при этом, что он наилучше об'единен крупными предприятиями; ему всего легче выбирать и следить за выборными. Автоматически советская организация облегчает

---

[1] Этого и не поняли эпигоны романского анархо-синдикализма, скатившиеся позже к контр-революционному отрицанию пролетарской диктатуры.

[2] Парижская Коммуна осуществляла эту диктатуру через орабоченное местное самоуправление.

[3] Н. Ленин. Государство и Революция. Собр. соч., том XIV, ч. 2-ая, стр. 316.

об'единение трудящихся и эксплоатируемых вокруг их авангарда, пролетариата» [1].

В основе советской организации лежит сочетание производственно-территориального принципа, выражающего об'единение пролетариата промышленным производством, и чисто территориального принципа, обусловленного господством мелкого хозяйства в деревне. В городе и в фабричных поселках выборы в Советы происходят по предприятиям, в деревне выборы совершаются по административно-территориальным делениям.

Советская организация подрывает те условия буржуазного парламентского господства, которые были разоблачены еще откровенным буржуа в поповской рясе, аббатом Сийэсом, во французском Учредительном собрании в 1789 г.

Сийэс говорил: «Новейшие европейские народы очень мало похожи на древние народы. У нас только и речи что о торговле, о земледелии, о фабриках и т. п.; под влиянием стремлений к богатству все государства Европы превратились как бы в обширные мастерские; в них гораздо больше заботятся о потреблении и производстве, чем о счастьи; поэтому и политические системы основываются в настоящее время исключительно на труде. В большинстве людей мы, таким образом, вынуждены видеть лишь рабочие машины. Однако, вы не можете отказать в звании (!) гражданина и в гражданских правах этой толпе без образования, которая всецело поглощается вынужденной работой; так как они должны повиноваться закону, совершенно так же, как вы, то и они должны так же, совершенно (!?) так же, как вы участвовать в его создании; это участие должно быть одинаковое. Оно может осуществляться двумя способами. Граждане могут довериться некоторым из своей среды; не отчуждая своих прав, они поручают другим осуществлять их; ради общей пользы они назначают представителей, гораздо более, чем они сами, способных знать общий интерес и сообразно с этим истолковывать их волю. Другой способ осуществить свое право в отношении к образованию закона заключается в непосредственном участии в его создании. Это непосредственное участие характеризует истинную демократию; участие же посредственное обозначает представительное правление; разница между политическими системами огромная.

[1] Н. Ленин. Пролетарская революция и ренегат К. Каутский. Собр. соч., том XV, стр. 461.

Выбор между этими двумя методами законодательства не может вызывать между нами сомнений. Во-первых, огромное большинство наших сограждан не имеют ни достаточного образования, ни достаточного досуга, чтобы желать (!) непосредственно заниматься выработкою законов, которые должны управлять Францией; по их (!?) мнению. следовательно, нужно назначать представителей; а так как это мнение большинства, то просвещенные люди должны ему подчиняться, как и все другие; когда общество сформировано, тогда, как известно, мнение большинства есть закон для всех»[1].

— «Разделение общества на классы, эксплоатирующие и эксплоатируемые, господствующие и угнетенные, было неизбежным следствием прежнего недостаточного развития производства. Пока совокупность результатов общественного труда едва превышает самые необходимые средства существования, пока труд отнимает все или почти все время громадного большинства общества, до тех пор оно неизбежно делится на классы. Рядом с огромным большинством, исключительно занятым физической работой, образуется класс, освобожденный от прямого производительного труда и заведующий общественными делами: руководством в работе, государственным управлением, правосудием, науками, искусствами и т. д.»[2].

Советская организация уничтожает монополию командующих классов на государственное управление. Под руководством самого передового класса буржуазного общества широчайшие массы трудящихся вовлекаются в социалистическое строительство. Их тяга снизу к овладению всеми сторонами общественной жизни встречает полную и всестороннюю поддержку сверху, получает опору в государственном строе, основывающемся на пробуждении революционной и социалистической самодеятельности масс. В своей знаменитой брошюре 1917 г.—«Удержат ли большевики государственную власть?»—Владимир Ильич подчеркивал: «Мы не утописты. Мы знаем, что любой чернорабочий и любая кухарка не способны сейчас же вступить в управление государством. В этом мы согласны, и с кадетами и с Брешковской, и с Церетелли.

---

[1] Проф. А. Эсмен. Общие основания конституционного права. Петербург. 1909 г., стр. 275—276.

[2] Фр. Энгельс. «Развитие социализма от утопии к науке». Изд «Волна». Гельсингфорс. 1917 г., стр. 32.

Но мы отличаемся от этих граждан тем, что требуем немедленного разрыва с тем предрассудком, будто управлять государством, нести будничную, ежедневную работу управления в состоянии только богатые или из богатых семей взятые чиновники. Мы требуем, чтобы обучение делу государственного управления велось сознательными рабочими и солдатами и чтобы начато было оно немедленно, т. е. к обучению этому немедленно начали привлекать всех трудящихся, всю бедноту» [1].

Эго обучение трудящихся масс «искусству» управления несовместимо с буржуазным парламентаризмом, с отделением законодательной власти от власти исполнительной. Парламентаризм отделяет местное управление от обще-государственного, отрывает представителей массы избирателей от этой массы и ее повседневных интересов, освобождает исполнительный аппарат государственной власти от местного контроля и прямого воздействия масс. Он создает такие бюрократические организационные препятствия для воздействия масс на государственную власть, которые целиком идут на пользу богатых и образованных. Демократические «свободы», открывающие полный простор давлению буржуазного-экономического, культурного и политического—превосходства на массы, делают его орудием наиболее тонкого и иезуитского обмана трудящихся.

Социал-предатели требуют политического равноправия для буржуазии в форме парламентской демократии потому, что они прекрасно знают, что даже «после первой социалистической революции пролетариата, после свержения буржуазии в одной стране, пролетариат этой страны **надолго** остается **слабее**, чем буржуазия, просто уже в силу ее громадных интернациональных связей, а затем в силу стихийного и постоянного восстановления, возрождения капитализма и буржуазии мелкими товаро-производителями свергнувшей буржуазию страны» [2].

Сюда, конечно, присоединяется и ее культурное превосходство во всех отраслях общественной жизни.

Советская организация расширяет фактическую связь с массами, делая ее прямой и открытой как в законодательной работе, так и через аппарат исполнительной власти.

---

[1] Н. Ленин. Собр. Соч., том XIV, ч. 2-я, стр. 238.

[2] Н. Ленин. Детская болезнь „левизны" в коммунизме. Собр. соч., т. XVII, стр. 159. Подчеркнуто Влад. Ильичем.

— «Советы суть новый государственный аппарат, дающий, во-первых, вооруженную силу рабочих и крестьян, при чем эта сила не оторвана от народа, как сила старой постоянной армии, а теснейшим образом с ней связана; в военном отношении эта сила более могучая, чем прежняя; в революционном отношении она незаменима ничем другим [1]. Во-вторых, этот аппарат дает связь с массами, с большинством народа настолько тесную, неразрывную, легко проверимую и возобновляемую [2], что ничего подобного в прежнем государственном аппарате нет и в помине. В-третьих, этот аппарат, в силу выборности и сменяемости его состава, по воле народа, без бюрократических формальностей, является гораздо более демократическим, чем прежние аппараты. В-четвертых, он дает крепкую связь с самыми различными профессиями, облегчая тем различнейшие реформы самого глубокого характера без бюрократии. В-пятых, он дает форму организации авангарда, т. е. самой сознательной, самой энергичной, передовой части угнетенных классов, рабочих и крестьян, являясь, таким образом, аппаратом, посредством которого авангард угнетенных классов может понимать, воспитывать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу этих классов, до сих пор стоявшую совершенно вне политической жизни, вне истории. В-шестых, он дает возможность соединять выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии, т. е. соединять в лице выборных представителей народа и законодательную функцию, и исполнение законов. По сравнению с буржуазным парламентаризмом это такой шаг вперед в развитии демократии, который имеет всемирно-историческое значение» [3].

Уничтожение формально - бюрократического, по существу своекорыстно-классового, раздвоения между законодательством и исполнением законов вытекает из об'ективного хода пролетарской революции. Пролетарская революция не может на деле сломить и уничтожить государственную монополию командующих классов, не нанося решающего удара экономическому господству крупного землевладения и капитала. В этом основное отличие пролетарской демократии, фактически приступающей к уничтожению классов, от буржуазной формальной демократии, прикрывающей классовое господство помещиков и капиталистов.

[1] Сначала Красная гвардия, потом Красная армия.

[2] Пример: быстрое восстановление советской организации после ухода белых.

[3] Н. Ленин. „Удержат ли большевики государственную власть?“ Собр. соч., т. XIV, ч. 2-я, стр. 228—229.

В этой области—больше, чем в какой либо-иной—меньшевистский демократизм выявил свою контр-революционную натуру.

— «Отец реформизма», Эдуард Бернштейн, был должен признать, что здесь германская социал-демократия абсолютно ничего не сделала, превратив «демократическое» введение социализма в позорную комедию.—«Все же нельзя, будучи социалистом, не пожалеть»,—скорбела недавно эта старая лиса—«что тот период, когда правительственная власть была в руках совета народных уполномоченных,—по существу это, ведь, тоже было правление на началах диктатуры, хотя, к чести ее сказать, диктатуры свободолюбивой, осуществляющейся вполне гуманно и не отступавшей от широкой терпимости, —что период этот не был использован более энергично в хозяйственно-политическом отношении. Так, например, в порядке правительственного указа можно было бы придать правам государства в сфере землевладения и горного дела гораздо больший об'ем, чем это было в действительности; это не встретило бы сколько-нибудь значительного противодействия со стороны буржуазных классов, которые уже и тому были рады, что достигший власти рабочий класс не грозит самому существованию их, и не нанесло бы ущерба народному хозяйству» [1].

Ценное признание! Тем более приобретающее цену, после того, как в январе 1919 г., председатель «Комиссии по социализации» К. Каутский, громко, на весь мир, хвастался: «провести эту социализацию—самая верная, самая насущная задача демократической республики, в которой власть принадлежит пролетариату»!.. [2]. Сами меньшевики удостоверяют о своем провале, о своей прямой измене рабочему делу, как только встал вопрос о насущных для масс, коренных экономических реформах, или, вернее, об экономическом перевороте.

Однако, это им не мешает пространно разглагольствовать о вине... масс, увлекшихся «несбыточными мечтаниями». Л. Мартов в 1919 г., имея перед глазами немецкий «демократический» опыт, не говоря уже о русском опыте меньшевиков и эс-эров, писал: «Экономический регресс, происшедший за время войны, упростивший хозяйственную жизнь всех стран и заслонивший в сознании массы вопрос организации производства вопросом о равномерности

---

[1] Эдуард Бернштейн. Спорные вопросы социализма. Издание С. Эфрон. Берлин, стр. 264—265.

[2] К. Каутский. Проблема пролетарской революции 1919 г., стр. 7.

распределения и потребления способствует воскрешению в рабочем классе иллюзий о возможности овладеть национальным хозяйством путем непосредственного — минуя государство — перехода средств производства в управление отдельных групп рабочих («рабочий контроль», немедленная «социализация» и т. п.).

На почве этих воскрешающих экономических иллюзий вновь выростает иллюзия осуществления свободы трудящихся классов не путем завоевания государства, а путем его разрушения» [1]. Мартовское об'яснение изумительный образчик «материалистического понимания истории» применительно к уровню злобствующего обывателя около «Русской Воли», в 1917 году: «солдаты ездят без билета и на подножках трамвая, начальства не слушают,—отсюда и разруха!»

У г-на Мартова, что называется, «не было и в мыслях» сознания того, что революционные массы тем прямее и настойчивее ломают капитализм снизу, чем больше капиталистическое господство поддерживают сверху.

Конечно, стихийная ломка массами помещичьего и буржуазного экономического господства, обостряемая ростом разрухи, саботажа и контр-революции, не укладывается в рамки меньшевистского «плана» «постепенно-созревающих» [2] экономических реформ.

Пролетарская революция вообще не мирится с меньшевистским ренегатским «социализмом».

Наиболее последовательные меньшевики об этом, не стесняясь, заявляют: «Социализм произойдет от богатства. Революция всегда происходит от нищеты. Поэтому, понятие, в котором одновременно заключаются оба противоположные начала, является понятием логически противоречивым. Но таково именно понятие социальной революции» [3].

К. Каутский перепевает эту буржуазную дребедень: «Буржуазные революции произошли из голодных бунтов отчаявшихся масс. Революционное (!!!) же значение наемного пролетариата для социализма состоит в том, что пролетариат из стадии отчаяния подымается в высь в стадию мощи. Не из отчаяния рабочих масс, а из их силы произойдет преодоление капитализма и переход общества к социализму. А сила эта

---

[1] Ю. О. Мартов. Мировой большевизм, стр. 93.

[2] Созревающих»—в «Экономическом Совете» Пальчинского в России в 1917, и в «Комиссии по социализации» в Германии в 1919 г.!

[3] Ст. Иванович «О диктатуре».—«Современные Записки», X. 1922 г., стр. 238.

больше при хорошем ходе производства, нежели при перерыве или застое его» [1].—Да здравствует наемное рабство ныне и присно и во веки веков.

Еще споря с «экономистами», Г. В. Плеханов проводил резкое различие между буржуазными либералами, которые подходят к рабочему классу с той точки зрения, насколько он важен для революции, и революционными социалистами, оценивающими задачи революции с точки зрения интересов пролетариата. К. Каутский завяз в трясину буржуазно-либеральных взглядов; он тоже полагает, что только «при хорошем поведении» пролетариат имеет «значение для социализма»!

Кроме того, в приведенном рассуждении Каутского достойно внимания еще одно обстоятельство.—Маркс и Энгельс учили, что завоевание власти пролетариатом явится следствием всестороннего обострения и развития классовой борьбы. «Ортодокс» же Каутский проповедует теперь, что для захвата власти рабочим классом наиболее благоприятно время полного расцвета капитализма. Откуда при таком расцвете возьмется обострение классовых противоречий,—он не считает нужным сообщать «непросвещенной черни».

«Непрерывность производства»,—«поддержание нормального хода промышленности», «сохранение производственного, технического и организационного аппарата капитализма во что бы то ни стало»,—все эти меньшевистские «фетиши»—отнюдь не фетишистского происхождения.—Верхи мелкой буржуазии, **рабочая аристократия** и рабочая бюрократия заинтересованы в удержании своего монопольно-привилегированного положения в обществе, монопольно—привилегированного положения, созданного империализмом. И поэтому, они пропагандируют «путь революции», наиболее, «безболезненный» с точки зрения буржуазии, наиболее «далекий» от разрушения капиталистической монополии, наиболее выгодный для привилегированных слоев общества. Раздел местечек в государственном аппарате буржуазного общества и здесь дает ключ к пониманию классовой подоплеки меньшевистского взгляда на революцию.

Буржуазная интеллигенция, деревенская буржуазия, рабочая аристократия смотрят на рабочий класс исключительно с точки

[1] К. Каутский. От демократии к государственному рабству. Берлин, 1922 г. стр. 131.

зрения тех выгод, которые они могут заполучить от крупного землевладения и капитала под его давлением. Поскольку это «давление» переходит в подлинную пролетарскую революцию, они — единым фронтом бросаются спасать буржуазные устои общества и государства.

Розовенький «интернационалист» во время войны, г-н В. Левицкий, после Октябрьской Революции, с отчаянием «сирого» Иова, призывал к восстановлению старой России: «Ближайшая полоса общественного развития России, если только ей не суждено превратиться окончательно в царство азиатского застоя и спячки пройдет... пойдет неминуемо под знаком национальной идеи, под лозунгом нациально-государственного возрождения России»[1].

Подобные настроения отражают психологию целых общественных пластов, теряющих привычную и устойчивую почву под ногами с крахом буржуазного строя.

Фр. Энгельс в 1887 году несколькими меткими словами характеризовал этот мелкобуржуазный социализм. Его характеристика полностью приложима и к современным представителям этого течения:

«В самой социал-демократической партии, вплоть до парламентской фракции, мелко-буржуазный социализм имеет сторонников. Такие члены социал-демократической партии, признавая основные воззрения научного социализма и целесообразность требования перехода всех средств производства в общественную собственность, осуществление этого требования об'являют возможным лишь в отдаленном будущем, срок наступления которого практически неопределим. Таким образом для настоящего времени остаются лишь различного рода социальные пластыри и, смотря по обстоятельствам, можно даже сочувствовать самым реакционным стремлениям к так называемому «под'ему трудящегося класса» [2].

Но пролетарские массы отдают дань мелко-буржуазному обману лишь в неподвижном состоянии. Как только они приходят в движение, массовые насущные потребности, обостренные ростом

---

[1] В. Левицкий «Национальная Идея». Еженедельный с.-д. журнал «Дело». 7 апреля, 1918 г., № 2 (8).

[2] Фридрих Энгельс. Жилищный вопрос. Предисловие. Изд. «Знание». Петербург, 1907. Перевод под редакцией П. Румянцева, стр. V.

классовых противоречий, ведут их вперед.—«Прежде всего всякая социальная революция принуждена брать вещи такими, какими она их находит. И тотчас же уничтожать самое вопиющее зло» [1].

Пролетарская революция немыслима без того, чтобы «решающие производительные силы» были «сконцентрированы в руках пролетариев» [2]. В противном случае, захват пролетариатом политической власти является иллюзорным и не выходит за пределы поверхностного эпизода.

Недаром, в уставе Второго Интернационала указывалось, что «экономическое освобождение является великой целью, которой всякое политическое движение должно быть подчинено, как средство».

Тогда как для представителей мелкобуржуазного социализма передел местечек в буржуазной государственной машине является самоцелью, для революционного пролетариата переход на путь социалистического переустройства общества является той целью, сообразно с интересами которой он организует свою собственную государственную власть. План «строительства социализма» исключительно сверху у меньшевистской социал-демократии об'ясняется стремлением провести сделку с буржуазией через государственный аппарат.

Для этой сделки парламентско-демократическая организация, представляющая собой организационную форму постоянной и непрерывной коалиции с буржуазией, наиболее подходяща.

Из неспособности государственно-монополистического капитализма [3] удовлетворить массовые насущные потребности и справиться с кризисом, порожденным империалистической войной, из желания масс «сделать обратное» [4] магнатам капитала, выросла революционная массовая организация.—«Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, тем самым необычайно приблизила человечество к социализму. Империалистическая война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами

[1] Энгельс. Жилищный вопрос, стр. 36.

[2] См. Обращение Ц. К. Союза коммунистов в марте 1850 г.

[3] Во время войны монополистический капитализм быстро пошел к превращению в государственно-монополистический капитализм, произошло огосударствление военной промышленности (через тресты), сырьевого снабжения (через синдикаты) и продовольственного снабжения населения (карточная система).

[4] Выражение Г. В. Плеханова.

порождает пролетарское восстание—никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»[1].

На этой ступени все крупное производство и распределение концентрируется в общественном масштабе. Воротилы капитализма выступают в глазах масс как паразитический нарост, который нужно срезать, чтобы приспособить всю общественно-производственную машину снизу до верху—к массовым потребностям и интересам.

Советы на пути к власти об'единяют под своим руководством и вооруженную силу революционных классов, в лице красной гвардии и старой армии, и их «самочинные» органы экономического переворота, в лице фабзавкомов, крестьянских земельных комитетов и т. п. Они снизу стихийно обрастают готовым «аппаратом» пролетарской революции. В этом их величайшее, исключительное преимущество перед всякой другой формой организации. В то же время в них и через их посредство самый передовой класс—пролетариат организуется в самостоятельную руководящую силу, осознает себя как класс, призванный вести непролетарские слои трудящихся к социализму. Без всякого насилия, только силой своего примера и героизма, своей сознательности и организованности он привлекает их на свою сторону.

Однако, его собственная сила и организованность измеряется и определяется силой и организованностью его авангарда.

Авангард пролетариата, задолго до революции, должен сложиться в единую и сплоченную партию, ясно сознающую, куда и как она идет, способную руководить массами при всяком повороте исторического пути классовой борьбы. Всей своей предыдущей деятельностью она должна быть подготовлена к роли гегемона революции. Она должна быть абсолютно свободна от колебаний в решающие моменты, абсолютно свободна от реформистских и центристских попутчиков.

[1] Н. Ленин. «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 208—209.

Такую проверку в битвах 1917—1921 года могла выдержать единственно Российская Коммунистическая Партия (большевиков). Весь предшествующий путь ее развития выработал из нее—и в идейно-политическом и в организационном отношениях—партию-вождя.

Только применение материалистического понимания истории делает возможным учет вперед, историческое предвидение, плановой рассчет, правильно охватывающий то взаимодействие между организованными силами борющихся классов и массовой стихией, которое является решающим для исхода всякой борьбы. Политика определенного класса совпадает с тактикой его авангарда, если вся масса данного класса или большинство ее следует за этим авангардом, если между сознательной работой передовых элементов класса и стихийными и полусознательными стремлениями всей массы его существует то соответствие, которое необходимо для успешного проведения тактического плана. Этот план никоим образом не может быть осуществлен одним авангардом, потому, что для того, чтобы стать об'ективным направлением классовой борьбы, политическим фактором, силой, влияющей на ход исторических событий, он должен стать достоянием классовой борьбы—оружием борьбы не агитационно-пропагандистского кружка, а оружием стихийной борьбы масс.

Но масштаб политики изменяется вместе с событиями.—«Пока речь шла (и поскольку речь еще идет) о привлечении на сторону коммунизма авангарда пролетариата, до тех пор и постольку на первое место выдвигается пропаганда; даже кружки, имеющие все слабости кружковщины, тут полезны и дают плодотворные результаты. Когда речь идет о практическом действии масс, о размещении — если позволительно так выразиться—миллионных армий, о расстановке всех классовых сил данного общества для последнего и решительного боя [1], тут уже с одними только пропагандистскими навыками, с одним только повторением истин «чистого» коммунизма ничего не поделаешь. Тут надо считать не до тысяч, как в сущности считает пропагандист, член маленькой группы, не руководивший еще массами, тут надо считать миллионами и десятками миллионов. Тут надо спросить себя не только о том, убедили ли мы авангард рево-

[1] Подчеркнуто Вл. Ильичем.

люционного класса,—а еще и о том, размещены ли исторически-действенные силы всех классов, обязательно без из'ятия всех классов данного общества, таким образом, чтобы решительное сражение было уже вполне назревшим,—таким образом, чтобы (1) все враждебные нам классовые силы достаточно запутались, достаточно передрались друг с другом, достаточно обессилили себя борьбой, которая им не по силам; чтобы (2) все колеблющиеся, шаткие, неустойчивые, промежуточные элементы, т. е. мелкая буржуазия, мелкобуржуазная демократия в отличие от буржуазии, достаточно разоблачили себя перед народом, достаточно опозорились своим практическим банкротством; чтобы (3) в пролетариате началось и стало могуче подниматься массовое настроение в пользу поддержки самых решительных, беззаветно смелых, революционных действий против буржуазии» [1].

Германская социал-демократия,—да и весь международный меньшевизм,—знали только масштаб политики мирного времени,—учет соотношения организованных сил. Коммунистические партии на Западе, вышедшие из недр старой социал-демократии, не сразу смогли выработать собственное революционное мерило политики. В период бури и натиска 1918—21 г.г. в большинстве стран они складывались в ходе стихийной классовой борьбы. Отсюда—пропагандистский уклон, уклон левого коммунизма в ряде стран, уклон, выражающий ту же самую ограниченность политического кругозора, что и социал-демократический «мирный» масштаб политики.

С другой стороны, молодым коммунистическим партиям Запада пришлось в самом процессе борьбы очищаться от реформистско-центристских элементов. Революция в Венгрии 1919 г. воочию обнаружила, насколько чреват контр-революционными опасностями союз пролетарско-коммунистических и социал-демократических элементов в рамках одной партии. В Венгрии об'единение старой социал-демократической партии и молодой коммунистической партии произошло под стихийным давлением масс. Буржуазия и помещики, окончательно запутавшись, подбросили власть пролетариату. Его истинные представители—коммунисты—были призваны к власти непосредственно из тюрьмы, куда они были заключены перед этим.—«Яков Вельтнер, один из вождей социал-демократической партии, обрисовал эту ситуацию в статье,

[1] Н. Ленин. Детская болезнь „левизны“ в коммунизме. Собр. соч., т. XVII, стр. 180.

появившейся в Венской «Рабочей Газете» уже после падения Советской диктатуры, 10 августа 1919 г., и озаглавленной: «Как это было»: «Настроение масс парализовало единое руководство социал-демократической партии. Все шло к тому, что уже перед 21 марта[1] положение стало невыносимым. Металлисты, печатники и большинство рабочих других профсоюзов, а также большая часть вооруженных сил открыто солидаризировались с коммунистами. Мы, следовательно, должны были выбирать между братоубийственной войной и об'единением или полным самоуничтожением».

Центральный комитет Коммунистической партии сидел под замком в общей тюрьме.

...Коммунисты были подхвачены событиями.

После того, как им, без оговорок, предложили об'единение на основе полного принятия коммунистической программы, они не могли отвергнуть это. Отказ от об'единения был бы непонятен массам. Можно было бы, самое большее,—отвести правление с.-д. партии—большая часть массы приняла бы это сочувственно,—но это имело очень мало смысла. Как во всяком рабочем движении, в венгерском выросла также своя партийная бюрократия, которая в силу особенностей венгерского рабочего движения—здесь не было собственно партийных организаций, профсоюзы одновременно выполняли функции партийных организаций—целиком слилась с профсоюзной бюрократией. Целесообразно было бы, наряду с партийным правлением и партийной бюрократией, исключить из об'единения также и профсоюзную бюрократию. Но это опять-таки было технически неосуществимо. По венгерским условиям как раз нельзя было допустить исключенных из партии в качестве профсоюзных работников. Это нужно бы было проделать массам, членам профсоюзов, но еще до об'единения. В момент об'единения было уже поздно. Партийная и профсоюзная бюрократия чувствовала, знала, что масса ее отставляет в сторону. Этого она не хотела, именно этого она хотела избежать, для этого она воспользовалась психологическим моментом, созданным нотой подполковника Викса (Vyx), переданной по поручению Антанты. Как говорит Вельтнер, только между об'единением и полным устранением (может быть, полным изгнанием) должна была она выбирать. И они выбрали

---

[1] В этот день был подписан договор об об'единении.

об'единение, чтобы не быть отстраненными. Созданный нотой [1] подполковника Викса правительственный кризис и сделанное, с согласия буржуазных партий, предложение президента республики Карольи—взять социал-демократической партии на себя управление правительственными делами,—подготовили для нее подходящую атмосферу, чтобы выскочить из тупика. Революция или гражданский мир!—это для нее было неважно, главное дело было только остаться вождем рабочего движения. Правильно заметил Бухингер: «Шаг, приведший к об'единению с коммунистами на основе их полной программы, был предпринят без того, чтобы хотя на половину были согласны в душе с этим» [2].

Перед нами отчетливая картина социал-предательского маневра, который позже стал одной из важнейших причин гибели пролетарской диктатуры в Венгрии. Сливаясь со старой социал-демократической партией, в момент взятия власти, венгерские коммунисты бессознательно совершали не только трудно-поправимую политическую ошибку, но и еще большую организационную ошибку. Осуществлять пролетарскую диктатуру способна лишь пролетарская партия «якобинского типа»—«узкая» в смысле организационного отбора наиболее выдержанных передовиков рабочего класса на определенной платформе, строго-централизованная и идейно-сплоченная, и «широкая» в смысле своей политической связи с массами. Такой партией не может быть рабочая партия английского типа, в которой авангард неподвижно прикован к арьергарду рабочего движения.

Профсоюзная бюрократия сыграла решающую роль в падении Венгерской Советской Республики. Она использовала свои организационные связи, унаследованные ею от прошлого для систематического саботажа ломки старого буржуазно-помещичьего аппарата, для организации «общественного мнения» против пролетарской диктатуры, и, наконец, для предательства на пользу Антанте и контр-революции.

Большевики проявили действительную политическую дальнозоркость, когда они еще в 1903 г., на 2-м С'езде партии дали генеральный бой меньшевикам по вопросу о § 1 устава партии:

---

[1] Нота о новом захвате Венгерской территории за пределами демаркационной линии, установленной перемирием.

[2] Эммануил Бухингер. (Будапешт) «Предостерегающий пример Венгрии», в Венской «Рабочей Газете» 18 Августа 1919 г.—Bela Szanto. Klassenkämpfe und Diktatur des Proletariats in Ungarn. Verlag der Komintern. Petrograd. 1920. s.s. 65—66.

одного бумажного или словесного признания программы и тактики партии недостаточно,—«лучше, чтобы десять работающих не называли себя членами партии, чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии»[1].

Колебания внутри руководящей партии по основным вопросам политики порождают в массах несравненно больший «угол отклонения», неизмеримо-большие шатания, благодаря которым мелкобуржуазная и буржуазно-контр-революционная стихия захлестывает и побеждает пролетариат. Тем более это имеет место там, где социал-демократическая измена свивает гнездо внутри коммунистической партии.

Революционная пролетарская партия, очищающая свой состав от попутчиков еще до решающих битв с буржуазией, избавляет пролетариат от страшных поражений в период этих битв. Размежевание под огнем врага стоит неисчислимо-большего количества жертв. Об этом красноречиво свидетельствуют примеры Германии, Италии и т. д.

В Финляндии гибель революции 1918 г. была, в значительной степени, обусловлена запоздалым размежеванием. Вот что рассказывает об этом тов. О. В. Куусинен:

«Когда в марте месяце (1917 г.) образовалось в Финляндии коалиционное правительство, около половины правления партии высказалось против участия в нем, и в состав правительства вошли только правые социалисты. Однако, оппозиция остальных членов нашей партии носила такой пассивный характер, что на деле она нисколько не препятствовала нашему сотрудничеству с правительственными социалистами, которые действовали рука об руку с финской и с русской буржуазией. Весьма характерно, что на состоявшемся в июне партийном конгрессе (на котором мы, между прочим, присоединились к циммервальдскому течению) не раздалось ни одного голоса с требованием исключения из партии заседавших в коалиционном правительстве социалистов. Нас совершенно ослепил обманчивый блеск демократического парламентаризма. Если бы у нас не было однопалатной системы пропорциональных выборов и весьма демократического избирательного права, если бы партия наша в избирательной борьбе не завоевала уже (летом 1916 года) большинства мест в сейме,—мы вряд-ли

[1] Н. Ленин. Речь при обсуждении организацонного устава партии на 2-ом С'езде, собр. соч., т. IV, стр. 300.

с такой легкостью поддались бы весенним соблазнам. Но тогда нам казалось, что парламентский демократизм открывает нашему рабочему движению неожиданно широкий и ровный путь к цели. Наша буржуазия не имела в своем распоряжении ни армии, ни даже сколько-нибудь надежной полиции; мало того, у нее не было даже возможности добиться законным путем их организации, так как для этого потребовалось бы согласие социалистического большинства сейма. Казалось, таким образом, что у социал-демократии не было ни малейшего основания к тому, чтобы сойти с пути парламентской законности: этот путь, повидимому, обещал ей целый ряд легких побед над буржуазией»[1].

А, между тем, финская буржуазия, со своими Свинкувудами и Маннергеймами, первая разнуздала в Европе невиданно-зверский белый террор. Примирение с оппортунистами расчистило ему путь.

От наличия или отсутствия партии-вождя зависит жизнь или смерть советов. Это теперь уже неопровержимо доказано действительностью. Весь ход международной революции облек это положение силой и значением *исторического закона*. У капиталистов и помещиков в эпоху империализма приходится власть брать с бою. Уже революция 1905 года продемонстрировала непреложность этого закона. Поскольку классовая борьба на определенной ступени развития переходит в гражданскую войну, военная стратегия и тактика становятся политической необходимостью, политическое руководство революционными массами переходит в *военное* руководство со стороны партии-вождя.

Меньшевистские рассуждения о невозможности «назначить революцию» всегда были плодом их принципиального отрицания гражданской войны.

В своих замечательных «Советах постороннего» т. Ленин писал: «*Переход власти к Советам означает теперь на практике вооруженное восстание*... Отрекаться теперь от вооруженного восстания—значило бы отречься от главного лозунга большевизма (вся власть Советам) и от всего революционно-пролетарского интернационализма вообще. Но вооруженное восстание есть *особый вид политической борьбы*, подчиненный особым законам»[2].

Борьба за пролетарскую гегемонию в Советах, взятие власти Советами, строительство и оборона пролетарской диктатуры— все это невозможно без руководства партии-вождя.

---

[1] О. В. Куусинен. Революция в Финляндии (самокритика), стр. 4—5.
[2] Написано 8 октября 1917 года, собр. соч., т. XIV, гл. 2, стр. 270.

Тов. Ленин оказался гениальным автором советского строя именно потому, что он впервые в истории построил партию пролетарской революции.

Самое большое недоумение вызывает то, когда даже в среде коммунистов по книжному, по-профессорски, по-филистерски обособляют марксистскую теорию от революционной тактики, следуя гнилым традициям Второго Интернационала. С этим давно пора бесповоротно кончать. Без пролетарской партии гегемона нет, и не может быть пролетарской диктатуры.

VII.

Борьба между империализмом и пролетариатом за крестьянство и угнетенные нации.

«Если путешествовать с Востока Европы на Запад, то в определенном месте нужно перейти известную экономическую границу. Она идет от восточной части Северного моря к Средиземному морю, приблизительно от Данцига к Венеции. Эта линия делит между собой два мира. Ибо западнее этой линии господствует промышленный, торговый и финансовый капитал, об'единенный высокоразвитым банковским капиталом почти абсолютно. Даже земледельческий капитал подчинен этому капиталу или вынужден уже с ним связываться. Этот капитал в высокой мере организован и охватывает своей прочнейшей государственной организацией весь мир.

Восточнее этой линии не существует ни этого гигантского развития концентрированного промышленного, торгового, транспортного и банковского капитала, ни его почти абсолютного преобладания, ни вследствие этого—прочной современной государственности.

Уже по одному этому было бы чудом, если бы тактика революционного пролетариата на запад от этой границы была бы та же, что и на востоке от нее!.. [1]. В Западной Европе действительная революция, т. е. ниспровержение капитализма и создание и прочное существование коммунизма возможны только в странах, где пролетариат один достаточно силен против всех

---

[1] Herman Gorter. Offener Brief an den Genossen Lenin. Verlag Kommunistische Arbeiter-Partei Deutschlands. Seite 17—18. Герман Гортер. Открытое письмо тов. Ленину (ответ на «Детскую болезнь левизны в коммунизме»). Изд. «Ком. Рабочей Партии Германии».

классов, — следовательно, в Германии и Англии и, благодаря возможной помощи бедных крестьян, еще в Италии»[1].

Не думайте, что эта сентенция принадлежит какому-нибудь от‘явленному реформисту и умеренному социалистическому мещанину.

Она вышла из-под пера теоретика анархистско-мелкобуржуазной секты — «Коммунистической Рабочей Партии Германии» — Германа Гортера, ранее голландского «левого» коммуниста.

Чрезвычайно характерно, что он в принципиальном отрицании пролетарского руководства полупролетарскими и непролетарскими, «середняцкими», слоями трудящихся, — не эксплоатирующими чужого труда, — стоит на той же почве, что и весь Второй Интернационал. Признак зрелости социализма определяется с узко-экономической точки зрения, с точки зрения абсолютного численного преобладания «чистого» пролетариата над всеми другими слоями общества в данной стране. На одной стороне выстраивается пролетариат, на другой—трестированный капитал, и между ними происходит бой. Там, где этого нет и бой за социализм разыгрывается в гораздо более сложной обстановке, не может быть и пролетарской революции. Если в 1920 году Гортер и его друзья еще не решались об‘явить Октябрьскую Революцию 1917 г. буржуазной и признавали ее в виде исключения, то в 1921 году они уже целиком приняли меньшевистское понимание российской революции)[2].

Сбрасывание со счетов пролетарской революции переходных классов и наций, в лице колониальных и полуколониальных народов, есть не что иное, как оттяжка, отсрочка зрелости пролетарской революции, как отказ от революционного вмешательства пролетариата в политику. С этой точки зрения, пролетариат может сходить с пропагандистской позиции и ставить на очередь дня непосредственную борьбу за свои цели лишь тогда, когда соотношение классовых сил таково, что он в единственном числе, благодаря своему преобладанию в национальных рамках, может свалить капитализм. Эта схема расстановки классовых сил заимствована из условий «нормальной» жизни буржуазного общества, при которых изолированному пролетариату противостоят все остальные классы под гегемонией капитала. Недаром голландский сектант, своего рода «коммунистический братчик», Гортер, для

[1] Герман Гортер, стр. 12.

[2] См. «Die Sowjetregierung und die 3 Internationale im Schlepptau der internationalen Bourgeoisie! Verl K. A. P. D.

обоснования своих взглядов берет пример «родной» страны—Голландии, где буржуазия и мелкие лавочники, разжиревшие на империалистическом грабеже Голландской Индии, держат в рабском повиновении распыленный и раздробленный рабочей аристократией пролетариат. Голландия отстоит дальше от революции, чем ее собственные колонии.

Полное непонимание особенностей и самой сущности империализма составляет общее достояние и «правых» и «левых» реформистов, на разные лады перепевающих зады Эрфуртской программы[1]. Они не понимают самого главного, того, что империализм есть загнивающий капитализм, что это загнивание его вызывает борьбу против него самых разнообразных промежуточных слоев.

Противопоставление России Западу стало излюбленнейшим приемом всех меньшевиков со времени Октябрьской Революции. Оно сделалось идеологической мотивировкой интервенции. Так же, как на поприще практической вооруженной борьбы с большевиками об'единились все спасители западно-европейской «цивилизации»—от «батьки» Махно из Гуляй-Поля до Колчака, Врангеля, Пилсудского и Пуанкаре, на арене «идейной» борьбы с «восточным варварством» сплотились и Гортеры и Каутские, и всякие немецко-черносотенные и американско-банкирские «Лиги борьбы с большевизмом».

Эту всеобщую ненависть столпов и люмпен-пролетариев буржуазного мира большевизм вызвал своей революционной постановкой задач социалистического переворота. Он практически перевернул все привычные устои буржуазного общества, революционным путем вмешался в противоположность между городом и деревней, порожденную капитализмом, — в противоположность между великодержавными и угнетенными нациями, унаследованную вместе с остатками крепостничества и распространенную на весь мир и усиленную империализмом; — в противоположность между передовыми и отсталыми элементами экономического, политического и культурного развития вообще.

Опираясь на свой «национальный» опыт, большевизм вынес «на свет божий» все недоделанное демократическими революциями

[1] Принята была германской социал-демократией на с'езде в Эрфурте в 1891 г.

XIX столетия в Европе. Он вырвал из рук империалистических хищников их главный козырь — спекуляцию на «право самоопределения народов», на необходимость уничтожения монархическо-помещичьих пережитков [1], на крестьянские интересы. Он вскрыл гнилую реакционную природу империализма не только по отношению к рабочему классу, но и по отношению к промежуточным слоям и угнетенным народам.

Таким образом, он выдвинул на очередь борьбу между империализмом и пролетариатом за мировую гегемонию, т. е. конкретизировал задачу международной пролетарской революции в эпоху империализма.

Империализм в интересах капиталистической монополии всюду усугубляет, усиливает, расширяет и обобщает все реакционные стороны капитализма, все гнилые реакционные тенденции капитала—в сторону укрепления и расширения крепостнических остатков, сделки с помещиками, копирования всех основных черт помещичье-крепостнического строя в международном масштабе. Загнивание капитализма выражается именно в этом возрождении крепостнического паразитизма и угнетения на капиталистической основе.

Еще Шарль Фурье предвосхищал возможность системы «промышленного феодализма»: «Крайности сходятся. Чем сильнее становится анархия, тем более приближаемся мы к порядку привилегий, ей противоположному. Участь цивилизации—вечно колебаться между двумя крайними партиями, вместо того, чтобы укрепиться в золотой середине. Есть много условий, которые могли бы содействовать образованию союза купцов, организовать из них общество; купцы стали бы членами союза монополистов и, подобно крупным собственникам средневековья. обратили бы всех мелких собственников в вассалов и сделались бы сами, с помощью интриг, хозяевами всего производства. Мелкий собственник был бы принужден распоряжаться своей жатвой, сообразно желанию монополиста; он обратился бы в приказчика, которого эксплоатирует торговая компания; в конце концов родилась бы видоизмененная феодальная система, основанная не на дворянских, а на торговых союзах» [2].

---

[1] Разумеется, у своих противников!

[2] Шарль Фурье. Преступления капитализма. Пер. К. Кондратьевой. Изд. «Кооперация» 1918 года, стр. 59.

Эксплоатация финансовым капиталом колоний и отсталых крестьянских наций, Версальский грабеж промышленной Германии воспроизводят в точности эту феодальную систему, поднимающую на восстание против капитализма не только пролетариат, но и мелкобуржуазные слои, быстро пролетаризируемые.

Тов. Ленин в своей работе об империализме приводил мнения буржуазного радикала Гобсона о перспективе загнивания капитализма в связи с возможным разделом Китая.

«Большая часть Западной Европы могла бы принять вид и характер, который теперь имеют части этих стран: юг Англии, Ривьера, наиболее посещаемые туристами и населенные богачами места Италии и Швейцарии, именно: маленькая кучка богатых аристократов, получающих дивиденды и пенсии с далекого Востока, с несколько более значительной группой профессиональных служащих и торговцев, и с более крупным числом домашних слуг и рабочих в перевозочной промышленности и в промышленности, занятой отделкой фабрикатов. Главные же отрасли промышленности исчезли бы, и массовые продукты питания, массовые полуфабрикаты притекали бы **как дань,** из Азии и из Африки»[1].

Вывоз капитала под охраной дредноутов, танков и «мессопотамских» аэропланов[2] ведет к тому, что «капитализм стремится заместить европейских рабочих более дешевыми рабочими силами менее развитых наций, т. е. он, по своей тенденции, означает «генеральный локаут европейского пролетариата», как выразился однажды Курт Эйснер»[3].

Ожидать при таких условиях всеобщей «зрелости» капитализма во всех странах,—с тем, чтобы разыграть генеральный бой между «чистым» пролетариатом и сверх-концентрированным капиталом,— в полном соответствии с буквой Эрфуртской программы, равносильно отказу от пролетарской революции. Перезревший в решающих странах капитализм гноит и ядом своего гниения заражает весь земной шар. Этого-то и не понимают Каутские и Гортеры, загораживающие Европу от «азиатского варварства», возрождаемого как раз наиболее концентрированным монопольным капиталом.

[1] Hobson. Imperialism. См. Н. Ленин. Империализм, стр. 100—101.

[2] Аэропланы на 25 солдат с 2-мя пулеметами, применяемые Англией для усмирений в колониях.

[3] Отто Бауер. Национальный вопрос и социал-демократия. Пер. М. Панина. Петербург. 1909 г., стр. 502.

Если еще в начале войны казалось, что установление колониального режима в Европе маловероятно, то Брестский мир и такой же живодерский мир Версальский опровергли этот европейский предрассудок.

Пролетариату приходится выбирать между жизнью и смертью, между империалистическим рабством и борьбой за свою гегемонию по отношению к тем слоям, которые еще не выварены капитализмом в фабричном котле.

Рабочий класс России оказался способным раньше других усвоить новые задачи, вытекающие из реакционно-паразитического вырождения капитализма, потому что с реакционными тенденциями капитализма он столкнулся раньше в своей собственной стране. В России ему первому пришлось вести борьбу с переплетением высоко-концентрированного капитала и помещичьего землевладения. Российская промышленность до войны развивалась по «американскому» типу, беря последнее слово техники и организации с Запада, но развивалась она на базисе помещичьего государства и помещичьего землевладения. Выражением этого противоречивого сочетания явилась борьба быстро созревшего пролетариата за руководство крестьянской революцией.

«Радикальный буржуа» — писал тов. Ленин в 1907 году — «не может быть храбр в эпоху сильно развитого капитализма. В такую эпоху этот буржуа неизбежно уже контр-революционен в массе своей. В такую эпоху неизбежна уже полная «территориализация» буржуазии [1]. Наоборот, в эпоху буржуазной революции об'ективные условия заставляют «радикального буржуа» быть храбрым, ибо он, решая историческую задачу данного времени, не может еще, как класс, бояться пролетарской революции. В эпоху буржуазной революции буржуазия еще не территориализировала себя: землевладение еще слишком пропитано феодализмом, в такую эпоху становится возможным то явление, чтобы масса буржуазных землевладельцев, фермеров, боролась против главных форм землевладения, а потому приходила к практическому осу-

[1] Т. е. превращение всей частной собственности на землю в буржуазную и ее защита буржуазией от всякого передела. Ср. К. Маркса в «Восемнадцатом Брюмера Луи Бонапарта»: «Буржуазный порядок в начале столетия сделал государство оградой вновь возникшего крестьянского участка и удобрил последний лаврами» (военных побед Наполеона). Собр. соч., том III, стр. 226.

ществлению полного буржуазного «освобождения земли», т. е. национализации [1].

Во всех этих отношениях русская буржуазная революция находится в особо благоприятных условиях. Рассуждая с чисто-экономической точки зрения, мы безусловно должны признать максимум остатков феодализма в русском землевладении, и помещичьем и крестьянском надельном. При таких условиях противоречие между сравнительно развитым капитализмом в промышленности и чудовищной отсталостью деревни становится вопиющим и толкает, в силу об'ективных причин, к наибольшей глубине буржуазной революции, к созданию условий наибыстрейшего агрикультурного прогресса. Национализация земли есть именно условие наибыстрейшего капиталистического прогресса в нашем земледелии. У нас в России есть такой «радикальный буржуа», который себя еще не «территориализировал», который не может бояться в данное время пролетарского «нападения». Этот радикальный буржуа — русский крестьянин.

С указанной точки зрения вполне понятным становится различное отношение к национализации земли массы русских либеральных буржуа и массы русских крестьян. Либеральный помещик, адвокат, крупный промышленник, купец — все они вполне достаточно «территориализировали» себя [2]. Они не могут не бояться пролетарского нападения. Они не могут не предпочитать Столыпинско-

[1] «Для того, чтобы построить действительно свободное фермерское хозяйство в России, необходимо «разгородить» все земли, и помещичьи и надельные. Необходимо разбить все средневековое землевладение, сравнять все и всяческие земли перед свободными хозяевами на свободной земле. Необходимо облегчить в максимальной возможной степени обмен земель, население, округление участков, создание свободных новых товариществ на место державшей тягловой общины. Необходимо «очистить» всю землю от всего средневекового хлама. Выражением этой экономической необходимости является национализация земли, отмена частной собственности на землю, передача всех земель в собственность государства, как полный разрыв с крепостническими распорядками в деревне. Именно эта экономическая необходимость и сделала из крестьянской массы России сторонников национализации земли. Мелкие собственники-землевладельцы в массе высказались за национализацию и на с'ездах Крестьянского Союза в 1905 г., и в первой Думе в 1906 г., и во второй Думе в 1907 году, т. е. на протяжении всего первого периода революции». — Н. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 г.г. Петроград, 1917 г., стр. 268—269.

[2] Т. е. опять-таки срослись с существующей формой землевладения, признав ее за буржуазную.

кадетского пути. Подумайте только, какая золотая река течет теперь [1] помещикам, чиновникам, адвокатам, купцам в виде миллионов, раздаваемых «крестьянским» банком перепуганным помещикам! При кадетском «выкупе» эта золотая река была бы чуточку иначе направлена, может быть чуточку менее обильна, но все же и она состояла бы из сотен миллионов, текла бы в те же руки. От революционного ниспровержения всех старых форм землевладения может не перепасть ни копейки ни чиновнику, ни адвокату. А купец — в массе своей — не может смотреть так далеко, чтобы предпочесть будущее расширение внутреннего рынка мужиков немедленной возможности урвать у барина. Только крестьянин, вколачиваемый в гроб старой Россией, способен добиваться полного обновления земледелия» [2].

Конфискация всех помещичьих и частновладельческих земель и разверстка государством в с е й, без из'ятия земли между крестьянами были программой к р е с т ь я н с к о - буржуазной революции в России. И поэтому, тов. Ленин настаивал, что «во имя интересов развития производительных сил... мы должны п о д д е р ж и в а т ь не б у р ж у а з н у ю э в о л ю ц и ю п о м е щ и ч ь е г о т и п а, а б у р ж у а з н у ю э в о л ю ц и ю к р е с т ь я н с к о г о т и п а. Первая означает наибольшее сохранение кабалы и крепостничества (переделываемого на буржуазный лад), наименее быстрое развитие производительных сил и замедленное развитие капитализма, неизмеримо большие бедствия и мучения, эксплоатацию и угнетение широких масс крестьянства, а, следовательно, и пролетариата. Вторая означает наиболее быстрое развитие производительных сил и наилучшие (какие только возможны вообще в обстановке товарного производства) условия существования крестьянской массы» [3].

Тащась в хвосте либеральной буржуазии, меньшевики в 1905—1907 г.г. доходили до полного отрицания необходимости собственной аграрной программы для рабочей партии. Будущий министр барона фон-Врангеля М. Бернацкий доказывал, что это ведет к «смешению» пролетарских и мелкобуржуазных интересов [4].

Лидер меньшевиков в аграрном вопросе Петр Маслов, позже также очутившийся в «Экономическом Совете» Колчака, обнару-

[1] В 1907 году.
[2] Н. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 г.г., стр. 134—135.
[3] Там же, стр. 32.
[4] М. В. Бернацкий. К аграрному вопросу 1906 г.

живал почти такой же уровень понимания интересов рабочего класса.

В народнических выступлениях крестьянства в пользу передела всей земли, он не видел ничего, кроме реакционного утопизма.

«С точки зрения классовых интересов пролетариата»—заявлял он—«имеет огромное значение вопрос о том, в каком направлении идет классовая борьба, направляет ли рабочий класс свою огромную боевую энергию на то, чтобы отвоевывать все новые и новые позиции при развивающемся капитализме, или на то, чтобы вести бесполезную борьбу с экономическим развитием в надежде, что тому или другому рабочему удастся сделаться самостоятельным хозяином. Первый путь ведет рабочий класс, а с ним и все общество к социализму; второй путь толкает рабочий класс в руки буржуазии, в борьбу между крупными и мелкими собственниками — борьбу, из которой рабочий класс ничего не вынесет, кроме поражений» [1]. — Сей «глубокомысленный» муж полагал, что главным побуждением в борьбе рабочего класса за руководство крестьянской революцией была эс-эровская приманка, обещавшая осуществить «право каждого на землю»! Борьбу между помещичьими латифундиями и крестьянской массой он приравнивал к обычной конкурентной борьбе!

Тов. Ленин указывал на абсолютную вздорность такого подхода: «Ошибка всех народников состоит в том, что, ограничиваясь узким кругозором мелкого хозяина, они не видят буржуазности тех общественных отношений, в которые вступает крестьянин из оков крепостничества. Они превращают «трудовое начало» мелкобуржуазного земледелия и уравнительность, как лозунг разгрома крепостнических латифундий, в нечто абсолютное, самодовлеющее, означающее особый, не буржуазный строй.

Ошибка некоторых марксистов состоит в том, что критикуя теорию народников, просматривают ее исторически-реальное и исторически-правомерное содержание в борьбе с крепостничеством. Критикуют и справедливо критикуют «трудовое начало» и «уравнительность», как отсталый, реакционный, мелкобуржуазный социализм, и забывают, что эти теории выражают

[1] П. Маслов. Аграрный вопрос в России. Том I. Издание 5. Москва, 1917 г., стр. 353.

передовой, революционный, мелкобуржуазный демократизм, что эти теории служат знаменем решительной борьбы против старой, крепостнической России» [1].

В пользу компромисса с либеральной буржуазией в форме муниципализации,—передачи помещичьих земель для распределения областным и местным самоуправлениям, [2]—меньшевики выставляли тот довод, что в этом случае можно будет в значительной степени избежать дробления земли между крестьянами и этим путем удастся сохранить «идеальные» условия для развития капитализма. На этот довод «от экономики» тов. Ленин отвечал: «Если требование конфискации всех помещичьих земель оказалось исторически-правильным,—а оно, несомненно, оказалось таковым,—то это означало, что широкое развитие капитализма требует новых отношений землевладения, что зачатки капитализма в помещичьем хозяйстве могут быть и должны быть принесены в жертву широкому и свободному развитию капитализма на почве обновленного мелкого хозяйства» [3].

«Сохранение производительных сил от разрушения», «поддержание непрерывности производства» и т. п., впоследствии у всего Второго Интернационала сделалось излюбленным пугалом против всякой революционной борьбы.

С точки зрения либеральной политики меньшевики расценивали крестьянство как более отсталый элемент, по сравнению с буржуазией.

Петр Маслов, вместе с Плехановым и другими, застращивал рабочих крестьянским Наполеоном:

«Когда победит демократия, и крестьянство увидит, что государственной властью руководит буржуазия, оно с таким же увлечением может пойти против демократического строя за авантюристом, вроде Наполеона» [4]. Из этой, тогда только воображаемой, опасности, можно было делать лишь один единственный вывод,—

---

[1] Н. Ленин. Аграрная программа социал-демократии, стр. 23.

[2] Не связывая крестьянские стремления к захвату всей помещичьей собственности с вопросом о центральной государственной власти, муниципализация обходила вопрос о революционном низвержении самодержавия. Точно также, ограничивая передел помещичьими землями и оставляя в неприкосновенности старые надельные границы крестьянских земель, она урезывала революционную ломку земельных отношений. Кроме того, передавая решение земельного вопроса местным самоуправлениям, она оставляла лазейку и для сохранения крупного частного землевладения и для выкупа помещичьей собственности.

[3] Н. Ленин. Там же, стр. 95.

[4] П. Маслов. Аграрный вопрос, т. I, стр. 300.

о дальнейшем углублении революции, под руководством пролетариата и после победы над царизмом. Меньшевики же делали из этого прямо-противоположный вывод о союзе с либеральной буржуазией. Этот союз привел их к коалиции с буржуазно-помещичьей реакцией в 1917 году. Революционной стороны экономического развития, заставляющей крестьянина разрушать вместе с помещичьим землевладением и помещичье государство, они никогда не могли усвоить.

Переплетение высоко-концентрированного банковского и промышленного капитализма с крупным помещичьим землевладением уже в 1905—1907 году ставило русскую революцию в связь с международными отношениями.—«Не подлежит сомнению»,—писал Владимир Ильич в 1907 г.,—«что помещичье хозяйство тысячами нитей связано не только с бюрократией, но и с буржуазией. Конфискация подрывает массу интересов крупной буржуазии, а крестьянская революция ведет, как справедливо указывал Каутский [1], и к банкротству государства, т. е. к нарушению интересов не одной русской, а и всей международной буржуазии. Понятно, что при таких условиях победа крестьянской революции, победа мелких буржуа, и над помещиками и над крупными буржуа, требует особенно благоприятного стечения обстоятельств, требует совершенно необычайных, «оптимистических» предположений с точки зрения обывателя или обывательского историка, требует гигантского размаха крестьянской инициативы, революционной энергии, сознательности, организованности, богатства народного творчества... А так как товарное производство не об'единяет и не централизует крестьянства, а разлагает и раз'единяет его, то крестьянская революция в буржуазной стране осуществима только под руководством пролетариата,—обстоятельство, еще более восстановляющее самую могущественную буржуазию всего мира против такой революции. — Следует ли из этого, что марксисты вовсе должны оставить мысль о крестьянской аграрной революции? Нет, такой вывод был бы достоин только людей, чье миросозерцание представляет из себя либеральную пародию на марксизм. Из сказанного следует только, во-1-х, что марксизм не может связывать судеб социализма в России с исходом буржуазно-демократического переворота, во-2-х, что марксизм должен считаться

[1] Тогдашний Каутский!

с обеими возможностями капиталистической эволюции земледелия в России и ясно показать народу условия и значение каждой возможности; в-3-х, что марксизм должен решительно бороться с тем взглядом, будто возможен радикальный аграрный переворот без радикального политического переворота...

Партия пролетариата никоим образом не связывает судьбы социализма с тем или иным исходом буржуазной революции. Оба исхода означают капиталистическое развитие и угнетение пролетариата и в монархии помещиков с частной собственностью на землю, и в республике фермеров хотя бы с национализацией земли. Поэтому безусловно самостоятельная и чисто пролетарская партия одна только в состоянии отстоять дело социализма «при всяком положении демократических аграрных преобразований», как сказано в заключительной части моей аграрной программы» [1].

Столыпинский землеустроительный закон 9 ноября 1906 года, направленный на разрушение старой общины и создание слоя «хозяйственных мужичков» в деревне, ознаменовал собой попытку окончательно закрепить буржуазную эволюцию помещичьего типа.

«С дворянством буржуазия вполне сошлась в желании внедрить в «мужиков» идею частной собственности. Это им нужно было и для спасения их усадеб от погромов—в то, что мужицкая частная собственность застрахует деревню от движений, они также верили, — и для того, чтобы на базе «мужицкой» частной собственности развить более интенсивную экономическую жизнь, создать крепких мужиков, сделать из деревни более емкий рынок для их фабрикатов и для того, чтобы получить себе, в качестве рабочего, отдифференцировавшегося от общины мужика-пролетария» [2].

В период столыпинщины буржуазия быстро сменяет вехи, отдавая всю свою энергию развитию промышленности на фундаменте полуобновленного дворянского строя. В это же время оформляется союз капитала и помещичьего государства в области внешней политики, на почве империализма. Профессор Мигулин красочно очертил ее основное направление: «историческая роль России—не в эксплоатации густо населенных богатых стран,

[1] Н. Ленин. Аграрная программа социал-демократии, стр. 165—166—167.

[2] И. В. Чернышев. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Петроград. 1918 год, стр. 329.

а в заселении пустых областей востока и приобщении к европейской культуре малочисленных и полудиких народов Востока. Поэтому, северная Персия и Малая Азия могут быть нужны России, входя в круг ее исторических задач»[1].

Активному участию России в подготовке окружения Германии в эти годы, во внутренней политике, соответствовало господство октябристско-националистического блока III-й и IV-й Дум. — Пробужденные к политической жизни революцией 1905—7 г.г. угнетенные народы, в эпоху столыпинщины, становятся об'ектом систематического преследования. Под буржуазным помещичьим знаменем «Великой России» укрепляется «тюрьма народов». Тут и зверская травля евреев, и удушение всякой общественной самодеятельности на Украине, и поход на Финляндию, и террор против поляков, и удесятеренный гнет над восточными народами, и т. д., и т. п.

Уже в программе своей наша партия в 1903 году признала одной из своих важнейших задач борьбу за право угнетенных народов на самоопределение.

Переход буржуазно-помещичьей России на «обновленные» империалистические рельсы заставляет уделить особое внимание этой борьбе.—«Поворот русского либерального «образованного общества» против революции, против демократии есть явление не случайное, а неизбежное после 1905 года. Буржуазия, особенно наиболее богатая, оберегая свое положение эксплоататора, решила: лучше реакция, чем революция. Эти корыстные классовые интересы денежного мешка и породили широкое и глубокое контр-революционное течение среди либерализма, течение против демократии, в защиту всякого империализма, национализма и шовинизма и всякого мракобесия»[2].

Тогда же тов. Ленин проводит сравнение между «отсталой Европой» и «передовой Азией». «В передовой Европе командует поддерживающая все отсталое буржуазия. Европа является передовой в наши дни не благодаря буржуазии, а вопреки ей... В «передовой» Европе передовым классом является только пролетариат. А живая буржуазия готова на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство. И едва-ли можно привести более разительный

[1] «Новый экономист», 1914 г., № 45.

[2] Н. Ленин. «Веховцы и национализм». — «Просвещение», № 4, апрель 1913 г., собр. соч., том XIX, стр. 24.

пример этого гниения всей европейской буржуазии, как поддержка ею реакции в Азии из-за корыстных целей финансовых дельцов и мошенников - капиталистов. В Азии везде растет, ширится и крепнет могучее демократическое движение. Буржуазия там еще идет с народом против реакции. Просыпаются к жизни, к свету, к свободе сотни миллионов людей... Вся молодая Азия, то-есть сотни миллионов трудящихся в Азии, имеют надежного союзника в лице пролетариата всех стран. Никакая сила в мире не сможет удержать его победы, которая освободит и народы Европы, и народы Азии» [1].

Совещание Центрального Комитета с партийными работниками летом 1913 года выступает с призывом к решительному отпору великодержавному национализму, и попыткам подмены пролетарского интернационализма буржуазным национализмом.

Его резолюция гласит:

«Разгул черносотенного национализма, рост националистических тенденций среди либеральной буржуазии, усиление националистических тенденций среди верхних слоев угнетенных национальностей выдвигают в настоящий момент национальный вопрос на видное место.

Положение дел внутри социал-демократии (попытка кавказских с.-д., Бунда и ликвидаторов отменить программу партии и т. д.) заставляет партию еще более обратить внимание на этот вопрос.

Опираясь на программу Р. С.-Д. Р. П., совещание — в интересах правильной постановки с.-д. агитации по национальному вопросу — выдвигает следующие положения:

1. Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплоатации, наживе и грызне,— постольку это достижимо лишь при последовательном, до конца демократическом, республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, об'являющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства. В особенности необходима при этом широкая областная автономия и вполне

[1] Н. Ленин. «Отсталая Европа и передовая Азия». «Правда», № 113, 18 мая 1913 г., собр. соч., том XIX, стр. 30—31 (курсив Вл. Ильича).

демократическое местное самоуправление, при определении границ самоуправляющихся и автономных областей на основании учета самим местным населением хозяйственных и бытовых условий, национального состава населения и т. д.

2. Разделение по национальностям школьного дела в пределах одного государства безусловно вредно с точки зрения демократии вообще и интересов классовой борьбы в особенности. Именно к такому разделению сводится принятый в России всеми буржуазными партиями еврейства и мещанскими оппортунистическими элементами разных наций план, так называемой, «культурно-национальной» автономии, или «создания учреждений, гарантирующих свободу национального развития».

3. Интересы рабочего класса требуют слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных, кооперативно-просветительных и т. д. Только слияние в единых организациях рабочих различных национальностей дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлениями помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои антипролетарские стремления под флагом «национальной культуры». Всемирное рабочее движение создает и с каждым днем все более развивает интернациональную (международную) культуру пролетариата.

4. Что касается до права угнетенных царской монархией наций на самоопределение, т. е. на отделение и образование самостоятельного государства, то с.-д. партия безусловно должна отстаивать это право. Этого требуют как основные принципы международной демократии вообще, так и в особенности неслыханное национальное угнетение большинства населения России царской монархией, которая представляет из себя самый реакционный и варварский государственный строй по сравнению с соседними государствами Европы и Азии. Этого требует, далее, дело свободы самого великорусского населения, которое неспособно создать демократическое государство, если не будет вытравлен черносотенный великорусский национализм, поддерживаемый традицией ряда кровавых расправ с национальными движениями и воспитываемый систематически не только царской монархией

и всеми реакционными партиями, но и холопствующим перед монархией великорусским буржуазным либерализмом, особенно в эпоху контр-революции. ...

5. Вопрос о праве наций на самоопределение (т. е. обеспечение конституцией государства вполне свободного и демократического решения вопроса об отделении) непозволительно смешивать с вопросом о целесообразности отделения той или иной нации. Этот последний вопрос с.-д. партия должна решать в каждом отдельном случае совершенно самостоятельно с точки зрения интересов всего общественного развития и интересов классовой борьбы пролетариата за социализм.

Социал-демократия должна при этом иметь в виду, что помещики, попы и буржуазия угнетенных наций нередко прикрывают националистическими лозунгами стремления разделить рабочих и одурачить их, заключая за их спиной сделки с помещиками и буржуазией господствующей нации в ущерб трудящимся массам всех наций» [1].

До мирового поворота истории в 1914 году большевизм вскрыл революционную сторону национального вопроса. В противоположность реформистам и центристам Второго Интернационала, он расширил борьбу против национального гнета и порабощения до пределов борьбы за пролетарскую линию революционного развития. Он ребром поставил вопрос о взрыве великодержавно-империалистического «государства национальностей». Марксистской критике были подвергнуты впервые в России оппортунистические взгляды Отто Бауэра и Карла Реннера на национальный вопрос [2]. Эти «австро-марксисты» ухватились за «культурно-национальную автономию», как за подачку имущим и образованным верхам угнетенных наций, как за средство спасения великодержавно-бюрократической «централизации» в австро-венгерском «государстве национальностей», как за пластырь против сепаратизма угнетенных народов.

К. Реннер, в свое время, со всей откровенностью заявлял об этом: «территориальный принцип не есть формула разреше-

[1] Н. Ленин. Собр. сочин., том XIX, стр. 33—37—38.

[2] И. Сталин. «Марксизм и национальный вопрос»—«Просвещение» 1913 г.—См. И. Сталин. Сборник статей. Изд. Нар. Ком. по делам национальностей. 1920 г.

ния австрийского национального вопроса в исторически созданной, экономически и социально необходимой рамке австрийского об'единенного государства... Национально-территориальное государство означает не разрешение австрийской задачи, а разложение Австрии»[1].

Бундовские и кавказские меньшевики-ликвидаторы избрали «австрийскую» дорогу в национальном вопросе потому, что во всей своей политике они держали курс на буржуазную эволюцию России прусского типа[2].

Резолюция совещания 1913 года, составленная Владимиром Ильичем, заранее учитывала лозунг поражения царской монархии в империалистической войне, характеризуя российский строй национальных взаимоотношений, как «самый реакционный и варварский» по сравнению со всеми соседними государствами.

Во время войны 1914—18 г.г. социал-патриоты всех мастей немало спекулировали на неопределенности понятия «аннексия».

Резолюция летнего совещания 1913 года совершенно точно определила это понятие, как всякую попытку нарушить свободное решение угнетенным народом вопроса о государственном отделении, как всякую попытку решить вопрос о государственных границах или границах автономной области за местное население.

Уже в борьбе против царско-помещичьего и империалистического гнета до войны наметился Союз российского пролетариата с трудящимся большинством угнетенных национальностей.

Свой дальнейший путь побед российский большевизм подготовил беспощадной борьбой против каких-либо сделок с империалистическим хищничеством, борьбой за добровольный союз революционных классов великодержавной нации с рабочими и крестьянами угнетенных наций.

Точно также, как сростание русской буржуазии с помещичьим землевладением облегчило расширение, укрепление и углубление революционного союза пролетариата и крестьянства, сростание капиталистической верхушки с великодержавно-угнетательским аппаратом царской монархии помогло завязыванию революционных связей между авангардом рабочего класса и угнетенными национальностями.

---

[1] См. Сборник «Марксизм и национальный вопрос». Изд. «Пролетарий». Харьков. 1923, стр. 19.

[2] См. подробнее: Г. Сафаров. Национальный вопрос и пролетариат. Изд. «Красная Новь». 1923 г. Москва.

Русский империализм, с его устремлениями к «Царьграду» и Дарданеллам, к Тегерану и к Галиции, поднялся на плечах помещичьего землевладения. Уже по одной этой причине он не мог рассчитывать на особо-широкую «популярность» в крестьянских массах. Переселенческая политика царизма служила «оттяжкой» от решения аграрного вопроса. Пошлина на русский хлеб в Германии могла интересовать лишь очень ограниченные группы «столыпинских мужичков», главным-же образом она была животрепещущим вопросом для помещиков. «Слабостью национального чувства» об'ясняли впоследствии буржуазные тупицы провал империалистической войны в России.

Полюбуйтесь одним из таких «об'яснений»: «Подобно тому, как это в свое время было в Англии и во Франции, чувство единого общего отечества, национальное сознание было свойственно лишь наиболее сознательным (!) элементам общества, лишь тем его слоям, которые принимали действительное, деятельное участие в зарождающейся национальной (!!) жизни. Таковы были представители развивающейся русской национальной культуры (!!!), выдающиеся общественные мыслители, государственные и общественные деятели [1], представители российского дворянства, купечества, представители русской науки, искусства. Только они одни понимали Россию, как единую нацию... Истинное общественное самосознание народных масс, входивших в состав населения прежней Российской Империи, очень хорошо определилось и выразилось в момент великой [2] мировой войны и в первые дни революции. Русские рабочие и крестьяне, насильно оторванные от сохи и станка и призванные в ряды действующих войск, не понимали, за кого и за что их заставляют воевать. Их начальники, представители российского правительства, дворянства, купечества и духовенства, говорили солдатам, что они воюют за Россию. А революционеры, бывшие выразителями определенных общественно-групповых, классовых чувств и понятий, убеждали солдат, что их заставляют бороться за интересы враждебных им классов, что они воюют не за Россию, а за «буржуев». Сами же они, русские крестьяне и рабочие, переодетые в солдатское платье, в большинстве случаев относились совершенно безучастно не только к этой борьбе, но и к России. До чувства и понятия единого общего отечества

[1] Это Столыпины-то и Распутины!

[2] У буржуазного мошенника захватная бойня обязательно выходит «великой»!

они еще не дошли. «Что нам до России, ежели мы псковские»,— говорили псковитяне. Точно также думали и вологодцы, и новгородцы, и орловцы, и вятичи»[1].

Профессорский кретин из бывших «марксистов» прикидывается, что не соображает, откуда взялась «любовь к отечеству и народная гордость» у Романовых, Пуришкевичей, Родзянко и Милюковых. Сам того не замечая, он разоблачает «общественно-групповую» подоплеку российского империалистического «отечества» и его войны. За сотню лет до наших дней, поэт Д. В. Веневитинов, в порыве возмущения всероссийским застенком, достаточно ярко изобразил эту нашу старую «родину»:

«Природа наша—точно мерзость.
Смиренно плоские поля.
В России самая земля
Считает высоту за дерзость.
Дрянные избы, кабаки,
Брюхатых баб босые ноги,
В лаптях дырявых мужики,
Непроходимые дороги,
Да шпицы вечные церквей,
С клистирных трубок снимок верный,
С домов господских вид мизерный
Следов помещичьих затей.
Грязь, мерзость, вонь и тараканы,
И надо всем хозяйский кнут;
И вот, что многие болваны
«Священной родиной» зовут».

Революционный под'ем 1912—14 годов развеял иллюзии насчет прочности «прусской» дороги. А кризис, порожденный войной, ликвидировал ее.

«Прогрессивный блок» от Родзянки до Чхеидзе—через Милюкова—накануне революции пытался добиться окончательного превращения царского самодержавия в буржуазную монархию, но революция обогнала черепашье движение буржуазно-помещичьего «прогресса».

Империалистическая война увязала в один узел и вопрос о земле, и вопрос о мире. Рабоче-солдатское восстание смело царское самодержавие. Однако, помещики остались на земле,

[1] К. М. Тахтарев. Общество и его механизм. Петербург. 1922 г., стр. 15—16.

а солдаты-крестьяне во вшивых и грязных окопах. Крестьяне получили только обещание мира и земли и возможность—на первых порах—свободной организации для новой борьбы.

Поскольку цепи старого насилия спали, старая армия, построенная вокруг стержня дворянско-сословной иерархии [1], начала автоматически разлагаться. Военно-командная власть помещика и буржуазного сынка потеряла опору в старом государственном аппарате насилия, а конец экономической власти дворянства для широких масс был также абсолютно предрешен.

Крестьянская масса армии в первый период коалиции заняла оборонческую позицию, высказавшись за то, чтобы «держать фронт». Она дала как бы отсрочку командующим классам. Здесь отразилась ее недостаточная классовая дифференцированность. Эта низкая степень классового расслоения крестьянства сказалась и на выборах в советы и армейские, дивизионные, полковые и ротные комитеты, куда засели буржуазные прапорщики, кулацкие сынки, бывшие военные и волостные писаря, словом, полуинтеллигентские верхи крестьянской и городской мелкой буржуазии.

— «Революционное оборончество», — раз'яснял тогда товарищ Ленин, —«есть, с одной стороны, плод обмана масс буржуазией, плод бессознательной доверчивости крестьян и части рабочих, а, с другой, —выражение интересов и точки зрения мелкого хозяйчика, который заинтересован до известной степени в аннексиях и банковых прибылях, и который «свято» хранит традиции царизма, развращавшего великороссов палачеством над другими народами» [2].

Представителями интересов «столыпинского мужичка» оказались «избранники», депутаты первых крестьянско-солдатских советов [3]; их избиратели в массе своей были повинны лишь в «бессознательно-доверчивом» отношении к империализму.

Лозунг батрацких советов был выброшен в начале революции 1917 года в целях захвата революционной инициативы, наиболее близкой к пролетариату частью деревни. Всероссийская

---

[1] Дополненной во время войны кадрами прапорщиков и поручиков из буржуазной молодежи.

[2] Н. Ленин. «Задачи пролетариата в нашей революции». 10 Апреля 1917 г. Собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 44.

[3] Блестящая иллюстрация—I-й Всероссийский Крестьянский С'езд в мае 1917 г., где на 1000 «эс'эров бабушкиного толка» было всего-на-всего 6 большевиков.

Конференция нашей партии в апреле 1917 года признала, что «необходимо немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации сельско-хозяйственного пролетариата, как в виде Советов Депутатов от сельскохозяйственных рабочих (а также *особых* Советов от *полупролетарского* крестьянства), так и в виде организации пролетарских групп или фракций в общих Советах Крестьянских Депутатов, во всех органах местного и обще-городского управления и т. д., и т. д.» [1].

Тем не менее, в особенности в этот период, организация полупролетарских элементов деревни не могла оказать решающего влияния на борьбу за землю и за мир. Районами широкого распространения батрачества были национальные области—Украина, Латвия и т. д. С другой стороны, почти вся наиболее активная часть деревни находилась под ружьем на фронте. Перелом настроения этой части деревни и определил дальнейший ход событий. Солдатско-крестьянскую массу на союз с пролетариатом толкнула корниловщина—бунт и измена *дворян*-генералов. Наростание ее революционного настроения началось с наступления 18-го июня. В провале этой империалистической авантюры выявился *пассивный* протест крестьянских низов армии против затягивания войны. Этот пассивный протест перешел в активную форму, когда контр-революционная ставка открыла фронт под Ригой и взялась за проведение своей диверсии против Петрограда. Смертная казнь на фронте, попытка полного восстановления самодержавия дворян-генералов в тылу и на фронте переполнили чашу крестьянского терпения.

Измена ставки нанесла сокрушительный удар оборонческим иллюзиям, а опасность военно-помещичьей диктатуры подняла крестьянскую массу на борьбу.

В своих воспоминаниях В. Набоков рассказал, что, еще в бытность Милюкова министром иностранных дел Временного Правительства, ему пришлось слышать от вождя русской буржуазии такую фразу: «Кто его знает, может быть, еще *благодаря войне все у нас еще кое-как держится, а без войны скорее бы все рассыпалось*» [2].

Благодаря войне, буржуазии и соглашателям удавалось до поры, до времени откладывать решение земельного вопроса «до

---

[1] Н. Ленин. Резолюция о земельном вопросе, собр. соч., т. XIV, ч. I, стр. 127.

[2] В. Набоков. Временное правительство. «Архив русской революции», том I, стр. 41.

Учредительного Собрания». Но война все глубже и глубже проводила борозду между крестьянскими массами и буржуазией, и, когда классовые противоречия внутри страны переросли империалистические противоречия войны, крах буржуазно-империалистического господства наступил.

Ни одна из буржуазных партий, включая и меньшевиков и эс-эров, не была в состоянии «односторонне» покончить с войной, вырвать народ из цепей разбойничьей, разорительной, убийственной войны. Господское сознание командующих классов не мирилось с мыслью о капитуляции. Они слишком глубоко вросли в империализм, чтобы отделить судьбу своего классового господства от «дела доблестных союзников», чтобы пожертвовать своей долей в международном грабеже, хотя бы во имя спасения своей власти и своих экономических привилегий. Когда спохватились, было уже поздно, и революция их опрокинула.

Наиболее дальновидные буржуа тотчас же после февральской революции закидывали удочку насчет сепаратного мира с Германией. В. Набоков, например, сообщает следующее:

«Сколько-нибудь успешное ведение войны было просто несовместимо с теми задачами, которые революция поставила внутри страны, и с теми условиями, в которых эти задачи приходилось осуществлять. Мне кажется, что и у Гучкова было это сознание. Я помню, что его речь в заседании [1] 7 марта, вся построенная на тему «не до жиру, быть бы живу», дышала такой безнадежностью, что на вопрос, по окончании заседания, «какое у вас мнение по этому вопросу», я ему ответил, что, по моему, если его оценка положения правильна, то из нее нет другого выхода, кроме необходимости сепаратного мира с Германией» [2].

Буржуа откладывали этот выход на худой конец. Однако, это им не мешало сеять клевету о «ленинцах, работающих на немецкие деньги». Напротив того, им казалось, что эта клевета им поможет запугать мелкую буржуазию. Они думали продержаться «до победоносного конца» на бессознательном оборончестве.

Империалистическое ослепление своим великодержавным «величием» буржуазия проявила с выдающейся выпуклостью в национальном вопросе. Здесь она показала воочию всем угне-

---

[1] Временного Правительства.

[2] В. Набоков. Врем. Правительство.—«Архив рус. революции», т. I, стр. 41—42.

тенным русским империализмом народам, что их освобождение невозможно без беспощадной ломки старой царской «тюрьмы народов», сохраненной в целости кадетами и соглашателями.

Достаточно было подавления июльского выступления рабочих и солдат Ленинграда, и буржуазная реакция разогнала финляндский сейм и взяла в железо украинскую мелкобуржуазную Раду. Ликвидация национального гнета и бесправия — также, как и ликвидация помещичьего гнета—Керенским и К° откладывалась «до Учредительного Собрания». Соглашатели великодержавного толка заранее предупреждали угнетенные народы, что «в Учредительном Собрании социал-демократы, в интересах освободительной борьбы пролетариата (!) всех народностей России, будут отстаивать ее целость и неделимость и единство»[1]. Эта их колчаковско-деникинская позиция привела к тому, что от поддержки буржуазного господства в России ушли вся буржуазия и все мелко-буржуазно-соглашательские партии угнетенных наций[2].

С дрожью в голосе шовинист В. Станкевич повествует о том, что «если солдаты требовали от власти, чтобы по телеграфу был заключен мир, то также «по телеграфу» в 24 часа требовали введения автономии на Украине и в Белоруссии, учреждения «штата Эсти», признания Латышской Республики»[3].

Вместе с классовым распадением на дворянско-буржуазные верхи и крестьянские низы, старая армия стала разлагаться на свои составные национальные части. Стали образовываться отдельные украинские, польские и другие формирования.

Процесс гниения русского империализма достиг апогея: великодержавная буржуазно-помещичья верхушка оказалась абсолютно изолированной—и благодаря собственной политике, и под натиском гегемона революции, пролетариата, который, ступая по следам бегущего в беспорядке врага, стал крепить свой международный союз рабочих и крестьян.

Корниловщина приблизила развязку. Угрозы Керенского и Родзянко сдать немецкому империализму Ленинград послужили сигналом для последнего боя. Нужно было не дать буржуазии и помещикам в последний момент захватить дело в свои руки.

[1] См. Г. Сафаров. Национальный вопрос и пролетариат. Проект избирательной платформы меньшевистского «организационного» комитета.

[2] См. подробнее в той же книге главу: «Нац. вопр. в период росс. революции от февраля до «Октября 1917 года».

[3] В. Станкевич. Судьбы народов России. Берлин. 1921 г., стр. 15.

Опоздание было равносильно успеху сделки между германским империализмом и русскими господствующими классами, понявшими в «без пяти минут двенадцать» неизбежность капитуляции перед своим внешним врагом. Против Керенского уже вспыхнуло крестьянское восстание.

Тов. Ленин в эти дни спас всю судьбу революции, не дав совершиться сделке между хищниками. «Большевики не в праве ждать с'езда Советов, они должны взять власть тотчас. Этим они спасают и всемирную революцию (ибо иначе грозит сделка империалистов всех стран, кои после расстрелов в Германии [1] будут покладисты друг к другу и против нас об'единятся), и русскую революцию (иначе волна настоящей анархии может стать сильнее, чем мы), и жизнь сотен тысяч людей на войне. Медлить—преступление» [2].

Октябрь победил, благодаря стремительному натиску, и первыми шагами пролетарской диктатуры были «Декрет о Мире», «Декрет о Земле» и «Декларация прав народов России». Первая фаза борьбы между пролетариатом и империализмом за переходные классы и угнетенные нации кончилась победой рабочего класса.

Последующий опыт германской революции 1918 года был блестящим доказательством от противного в пользу своевременности захвата власти большевиками. Революция 9 ноября, по выражению Розы Люксембург, «была на три четверти больше крахом существующего империализма, чем победой нового принципа» [3]. Получив из рук разбитой буржуазии мир, солдаты-крестьяне повернулись спиной к революционному городу.

После январского поражения 1919 года, за несколько часов до своей мученической смерти, красная Роза писала: «Больным местом революционной борьбы в этот момент было следующее: политическая незрелость солдатской массы, позволяющей своим офицерам злоупотреблять собою в противонародных, контр-революционных целях, уже одна свидетельствовала о невозможности длительной победы революции в этой схватке. С другой стороны, эта самая незрелость солдат была только симптомом общей незрелости германской революции. Деревня,

[1] Восстание германских матросов в Киле в сентябре 1917 г.

[2] Н. Ленин. Письмо к П. К. и М. К. Р. С.-Д. Р. П. (б). Собр. соч., т. XIV, ч. II, стр. 266.

[3] Rosa Luxemburg. Rede zum Programm. — Verlag «Rote Fahne». Berlin. 1919, s. 12.

из которой происходит больший процент солдат, как и прежде, едва только затронута революцией» [1].

Защищая необходимость подписания Версальского мира, буржуазный министр Эрцбергер подчеркивал, что в этом случае «притягательная сила большевизма уменьшится». [2].

Немецкая буржуазия, приняв из рук победителей мир, сделала его тотчас-же оружием против революции. Утомленным четырехлетним сидением в окопах солдатским массам всякая мысль о классовой борьбе казалась навлечением на себя новых бед и мучений войны. Социал-демократическая проповедь Erfüllungspolitik—выполнения Версальских обязательств и уступок своей буржуазии, была воспринята полностью и безоговорочно широчайшими слоями мелкой буржуазии и значительной частью рабочего класса. Мир, полученный сверху, разбил, распылил и дезорганизовал напор революционной стихии снизу. Авангард рабочего класса был изолирован от мелкобуржуазных и полупролетарских попутчиков. От фельдмаршала Фоша немецкие Носке и буржуазия получили 5.000 пулеметов для расправы с «внутренним врагом».

Незрелость революции отразилась в захлеснувшей солдатские массы пацифистской волне. «14 пунктов» Вильсона не только парализовали первый революционный напор, — они парализовали и дальнейшее созревание революции в рядах самодемобилизовавшейся армии. Молох войны перестал работать на революцию. Капиталистам и помещикам удалось отсрочить революцию до того пункта, когда важнейший союзник ее—армия—должен был выпасть из ее расчетов.

Владимир Ильич обнаружил гениальную политическую дальнозоркость, выбросив в самом начале войны лозунг превращение войны империалистской в войну гражданскую. На этом узловом вопросе, прежде всего, сосредоточилась борьба между империализмом и пролетариатом из-за руководства народными массами.

Российский пролетариат смог победоносно разрубить этот узел потому, что он во время сбросил с себя обман пацифистской фразы. Преобладание социал-патриотизма и социал-пацифизма в

---

[1] Статья «Die Ordnung herrscht in Berlin»—«Порядок господствует в Берлине» См. Clara Zetkin. «Um Rosa Luxemburg stellung zur Russischen Revolution». S s. 115—116.

[2] См. Ф. Шейдеман. Крушение Германской империи. Гос. Издат. 1923, стр. 318.

европейском рабочем движении военного периода помогло буржуазии сыграть ее последнюю игру в первой империалистической войне.

Мартинэ, в своей пьесе «Ночь», художественно воплотил трагедию пацифистского восстания народных масс.—Летом 1917 года целые дивизии французской армии восставали и выбирали Советы, но их движение было задавлено, вследствие отсутствия действительного революционного руководства [1]. «Великая пацифистская сила» американского империализма—как в 1917 году, в период наибольших волнений во всех воюющих армиях, так и в 1918—19 годах, в период перемирия,—поддержала европейское капиталистическое господство.

Программу крестьянского движения—242 местных крестьянских наказа — большевистское советское правительство сделало революционным законом.

Эс-эровские дурачки по этому поводу пролили немало слез: большевики «украли» у них программу.

На самом деле, большевики осуществили то, чего не могли и не хотели осуществить соглашатели. Они взяли на себя руководство крестьянской революцией против помещиков, предоставив жизни разрушать уравнительские крестьянские предрассудки. В интересах союза рабочих и крестьян нужно было пойти на уступки этим предрассудкам и на дробление большинства крупных сельско-хозяйственных экономий. Лозунг национализации земли, как мера буржуазной революции, уже устарел, поскольку февральская революция разбила централизованную машину дворянского государства. В 1907 году тов. Ленин указывал, что «если смотреть на национализацию, как на меру, больше всего осуществимую в эпоху буржуазной революции, то такой взгляд неминуемо ведет к допущению того, что национализация может оказаться переходом к разделу. Реальной экономической потребностью, которая заставляет массу крестьянства добиваться национализации, является необходимость коренным образом обновить все старые отношения землевладения, «очистить» все земли, приспособить их заново для нового, фермерского хозяйства. Раз это так, то ясно, что приспособившиеся фермеры, обновившие все землевладение, могут потребовать закрепления этих новых земельных распорядков, т. е. превращения

[1] См. полицейскую повесть об этом: Louis Dumur. Les defaitistes.

арендованных ими у государства участков в собственность» [1]. Против сторонников лозунга раздела земли в условиях революции 1905—7 г.г. тов. Ленин выступал потому, что «разделисты» перескакивали «через историческую задачу данной революции», предполагали «решенным то, из-за чего только еще начала итти массовая крестьянская борьба» [2].

По иному встал вопрос о национализации земли в 1917 году. «Война причинила такие неслыханные бедствия воюющим странам, а в то же время она так гигантски ускорила развитие капитализма, превращая монополистический капитализм в государственно-монополистический, что ни пролетариат, ни революционная мелко-буржуазная демократия не могут ограничиваться рамками капитализма... При таком положении дела и национализация земли в аграрной программе неизбежно приобретает иную постановку. Именно: национализация земли есть не только «последнее слово» буржуазной революции, но и шаг к социализму» [3].

Однако, ко времени Октябрьской революции национализация земли, как переходная мера к социализму, еще не созрела. Ставка на отдельную организацию батрачества не дала крупных реальных успехов. Нужно было выбирать между угрозой отрыва крестьянских масс от пролетарского авангарда и уступками этим массам во имя главного—борьбы за пролетарскую диктатуру. Партия большевиков без единого колебания уступила в частном, чтобы обеспечить свою главную позицию. По этой причине она позже смогла наверстать свою частную уступку.

Ошибки Венгерской и Итальянской революций блестяще подтвердили правильность большевистской тактики.

— «В Венгрии»,—как описывает тов. Е. Варга,—«отчуждение крупной собственности произошло без раздела, без того, чтобы достояние экономий было затронуто, без перерыва (!) производства. Это ни в малейшей мере не заслуга венгерских советских чиновников, но следствие совершенно особых исторических условий, при которых происходило отчуждение. В России крестьяне, под руководством самых состоятельных (?!!), приняли активное участие в революции. Последняя и разрешила соответствующим образом аграрный вопрос. Крестьяне разделили землю

[1] Н. Ленин. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции, стр. 136.

[2] Там-же, стр. 95.

[3] Там-же (Н. Ленин). Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции. Послесловие от 28 сентября 1917 г., стр. 270—271.

и расхватали средства производства, из которых большая часть пошла не самым бедным, но самым состоятельным крестьянам [1].

В Венгрии не было (?) пролетарской революции в собственном смысле слова. Власть внезапно, так сказать, легально упала в руки пролетариев. В деревне не было даже самого незначительного революционного движения, не было также и вооруженного сопротивления. Поэтому юридическое (!!!) отчуждение совершилось беспрепятственно, и крупные хозяйства сохранились» [2].

Но социалистическая «добродетель» венгерской пролетарской революции оказалась ее непоправимой бедой. Революция не всколыхнула крестьянские массы, хотя бы ценою раздела помещичьих земель. Переход крупных имений в управление батрацких местных комитетов лишь изолировал, локализировал пролетарскую революцию на помещичьей территории. Так как государственный эмиссионный банк старой Австро-Венгрии находился в Вене и советское правительство вынуждено было сразу же поставить печатание своих новых бумажных денег в Будапеште, то крестьянская оценка городской революции в первую голову выразилась в вотуме недоверия к будапештским деньгам. Их не захотели брать в деревне.

Атака румынской реакционной сволочи и негодяев венгерской земельной аристократии, в союзе со всей Антантой, похоронила Советскую власть в Венгрии.

В Италии крестьянское революционное движение в пользу захвата и раздела помещичьих земель было непосредственно связано с возвращением демобилизованных солдат с войны. Даже реакционный буржуазный писака, освещавший это движение, признает, что «идея наделения землей бывших воинов была распространена почти повсюду, во время войны и после нее: ее мы находим в Германии, в Англии и даже (!) во Франции» [3]. В Италии после войны правительство учредило для этой цели особую организацию, под названием «Opera Nazionale per i Combattenti»,—«Национальный союз воинов». Этой организации были предоставлены льготы по приобретению распродаваемых земель для бывших солдат. Идя

[1] Тут явно каутскианская аберрация.

[2] Eugen Varga. Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktatur. Wien. 1920. seite 86—87.

[3] Maurice Pernot. L'experience italienne. III. La question agraire. «Revue des deux Mondes». 15 Juin 1923, page 912.

навстречу крестьянскому недовольству, либерально-буржуазное правительство хотело удержать его «в законных рамках». Но движение на Юге и в Средней Италии вылилось в целую цепь погромов богатых поместий и их захватов. Поповско-католическая партия уже на выборах 1919 года обещала землю «тем, кто обрабатывает ее». Под натиском революционной стихии местные отделы «Национального союза воинов», так же, как и католические попы, становятся во главе захватного движения. Декретом 2/IX 1919 года правительство разрешает крестьянам занятие необрабатываемых или плохо обрабатываемых земель. Буржуазная правительственная верхушка торопится «санкционировать» частные захваты, чтобы установить плотину против дальнейшего напора. Происходят, например, такие случаи: «В Рибера отчаявшиеся крестьяне захватили поместье графа де-Бивона. Женщины маленькой соседней деревни Каламоначи присоединились к восставшим; толпа осадила дворец графа и выломала двери. Испанскому сеньору (!) удалось бежать, но дворец был разгромлен. Правительство, признав совершившийся факт, применило декрет Визоччи (Visocchi) [1] к двум поместьям графа де-Бивона, которые были разделены между крестьянами при посредстве союза воинов» [2].

Борьба итальянских крестьян против помещиков была борьбой против малоземелья и чересполосицы, обусловленных засилием крупного землевладения.

Итальянские социалисты, несмотря на наличие многочисленного сельско-хозяйственного пролетариата в Италии, не сумели встать во главе крестьянского революционного движения. Летом 1920 года на Втором Конгрессе Коминтерна, Серрати громогласно об'явил оппортунизмом всякую поддержку крестьянского движения в пользу раздела помещичьих земель. Предрассудки Второго Интернационала сыграли самую роковую роль в поражении революционного движения на Западе 1918—1921 г.г.

В вопросе о пролетарском руководстве борющимися против помещиков и буржуазии крестьянскими массами даже такие выдающиеся представители революционного марксизма, как Роза Люксембург, допускали непростительные колебания. В 1918 году, в тюрьме, она категорически осуждала большевистское отношение к крестьянской революции: «Ленинская аграрная реформа создала социализму новый могучий народный слой врагов, сопроти-

[1] Декрет 2 сентября 1919 года.
[2] Там же, стр 922.

вление которого будет много опаснее и упорнее, чем сопротивление дворян-землевладельцев»[1].

Тов. Ленин в своих тезисах по аграрному вопросу, принятых 2-м Конгрессом Коминтерна, указывал, что взгляд на крестьянство как на «сплошную реакционную массу»,—«держится в силу упорного, обладающего прочностью предрассудка (связанного со всеми буржуазно-демократическими и парламентскими предрассудками), непонимания той истины, которая вполне доказана теоретическим марксизмом и вполне подтверждена опытом пролетарской революции в России—именно, что неслыханно забитое, раздробленное, придавленное, осужденное во всех самых передовых странах на полуварварские условия жизни сельское население[2], будучи экономически, социально, культурно заинтересовано в победе социализма, способно решительно поддержать революционный пролетариат лишь после завоевания им политической власти, лишь после решительной расправы его с крупными землевладельцами и капиталистами, лишь после того, как эти задавленные люди увидят на практике, что у них есть организованный вождь и защитник, достаточно могучий и твердый для помощи и руководства, для указания верного пути»[3]. Говоря о необходимости стремиться к удержанию крупных хозяйств в коллективном пользовании, Владимир Ильич, одновременно, не упускал из вида реального соотношения сил и взаимоотношения интересов: «Было бы, однако, величайшей ошибкой преувеличивать или шаблонизировать это правило и никогда не допускать даровой передачи части земель экспроприированных экспроприаторов окрестному мелкому, а иногда и среднему[4], крестьянству.

Во-первых, обычное возражение против этого, состоящее в указании на техническое превосходство крупного земледелия, нередко сводится к подмене бесспорной теоретической истины злейшим оппортунизмом и предательством революции. Ради успеха этой революции пролетариат не в праве останавливаться перед временным понижением производства, как не остановились

[1] Rosa Luxemburg. Die Russische Revolution. Herausgegeben. u. eingeleitet von Paul Levi. 1922. s. 87.

[2] В лице батраков, полупролетариев-издольщиков и мелких крестьян.

[3] Тезисы ко Второму Конгрессу Коминтерна, стр. 35.

[4] Мелкое крестьянство тов. Ленин определял так: «Мелкие земледельцы, владеющие на праве собственности или аренды, такими небольшими участками земли, что, покрывая потребности своей семьи и своего хозяйства, они не прибегают к найму чужой рабочей силы».—В современном советском понимании это—«чистые» середняки.

буржуазные враги рабовладения в Сев. Америке перед временным понижением хлопкового производства, вследствие гражданской войны 1863—1866 г.г.

Для буржуа важно производство ради производства, для трудящегося и эксплоатируемого населения важнее всего свержение эксплоататоров и обеспечение условий, позволяющих труженикам работать на себя, а не на капиталиста. Обеспечение пролетарской победы и ее устойчивости есть первая и основная задача пролетариата. А устойчивости пролетарской власти быть не может без нейтрализации среднего крестьянства и обеспечения поддержки весьма значительной доли, если не всего мелкого крестьянства.

Во-вторых, не только повышение, но даже сохранение крупного производства в земледелии предполагает вполне развитого, революционно-сознательного, прошедшего солидную профессионально - политически - организационную школу сельского пролетария. Где еще нет этого условия или где нет возможности целесообразно поручить дело сознательным и компетентным рабочим, там попытки скороспелого перехода к государственному ведению крупных хозяйств могут лишь скомпрометировать пролетарскую власть, там обязательна сугубая осторожность и солиднейшая подготовка при создании «советских хозяйств».

В-третьих, во всех капиталистических странах, даже наиболее передовых, сохранились еще остатки средневековой полубарщинной эксплоатации окрестных мелких крестьян крупными землевладельцами, напр. Instleute в Германии, métayers во Франции, издольщики - арендаторы — в Соед. Штатах (не только негры, кои в большинстве случаев эксплоатируются на юге Соед. Штатов именно таким образом, но и белые). В подобных случаях обязательна со стороны пролетарского государства передача арендуемых мелкими крестьянами земель в бесплатное пользование бывшим арендаторам, ибо нет другой экономической и технической основы и нельзя ее создать сразу» [1].

Еще в 1910 году крайний немецкий ревизионист, исключенный из германской социал-демократии,—Гергард Гильдебранд развил до конца струвистский уклон во Втором Интернационале. Он вполне логично связал противоположность

[1] Тезисы, стр. 41—42.

между городом и деревней с противоположностью между капиталистически-развитыми странами и отсталыми колониями. Внедрение капитализма в среду крестьянских наций Востока Гильдебранд, со своей точки зрения шовиниста, признал смертельной угрозой великодержавному империализму, а, следовательно, и рабочей аристократии.

Эту же опасность он усмотрел и в мелком крестьянском хозяйстве передовых стран.

Последовательным выводом отсюда был союз с помещиками—буржуа внутри страны, союз рабочей аристократии с финансовым капиталом, в области империалистической политики.

— Вот его теоретическое обоснование: «Возможность демократического социализма в смысле единого и замкнутого регулирования всего производства неимущей и господствующей над всем массой... исключена. Там, где промышленность имеет в своем распоряжении достаточную собственную крестьянскую базу [1], последняя составляет, вероятно, большинство, или, во всяком случае, сильнейший слой населения... Много вероятнее, чем овладение крестьянским производством со стороны промышленной демократии, овладение промышленным производством крестьянской демократией. С солидной позиции своего хозяйственного превосходства, крестьяне с большим удовольствием наблюдают действие охватывающей и потрясающей весь земной шар конкуренции, ведущей к понижению цен» [2].

Недалекий мещанин Виктор Чернов, во время войны, воспользовался антикрестьянской идеологией рабочей аристократии, чтобы об'яснить все грехи немецкой социал-демократии «индустриоцентризмом» и «индустриоморфизмом» марксистской теории. Это соответствовало и его антантофильским чувствам и его мелкобуржуазному кругозору. Совершив плагиат у Гильдебранда, он «еще раз» оттенил равноправную роль промышленного пролетария и мелкого хозяйчика в строительстве социализма. В самом начале Октябрьской революции, от имени деревенской буржуазии, Чернов грозил провалом Советской власти: «Индустриальный социализм, идейно слишком одностороннее детище современного

[1] Как рынок сбыта, сырьевую и продовольственную базу.

[2] «Die Erschütterung der Jndustrieherrschaft und des Industriesozialismus».—Von Gerhard Hildebrand. Iena. 1910, s. 213.

однобокого индустриального капитализма, не сознавал, что в правильном разрешении аграрного вопроса единственный надежный и исходный пункт для всего дела социального преобразования. И аграрный вопрос явился подводным камнем, на котором кораблю пролетарской диктатуры суждено получить первую убийственную пробоину» [1].

Взбесившийся мелкий буржуа просчитался. Российский большевизм радикально порвал с парламентско-демократическими предрассудками мирного периода, навеянными корыстными интересами рабочей аристократии, резко враждебной крестьянским массам в силу своей связи с капиталистической монополией, и провозгласил не равноправие мелкого хозяйчика и пролетария в решении вопросов социализма, но пролетарскую гегемонию по отношению к крестьянству, достигающему с помощью рабочего класса осуществления своих трудовых интересов.

Довоенный Второй Интернационал видел возможность смычки между пролетариатом и крестьянскими массами исключительно на почве буржуазной демократии. Представителям западно-европейской социал-демократии было чуждо революционное понимание взаимоотношений между городом и деревней. А, между тем, ограниченность рамок буржуазной демократии устойчивым и прочным господством капитализма была непреодолимым препятствием для действительного союза между рабочим классом и трудящейся массой крестьянства. Работу по революционизированию этой массы западно-европейская социал-демократия целиком предоставляла «нормальному» ходу капитализма. Капитализм должен был полностью вынянчить, выпестовать социализм и в городе, и в деревне. Этот взгляд явно уклонялся в сторону от принципиальных воззрений К. Маркса и Фр. Энгельса. Оба основателя научного коммунизма полагали, что капитализм не в состоянии уничтожить неравномерность в распределении производительных сил между промышленностью и земледелием,—ликвидировать экономическую, культурную и политическую противоположность между городом и деревней.— «Мораль истории,—которую можно извлечь также из непосредственного исследования земледелия,—заключается в том, что капиталистическая система противодействует рациональному земледелию, другими словами, рациональное земледелие несов-

[1] См. «Воля России», № 18. 1 ноября 1923 г. В. Чернов.—«Уроки коммунистического опыта», стр. 31.

местимо с капиталистической системой (хотя последняя и поощряет его техническое развитие) и требует или руки мелких самостоятельно работающих крестьян или же контроля ассоциированных производителей» [1].

Империалистическая война впервые в истории вовлекла крестьянство в таких огромных массах в политику. Своими поборами она подорвала крестьянское хозяйство, лишив его основной рабочей силы—крестьянской молодежи, отняв у него значительную часть живого инвентаря и продукции. Если буржуазные верхушки деревни путем поставок на армию приобщились к военным сверхприбылям, то беднейшее крестьянство и середняки, благополучие которых держалось на личном участии в труде всех членов семьи, оказались на положении людей, хищнически эксплоатируемых машиной войны. Эта прямая и непосредственная эксплоатация их капиталистической «фабрикой войны» пробудила их политическую активность. Их политическое пробуждение неизбежно должно было обратиться, в первую голову, против земельной аристократии, угнетающей крестьянскую массу в деревне и пользующейся, по преимуществу, командной властью в армии. Война, повернувшая развитие крестьянского хозяйства назад—от торгового земледелия к натуральному хозяйству, ослабила кабальную экономическую зависимость деревни от города, и этим путем также увеличила самостоятельность крестьянской массы.

В эпоху Великой французской революции, поднявшиеся на борьбу крестьянские массы, вследствие экономических условий не могли пойти дальше буржуазно-демократической чистки земли от помещика. Олицетворение новой буржуазии, выросшей на крестьянской основе,—Наполеон Бонапарт—возвратил революционную стихию в «законные рамки» буржуазной собственности.

Меньшевики пытались и пытаются свести к этой схеме буржуазного переворота и Октябрьскую революцию.—«Социализмом тут и не пахнет. Солдаты—крестьяне хотят земли и, в конце концов, рабочий класс только их маленькое и слепое оружие» [2].

Меньшевистские карканья не сбылись и не могут сбыться, поскольку пролетариат, как класс, является гегемоном крестьянской массы. Эта масса следует его политическому руководству потому, что всюду, в эпоху империализма, помещики

[1] К. Маркс. «Капитал». Том III-й, часть 1-я. Москва. 1907 г., стр. 96.
[2] Н. Валентинов. «Не можем молчать»,—«Наш Голос». С.-д. Сборник, № 1. 1918 г.

и буржуазия великодержавных стран составляют одно целое. Империализм во всех капиталистических государствах «территориализировал» буржуазию, на ряду с этим революционизировав крестьянские массы.

К. Каутский исправнейшим образом повторяет контр-революционные басни русских меньшевиков и Гильдебранда, застращивая рабочих «господством крестьянства»: «даже в России, где крестьянин совсем еще недавно находился под кнутом царизма и политически совершенно темен, оказалось невозможным установить единодержавие (!) пролетарского меньшинства, вопреки воле крестьянства. Советы, которым должна принадлежать диктатура, пришлось (!!!) вводить не только для наемных рабочих, но и для крестьян.

В России с этим можно мириться, так как крестьянство там еще революционно,—опять-таки признак буржуазного характера русской революции. Но для Западной Европы, где крестьянство является сильнейшей консервативной силой, это было явной бессмыслицей. Лишение всяких политических прав городской интеллигенции (читай: буржуазии) и политическое всемогущество крестьянства,—таков верх этой бессмыслицы» [1].

В 1906—7 г.г. К. Каутский был еще способен соображать и тогда он допускал, что «раз социализм овладеет областью крупной промышленности и крупного сельского производства, ему удастся, может быть, силою своего примера убедить мелких крестьян и вызвать с их стороны подражание» [2].

Ренегаты Каутские потому не могут примириться с Советами, что последние являются наилучшей, исторически-проверенной формой осуществления пролетарского руководства крестьянскими массами. Ренегаты несут буржуазный вздор, изображая включение в Советы представителей всей трудящейся массы, как уступку буржуазной революции. Зрелость социалистической революции как раз и подтверждается тем фактом, что пролетариат и органы пролетарской диктатуры «концентрируют в себе все револющионные интересы общества». Противопоставление «прогрессивной» буржуазной интеллигенции «консервативному» крестьянству лучше всего, с головой выдает реакционную сущность ренегатских рассуждений.

[1] К. Каутский. Пролетарская революция. 1922 г., стр. 170.

[2] К. Каутский. Движущие силы и перспективы русской революции. 1907 г., стр. 31.

Крестьянство не может сразу и бесповоротно избавиться от буржуазно-демократических предрассудков. Поэтому, по отношению к нему, в первую очередь, обязательно практиковать метод наглядного обучения. Соглашатели и буржуазия в 1917 г. отсрочивали решение всех «проклятых вопросов»—«до Учредительного Собрания», откладывая созыв последнего до бесконечности. Большевики разоблачили их контр-революционную игру не только выставлением лозунга немедленного созыва Учредительного Собрания до взятия власти Советами, но и фактическим созывом Учредительного Собрания после взятия власти.— «Не имели ли мы, русские большевики, в сентябре—ноябре 1917 года, больше чем какие угодно западные коммунисты, права считать, что в России парламентаризм политически изжит? Конечно, имели. Ибо не в том, ведь, дело, давно или недавно существуют буржуазные парламенты [1], а в том, насколько готовы (идейно, политически, практически) широкие массы трудящихся принять советский строй и разогнать или допустить разгон буржуазно-демократического парламента» [2].

— «Столицы мы завоевали в октябре—ноябре 1917 года, наверняка имея подавляющий перевес сил и самую солидную политическую подготовку как в смысле собирания, сосредоточения, обучения, испытания, закала большевистских «армий», так и в смысле разложения, обессиления, раз'единения, деморализации «армий» «неприятеля».

А имея возможность наверняка быстрым, решительным ударом завоевать обе столицы, оба центра всей капиталистической машины государства (как в политическом, так и в экономическом отношениях), мы, несмотря на бешеное сопротивление бюрократии и «интеллигенции», саботаж и т. д., могли, при помощи центрального аппарата государственной власти, доказать делами трудящимся непролетарским массам, что пролетариат единственный надежный союзник, друг и руководитель их» [3].

Так как непролетарские трудящиеся массы в большинстве своем лишь после завоевания власти пролетариатом переходят открыто и твердо на его сторону, революционное «действие сверху» имеет для них решающее значение. При распыленности

---

[1] Это был довод западных левых коммунистов в пользу бойкота парламентов.
[2] Н. Ленин. Детская болезнь, том XVII. Собр. соч., стр. 149.
[3] Н. Ленин. Выборы в Учредительное Собрание и диктатура пролетариата. Собр. соч., т. XVI, стр. 444.

крестьянства союз его с рабочим классом не может быть иначе закреплен, как с помощью государственной власти. Отсюда вытекает, во-первых, что нельзя обусловливать захват власти пролетариатом «всенародным» голосованием; во-вторых, что невозможно отказываться от изживания буржуазно-демократических предрассудков постепенным путем предметных уроков.—«Сколько бы мелкобуржуазные демократы, называющие себя социалистами и социал-демократами (Черновы, Мартовы, Каутские, Лонге, Макдональды и К⁰), ни разбивали себе лба перед богинями «равенства», «всеобщего голосования», «демократии», «чистой демократии» или «последовательной демократии», от этого не исчезнет экономический и политический факт неравенства города и деревни. Это—факт неизбежный при капитализме вообще, при переходе от капитализма к коммунизму—в частности» [1].

— Большевики не связывали судьбу восстания с согласием или несогласием «левых эс-эров», этих временных союзников из кулацко-середняцких кругов деревни. Их воздыхания об «однородном социалистическом министерстве», «гарантиях свободы» и прочих проявлениях моральной силы лавки [2] проходили мимо наших ушей. А в то же время большевики провели выборы в Учредилку и созвали ее, чтобы раскрыть глаза массам на ее несоответствие новым обстоятельствам.

— «Советы успели с 28 февраля (старого стиля) по 25 октября 1917 г. созвать два всероссийских с'езда гигантского большинства населения России, всех рабочих и солдат, семи или восьми десятых крестьянства, не считая массы местных уездных, городских, губернских и областных с'ездов. За это время буржуазия не успела созвать ни одного учреждения, представляющего большинство (кроме явно поддельного, издевательского, озлобившего пролетариат «демократического совещания»). Учредительное Собрание отразило то же настроение масс, ту же политическую группировку, что первый (июньский) Всероссийский С'езд Советов. Ко времени созыва Учредительного Собрания (январь 1918 года) состоялся второй С'езд Советов (октябрь 1917 г.) и третий (январь 1918 г.), причем, оба они показали яснее ясного, что массы полевели, революционизировались, отвернулись от меньшевиков и эс-эров, перешли на сторону большевиков, т.-е. отвернулись от мелкобуржуазного руководства, от иллюзий соглашения

[1] Н. Ленин, т. XVI, стр. 442.
[2] Употребляя выражение Маркса.

с буржуазией и перешли на сторону пролетарской революционной борьбы за свержение буржуазии» [1].

Когда Учредилка отказалась принять «Декларацию прав трудящегося и эксплоатируемого народа», разгон ее явился лишь простой регистрацией факта несоответствия буржуазной формальной демократии действительным интересам большинства страны.

Мелкобуржуазный оппортунизм под «левым» флагом, под видом «принципиального» отрицания парламентаризма, нашел свое последовательное выражение у Гортера.—«Так как банковский капитал самая ловкая и, по большей части, самая эластичная сила мира, и так как он, с помощью кредита, увеличивает свое могущество еще в тысячи раз, он держит крепко в одном кулаке капитализм, капиталистическое общество и капиталистическое государство, даже после этой страшной войны после потери миллиардов, даже в том состоянии, которое нам кажется (!) уже его банкротством.

Этим путем он—еще с большей силой—об'единяет вокруг себя все классы, за исключением пролетариата, об'единяет все классы против пролетариата в одно целое. Эта сила и ловкость и эта спайка всех классов так велики, что они останутся еще долго после того, как разразится революция. Конечно, капитал страшно ослаблен. Идет кризис, и с ним—революция. Я верю (!), что она будет победоносной. Но есть две причины, все еще поддерживающие силу капитализма: это—духовное рабство масс и банковский капитал. С силой их обоих, следовательно, должна считаться наша тактика.

Есть еще одна причина, при помощи которой банковский капитал спаивает во-едино все классы против революции. Это—большое число пролетариев. Все классы чувствуют, что, если они заставляют рабочих (в Германии—почти 20 миллионов) работать 10, 12, 14 часов в день, то спасение от кризиса будет возможно [2]... Трест, монополия, крупный банк, империализм, война, революция также и практически слили все крупно-и мелко-буржуазные и все крестьянские классы в Западной Европе в одну массу против рабочих» [3].

Эти строки были написаны в 1920 году, и жизнь показала слепоту теоретической путаницы. Гортер—против изживания пар-

[1] Н. Ленин. Пролетарская революция и ренегат К. Каутский. Собр. соч., том XV, стр. 482—483.
[2] Offener Brief an den Genossen Lenin. Von Herman Gorter. S.S. 53—54.
[3] Там же, стр. 57.

ламентских предрассудков также и с помощью буржуазного парламентаризма потому, что он полностью разделяет взгляды реформистов и ревизионистов от изоляции пролетариата в буржуазном обществе, о невозможности пролетарско-классовой гегемонии. Каутский в 1918 году специально соблазнял рабочих тем преимуществом буржуазной демократии, что она дает «защиту» меньшинству: «демократия означает господство большинства. Она, однако, означает также не менее этого—и защиту меньшинства» [1].

В переходный период революционной борьбы «защита меньшинства» необходима, прежде всего, буржуазии, пролетарская же самозащита заключается в организованности рабочего класса и в его широкой политической связи с непролетарскими слоями трудящихся. Изживание мелкобуржуазной отсталости на опыте, путем использования разложения капитализма, необходимо и в интересах самого пролетариата, который не однороден.—«Капитализм не был бы капитализмом, если бы «чистый» пролетариат не был окружен массой чрезвычайно пестрых переходных типов от пролетария к полупролетарию (тому, кто на половину снискивает себе средства к жизни продажей рабочей силы), от полупролетария к мелкому крестьянину (и мелкому ремесленнику, кустарю, хозяйчику—вообще), от мелкого крестьянина к среднему и т. д.;—если бы внутри самого пролетариата не было делений на более и менее развитые слои, делений земляческих, профессиональных, иногда религиозных и т. д. А из всего этого необходимость—и безусловная необходимость—для авангарда пролетариата, для его сознательной части, для коммунистической партии прибегать к лавированию, соглашательству, компромиссам с разными группами пролетариев, с разными партиями рабочих и мелких хозяйчиков [2]—вытекает с абсолютной необходимостью». Все дело в том, чтобы уметь применять эту тактику в целях повышения, а не понижения, общего уровня пролетарской сознательности, революционности, способности к борьбе и победе» [3].

Стать «классом для себя» пролетариат может, только завоевавши пролетарскую диктатуру. Только тогда он в историческом смысле начинает, главным образом, исключительно, если он не делает ошибок, работать на себя, на освобождение труда, а не на капитализм. Из этого следует, что, лишь поднимаясь до

[1] K. Kautsky. Die Diktatur des Proletariats. Wien. 1918, s. 15.
[2] Тактика единого фронта в период 1921—23 г.г., например.
[3] Н. Ленин. Детская болезнь. Собр. соч., т. XVII, стр. 162.

роли «всенародного» и международного вождя трудящихся масс, пролетариат перестает быть безвластным меньшинством капиталистического общества и превращается в руководящую силу исторического движения вперед.

Неизбежно повторяющийся на всех ступенях пролетарской революции, уклон «левого» коммунизма является продуктом мелкобуржуазной бесхарактерности, —неверия в историческое призвание пролетариата быть организатором нового общества и борьбы за него. Зигзаги революционного пути, смена атак отступлениями, об'ясняются тем, что даже в самом пролетариате коммунизм не рождается сразу, в готовом и совершенном виде. Обучая революционной последовательности широкие массы, пролетарский авангард обучается сам правилам тактики и принципам коммунизма.

Г-да Гортеры так же, как и Каутские, всуе болтают о кризисе капитализма, не усваивая основного в этом кризисе: практическая необходимость для пролетариата выступать в роли гегемона, использовать для себя во всем об'еме распад капитализма на его составные части, и есть вернейший признак краха буржуазного господства.

— Тотчас же после Октябрьской победы международный империализм сделал попытку вырвать политическое главенство из рук пролетариата, захватить в свои когтистые лапы «козырь» мира, и тем самым, оторвать крестьянские массы от пролетарского руководства.

— Советское правительство предложило немедленный мир всем воюющим странам. Антанта не ответила на это предложение ни единым словом, начав готовить гражданскую войну в России. Революционный призыв к заключению мира снизу не встретил практической поддержки в народных массах Запада.

У победоносной рабоче-крестьянской революции осталось только одно средство выхода из империалистической бойни это—заключение сепаратного мира с Германией.—Антанта сознательно провоцировала этот мир, надеясь на подмогу мелкобуржуазного национализма. Германский же империализм не преминул воспользоваться развалом старой армии, чтобы навязать Советской власти силой неслыханно-тяжелый аннексионистский мир. Советской власти и коммунистической партии пришлось делать выбор между стратегическим отступлением и безнадежным «революционным» жестом, который бы, несомненно, повлек за собой поражение.

На 7-м с'езде партии тов. Ленин говорил: «Международный империализм со всей мощью его капитала, с его высокоорганизованной военной техникой, представляющей настоящую силу, настоящую крепость международного капитала, ни в коем случае, ни при каких условиях не мог ужиться рядом с Советской Республикой и по своему об'ективному положению, и по экономическим интересам того класса, который был в нем воплощен,— не мог, в силу торговых связей, международных финансовых отношений. Тут конфликт является неизбежным. Здесь величайшая трудность русской революции и величайшая историческая проблема: необходимость решить задачи международные, необходимость вызвать международную революцию, проделать этот переход от нашей революции, как узко-национальной, к мировой. Эга задача стояла перед нами во всей своей невероятной трудности... Очень многие из наших молодых друзей, считающих себя левыми, стали забывать самое важное,—а именно: почему в течение недель и месяцев величайшего триумфа после Октября, мы получили возможность столь легкого перехода от триумфа к триумфу. А между тем, это было так только потому, что специально сложившаяся международная кон'юнктура временно **прикрыла** нас от империализма. Ему было не до нас. Нам показалось, что и нам не до империализма. А отдельным империалистам было не до нас только потому, что вся величайшая социально политическая и военная сила современного мирового империализма оказалась к этому времени разделенной междоусобной войной на две группы. Империалистские хищники, втянутые в эту борьбу, дошли до невероятных пределов, до мертвой хватки, до того, что ни одна из этих групп сколько-нибудь серьезной силы сосредоточить против русской революции не могла... Только благодаря тому, что наша революция попала в этот счастливый момент, когда ни одна из двух гигантских групп хищников не могла немедленно наброситься одна на другую, ни соединиться против нас,—только этим моментом международных, политических и экономических отношений могла воспользоваться и воспользовалась наша революция, чтобы проделать это свое блестящее триумфальное шествие в Европейской России, перекинуться на Финляндию, начать завоевывать Кавказ, Румынию. Только этим об'ясняется то, что у нас явились в передовых кругах нашей партии партийные работники

интеллигенты-сверхчеловеки, которые дали себя увлечь этим триумфальным шествием, которые сказали: «С международным империализмом мы справимся; там тоже будет триумфальное шествие, там настоящей трудности нет» [1].

Для революционной войны не было средств и возможностей. Крестьяне, как выразился Владимир Ильич, «голосовали ногами» против всякой войны, стихийной волной покатившись с фронта. Передышка была нужна и для того, чтобы совершилась на деле, в деревне, крестьянская революция, чтобы крестьянин почувствовал в своих руках завоеванную землю. В противном случае, союзу рабочих и крестьян был бы нанесен непоправимый удар. По свидетельству самих белогвардейцев, — «большевистский переворот в средней России долго не ощущался. Большевизм в деревне начал проявляться более наглядно к самому концу декабря 1917 года и к началу января 1918 года, когда пришедшие к этому времени солдаты с фронта, распропагандированные большевистскими агентами (!) до последней степени, стали выступать, открыто называя себя «большевиками», что считалось до того в деревне позорным (!!). Вернувшиеся с фронта солдаты начали пред'являть свои права на разделенную без них добычу (!!!), грозили отнятием у более зажиточных и успевших приобрести за это время имущество; одновременно приступили к организации своих «сельских солдатских советов», начали сноситься с соседними селами и, вообще, проявлять себя деятельно, иногда и беспокойно. Они, в большинстве случаев, прошли в следующий период движения и в комитеты бедноты... Солдаты же внесли известную организацию, воспринятую ими в войсковых частях, избирались на различные с'езды, куда крестьяне их охотно пускали» [2].

Прав был гениальный Владимир Ильич, отстаивая подписание мира. Ни лозунг тов. Троцкого—«ни мира, ни войны», рассчитанный на то, чтобы этой интернациональной политической демонстрацией вызвать немедленный взрыв на Западе, ни лозунг революционной войны, не соответствовавший реальному соотношению сил, не были пригодны, по тогдашним обстоятельствам.

---

[1] Седьмой с'езд Российской Коммунистической Партии. Стенографический отчет. 6—8 марта 1918 г. Гос. Издат. 1923 г., стр. 17—18—19.

[2] «Записки белогвардейца»—лейтенанта Н. Н. — «Архив русской революции», том X, стр. 62.

— «Перманентная крестьянская война—утопия. Революционная война не должна быть фразой. Если мы не подготовлены, мы должны подписать мир. Раз демобилизовали армию, то смешно говорить о перманентной войне. Сравнивать с гражданской войной нельзя. На революционную войну мужик не пойдет—и сбросит всякого, кто открыто ее скажет» [1].

В этот период гражданская война, так сказать, не созрела еще в обще-национальном, в обще-государственном масштабе. Для открытой борьбы с империализмом необходимо было и внутри России, и на Западе поднять классовую борьбу на более высокую ступень.

«Левые коммунисты» путались в традиционно-социал-демократическом представлении об одновременной революции во всех странах, думая, что достаточно одного героического порыва, чтобы сразу выскочить из международного переплета империализма. В «Тезисах о мире», писанных 7 января 1918 года тов. Ленин вскрывал недопустимость мелко-буржуазно-националистических колебаний, образующих бессознательную подпочву стремлений к революционной войне во что бы то ни стало. «Другой довод за немедленную войну тот, что, заключая мир, мы об'ективно являемся агентами германского империализма, ибо даем ему и освобождение войск с нашего фронта и миллионы пленных и т. д. Но и этот вывод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас об'ективно агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы... С этой стороны в обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалистской связи, да и очевидно, что нельзя вырваться из нее полностью, не свергнув всемирного империализма. Правильный вывод отсюда тот, что, со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того, или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась. Другими словами: не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики,

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., том XV—«ЦКРКП и Брестский мир», стр. 629.

которому из двух империалистов выгоднее помочь теперь, а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться, или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны... Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, возможной для данного момента степени, освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну, затрудняющую их сделку против нас, используем известный период развязанных рук для продолжения и укрепления социалистической революции. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности... вполне возможна, при условии нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России и во всем мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной армии» [1].

Довод о том, что при этом мы должны жертвовать самоопределением окраинных народов—Украины, Латвии, Эстонии и т. д., тов. Ленин отводил ссылкой на верховный интерес социализма.

Еще в «Искре» тов. Ленин проводил резкое различие между социал-националистами, ставящими национальное самоопределение выше интересов классовой борьбы, и пролетарскими революционерами, борющимися за национальное самоопределение угнетенных в интересах классовой борьбы и сообразно с этими интересами: «Поддаваясь на приманку (буржуазно-демократических) фраз, прельщаясь этой шумихой, П. П. С., в свою очередь, доказывает этим, как слаба в ее теоретическом сознании и в ее политической деятельности связь с классовой борьбой пролетариата. Интересам именно этой борьбы должны мы подчинять требование национального самоопределения. В этом именно условии и состоит отличие нашей постановки национального вопроса от буржуазно-демократической постановки его» [2].

Ленинская теория империализма, исходящая из положения, что «неравномерность экономического и полити-

---

[1] Н. Ленин. Собр. Соч., том XV. «Тезисы о мире», стр. 65—66, 68—69.

[2] Н. Ленин. «Национальный вопрос в нашей программе».—«Искра», № 44, 15 июля 1903 г. Собр. соч., т. IV, стр. 241.

ческого развития есть безусловный закон капитализма» [1], в тактике передышки получила неопровержимое практическое подтверждение. Противоречие между триумфальным шествием революции внутри страны победившей пролетарской диктатуры и международными условиями можно было разрешить только тактикой лавирования, основанной на учете неравномерности развития революции в разных странах.

«Революционная фраза чаще всего бывает болезнью революционных партий при таких обстоятельствах, когда эти партии прямо или косвенно осуществляют **связь, соединение, сплетение пролетарских и мелкобуржуазных элементов** и когда ход революционных событий показывает крупные и быстрые изломы. Революционная фраза есть повторение революционных лозунгов без учета об‘ективных обстоятельств, при данном изломе событий, при данном положении вещей, имеющих место. Лозунги превосходные, увлекательные, опьяняющие—почвы под ними нет,—вот суть революционной фразы» [2].

При всяком повороте исторического пути, при всяком зигзаге назад, — правильность, твердость и устойчивость пролетарского руководства мелкобуржуазными массами подвергаются сомнениям и критике со стороны мелкобуржуазных попутчиков или неустойчивых пролетарских элементов, наиболее легко поддающихся их влияниям.

Наиболее ярко и последовательно мелкобуржуазный уклон «левого» коммунизма был отражен в резолюции Московского областного бюро: «Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, причем ставит своей задачей служить об‘единению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных, оппортунистических элементов партии. В интересах международной революции мы считаем целесообразным итти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной» [3].

---

[1] Н. Ленин. «О лозунге Соединенных Штатов Европы». Сб. «Против течения», стр. 132.

[2] Н. Ленин. «О революционной фразе».—«Правда» 21 февраля 1918 г. За подписью «Карпов». Собр. соч., т. XV, стр. 100.

[3] См. Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 109—110.

Признавая целесообразной сдачу пролетарской диктатуры в результате заведомо безнадежной борьбы, «левые» предпочитали отступление назад, гораздо более опасное и далекое, чем Брестское отступление, сопряженное только с временной утратой территорий. Это был отказ от перехода к международной пролетарской революции через пролетарскую диктатуру в России и одновременное возвращение, в неизмеримо более ухудшившихся условиях, к решению уже решенной задачи завоевания власти в «национальном» масштабе, в масштабе нашей страны.

Воинствующая партия германского империализма сознательно била на разрыв, рассчитывая на то, что крестьянин предпочтет мир, полученный из рук немецких генералов, войне, которую бы провозгласили большевики. Гофман, Людендорф и прочие стремились отнять у пролетариата руководство крестьянскими массами путем провокации войны. Весь секрет революционной тактики заключался в обходном движении, в увертке от этой провокации.

«Левые» обнаружили мелкобуржуазную бесхарактерность — неверие в силы и выдержку русского и международного пролетариата.

Тов. Ленин с полным правом бичевал их тогда: «Конечно, победа Либкнехта—возможная и неизбежная тогда, когда германская революция созреет и назреет—избавит нас от всех международных трудностей, избавит и от революционной войны [1]. Победа Либкнехта избавит нас от последствий любой нашей глупости. Неужели это оправдание—глупости?» [2].

Брестский мир отбросил от Советской власти мелкобуржуазно-кулацкую партию левых эс-эров, которая бесповоротно покончила с собой мятежем в Москве во время июльского 5 с‘езда советов.

Против Бреста по мелкобуржуазно-националистическим, великодержавным мотивам, поднялась кулацкая верхушка деревни, бок о бок с городским мещанством.

Меньшевики и эс-эры связали свою борьбу за буржуазную демократию с борьбой за восстановление «единого союзного фронта» в России. Они поставили ставку на победу с помощью союзного империализма.

---

[1] С Германией.
[2] Н. Ленин. «О революционной фразе». Собр. соч., т. XV, стр. 104.

Здесь-то и выявился их абсолютный отрыв от крестьянских масс. Именно передышка, принятая крестьянским большинством страны, провалила тактически план Учредиловской контр-революции.

— VIII Совет партии правых эс-эров, в своей резолюции «по международной политике», заявлял: «Перед союзниками лишь два пути: или перенести на территорию России, с согласия законной власти [1], достаточные вооруженные силы, которые дали бы возможность России с наименьшими потерями свергнуть германское засилье и восстановить боеспособную армию и флот, или же рассматривать Россию как страну безвластную или утратившую свой суверенитет в пользу Германии, прибегнуть к оккупации тех или иных русских территорий для того, чтобы помешать их использованию в военных целях германского империализма... Первый из этих путей (является) не только приемлемым, но и желательным». Право-эс-эровский «Совет партии»—«рассматривал задачу восстановления восточного фронта, как общесоюзническую задачу» [2].

Чехо-словацкий мятеж был проведен под этим соусом. Английская интервенция в Архангельске и Туркестане последовала почти одновременно с ним.

Революция в Германии в ноябре 1918 года сорвала Брестскую петлю с шеи Советской России, блестяще оправдав Ленинскую тактику лавирования.

С наступлением этапа ожесточенной гражданской войны борьба за союз рабочего классса и крестьянства против контр-революции и империализма вступила в новую фазу, в новую полосу.

Учредиловская контр-революция в Поволжьи попыталась подновить старые лозунги буржуазной демократии. Шарлатанская вывеска «воссоздание союзного фронта на Волге» должна была подогреть «патриотические» чувства кулачества и послужить оправданием вооруженного вмешательства империалистов во внутренние дела России.

С первых же шагов под флагом Учредилки стали группироваться силы буржуазно-помещичьей реставрации. Эс-эры и меньшевики занялись излюбленным дележом министерско-чиновничьих местечек, аппарат же исполнительной власти и, прежде всего,

[1] Разумеется: эс-эровской учредилки.
[2] «Дело Народа» 18 мая 1918 года.

вооруженная сила попали в руки союзного империализма и золотопогонников. Все их усилия создать свою «Народную Армию» провалились с треском, в виду определенного отказа крестьянских масс встать в ряды этой «армии». Учредиловская контр-революция поднялась на союзных, чехо-словацких штыках и никакой другой опоры и поддержки для себя создать была не в состоянии. Под прикрытием чехо-словацкого фронта организовалась в Сибири офицерско-помещичья реакция: 23 Сентября 1918 года на «Всероссийском Государственном Совещании» в Уфе эс-эры и меньшевики добровольно капитулировали перед колчаковщиной, передав все права «Комитета членов Учредительного Собрания» — «Директории» из пяти человек. Колчаковщина получила поддержку внутри эс-эровской партии в лице так называемой правой группы ее—Авксентьева, Зензинова и Гендельмана. Эти «демократы» провели самороспуск Учредилки, перевезли согласно желанию Колчака—Директорию в черносотенный Омск, помогли ему разогнать Сибирскую, эс-эровскую, Областную Думу. Даже полукадетская, полу-эс-эровская Директория была в конец скомпрометирована их политикой. Она быстро приобрела кличку «воробьиной директории», так как ей «не нашлось» в Омске даже помещения, и ей пришлось сидеть на железнодорожной... ветке. Свое предательское поведение по отношению к архи-буржуазной «демократии» г-н Авксентьев оправдывал «тактикой обволакивания»: «Для Авксентьева очевидно, что уничтожить сибирское правительство невозможно путем применения физической силы, такой силы у директории пока что вовсе не имеется, а у сибирского правительства она есть. Нет, одержать верх над сибирским правительством можно только изнутри, путем его «обволакивания». Что это значит? Это значит, что Директория должна вобрать в состав всероссийского кабинета министров наиболее пригодные и демократические элементы сибирского правительства, приспособить к себе сибирский правительственный аппарат и этим путем уничтожить сопротивляемость сибирского правительства...»[1]

Эс-эры-колчаковцы запугивали своих собратьев по партии призраком гражданской войны... с Колчаком!

Предоставим слово б. учредиловцу: «Фактически перевес силы мог быть у Директории. Но для этого она должна была решиться

[1] Н. Святицкий.—«К истории Всероссийского учредительного собрания» Москва. Изд. «Народ». 1921 г., стр. 36.

действовать, не боясь вступления на путь гражданской войны с реакцией. Однако, решимости у нее-то и не было. Директория состояла, во-первых, не из одних—Авксентьева и Зензинова, а во-вторых, даже эти последние не решились приступить к активным действиям. Рассказывают, что когда их спросили, почему они не хотят прибегнуть к помощи чехов, от них получен был следующий, поистине удивительный ответ: «Невозможно, чтобы Директория утвердила свою власть с помощью иностранных штыков». Когда мы в Екатеринбурге [1] узнали об этом, мы только руками развели. Да не при помощи ли чехов и Директория и Сибирское правительство, и все мы сидим в Сибири на Урале, как сидели на Волге?» [2]

Учредиловская контр-революция была вытолкнута на сцену как временная маскировка буржуазно-помещичьей реставрации и союзной интервенции. Переходная, временная и преходящая роль буржуазной демократии вытекает из ее промежуточного положения между трудом и капиталом. Ее неспособность построить свой государственный аппарат и противостоять натиску черной сотни является следствием этого. Там, где пролетариат временно устраняется с поля битвы после поражения, мелкая буржуазия теряет всякую тень самостоятельности, послушно впрягаясь в ярмо контр-революционной военной диктатуры. С. р. Зензинов высказал это с совершенной откровенностью: «Колчак свергнул эс-эров во имя более успешной борьбы с большевиками. Если бы Колчаком эта святая цель была достигнута, то мы, жертва колчаковского переворота, первыми пришли бы к Колчаку и перед ним преклонились».

У генерала Алексеева и в Архангельске, на Кавказе и у Деникина, у Юденича и у Пилсудского и т. д., и т. п. повторилась та же самая история, что и у Колчака.

В 1917 году крайний правый оборонец Плеханов в насмешку называл соглашателей «полу-ленинцами».—Поскольку соглашательские Советы до наступления 18 июня своими колебаниями поневоле способствовали усилению пролетарского крыла революции, меньшевики и эс-эры, действительно, «разбалтывали» остатки старой государственности. С началом гражданской войны они стали полу-колчаковцами по своей об'ек-

---

[1] С'езд членов Учредилки.
[2] Н. Святицкий. «К истории Всеросс. учред. собр.», стр. 64—65.

тивной роли, — уже в силу одного факта изменения соотношения классовых сил.

Между эс-эрами и меньшевиками в обстановке гражданской войны установилось своеобразное разделение труда: эс-эры используя свой прошлый опыт «либералов с бомбой», вели вооруженную и террористическую борьбу с пролетариатом; меньшевики, как более «мирная» партия, разлагали революционной тыл. Для характеристики поведения последних полезно привести ответ Мартова депутации железнодорожников, запрашивавшей о «партийной» позиции по отношению к борющимся силам гражданской войны: «В отношении большевиков держите нейтралитет враждебный, а в отношении эс-эров и чехов—дружественный» [1].

Эс-эры и меньшевики, за пределами досягаемости, проповедывали гражданскую войну против Советской власти. В пределах Советской территории—эс-эры устраивали покушения и взрывы, меньшевики же спекулировали на лозунге «Долой гражданскую войну!», провоцируя забастовки и контр-революционные выступления. Если эс-эры вооружали и вели в бой контр-революцию, то меньшевики р а з о р у ж а л и р е в о л ю ц и ю пред лицом помещика и капиталиста.

Социал-белогвардейцы обоих лагерей пытались играть на собственнических струнках деревни, всячески восстанавливая ее против революционного города. При слабом классовом расслоении деревни, крестьянство, только после значительных колебаний, определявших в свое время линию наших фронтов, распознавало своего смертельного врага-помещика и принимало в о е н н о - п о л и т и ч е с к о е р у к о в о д с т в о п р о л е т а р и а т а. Но тогда как колебания безвозвратно бросали мелкобуржуазных вождей в об‘ятия Колчаков и Деникиных, крестьянские массы путем колебаний, на опыте, убеждались в безусловной необходимости союза с пролетариатом. Сами злобствующие меньшевики не могут увернуться от признания этой непреложной истины: «Временами крестьянские восстания принимали громадные размеры и охватывали целые губернии и даже несколько губерний, но они не разрушили и не могли разрушить большевистского государства. Таков характер, такова сущность крестьянских движений в современной России. Движения эти остаются чисто крестьянскими, покуда они стихийны,

---

[1] И. Майский. Демократическая контр-революция. Гос. Издат., 1923 года, стр. 11.

анархичны, неорганизованны, но в этой форме они не опасны для центральной власти. Когда они принимают организованную форму, т. е. выделяют боеспособную армию, они превращаются в орудие чуждой им политики, в орудие военного начальства, кровно связанного с интересами совершенно иных классов. В этих случаях дело доходит до войны, но поражение их тогда уж неизбежно. Они перестают уже быть крестьянским движением»[1].

Один из белых генералов, Деникин, также видит в этом главную причину поражения белых.—«В силу создавшихся условий комплектования,—жалуется он—(белая) армия в самом зародыше своем таила глубокий органический недостаток, приобретая характер классовый. Печать классового отбора легла на армию прочно и давала повод недоброжелателям возбуждать против нее в народной массе недоверие и опасения и противополагать ее цели народным интересам»[2].

Первый период гражданской войны был отмечен господством партизанщины. На нашей стороне оперировали рабочие красногвардейские отряды, плюс кое-какие формирования из деревенской бедноты, под руководством старых солдат фронтовиков; —у белых это были офицерские роты и добровольческие отряды из буржуазной и дворянской молодежи. Размах гражданской войны вынудил перейти от добровольческого принципа к мобилизациям. И в этот-то переломный момент среднему-крестьянству пришлось произвести выбор — между помещиком и рабочим.

— «Мы победили Колчака и Деникина лишь после того, как у них изменился социальный состав их армии, когда основные крепкие кадры растворились в мобилизованной крестьянской массе»[3].

В эпоху смертельной борьбы между империализмом и пролетарской диктатурой помещики и буржуазия выступают единой сплоченной силой. Стремясь разгромить пролетарскую революцию, они, в то-же время, стремятся вернуть буржуазное развитие назад, на «прусский» путь, отнимая у крестьян завоеванную революцией землю и восстанавливая все старые дореволюционные порядки и учреждения.

---

[1] Д. Далин. После войн и революций. 1922 г. Берлин, стр. 52.

[2] Деникин. «История русской смуты». 1921 г.

[3] Н. Ленин. Отрывок из речи на Всероссийской Конференции Р.К.П. 22 сентября, 1920 г. Собр. соч., т. XVII, стр. 310.

Черный барон Врангель, этот эпигон — последыш белогвардейщины, оживил призрак восстановленной столыпинщины во всех мельчайших подробностях, вплоть до передачи всего землеустройства в руки ближайшего сподвижника Столыпина — Кривошеина. Захлебываясь от восторга, черносотенный зубр Шульгин прославлял этот возврат к прошлому: «Перевернулись троны и исчезли государства с лица земли, но столыпинская реформа идет своим чередом» [1].

Однако, после революции 1917 года вернуть крестьянские массы к столыпинщине было уже нельзя.

С другой стороны, чем дальше развивалась контр-революция тем явственнее обрисовывалась ее захватно-империалистическая подоплека. Борьба против Советской власти об‘ективным ходом вещей превращалась в борьбу за колониальное закабаление и империалистический раздел народов России со стороны великодержавных хищников. Договор французского командования с Петлюрой на Украине, сделка Врангеля с «Русско-Французским Обществом для использования (!) России и Крыма» и другие тому подобные документы и факты оголили перед всеми грабительское нутро «национальной» контр-революции, распродающей всю страну «во имя победы над большевиками». Из цветочков «демократической» контр-революции распустились ягодки циничного колониального грабежа. В 1917 году и раньше крестьянские массы наблюдали тесное переплетение буржуазно-помещичьей реакции с русским империализмом, теперь буржуазно-помещичья реакция захотела купить свою победу над ними, продав их в рабство иностранному империализму. Милюков и Скоропадский на Украине, казачий атаман Краснов — на Дону, грузинские меньшевики на Кавказе, в 1918 году проделали эту попытку в союзе с германским империализмом. Эс-эры и меньшевики—в Сибири, в Поволжьи, на Дальнем Востоке, на Севере, тогда же, проделали такую же комбинацию с союзным империализмом. «Лиха беда начало». — Продажа «возлюбленного отечества» в колониальное рабство стала правилом во всех последующих авантюрах социал-патриотов и просто «патриотов».

Однако, точно так-же, как германский империализм просчитался в своей ставке на поддержку «анархии в России», провалился

[1] См. Сборн. «Антанта и Врангель», вып. I, Гос. Издат. 1923 г., стр. 192.

и союзный империализм в своих расчетах на раздел и закабаление народов бывшей царской империи. И здесь перед крестьянскими массами предстал выбор между колониальным рабством и Советской властью, между иностранным рабовладельцем и своим союзником — рабочим классом.

Сплетение русской буржуазии с помещичьим землевладением, сплетение буржуазно-помещичьей реакции с международным империализмом соединило крестьянство с рабочим классом в единый военно-политический союз. Плодом этого союза была регулярная Красная Армия.

Мелкая буржуазия была бессильна противопоставить помещикам и капиталистам свою централизованную политическую силу и, благодаря этому, должна была подчиниться их военному командованию. Опираясь на свою централизованную политическую силу в лице пролетарской партии, советского государства и профсоюзов, рабочий класс сумел сочетать строгую военную централизацию и использование старых военных специалистов с безусловным проведением пролетарского военно-политического руководства всей армией и, входящими в ее состав, крестьянскими массами.

В лице победоносной Красной Армии союз рабочих и крестьян получил боевую проверку.—«Борьба новой России со старой прошла через четырех-летнюю эпоху большевизма, через гражданскую войну, доставившую победу большевизму, через Красную армию, построенную большевиками» [1]. Все классы и партии были проверены под огнем в гражданской войне. Победил только пролетарский авангард, опираясь на крестьянскую поддержку. — В этом пришлось сознаться даже наиболее подлым нашим врагам.

Старая Россия была не только страной крестьянского большинства. Она, кроме того, была и тюрьмой народов.

Еще в разгар империалистической войны тов. Ленин спорил с «левыми» из среды польских и немецких революционных марксистов, доказывая обязательность проведения «права наций на самоопределение» при победе пролетариата. — «Социалистические партии, которые не докажут всей своей деятельностью и теперь, и во время революции, и после ее победы, что они освободят порабощенные нации и построят отношение к ним

[1] Д. Далин. После войн и революций, стр. 50.

на основе свободного союза, — а свободный союз есть лживая фраза без свободы отделения, такие партии совершили бы измену по отношению к социализму» [1].

Соблазн воспользоваться старой бюрократической централизацией в интересах строительства пролетарской государственности был абсолютно чужд и враждебен тов. Ленину. Даже Роза Люксембург не избегла колебаний в этом направлении.

Ее ошибочные взгляды в национальном вопросе привели ее к опасному уклону в 1918 году, когда она писала: «Вместо того, чтобы... стремиться собрать в единое компактное целое революционные силы на протяжении всей страны, защищать зубами и ногтями целость русского государства,—как революционную территорию, противопоставлять всем националистическим сепаратным стремлениям единство и нераздельность пролетариев всех наций, захваченных русской революцией, — как высшую политическую заповедь, большевики, наоборот — своей звонкой националистической фразеологией о «праве на самоопределение вплоть до государственного отделения», — доставили буржуазии всех окраин самый желанный, самый блестящий предлог, прямо знамя для ее контр-революционных стремлений» [2].

— Рассматривая требование национальной свободы, как одно из требований, входящих в программу борьбы за действительное политическое равноправие народных масс, тов. Ленин в 1916 г. опровергал попытки отрицания национального вопроса—«С точки зрения социализма», ссылкой на революционную диктатуру пролетариата, как переходную ступень к коммунизму: «вместо того, чтобы говорить о государстве (и значит об определении его границ) (польские марксисты), говорят о «социалистическом культурном круге» [3], т. е. нарочно выбирают неопределенное в том отношении выражение, что все государственные вопросы стираются! Получается смешная тавтология: конечно, если нет государства,

---

[1] Н. Ленин—«Социалистическая революция и право наций на самоопределение». (Тезисы). Апрель, 1916 года Собр. соч., т. XIX, стр. 168.

[2] Rosa Luxemburg. Die russiche Revolution—S. 94.—Хотя Роза Люксембург и не предназначала эту брошюру для опубликования, однако, поскольку это произведение уже стало документом истории, оно подлежит критическому разбору. Ошибки таких выдающихся борцов пролетариата, как Роза Люксембург, много поучительнее своекорыстной социал-демократической лжи.

[3] Тезисы польской «Газеты Работничей» устанавливали, что при социализме общество будет группироваться по принципу культурного тяготения, а не по национальному признаку.

то нет и вопроса о его границах» [1].—«Левые» коммунисты в национальном вопросе смешивали методологически, в смысле подхода—разрушение старой государственной машины и отмирание государства вообще. Практически это грозило компромиссом со старой великодержавной бюрократической централизацией.

Большевизм никоим образом не отрицал прогрессивной роли хозяйственного сближения и об'единения различных областей под влиянием капиталистического развития. Однако, он, на ряду с этим, ни на минуту не терял из вида исторической необходимости разрушения великодержавно-угнетательского «государства национальностей».—Экономические потребности и классовая борьба в среде освобожденных наций, а не административное воздействие сверху, должны были воссоздать свободный союз народов на революционном фундаменте. На VIII-м С'езде партии, возражая тов. Бухарину и другим сторонникам немедленной «социализации» сверху ранее угнетенных наций, тов. Ленин говорил: «Посмотрите на Финляндию; страна демократическая, более развитая, более культурная, чем мы. В ней идет процесс выделения, дифференциации пролетариата, идет своеобразно, гораздо более мучительно, чем шел у нас. Они испытали диктатуру Германии, теперь испытывают диктатуру союзных держав. Но благодаря тому, что мы признали право наций на самоопределение, процесс дифференциации был облегчен» [2].

Проведение чистки национальных взаимоотношений от всех пережитков буржуазного и помещичьего господства было неизбежно. В первый период существования Советской власти это было, естественно, сопряжено с временным преобладанием буржуазного руководства в среде освободившихся наций.—«Спасайся, кто может!—Стремление освободиться от страшной опасности совместного существования с гибнувшим колоссом, с низвергающейся великой державой, желание во что бы то ни стало освободиться от опеки и воздействия диких (!) экспериментов и принудительной социализации новой власти, которая, пожалуй, была страшнее руссификации, все это привело к тому, что, в минуту гибели России, народы, жившие под ее сенью, почувствовали облегчение и успокоение. В такой обстановке на политической

[1] Н. Ленин. «Итоги дискуссии о самоопределении». — «Против течения», стр. 400—401.

[2] Собр. соч., том XVI, стр. 117.

арене появились новые политические образования, засамоопределялись, засамоуправлялись, заполнили своими делегатами столицы Европы: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Грузия, Армения, Азербейджан, Украина, Белоруссия, Дон, Кубань... Не отпадение частей, а распад старой России—вот истинный исторический смысл этого явления» [1].

Ущемленный русский шовинист В. Станкевич здесь правильно передал суть всемирно-исторической смены, произведенной Октябрьской Революцией: переменились классы у власти, сменилась власть,—неминуемо должны были по новому сложиться междунациональные отношения на новой классовой основе.

Недоверие иноплеменной деревни к русскому городу, бывшему в течение десятков, а то и сотен лет центром административно-политического гнета и великодержавно-крепостнической барщины—помешало сразу, одним махом, сломить перегородку националистических предрассудков, вставшую между революционным пролетариатом и трудящимися массами ранее угнетенных народов. К этому присоединился еще недостаток интернационального воспитания русского пролетариата на окраинах, давший возможность использования его слабости и отсталости кулацко-колонизаторским элементам [2].

Носителем национальной государственности на первых порах всюду выступает буржуазная интеллигенция и буржуазия. Для этих элементов пролетарская диктатура была неприемлема, она отнимала у них надежду на эксплоатацию национальной самостоятельности в их интересах,—в смысле личного обогащения, получения доходных депутатских, министерских, чиновничьих местечек и т. д.

Под их предводительством началось контр-революционное сепаратистское движение. На бывших западных окраинах и на юге старой России оно тотчас же столкнулось с революционными пролетарско-крестьянскими движениями в пользу Советской власти. Так было в Финляндии, в Латвии, в Эстонии, в Литве и Белоруссии, отчасти на Украине. Национально-буржуазная государственность могла там подавить народные массы надолго или на короткий срок исключительно с помощью вооруженной силы иностранного империализма.

---

[1] В. Станкевич. Судьба народов России, стр. 16.

[2] См. в нашей книжке «Национальный вопрос и пролетариат»—главу: «Национальный вопрос и гражданская война».

На восточных окраинах и отчасти на Украине против пролетариата первоначально был выставлен сплошной крестьянско-буржуазный, «национальный» фронт. К Самарской Учредилке примкнули киргизская «Алаш-Орда», башкирские националы, татарская контр-революция, игрушечная туркестанская «Кокандская Автономия» и т. п. Здесь главная работа по политическому классовому расслоению отсталых масс была выполнена... колчаковско-казачьей реакцией. Эс-эровско-кадетская Директория, не дожидаясь колчаковского переворота, разогнала все национальные областные правительства.

Колчак, придя к власти не только безоговорочно покончил с мелкобуржуазно-националистическими иллюзиями и возвратил национальные взаимоотношения в первобытное дореволюционное состояние, но и обнаружил твердое намерение продолжать старую царскую переселенческую политику, направленную на хищнический грабеж киргиз, башкир и т. д. Единственным средством национального освобождения оказалась Советская власть, на сторону которой и перешли массы угнетенных восточных национальностей.

На Кавказе махинации грузинских меньшевиков, азербейджанских муссаватистов и армянских дашнаков, помимо диктатуры генералов от империализма, привели еще к постоянной национальной войне всех против всех. Туда Советская власть пришла и как действительный защитник национальной свободы и интересов трудящихся, и как оплот национального мира.

Для трудящихся масс, ранее угнетенных царизмом народов, опыт гражданской войны сыграл роль революционной школы, гражданская война вскрыла и на национальной почве ту же беспомощность мелкой буржуазии в борьбе с империализмом и великодержавной реакцией, что и на почве буржуазной демократии вообще.

Национально-буржуазная государственность разоблачила себя до конца, как прикрытая сделка между верхушкой ранее угнетенных наций и империализмом за счет народных масс. Контр-революция от ставки на буржуазно-националистический сепаратизм перешла к лозунгу «Единой и Неделимой России». Осуществления этого лозунга испугались даже контр-революционные окраинные правительства. Огненное кольцо белогвардейских фронтов вокруг Советской власти было взорвано изнутри национальными и классовыми противоречиями. Трудящиеся массы осво-

бодившихся национальностей нашли в пролетарской диктатуре защиту от империалистического грабежа и великодержавного гнета.

X-й С'езд Р.К.П. подвел итог борьбе за решение национального вопроса методами пролетарской революции.—«Если частная собственность и капитал неизбежно раз'единяют людей, разжигают национальную рознь и усиливают национальный гнет, то коллективная собственность и труд столь же неизбежно сближают людей, подрывают национальную рознь и уничтожают национальный гнет. Существование капитализма без национального гнета так же немыслимо, как немыслимо существование социализма без освобождения угнетенных наций, без национальной свободы. Шовинизм и национальная борьба неизбежны, неотвратимы, пока крестьянство (и вообще мелкая буржуазия, в первую голову державных наций), полное националистических предрассудков, идет за буржуазией, и, наоборот, национальный мир и национальную свободу можно считать обеспеченными, если крестьянство идет за пролетариатом, т. е. если обеспечена диктатура пролетариата. Поэтому победа советов и установление диктатуры пролетариата, являются основнным условием уничтожения национального гнета установления национального равенства, обеспечения прав национальных меньшинств»[1].

— В тезисах по национальному и колониальному вопросам, принятых Вторым Конгрессом Коммунистического Интернационала, Владимир Ильич подчеркивал коренное различие между пролетарско-революционным и буржуазно-демократическим пониманием национального равенства: «(1) Буржуазной демократии, по самой природе ее, свойственна абстрактная или формальная постановка вопроса о равенстве вообще, в том числе о равенстве национальном. Под видом равенства человеческой личности вообще буржуазная демократия провозглашает формальное или юридическое равенство собственника и пролетария, эксплоатататора и эксплоатируемого, вводя тем в величайший обман угнетенные классы. Идея равенства, сама являющаяся отражением отношений товарного производства, превращается буржуазией в орудие борьбы против уничтожения классов, под предлогом будто бы абсолютного равенства человеческих личностей. Действительный смысл требования равенства состоит лишь в требовании уничтожения классов. (2) Сообразно основной своей задаче борьбы против буржуазной

[1] Десятый С'езд Р. К. П. (б). Стенографический отчет. 1921 г., стр. 323.

демократии и разоблачения лжи и лицемерия ее, коммунистическая партия, как сознательная выразительница борьбы пролетариата за свержение ига буржуазии, должна и в национальном вопросе во главу угла ставить не абстрактные и не формальные принципы, а, во-первых, точный учет исторически-конкретной и прежде всего экономической обстановки; во-вторых, отчетливое выделение интересов угнетенных классов, трудящихся, эксплоатируемых, из общего понятия народных интересов вообще, означающего интересы господствующего класса; в-третьих, такое же отчетливое разделение наций угнетенных, зависимых, неравноправных от наций угнетающих, эксплоататорских, полноправных, в противовес буржуазно-демократической лжи, которая затушевывает свойственное эпохе финансового капитала и империализма колониальное и финансовое порабощение громадного большинства населения земли ничтожным меньшинством богатейших передовых капиталистических стран» [1].

— Люцернская конференция II-го Интернационала, заседавшая в 1919 г., дала великолепный образец буржуазно-демократического обмана угнетенных. Она отделалась от национального вопроса, во весь рост поставленного разбойничьим Версальским миром, следующим бесстыдным заявлением: «Конференция заслушала сообщения многочисленных новых (!) национальностей, ссылавшихся на свое право независимости. Она напоминает, что Интернационал всегда (!?) признавал это право, подразумевая под этим, что жители тех или иных областей должны быть привлечены [2] к обсуждению нормальным порядком, чтобы ясно высказаться. Наряду с тем, что конференция признает право на самоопределение всякого народа или национального государства, она считает своим долгом обратить внимание на опасности, которые может повлечь за собой балканизация Европы и всего мира; это чрезмерное увеличение мелких государств без достаточной хозяйственной мощи, без культурных средств, без ресурсов для социального прогресса может (!!?) эти государства сделать несчастной жертвой крупных капиталистических стран. Конференция напоминает, что, согласно принципам Маркса [3], социализм возможен только при наивысшем развитии всех производительных сил» [4].

[1] «Резолюции и устав Коминтерна» 1920 г., стр. 88—89.

[2] Очевидно, империалистическими разбойниками, захватывающими эти области!

[3] «Ссылаться может чорт на доводы священного писания!»

[4] Формулировка Жана Лонгэ. См. Alexander Stein. Das Problem der International. 1919. Berlin. S. 34.

Ни словечка о том, что Версальский империализм осуществляет «право на самоопределение», организуя грабеж и угнетение одних наций другими!

— Ни звука о диктатуре империализма!

Серрати, Кристин и Диттман, явившись на 2-й Конгресс Коминтерна, расписались в этой же шовинистской пошлости. По их мнению, пролетариату «не пристало» интересоваться судьбами мелкой буржуазии и «мелкобуржуазных» наций!

«Об'единительный» Конгресс 2-го и 2½-го Интернационалов в Гамбурге в 1923 году, после пяти лет Версальского разбоя, отметил дальнейшее развитие социал-демократических взглядов «применительно к подлости». Он недвусмысленно формулировал кадетскую, буржуазно-империалистическую программу в национальном вопросе, весьма скупо сдобренную даже пацифистской фразой. Его резолюция гласила: «Рабочий класс должен стремиться к искоренению всех источников наиболее (!) опасных международных конфликтов, борясь против насилий, которым подвергаются национальные и религиозные меньшинства, требуя удовлетворения их интересов путем создания органов демократического самоуправления; он должен противиться *расширению* (!!) колониальных империй, эксплоатации туземцев в колониях и насильственному разрушению форм их хозяйственной жизни, *настаивая на предоставлении им права самоуправления, или, поскольку нет на лицо необходимых для этого условий, на планомерной подготовке*[1] *их быстрого развития в направлении автономии*; рабочий класс должен выступать против протекционизма за установление свободного товарообмена и права неограниченного передвижения граждан»[2].

Российский пролетариат, призванный ходом истории разрешать национально-классовые противоречия на стыке между империалистической Европой и колониальной Азией, добился практически сочетания решительной борьбы против всяких остатков национально-колониального гнета с об'единением *крестьянского большинства* ранее угнетенных наций, под своим руководством. Делами своими он завоевал доверие угнетенных; своей последовательно-интернациональной политикой он отделил крестьянские

[1] Колониальными палачами.
[2] Цитируем по «Воле России». 1923 г., № 12, стр. 69.

массы от буржуазно-националистического руководства; опыт гражданской войны доказал им, что без свободного революционного союза с ним невозможны ни военная защита, ни обеспечение интересов трудящихся, ни промышленный под'ем бывших национально-порабощенных окраин.

Самопроизвольно, стихийно, помимо революционного пролетариата, из самых недр патриархально-крестьянских наций, Советы, конечно, не могли возникнуть. Но союз окраинных народов с пролетарским центром был продиктован всем ходом революции. Дифференциация ранее угнетенных наций по признаку союза с пролетариатом или об'единения с его врагами—врагами трудящихся масс этих наций, пробила путь Советам на Восток.

Второй Конгресс Коминтерна признал, что «особенно необходимо поддерживать специально крестьянское движение в отсталых странах против всяких проявлений или остатков феодализма, надо стараться придать крестьянскому движению наиболее революционный характер, где возможно, об'единяя крестьян и всех эксплоатируемых в Советы и тем самым осуществляя возможно более тесный союз западноевропейского коммунистического пролетариата с революционным движением крестьян на Востоке и колониях, в отсталых странах вообще» [1].

Освобождение патриархально-крестьянских масс от земельной и всякой иной кабалы у русского кулачества [2], в Туркестане и на Кавказе, послужило толчком для начала борьбы против феодально-патриархальных верхушек в туземной среде.

На всем колониальном Востоке феодально-помещичьи и бюрократические элементы, в большинстве своем, играют роль проводника иностранного империалистического господства и насилия, и поэтому всякое революционное движение против империализма неизбежно обращается и против них.

На развалинах царской империи российский пролетариат построил советскую федерацию, которая затем была преобразована в более тесное, союзное государственное об'единение — Союз Социалистических Советских Республик.

---

[1] «Резолюции и устав Коминтерна, принятые 2-м Конгрессом». — Тезисы по нац. и колониальн. вопросам, стр. 95.

[2] Насажденного царской переселенческой политикой.

— «Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле первая большевистская революция»[1].

Пролетарская борьба против империализма не может не быть куцой, урезанной и половинчатой, если она обходит основной источник империалистического господства. В 1916 году тов. Ленин, отстаивая союз пролетариата с угнетенными народами в их общей борьбе против национально-колониального гнета, писал: «Не то важно, освободится ли до социалистической революции $^1/_{50}$ или $^1/_{100}$ мелких наций[2], а то важно, что пролетариат в империалистскую эпоху, в силу об'ективных причин, разделился на два международных лагеря, из коих один развращен крохами, падающими со стола великодержавной буржуазии, — между прочим, и от двойной или тройной эксплоатации мелких наций, — а другой не может освободиться сам, не освобождая мелких наций, не воспитывая массы в антишовинистском, т. е. анти-аннексионистском, т. е. «самоопределенческом» духе»[3].

Тов. Ленин подошел к национальному вопросу, как политик, которому надлежит «считать миллионами». — Империалистическая война 1914—18 годов двинула далеко вперед капиталистическое развитие всех колоний и полуколоний, тем самым вспахав почву для мощных национально-революционных движений и классового пробуждения туземного пролетариата Индии, Китая, Египта и т. д. С другой стороны, в самой передовой части света — в Европе, «война сразу отбросила около четверти миллиарда населения земли в положение, которое равносильно колониальному»[4]. — Именно по этой причине, «гражданская война трудящихся против империалистов и эксплоататоров начинает соединяться с национальной войной против международного империализма»[5].

Версальский мир создал новые колонии в Европе, во главе с Германией, сделавшейся жертвой невиданной коло-

---

[1] Н. Ленин. «К 4-х летней годовщине Октябрьской революции». Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 368.

[2] Это было направлено против польских марксистов, защищавших взгляд Р. Люксембург.

[3] Н. Ленин. «Итоги дискуссии о самоопределении». Собр. соч., т. XIX, стр. 201.

[4] Н. Ленин. Доклад о международном положении и основных задачах Коминтерна, 19 июля 1920 г. Собр. соч., т. XVII, стр. 251.

[5] Н. Ленин. Речь на 2-м Всероссийском С'езде Коммунистических организаций народов Востока. 27 ноября 1919 г. Собр. соч., т. XVI, стр. 388.

ниальной барщины. Эти свои новые колонии международный империализм окружил защитной оградой в виде ряда буферных «государств национальностей», из которых каждое является великодержавно-угнетательским. Пятилетнее господство Версальского мира обнаружило, что западно-европейские капиталистические страны завершают свое развитие к социализму «не так, как мы ожидали раньше. Они завершают его **не равномерным „вызреванием" в них социализма, а путем эксплоатации одних государств другими**, путем эксплоатации первого из побежденных во время империалистической войны государства, соединенной с эксплоатацией всего Востока. А Восток, с другой стороны, пришел окончательно в революционное движение именно в силу этой первой империалистической войны и окончательно втянулся в общий круговорот всемирного революционного движения»[1].

Первая империалистическая война превратилась в победоносную для пролетариата гражданскую войну только на Востоке Европы. Она перешла в победоносное национально-освободительное движение лишь в Турции. Таким образом, на международной арене, в соответствующих географических рамках, частично, друг подле друга, осуществились обе исторических перспективы, намеченные тов. Лениным в 1916 году: победы—«вроде наполеоновских» в Западной Европе и Америке отсрочили крах империализма;—победа Советской власти на $^1/_6$ части земной суши обеспечила дальнейшее революционное движение пролетариата и угнетенных народов по восходящей линии[2]. В Западной Европе временно стал хозяином положения французский империализм, но весь международный империализм вынужден был смириться перед фактом упроченного существования С.С.С.Р.

Версальский мир обострил все противоречия империализма. Он разрубил Европу на маленькие клетки, порвав нити прежней хозяйственной централизации. В то же время он создал совершенно невыносимые условия существования для трудящихся и эксплоатируемых масс в этих клетках. Если экономические

[1] Н. Ленин. «Лучше меньше, да лучше». Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр 136.
[2] См. «Против течения».—«О брошюре Юниуса», стр. 433.

потребности восстают против существующего варварского дробления Европы, то интересы национально-угнетенных масс восстают против существующей варварской централизации в рамках государств Малой Антанты и наличных территориально-политических делений вообще. Немцы и галицийские украинцы, белоруссы и население Бессарабии, хорваты и евреи в Польше и т. д. и т. д.,—все уравнены в бесправии либо непосредственным государственным гнетом, либо международными договорами.

— «Мировая политическая обстановка поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской Республики, которая должна группировать вокруг себя неминуемо, с одной стороны—советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны — все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в союзе с революционным пролетариатом и в победе советской власти над всемирным империализмом» [1].

Версальский мир перевел на язык западно-европейских отношений и большевистскую теорию, и ленинскую тактику. Союз Социалистических Советских Республик указывает сейчас Западной Европе выход из тупика империалистической диктатуры и, порожденной этой диктатурой, анархии: только под пролетарским руководством возможно сочетание хозяйственной централизации, хозяйственного развития и под'ема с национальной свободой, с интересами всех трудящихся.

Захват французами Рура в 1923 году заставил Германскую Коммунистическую партию на практике применить «русскую» тактику.

— Пролетарский авангард должен был взять на себя роль гегемона—вождя в борьбе против колониального порабощения Германии, чтобы об'единить под своим руководством, против буржуазии,— как рабочие массы, так и пролетаризированные массы мелкой буржуазии. Лишь этим путем ему удалось подготовить революционный под'ем августовско-октябрьского периода 1923 года.

Версальский мир помог буржуазии парализовать, локализовать и обессилить революционную волну на Западе

---

[1] «Резолюции и устав Коминтерна».—Тезисы по нац. и колониальному вопросам, стр. 30.

1918—1921 годов. Условия для новой революционной эпохи бури и натиска созревают по мере того, как пролетарские массы начинают переучиваться «по-русски»;—поскольку они усваивают необходимость пролетарского руководства движениями всех промежуточных, переходных слоев и классов.

Во всемирно-историческом масштабе идет борьба между двумя путями общественного развития. Один путь — путь пролетарской революции и диктатуры, сплачивающей и об'единяющей под своим руководством все революционные крестьянские и национально-освободительные движения. Другой путь — путь империалистической диктатуры, империалистических войн и фашистской контр-революции [1].

Бессмертная заслуга тов. Ленина—в том, что он теоретически осветил и об'яснил борьбу этих двух исторических путей, практически выработал тактику победоносной пролетарской революции.

— «Всемирный империализм должен пасть, когда революционный натиск эксплоатируемых и угнетенных рабочих внутри каждой страны, побеждая сопротивление мещанских элементов и влияние ничтожной верхушки рабочей аристократии, соединится с революционным натиском сотен миллионов человечества, которое до сих пор стояло вне истории, рассматривалось только как ее об'ект» [2].

VIII.

Хозяйство и Революция.

— «Война и революция как бы устранили на время самое понятие и регулирующее влияние экономики из жизни страны. Во время войны вопросы количества и времени производства стояли, естественно, впереди вопросов стоимости. Во время революции балансирование производства и потребления велось воздействием не на производство, а на распределение,—мерами государственного регулирования, с одной стороны, и спекуляцией и контрабандой, представлявшими своеобразные коррективы сдавленного потребления—с другой» [3].

---

[1] Которая, между прочим, выросла из бессилия рабочего класса стать гегемоном народных масс в период 1918—1921 г.г.

[2] Н. Ленин. Доклад на 2-м Конгрессе Коминтерна. Собр. соч., том XVII, стр. 268.

[3] Профес. В. И. Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности. Москва. 1919 г., стр. 5.

Этим же убогим пустякам реакционного профессора вторит другой колчаковский профессор, Петр Маслов, надуваясь от контр-революционной злобы: «Сознательным» рабочим считается такой, который «сознает», что его эксплоатируют (сознавать это не трудно) и что возможна такая организация производства, при которой он, рабочий, будет коллективным хозяином производства и будет полностью получать произведенные им продукты. Что для развития хозяйства и улучшения положения рабочего необходимо накопление, т. е. относительное сокращение личного потребления и расширение за счет его потребления производительного,—этого не осознали не только середняки рабочих, но, в подавляющем большинстве, и их вожди»[1].

Упрекать пролетария, отбивавшегося от Колчака и Юденича и получавшего восьмушку хлеба, за то, что он «не сокращает своего личного потребления в пользу производительного», способен, конечно, только колчаковский «ученый» негодяй!

Но эта «специфическая» точка зрения отнюдь не составляет монополии русских белогвардейцев. На ней стоит весь Второй Интернационал. Его виднейший экономист-теоретик, г-н Отто Бауэр также наставляет рабочих беречь капитализм во имя обета бедности: «Чем меньше продукт труда общества, чем меньше его вещественное богатство, тем меньше—даже при самом справедливом распределении — выпадает на долю отдельных лиц, тем меньше отдельные лица могут потреблять и удовлетворять свои нужды. В такое время мы должны остерегаться предпринимать что-нибудь такое (!), что еще больше разрушило бы наш производительный аппарат, еще бы больше затруднило наше положение с сырьем, еще бы сильнее ограничило наше производство благ, еще бы больше уменьшило общий продукт нашего труда. Наша нищета вынуждает нас справедливее устроить распределение благ; однако, она заставляет нас также этот переворот (!?) так провести, чтобы производство благ от этого не пострадало»[2].

— Вся эта «мудрость» сводится к доказательству того, что революция—«неэкономная вещь», ибо она нарушает нормальный ход производства.

«Переворот» в общественном строе,—по мнению защитников капитала,—следует производить не затрагивая основных источни-

[1] Проф. Петр Маслов. Теория кооперации. Чита. 1922 г., стр. 80.
[2] Otto Bauer. Der Weg zum Sozialismus. Berlin. 1907 г., s. 7.

ков эксплоататорского дохода. В противном случае, из-за «неправильного» распределения грозит остановиться накопление, может произойти дезорганизация в управлении, и т. д. и т. п.

Все это не ново. Люксембургская комиссия Луи Блана в 1848 году в статье 1-й своих законодательных мероприятий обещала, что «будет создано Министерство Труда со специальной миссией подготовить социалистическую революцию, и осуществить. постепенно, мирным образом и без потрясений, уничтожение класса пролетариата» [1].

— К. Маркс по поводу этого смеялся, что «подле банка и биржи образовалась социалистическая синагога» [2].

Современные меньшевистские последователи луиблановщины, подделываясь под марксизм, ставят крест на пролетарской революции на том основании, что она—по их мнению—представляет собою проявление «потребительского коммунизма».

— «Господство «потребительского коммунизма» над мотивами организации производства на коллективных началах, то-есть пренебрежение к задачам поддержания и обеспечения развития производительных сил»,—утверждал Л. Мартов в своей брошюре «Мировой большевизм», — «наблюдается сейчас повсюду среди пролетарских масс. Это громадное зло, знаменующее собой колоссальный шаг назад в социальном развитии пролетариата, в процессе выработки из него класса, способного руководить обществом. Борьба с этой тенденцией революционного движения, так очевидно питающей большевизм, является одной из основных задач марксистской социал-демократии. Но, борясь с ней, не следует забывать, на какой почве возросло это пренебрежение народных масс к развитию производительных сил. В течение 4 лет правящие классы разрушали производительные силы [3], уничтожали накопленное общественное богатство, решали все проблемы поддержания хозяйственной жизни первобытным методом «грабежа награбленного»—реквизициями, контрибуциями, конфискациями, принудительным трудом за счет побежденных. Мудрено ли, что народные массы, в течение 4 лет лишенные всякой возможности политического воспитания (!), будучи призваны самостоятельно творить историю, начинают с того, чем

---

[1] Луи Блан. История революции 1848 года. СПБ. 1907 года, стр. 183.

[2] Карл Маркс. «Борьба классов во Франции в 1848 — 1850 г.г.». Собр. соч., т. III. Гос. Издат., стр. 35.

[3] И в этот период единомышленники Мартова из «Организационного Комитета» клялись, что они «не противодействуют войне»!

кончили правящие классы? Знакомство со старыми революциями позволяет утверждать, что и в прошлые века крайние революционные партии, разрубая вопросы экономической политики реквизициями, конфискациями и контрибуциями, заимствовали эти методы из арсенала тогдашних войн.

Разрушая самым безумным образом производительные силы, расточая накопленное богатство и отрывая от производительного труда на целые годы лучших работников, капиталистические классы утешали себя тем, что это временное разрушение национального богатства и его источников приведет (в случае победы) к такому расцвету национального хозяйства,—благодаря завоеванию мировой гегемонии, аннексиями и т. д.—которое сторицей окупит эти жертвы. Фатализм, овладевший мировой буржуазией в тот день, когда она разнуздала чудовище войны, заразил собою и народные массы. Они тоже, поскольку задумываются о последствиях анархии, бессознательно уповают на то, что кривая исторического развития вывезет и что полная победа рабочего класса над его противниками сама собой залечит раны, наносимые народному хозяйству борьбой за эту победу. Поскольку это так, пролетарские массы ныне в смысле сознательного исторического творчества стоят немногим выше, чем те мелкобуржуазные массы, которые в 17 веке совершали революцию в Англии и в 18-м во Франции»[1].

— Остановимся прежде всего на теоретической неверности всех подобных рассуждений.

Как К. Маркс смотрел на взаимоотношение между общественным производством и общественным распределением?

—«Система распределения»,—об'яснял он,—«вполне определяется системой производства. Распределение само есть продукт производства,—не только в отношении предмета,—ибо распределяться могут только результаты производства,—но и в отношении формы, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения,—форму, в которой каждый принимает участие в распределении... По отношению к отдельному индивиду распределение выступает, как общественный закон, определяющий его положение в сфере производства, внутри которой он производит, а следовательно, предшествующуй производству. Индивид не имеет с самого начала ни капитала, ни земельной собственности. От самого рождения общественным распределением ему предназначен

[1] Мартов. Мировой большевизм. Берлин 1923 г., стр. 21–22.

наемный труд. Однако это предназначение само есть результат того, что капитал, земельная собственность существуют как самостоятельные агенты производства [1].

Рассматривая *общество в целом*, мы видим, что распределение еще с одной стороны *предшествует* производству и *определяет* его, в качестве, так сказать, пред'экономического факта. Народ—завоеватель разделяет землю между завоевавшими и устанавливает, таким образом, известное распределение и форму земельной собственности, а потому определяет и производство; или побежденный обращается в рабство и, таким образом, рабский труд делается основой производства. Или народ *путем революции* разбивает крупную земельную собственность на парцеллы и дает, следовательно, этим новым распределением новый характер производству. Или законодательство увековечивает земельную собственность за крупными родами, или распределяет труд, как наследственную привилегию, и фиксирует ее в кастовом строе.

Во всех этих случаях,—а все они являются *историческими*, — распределение является не как нечто зависящее от производства, но, наоборот, производство расчленяется и определяется благодаря распределению» [2].

— Маркс здесь, безусловно отбрасывая дюренговскую «теорию насилия», согласно которой столкновение общественных сил не зависит от развития производственных отношений,—в то же время устанавливает неизбежность *обратного воздействия* распределения на производство *при переходе* от одной общественной формы производства к другой. В готовой прочно сложившейся системе производства—рабовладельческой, феодальной или капиталистической—доля того или иного класса в общественном доходе определяется его положением и ролью в производстве. Но когда классовые противоречия *взрывают изнутри* данную систему производства,—распределение получает перевес над производством, так как, именно, в области распределения в обязательной и очевидной для всех форме перекрещиваются противоположные классовые интересы. Само по себе распределение является производным следствием того или иного присвоения производительных

---

[1] Т.-е. существующие независимо от рабочей силы.

[2] К. Маркс. Введение к критике политической экономии. См. «Основные проблемы пол. эк.». Сборник под редакцией Ш. Дволайцкого и И. Рубина. Гос. Изд. 1922 г., стр. 18—19.

сил, но в силу банкротства прежней системы собственности оно приобретает самостоятельное значение.

— «Накопляйте, накопляйте! — в этом закон и пророки», — твердят социалистические лакеи капитала вслед за своими хозяевами, тогда как данный способ накопления уже изжил себя и требует замены его другим способом накопления производительных сил.

Маркс исследовал общественные условия производства с точки зрения материалистической диалектики, с точки зрения внутреннего развития противоречий, заложенных в этих условиях и подготовляющих смену одного способа производства другим. Социал-демократические же адвокаты капитализма принимают эти общественные условия производства за вечные и неизменные.

— «Рабочий производит не для себя, а для капитала. Поэтому уже недостаточно того, что он вообще производит. Он должен производить прибавочную стоимость. Только тот рабочий производителен, который производит для капиталиста прибавочную стоимость или служит самовозрастанию стоимости капитала. Так, например, школьный учитель, — если позволительно взять иллюстрацию вне сферы материального производства, — является производительным рабочим, если он не только обрабатывает детские головы, но и обрабатывает самого себя для обогащения предпринимателя... Поэтому понятие производительного рабочего отнюдь не исчерпывается отношением между деятельностью и ее полезным эффектом, между рабочим и продуктом его труда: оно включает в себя также специфически общественное, исторически возникшее производственное отношение, делающее рабочего непосредственным орудием возрастания капитала. Следовательно, быть производительным рабочим — вовсе не счастье, а проклятие» [1].

Ренегаты социализма толкуют о противоречии между производительными силами и производственными отношениями и не понимают что к чему, — как любил выражаться Владимир Ильич. Восстание производительных сил, разрушаемых и расхищаемых капитализмом, против буржуазных производственных отношений, выражается в революции рабочего класса, который является важнейшей производительной силой и удовлетворение насущнейших потребностей которого несовместимо с дальнейшим господством капитализма. Эта революция выдвигает на первый план удовлетворение потребностей рабочего класса.

[1] К. Маркс. «Капитал», том I. Госизд. 1923 г., стр. 489.

потому что капитализм уже не в состоянии больше поддерживать воспроизводство рабочей силы, проще говоря, не в силах обеспечить рабочему классу необходимый минимум средств существования.

Товарищ Ленин превосходно разоблачил своекорыстно-буржуазную подоплеку всех иеремиад против «потребительского» коммунизма: «Господин Каутский растерялся до того, что забыл, как он же сам писал раньше, когда был марксистом, о том, что война, весьма вероятно, будет поводом к революции. Теперь, вместо трезвого, безбоязненного анализа, какие применения форм революции неизбежны вследствие войны, наш «теоретик» оплакивает свои разбитые «ожидания»: «...пренебрежение экономическими условиями со стороны широких слоев пролетариата...». Какой жалкий вздор! Как хорошо знакома нам эта мещанская песенка по меньшевистским газетам эпохи Керенского!

Экономист Каутский забыл, что когда страна разорена войной и доведена до края гибели, то главным, основным, коренным «экономическим условием» является спасение рабочего. Если рабочий класс будет спасен от голодной смерти, от прямой гибели, тогда можно будет восстановить разрушенное производство. А чтобы спасти рабочий класс, нужна диктатура пролетариата—единственное средство помешать сваливанию тяжестей и последствий войны на плечи рабочих. Экономист Каутский «забыл», что вопрос о распределении тягостей поражения решается классовой борьбой, и что классовая борьба в обстановке, совершенно измученной, разоренной, голодной, гибнущей страны неизбежно меняет свои формы. Это уже классовая борьба не за долю в производстве, не за ведение производства (ибо производство стоит, угля нет, железные дороги перепорчены, война выбила людей из колеи, машины изношены и проч. и т. д.), а за спасение от голода. Только дурачки, хотя бы и весьма «ученые», могут при таком положении «осуждать» «потребительский, солдатский» коммунизм и высокомерно поучать рабочих важности производства. Надо сначала, прежде всего, в первую голову, спасти рабочего. Буржуазия хочет сохранить свои привилегии, свалить все последствия войны на рабочего, а это значит уморить рабочих голодом.

Рабочий класс хочет спастись от голода, а для этого надо на голову разбить буржуазию, обеспечить сначала потреблеиие, хотя бы самое скудное, ибо, иначе, не дотянуть полуголодного существования, не додержаться до той поры, когда можно будет снова пустить в ход производство.

«Думай о производстве»,—говорит сытый буржуа изголодавшемуся и обессиленному от голода рабочему, и Каутский, повторяя эти песни капиталистов, якобы, под видом «экономической науки», целиком превращается в лакея буржуазии.

А рабочий говорит: «Пусть буржуазия посидит тоже на полуголодном пайке, чтобы труженики могли оправиться, могли не погибнуть».

«Потребительский коммунизм» есть условие спасения рабочего. Ни перед какими жертвами нельзя останавливаться для спасения рабочего! По полфунту капиталистам, по фунту рабочим—вот как надо выбираться из голодной полосы, из разорения. Потребление изголодавшегося рабочего есть основа и условие восстановления производства. С полным правом Цеткина заявила Каутскому, что он «скатывается к буржуазной политической экономии. Производство для человека, а не наоборот»...[1].

Весь последующий ход событий в Европе неопровержимым образом доказал, что послевоенный кризис капитализма так, а не иначе, поставил хозяйственную проблему революции. В Германии «плановые» мудрствования Каутских, в целях поддержания непрерывности капиталистического производства, облегчили задачу «стиннезирования» всей страны,—превращения ее в крепостную вотчину Стиннесов и Компании. Если германский пролетариат в 1918—1919 г.г. избежал лишений эпохи «военного коммунизма», то в 1923 году его настигла более страшная и более непосредственная угроза голодного вымирания под буржуазной диктатурой.

Российский рабочий класс уже в 1921 году смог приступить к восстановлению своего производства и в короткий срок достичь крупных успехов. У германского пролетариата борьба за собственное спасение от гибели в когтях Стиннеса и международного империализма еще впереди. Австрия полностью обращена в колонию Антанты.

---

[1] Н. Ленин. «Герои Бернского Интернационала». Написано 28 мая 1919 года. Собр. соч., том XVI, стр. 234—235.

Ни одно из буферных государств не нашло выхода из экономического тупика.

А «победители» и «владыки» в лице Англии и Франции задыхаются от всеобщего разорения, сковывающего под'ем их «отечественной» промышленности и торговли. Версальский мир в международном масштабе терпит крах, как неудавшаяся попытка искупления последствий войны за счет европейского пролетариата и колониальных народов. Но мало того, что меньшевистский «план» пролетарской революции идет в разрез с самыми жизненными интересами рабочего класса. Он содержит в себе и прямое принципиальное отрицание пролетарской революции, как таковой.

На заре реформистского приспособления социал-демократии к буржуазии, Эдуард Бернштейн выхолащивал уже самую сущность пролетарского переворота: «Вся практическая деятельность социал-демократии сводится к тому, чтобы создать такие обстоятельства и условия, которые сделали бы возможным и необходимым переход современного общественного строя в высший без конвульсивных потрясений... Классовая диктатура принадлежит к более низкой культуре, и, независимо от вопроса о целосообразности и осуществимости, надобно признать за шаг назад, за политический атавизм мысль о том, будто переход из капиталистического общества в социалистическое должен непременно совершиться под формами развития эпохи, которой еще незнакомы были или знакомы были лишь в самой несовершенной форме современные методы пропаганды и проведения законов, и недоставало необходимых к тому органов... Там, где осуществление какого-нибудь экономического требования социалистической программы возможно было лишь при таких условиях или таким путем, что развитие свободы подвергалось бы серьезной опасности, социал-демократия никогда не колебалась занять враждебное положение к вопросу. Обеспечение гражданской свободы было для нее всегда важнее, нежели осуществление какого-нибудь хозяйственного требования... Феодализм, с его застывшими и неизменными порядками пришлось, почти повсюду, разбивать силою. Либеральные порядки современного общества именно тем и отличаются от тех, что они гибки и доступны переменам и развитию. Их нет надобности разбивать: их надобно лишь развивать дальше» [1].

[1] Эд. Бернштейн. Социальные проблемы (Условия возможности социализма и задачи социал-демократии). СПБ. 1906 г. „Социально-научная библиотека“, стр. 180—181, 183, 197.

Мнение обращенного войной в ренегаты Каутского точно такое же: «Оба рода революций [1] различаются тем, что исходным пунктом буржуазной революции является абсолютизм, исходным же пунктом пролетарской революции является демократия. Для первой гражданская война—необходимое средство достижения цели, тогда как для пролетарской революции гражданская война представляет собою ненормальное явление. Пролетарская революция может осуществляться без применения насилия, самым законным путем, и *экономическая* [2] пролетарская революция окажется тем успешнее и плоды ее тем долговечнее, чем более мирной будет обстановка, в которой она происходит» [3].

И Бернштейн и Каутский уделяют буржуазной демократии такое место, что для них она, а не классовые интересы пролетариата, играет решающую роль. Не революционная зрелость пролетариата, обусловленная его насущными потребностями, а демократическая «зрелость» *всего* общества, включая и эксплоататорские классы, определяет переход к социализму. Социализм появляется на историческую сцену не как революционная сила, а как продукт примирения и сотрудничества классов, как *мера общественной филантропии*: «от щедрот своих» капитализм отпускает часть своей прибыли в «общественное» пользование.

Само собой понятно, что идея выкупа у капиталистов их средств производства при этом занимает главенствующее место. Социал-реформисты, настаивая на строгом «различии» между буржуазной и пролетарской революцией, на деле стремятся лишить пролетарский переворот всякого революционного содержания,— *даже по сравнению с буржуазной революцией*.

Они, по рецепту Бернштейна, «изгоняют идею экспроприации».

Но их отталкивает только *форма* буржуазной революции, связанная с ожесточенной гражданской войной на манер 1793 года во Франции.

По существу же они мыслят переход от капитализма к социализму таким же точно путем, как от феодализма к капитализму: новая форма собственности рождается, развивается и укрепляется уже в недрах старого порядка, политическая революция лишь оформляет признание de jure того, что уже существует de facto!—«Капитализм развивался в недрах «старого

[1] Буржуазная и пролетарская.
[2] Курсив К. Каутского.
[3] К. Каутский. Пролетарская революция и ее программа, стр. 220.

общества» до тех пор, пока феодальные одежды не стали ему тесны. Он разрывает их, в эпоху революции, и надевает новые, по своей мерке. Но он не рождается в эпоху революции, а лишь достигает в ней совершеннолетия. Как же обстоит дело с социалистической революцией? Если аналогия применима,—а она действительно применима,—то значит, что к моменту социалистической революции новый способ производства должен быть уже очень развит. От капитализма остаются, конечно, к этому моменту более или менее существенные элементы, и об устранении их-то и идет речь. Но преобразование экономической системы должно происходить до того, и это преобразование только и создает впервые благоприятные предпосылки для политического переворота» [1].

Какой-нибудь Далин преподносит подобные «откровения» с напускной важностью, делая вид, что он «не заметил» своих предшественников на этой дорожке. Между тем Бернштейн еще в девятисотых годах набросал этот «путь к социализму». Он уже тогда об‘явил «куском социализма» городские водопроводы, общественные уборные и другие подобные «достижения».

Кретины мелкобуржуазной фразы затушевывают тот основной факт, что при переходе от феодализма к капитализму дело шло о передаче производительных сил из рук одной группы эксплоататоров в руки другой такой же группы;—при переходе же к социализму дело идет об уничтожении всякой эксплоатации. В феодальном обществе могла уже существовать буржуазная собственность, в буржуазном же обществе социалистическая организация производства невозможна. Азбука социализма—против социал-демократических обманщиков!

Так же как в вопросе о государственной машине, мелко-буржуазные политиканы ставят превыше всего передел чиновничьих местечек с буржуазией, и в хозяйственной области они разумеют под «переходом к социализму» передел экономических привилегий между буржуазией,—с одной стороны, и мелкобуржуазными верхушками и рабочей аристократией, с другой.

Необходимость захвата решающих производительных сил, необходимость уничтожения монопольного, господствующего положения капитала они обходят, подменяя анализ экономических предпосылок пролетарской диктатуры общими рассуждениями

[1] Д. Далин. «После войн и революций», стр. 212—213.

о «зрелости» той или иной отрасли производства для перехода в общественную собственность. **Соотношение классовых сил в экономике** — так же как и в политике — определяет условия общественного преобразования. Между тем, современный ревизионизм Бернштейнов и Каутских при подходе к экономике отбрасывает эту классовую мерку, этот критерий классовой борьбы. Господин Каутский, например, вместо анализа классовых отношений, пускается в декламацию о незаменимости капиталиста в деле накопления ценностей: «Функции капиталиста не исчерпываются поддержанием хода производства в предприятии. Чрезвычайно важная историческая функция его состоит в накоплении капитала, в постоянном улучшении и расширении своего предприятия. Неужели и это должно выполняться принудительно?

Не принуждение, но заинтересованность, личная или корпоративная, является величайшей движущей силой в экономической сфере. Пролетарский режим для успешного противодействия саботажу тех капиталистов, в которых он еще нуждается, должен заинтересовать их в непрерывной деятельности и постоянном улучшении их предприятий. Это невозможно, если социализация предприятий производится путем конфискации. Наоборот, это достижимо в том лишь случае, если предприятие, подлежащее социализации, отчуждается за небольшой (!) выкуп» [1].

Учение Маркса о накоплении капитала Каутские и К^0 подвергают беспощадной ревизии, заставляя капиталиста накоплять не во имя своих частных интересов, а во славу «демократического социализма», который гармонически соединяет и капиталистические интересы и интересы общественного хозяйства! Не разрушая капиталистической монополии, желтые буржуазные социалисты хотят вводить социализм!

Пролетарская революция не приходит на готовенькое, подобно революции буржуазной. — «Одно из основных различий между буржуазной и социалистической революцией состоит в том, что для буржуазной революции, всегда вырастающей из феодализма, новые экономические организации постепенно создаются в недрах старого строя путем развития хотя бы торговых отношений, которые изменяют постепенно все стороны феодального общества. Перед буржуазной революцией была только одна задача: смести

[1] К. Каутский. Пролетарская революция и ее программа, стр. 230.

отбросить, разрушить все путы прежнего общества. Выполняя эту задачу, всякая буржуазная революция выполняет все, что от нее требуется, ибо она в итоге создает товарное производство и усиливает рост капитализма.

В совершенно ином положении стоит социалистическая революция. Чем более отсталой является страна, которой в силу зигзагов истории пришлось начать социальную революцию, тем труднее для нее переход от старых капиталистических отношений к социалистическим. Здесь к задачам разрушения прибавляются новые, неслыханной трудности задачи — организационные. Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., не создало Советов еще в феврале 1917 года, то ни в каком случае они не могли бы взять власть в Октябре, так как успех зависит от наличности уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы» [1].

Тогда как при капитализме стремление к самовозрастанию капитала над всем господствует, в переходную эпоху пролетарской диктатуры борьба за удовлетворение потребностей рабочего класса, борьба за восстановление основной производительной силы общества, дает ключ к восстановлению хозяйства на новых началах. На основе общественно-организованного удовлетворения насущных потребностей рабочего класса строится скелет новых производственных отношений. — «Надо спасать рабочего, хотя он работать не может. Если мы его спасем на эти несколько лет, мы спасем общество, страну и социализм. Если не спасем, то скатимся назад, в наемное рабство» [2]. В 1918, 1919 и 1920 годах в России спасение рабочего класса было величайшей задачей. Но за спасение это нужно было вести отчаяннейшую борьбу с мелкобуржуазно-анархической стихией в деревне и городе. Учет и контроль общественного имущества и запасов, столь осмеянные тупоумным мещанским зубоскальством, были обязательным условием спасения голодающего пролетариата. Только общественным путем, с помощью пролетарской диктатуры рабочий мог поддержать свое существование в обстановке военного лагеря. Торгово-кулацкой верхушке деревни он почти ничего не мог дать на основе товаро-

[1] Н. Ленин. Доклад по вопросу о Брестском мире на VII с'езде Р. К. П. Собр. соч., т. XV, стр. 124.

[2] Н. Ленин. Об обмане народа лозунгами свободы и равенства (Речь на с'езде по внешкольному образованию 19 мая 1919 г.). Собр. соч., т. XVI, стр. 214—215.

обмена, так как производство, лишенное сырья, топлива и рабочей силы, в подавляющем большинстве предприятий стояло. Борьба за хлеб, с помощью продотрядов и комитетов бедноты, была единственным выходом. Иначе рабочий класс был бы не в силах отражать белогвардейский натиск, вооружать Красную армию, руководить крестьянским отпором против помещиков.

В обстановке всеобщей разрухи полунатуральное крестьянское хозяйство оказалось в несравненно более благоприятном положении, чем рабочий класс, связанный источниками своего существования с крупной промышленностью. Контр-революция разбойнически спекулировала на инстинктах мелкого хозяйчика, чтобы заморить рабочих голодом и растащить все общественное добро. Профессор Гриневецкий тогда со всей откровенностью высказал ее вожделения. «Наряду с массой разрушительных и отрицательных инстинктов, разбуженных войной и революцией,—писал он,—в народе пробудилось сильнейшее стремление к приобретательству, к улучшению своего материального положения, расширились потребности, чего так не хватало русскому крестьянству. Было бы просто не умно продолжать облекать разбуженные потребности и запросы масс в стремление к более высоким формам социального устройства, как это до сих пор пыталась делать русская интеллигенция (?!). Никогда еще, вероятно, в истории столь ярко-социалистический флаг не прикрывал столь буржуазного содержания, как в нашей революции. Весь ход революции вкратце можно характеризовать одной формулой: социализму—форма, буржуазности—суть... Если принять такое содержание нашей революции, если учесть неизбежное укрепление буржуазных групп крестьянства, ослабление пролетариата и банкротство нашей социалистической интеллигенции, то надо признать, что поставленные в действительности, а не в словесных формулах и таких же устремлениях, исторические задачи русской революции решены с большой полнотой» [1].

Партизанщина, «власть на местах» и тому подобное были отражением натиска мелкособственнической стихии на пролетариат. Мелкособственническая стихия использовала недостаток пролетарской организованности и централизации. Бичуя «левых» коммунистов за уступки этой стихии, Владимир Ильич во всей широте ставил

[1] Гриневецкий. «Послевоенные перспективы русской промышленности», стр. 66—67.

вопрос о соотношении классовых сил в хозяйстве: «Не было еще, кажется, такого человека, который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики. Ни один коммунист не отрицал, кажется, и того, что выражение: «Социалистическая Советская Республика» означает решимость Советской власти осуществить переход к социализму, а вовсе не признание новых экономических порядков социалистичеекими.

Но что же значит слово «переход»? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки и социализма и капитализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся на лицо в России. А в этом весь гвоздь вопроса!

Перечислим эти элементы:

1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;

2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);

3) частно-хозяйственный капитализм;

4) государственный капитализм;

5) социализм.

Россия так велика и так пестра, что все эти различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом.

Спрашивается, какие же элементы преобладают? Ясное дело, что в мелко-крестьянской стране преобладает и не может не преобладать мелкобуржуазная стихия; большинство, и громадное большинство, земледельцев — мелкие товарные производители. Оболочку государственного капитализма (хлебная монополия, подконтрольные предприниматели и торговцы, буржуазные кооператоры) разрывают у нас то здесь, то там спекулянты, и главным предметом спекуляции является хлеб.

Главная борьба развертывается именно в этой области. Между кем и кем идет эта борьба, если говорить в терминах экономических категорий, вроде «государственный капитализм»? Между 4 и 5 ступенями в том порядке, как я их перечислил сейчас? [1]

---

[1] Это утверждали «левые», приписывая политике Советской власти поворот (в 1918 г.!) в сторону «соглашательства» с капиталистическими магнатами трестов.

Конечно, нет. Не государственный капитализм борется здесь с социализмом, а мелкая буржуазия плюс частно-хозяйственный капитализм борются вместе против, за одно—и против государственного капитализма, и против социализма. Мелкая буржуазия сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля, как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического. Это—совершенно непререкаемый факт действительности, в непонимании которого и лежит корень экономической ошибки «левых коммунистов». Спекулянт, мародер торговли, срыватель монополии—вот наш главный «внутренний» враг, враг экономических мероприятий Советской власти» [1].

В эпоху гражданской войны союз рабочего класса с крестьянством основывался на общности их военно-политических интересов. Защитить землю, отобранную у помещика, крестьянин мог, только опираясь на руководство рабочего класса. — «Система, которая создавалась, диктовалась потребностями, соображениями и условиями военными, а не экономическими» [2].

«Показать все преимущества крупного производства на практике мы не могли, ибо это крупное производство (было) разрушено, ибо ему самому (приходилось) вести самое жалкое существование и восстанавливать его можно (было) только путем возложения жертв на... мелких земледельцев» [3].

Ни один из желтых социалистов не подумал об исторической особенности перехода к социализму в 1917—21 г.г., когда победоносному пролетариату пришлось вести отчаянную борьбу за свое существование, чтобы обеспечить основную предпосылку социализма. Наоборот, меньшевики и эс-эры, весь II Интернационал плюс его 2½-й придаток, в эту эпоху выступали идеологами спекуляции и мешечничества, в целях срыва обороны Советской Республики.

Распад старого общества на непримиримо-враждебные классы выразился в форме гражданской войны. На организации крупного производства этот распад отразился в виде поголовного саботажа интеллигенции. Рабочие вынуждены были спасать крупное производство от полного расхищения своими собственными силами. Однако по мере ломки саботажа было неизбежно привлечение

---

[1] Н. Ленин. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Собр. соч., т. XV стр. 263—264—265.

[2] Н. Ленин. Заключительное слово в заседании X С'езда Р. К. П. 15 марта 1921 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 151.

[3] Н. Ленин. Доклад Ц. К. на X С'езде. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 118.

к использованию старых специалистов в военном деле, в хозяйстве и т. д. Саботаж интеллигенции и ее контр-революционные подкопы породили анти-спецовские настроения, которые были поддержаны «левыми коммунистами». Тов. Ленин безусловно отвергал какие бы то ни было колебания в этом вопросе. —«Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупно-капиталистической культуры, и интеллигенция есть такой элемент. Если нам приходилось с ней беспощадно бороться, то к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех демократов и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул. Теперь явилась возможность использовать эту интеллигенцию для социализма, ту интеллигенцию, которая не социалистична, которая никогда не будет коммунистична, но которую сейчас об‘ективный ход событий и соотношений настраивает по отношению к нам нейтрально, по-соседски. Опираться на интеллигенцию мы не будем никогда, а будем опираться только на авангард пролетариата, ведущего за собой всех пролетариев и всю деревенскую бедноту. Другой опоры у партии коммунистов быть не может. Но одно дело—опираться на класс, представляющий собою диктатуру, а другое дело—господствовать над другими классами» [1].

При капитализме интеллигенция играет родь промежуточного слоя, организационной связки между трудом и капиталом. Пролетарская революция переворачивает это отношение наоборот, и, поэтому, нейтрализация интеллигенции, использование ее культурного капитала, удается постольку, поскольку сопротивление эксплоататоров приходит к концу. В России лишь после победы пролетариата в гражданской войне произошла всеобщая «смена вех» в рядах интеллигенции, да и то это «сменовеховство» приобрело под ногами более или менее устойчивую почву только после начала хозяйственного под‘ема страны. Вокруг стержня пролетарской политики, так сказать, наматывается организация новых производственных отношений. Только решительная победа пролетарского руководства во всех областях политики ставит на надлежащую полочку, по новому увязывает элементы, частички и кусочки старого общества. Организатором нового хозяйства способен быть только пролетариат, так как это единственный

[1] Н. Ленин. О мелкобуржуазных партиях. 27 ноября 1918 г. Собр. соч., т. XV, стр. 578.

класс, подготовленный капитализмом к роли коллективного организатора.

Глупенькие речи Каутских о том, что «без интеллигенции невозможен социализм»—продукт непонимания именно этого взаимоотношения между экономикой и политикой.

В России керенщина, пожалуй, впервые, в таком обширном масштабе, разбудила буржуазные надежды и аппетиты интеллигенции, до той поры придавленной господством помещиков над капитализмом. К дележу чиновничьих местечек она устремилась с неудержимым «порывом». Пролетарская революция ударила ее по самой «дорогой» иллюзии.

Не то мы видим на Западе. Там, благодаря поражению пролетариата в период 1918—21 г.г., за все последствия войны и послевоенной разрухи пришлось расплачиваться не только пролетариату, но и мелкой буржуазии. Под диктатурой Стиннеса и французского штыка, пролетаризация буржуазной интеллигенции пошла усиленным темпом. Крах демократических надежд на ноябрьскую революцию в Германии бросил первоначально этот слой в об'ятия фашизма. Но уже в августе-ноябре 1923 года, с пробуждением политической активности пролетарских масс, значительные массы пролетаризированной интеллигенции стали искать поддержки в рабочем классе.

Есть все основания полагать, что не только в Германии, но и на Западе вообще, послевоенная диктатура финансового капитала ускорила нейтрализацию интеллигенции по отношению к пролетарской революции, а местами превратила ее даже в попутчика пролетариата.

— Таково естественное следствие загнивания буржуазной демократии, которая отсрочкой пролетарской революции купила себе лишь более позорное банкротство.

Условия «военного коммунизма» не могли привести в России к хозяйственной победе пролетариата в смысле восстановления производительных сил на новом фундаменте. К этой задаче удалось приступить вплотную только после окончания гражданской войны. «Мы не можем хозяйничать во время войны иначе,—говорил тов. Ленин на X с'езде Р. К. П., — как говоря крестьянам: необходимо дать ссуду Рабоче-Крестьянскому государству для того, чтобы оно могло выйти из тяжелого положения. Когда мы все внимание направляем на восстановление хозяйства—мы должны знать, что перед нами мелкий земледелец, мелкий хозяин,

мелкий производитель, работающий на товарный оборот **до полной** победы крупного производства, до его восстановления, а это восстановление невозможно на старой базе» [1].

«Почему нам нужно было заменить налогом разверстку? Разверстка предполагала из‘ять **все излишки**, установить обязательную государственную монополию. Мы не могли поступить иначе, мы были в состоянии крайней нужды. Теоретически это необязательно, государственная монополия есть наилучшее с точки зрения социализма, но как переходная мера в стране крестьянской, которая имеет промышленность, и промышленность работает. И если есть некоторое количество товаров, возможно применить систему налога и свободного оборота. Этот самый оборот—стимул, побудитель, толчок для крестьянина. Хозяин может и должен стараться за свой собственный интерес, потому что с него не возьмут всех излишков, а только налог... **Нам нужно строить нашу государственную экономику применительно к экономике середняка**, которую мы за три года не могли переделать и еще за десять лет не переделаем» [2].

Со времени первого этапа пролетарской диктатуры в России,— «крестьянская беднота» (пролетарии и полупролетарии) превратилась в очень большом числе случаев в середняков. От этого мелко - собственническая, мелко-буржуазная «стихия» усилилась. А гражданская война 1918—1920 годов чрезвычайно усилила разорение страны, задержала восстановление производительных сил ее, обескровила больше всего именно пролетариат. К этому прибавился неурожай 1920 года, бескормица, падеж скота, что еще сильнее задержало восстановление транспорта и промышленности, отразившись, например, на подвозе крестьянскими лошадьми дров, нашего главного топлива.

В итоге политическая обстановка к весне 1921 года сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и под‘ема его производительных сил стали неотложно необходимы.

Почему именно крестьянства, а не рабочих?

Потому, что для улучшения положения рабочих нужны **хлеб и топливо**. Сейчас «задержка» самая большая—именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и до-

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 119.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 146.

ставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. *Начать надо с крестьянства.* Кто не понимает этого, кто склонен усматривать в этом выдвигании крестьян на первое место «отречение» или подобие отречения от диктатуры пролетариата [1], тот просто не вдумывается в дело, отдает себя во власть фразе. *Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую больную задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетарий или представитель пролетариата, который захотел бы не через это пойти к улучшению положения рабочих, оказался бы на деле пособником белогвардейцев и капиталистов. Ибо итти не через это*—значит: **цеховые интересы рабочих поставить выше классовых интересов,** *значит интересам непосредственной, минутной частичной выгоды рабочих принести в жертву интересы всего рабочего класса, его диктатуры, его союза с крестьянством против помещиков и капиталистов, его руководящей роли в борьбе за освобождение труда от ига капитала»* [2].

— Здесь перед нами замечательная формулировка задачи пролетарской гегемонии в хозяйственной области.

Чтобы увидеть гигантскую пропасть, отделяющую ленинизм от самых «левых» мещан, будет полезно сопоставить взгляд Ильича с подло-ренегатским выступлением господчиков из «Коммунистической Рабочей Партии Германии» по тому же вопросу.

Они без обиняков заявляли: «События в Советской России доказывают практически, что Россия раньше должна пройти этап капитализма, и только после этого куска пути можно доби-

---

[1] Речь шла о так называемой «рабочей оппозиции», об'яснявшей хозяйственный кризис 1921 г. «недостаточным влиянием» пролетариата на государственную власть.

[2] Н. Ленин. О продналоге. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 213.

ваться цели социализма. Советское правительство, следовательно, стоит непосредственно перед исторической задачей создать во что бы то ни стало свободу движения и возможности развития для развертывающегося капитализма в России. Утверждение или вера в то, что экономический поворот политики советского правительства знаменует «возобновление» капитализма в России, неверны. Это совсем не восстановление, но самое установление. Ибо до сих пор (сравнительно с величиной России) были лишь едва заметные зачатки капитализма... Предпосылок и настоящих причин для пролетарско-коммунистической революции в России нет и не было налицо: именно — развитой промышленности и развитого транспорта» [1].

Последователи г-на А. Богданова из микроскопической группы «Рабочая Правда» позаимствовали мещанское тупоумие из этого же «источника».

Поворот к нэп'у был обусловлен тем соотношением классовых сил в экономике страны, которое получилось в результате семилетнего периода войны в России. Нужно было выбирать между пролетарским руководством разоренным хозяйством и капитуляцией перед капитализмом.

Якобинская диктатура мелкобуржуазной демократии в 1793 г. таила в себе зародыш неминуемой гибели, так как ее задачей было проложить путь свободе капиталистического развития. Восстановление хозяйства на почве, очищенной от капитализма, было уже делом новой буржуазии, поднявшейся на крестьянских плечах.

Экономическую безвыходность тогдашней революционной диктатуры Сен-Жюст вскрыл в одной из своих речей.—«Какой-то тайный недуг подтачивает Париж»,—говорил он 29 ноября 1792 г. «Чем заняты теперь те многочисленные рабочие, которым раньше привычки богатых давали средства к жизни? Нищета породила революцию, нищета же может ее погубить. Дело в том, чтобы знать, может ли то множество людей, которое еще недавно имело средства к жизни, благодаря излишествам, роскоши, порокам другого класса, может ли оно жить теперь, обслуживая лишь свои потребности?... Земледелец, который не расположен более наполнять свои кубышки бумажками, продает свое зерно лишь нехотя. Во всяком другом деле прихо-

---

[1] «Die Sowjetregierung und die 3 Internationale im Schlepptau der internationalen Bourgeoisie. Verlag K. A. P. D. ss. 17—18.

дится неизбежно продавать, чтобы жить своим производством. Земледелец, напротив, ничего не покупает, его потребности удовлетворяются не путем торговли. Люди этого класса привыкли откладывать ежегодно часть с дохода земли в виде звонкой монеты, теперь же они предпочитают удерживать у себя хлебные запасы, чем собирать бумажные деньги. Отсюда следует, что количество государственных денежных знаков не может определяться той, самой значительной, частью сельско-хозяйственных продуктов, которую земледелец прячет, потому что не нуждается в деньгах, и выносит на рынок только ту часть продуктов, какая необходима для выплаты аренды.

Здесь кто-то жаловался на роскошь земледельцев. Я не говорю, что роскошь хороша сама по себе, но если бы на наше счастье земледелец любил роскошь, он продавал бы хлеб, чтобы купить предметы роскоши. В нашей республике нельзя обойтись без роскоши: иначе придется прибегнуть к насильственным мерам против земледельцев, что погубит Республику. Пусть законодатель устроит так, чтобы у земледельца было как можно больше трат, и чтобы он не чувствовал отвращения к накоплению бумажных денег; тогда и все земледельческие продукты будут поступать на рынок и уравновешивать денежные знаки. Надо установить соответствие между денежными знаками, продуктами и потребностями: в этом секрет экономической политики... Вам придется когда-нибудь поощрять земледельца бережно обходиться с землей и заниматься как земледелием, так и скотоводством... Вот наше положение: мы бедны, как испанцы, благодаря обилию денежных знаков и скудости находящихся в обращении товаров. У нас нет для торговли ни скота, ни шерсти, ни продуктов промышленности. Ремесленники — в армии, мы торгуем только с государственным казначейством; выходит, что мы крутимся вокруг самих себя и торгуем без барыша»[1].

В эпоху великой французской революции промышленность была еще почти исключительно производством предметов роскоши, пролетариата в современном смысле не существовало. Таким образом, не было в наличности ни созревшей общественной потребности в крупном производстве, ни того класса, который бы мог выполнить назначение коллективного организатора нового хозяйства. Терми-

[1] Цит. у Ж. Жореса, Конвент. Том I. Госизд.

дорианский переворот убрал лишь временные подпорки нового буржуазного общества.

В России XX века, напротив того, все революционное развитие прошло под знаком пролетарской гегемонии. Военный «потребительский коммунизм», представлявший собой временную попытку организации военно-государственного натурального хозяйства, вызван был к жизни необходимостью спасения пролетариата от голодной смерти в условиях гражданской войны. Поскольку отпали условия войны и непосредственная угроза существованию рабочего класса, постольку задача восстановления крупного производства перед всей страной поднялась во весь рост. Крах пролетарского господства, «русский термидор» были бы возможны, если бы пролетарский авангард не усвоил самой «больной» задачи,— перестройки по-новому союза между рабочим классом и крестьянством.—«В нэп'е мы сделали уступку крестьянину, как торговцу, принципу частной торговли» [1]. Но одновременно мы мобилизовали все силы, чтобы обеспечить за собой «командные высоты» пролетарской диктатуры, чтобы перевести нашу промышленность и транспорт с работы на холостом ходу на смычку с крестьянским рынком. «Продналог,—указывал Владимир Ильич в в своих тезисах о тактике Р.К.П. на 3 Конгрессе Коминтерна— естественно, означает свободу крестьянина распоряжаться излишками, остающимися после уплаты налога. Поскольку государство не сможет предоставлять крестьянину продуктов социалистической фабрики в обмен на все эти излишки, постольку свобода торговли излишками неминуемо означает свободу развития капитализма.

В указанных пределах, однако, это нисколько не страшно, пока транспорт и крупная промышленность остаются в руках пролетариата. Напротив, развитие капитализма под контролем и регулированием пролетарского государства (т.-е. в этом смысле слова «государственного» капитализма) выгодно и необходимо в чрезвычайно разоренной и отсталой мелко-крестьянской стране (конечно, в известной лишь мере), поскольку оно в состоянии ускорить немедленный под'ем крестьянского земледелия» [2].

Национализированная земля, переставшая быть предметом купли-продажи и средством капиталистического накопления, государственная советская крупная промышленность и советский тран-

[1] Н. Ленин. О кооперации. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 139.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 315.

спорт, монополия внешней торговли, допускающая только организованный обмен — через посредство государства — с иностранным рынком, кооперация, наконец, регулирующий и контролирующий внутренний обмен аппарат Советского государства, — вот те командные высоты, которые позволяют пролетариату, стоящему у власти, направлять стихийный ход экономического развития.

Техническую базу для обобществления крестьянского хозяйства может дать только электрификация. — «Единственной материальной основой социализма может быть крупная промышленность, способная реорганизовать и земледелие. Но этим общим положением нельзя ограничиться. Его необходимо конкретизировать. Соответствующая уровню новейшей техники и способная реорганизовать земледелие крупная промышленность есть электрификация страны» [1]. — «Если мы сохраним за рабочим классом руководство над крестьянством, то мы получим возможность ценой величайшей и величайшей экономии хозяйства в нашем государстве добиться того, чтобы всякое малейшее сбережение сохранить для развития нашей крупной машинной индустрии, для развития электрификации, гидроторфа, для достройки Волховстроя и проч.

В этом и только в этом будет наша надежда. Только тогда мы в состоянии будем пересесть, выражаясь фигурально, с одной лошади на другую: именно с лошади крестьянской, мужицкой, обнищалой, с лошади экономий, рассчитанных на разоренную крестьянскую страну, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии, электрификации, Волховстроя и т. д.» [2].

Поднятие социалистической промышленности возможно лишь на основе крестьянского рынка. Война и революция изменили потребительский состав российского рынка, выбросив за борт его старые господствующие классы, дворянство и буржуазию, откинув со счетов рынки русского империализма и переделав общий характер потребления. Крестьянское хозяйство за этот период совершило не один шаг назад, от торгового земледелия в сторону натурального хозяйства. При таких условиях разоренная старая промышленность, приспособленная к старым потребностям, вынуждена не только искать смычки по новому с изменившимся кре-

[1] Н. Ленин. Тезисы о тактике Р.К.П. 3 Конгресса Коминтерна. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 316—317.

[2] Н. Ленин. «Лучше меньше, да лучше». Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 138.

стьянским рынком, но и в первую голову стремиться к достижению основной предпосылки этой смычки, к внедрению товаров в деревню. С какими трудностями это сопряжено, показал кризис осени 1923 года, обнаруживший тот факт, что за 2 года своей работы промышленности удалось выйти только на городской рынок.

Уже в 1919 году, рисуя перспективы восстановления капитализма в России, белый профессор Гриневецкий считал, что и капитализму не обойтись без «организованной самодеятельности населения в кооперативной форме» [1]. Конечно, он хлопотал о смычке крупного капитала с кулацкой кооперацией. Но совершенно ясно, что еще большее значение имеет кооперативная смычка с крестьянством для социалистической промышленности.—«Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного» капитализма. Теперь мы должны сознать и претворить в дело, что в настоящее время тот общественный строй, который мы должны поддерживать сверх обычного, есть строй кооперативный... Нам нужно сделать еще очень немного с точки зрения «цивилизованного» (прежде всего грамотного) европейца для того, чтобы заставить всех поголовно участвовать и участвовать не насильно, а активно в кооперативных операциях. Собственно говоря, нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Но для того, чтобы совершить это «только», нужен целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы. Поэтому нашим правилом должно быть: как можно меньше мудрствования и как можно меньше выкрутас. Нэп представляет из себя в том отношении прогресс, что он приноравливается к уровню самого обыкновенного крестьянина, что он не требует от него ничего высшего. Но, чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения,—вот для того требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху в одно—два десятилетия» [2].

---

[1] Гриневецкий. Послевоенные перспективы русской промышленности, стр. 181.

[2] Н. Ленин. О кооперации. 26 мая 1923 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 141—142.

Через кооперацию крестьянин становится вкладчиком и участником общественного хозяйства. Он усваивает через нее выгоды общественного ведения хозяйства, но при том непременном условии, что он получает от кооперации товар дешевле, чем у частного торговца, — что кооперация служит для него более выгодным посредником, чем частный торгово-ростовщический капитал;—что кооперация его более выгодно кредитует. В капиталистических странах финансовый банковский капитал, собирая с помощью мелких акций огромную массу сбережений мелких вкладчиков, этим путем проводит свое экономическое и политическое руководство. Немецкий буржуазный воротила Сименс однажды не даром заявил, что «акция в 1 фунт стерлингов есть основа британского империализма» [1].

Но финансовому капиталу его своеобразная «кредитная кооперация», в виде организации акционерных обществ и разветвленной системы банковых операций, служит для эксплоатации мелкого вкладчика.

Кооперация в пролетарском государстве освобождает крестьянина от эксплоатации его частным капиталом, подводит базу крупной промышленности под развитие производительных сил земледелия. Кооперативная смычка является, следовательно, наилучшей смычкой и с точки зрения интересов пролетариата, и с точки зрения интересов крестьянства.

— «В чем фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такового основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплоататоров. И поэтому мы правы, находя в этом «кооперативном» социализме сплошь фантастику, нечто романтическое, даже пошлое в мечтаниях о том, как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир).

Несомненно, что с точки зрения основной задачи современности мы были правы, ибо без классовой борьбы за политическую власть в государстве социализм не может быть осуществлен.

---

[1] Н. Ленин. Империализм, как новейший этап капитализма, стр. 41, изд. 1917 г.

Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплоататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплоататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса.

Теперь мы вправе сказать, что простой рост кооперации для нас тожественен (с указанным выше «небольшим» исключением) с ростом социализма, и вместе с этим мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную «культурную» работу» [1].

Даже такие радетели «кооперативного социализма», как Сидней и Беатриса Уэбб, обревшие в 1924 году местечко в правительстве Макдональда, должны признать, что «при своей современной организации кооперативное движение не в состоянии приобщить к своим благам беднейшие классы, для которых эти блага больше всего были-бы нужны... Подобно тому, как существует класс слишком бедный для приобщения к кооперации, мы видим класс, слишком богатый для этого. До тех пор, пока будет существовать современное неравенство доходов, более состоятельная часть населения никогда, повидимому, не захочет добровольно примкнуть к кооперативному движению рабочего класса» [2].

Несомненный сторонник мещанского «социализма» А. Фишгендлер, разбирая роль кооперации в германской революции, не мог скрыть ее явно - реакционного устремления к поддержке капиталистического господства во что бы то ни стало: «Кооперация оказалась на крайнем правом фланге социализма. В лице министра-кооператора Августа Мюллера, чрезвычайно настойчиво и последовательно проводившего в министерстве народного хозяйства хозяйственную политику, почти в полной мере выражавшую взгляды кооперации в целом, — она вступила в борьбу с комиссией по социализации» [3].

---

[1] Н. Ленин. О кооперации. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 144.

[2] Сидней и Беатриса Уэбб. Общества потребителей в Великобритании. Москва. 1918, 2 изд., стр. 62, 64.

[3] А. Фишгендлер. Вопросы социализации и кооперации в германской революции (1918—19 г.г.), изд. Центросоюза. Москва, 1922 г., стр. 30.

— Это с Карлом Каутским-то! Даже его «социализм» оказался «слишком крайним» для кооперации, хотя пресловутая «комиссия по социализации» возлагала все свои упования на помощь Мюллеров и К⁰! Удивляться тут, разумеется, нечему. — Господство самых махровых, якобы-социалистических буржуа во всем международном кооперативном движении [1]—следствие того, что при капитализме кооперация охватывает по преимуществу служилую мелкую буржуазию и мелко-буржуазную рабочую аристократию [2].

Германская и австрийская революции были экзаменом «кооперативного социализма». Зараженная мелко-буржуазным оппортунизмом, так называемая рабочая кооперация не с‘умела воспользоваться временным нахождением у власти даже для вытеснения частного т о р г о в о г о капитала. Предоставим опять слово Фишгендлеру: «Вопрос об устранении частной торговли в Германии не есть вопрос об устранении лишь роли торгового капитала. Последний, в своей крупной и наиболее влиятельной части так тесно связан с промышленным капиталом, и вкупе с последним в такой мере возглавляется и направляется финансовым капиталом, что устранение частного торгового аппарата носило бы характер чисто революционный, сколько бы ни говорилось при этом о выкупе и т. д. На это могло решиться лишь чисто-социалистическое правительство, ощущающее твердую почву под ногами и достаточно сильное для того, чтобы обуздать противодействие капиталистических классов. Такого правительства Германия в 1919 году не имела и не ожидала (!) получить вопреки многим предсказаниям,—таким правительством, конечно, не было правительство коалиционное, дорожившее поддержкой левого крыла германской буржуазии» [3].

Вот именно. «Кооперативный социализм» воспитал в кооперации слишком слабую готовность для борьбы за социализм!

Пока государственная власть и решающие средства крупно-машинного производства и транспорта остаются в руках буржуазии, до тех пор не пробивает бреши в капитализме, до тех пор она

[1] Фон Эльм и Август Мюллер—в Германии, Додэ-Бансель—во Франции, Вандервельде и Анселе—в Бельгии, Хейсины, Фромметы, Кусковы, Прокоповичи и Биркенгеймы—в России.

[2] Кооперативные организации деревенской буржуазии только в России носили «социалистический» ярлык. Рабочая кооперация при капитализме имеет почти исключительно потребительский характер, тогда как собственно мелко-буржуазная кооперация выростает в посредническую и промышленную.

[3] А. Фишгендлер. Там же, стр. 99.

не может опереться на организацию производительных сил «в национальном масштабе», не в состоянии произвести поголовное кооперирование населения.

Поскольку же ломка капиталистического господства произведена, постольку и «система распределения вполне определяется системой производства» [1].—«В нашей Советской Республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов: рабочих и крестьян, к которому теперь допущены на известных условиях и «нэпманы», т. е. буржуазия... В последнем счете судьба нашей Республики будет зависеть от того—пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, раз'единить себя с рабочими, расколоть себя с ними» [2].

Кооперация является средством осуществления пролетарской гегемонии по отношению к мелкокрестьянской экономике.

«Вполне правильным и устойчивым, с социалистической точки зрения, союз мелких крестьян и пролетариата может стать лишь тогда, когда вполне восстановленные транспорт и крупная промышленность позволят дать крестьянам в обмен на продовольствие все необходимое для них и для улучшения их хозяйства» [3]. Кооперация и служит такой смычке между пролетариатом и крестьянством.

— В гражданской войне Советская власть победила. Благодаря этому основной кадр пролетариата был спасен и было обеспечено то об'единение хозяйственной территории, которое необходимо для правильного снабжения сырьем и топливом крупной промышленности и транспорта, для восстановления естественного, географического разделения труда между различными областями. Это естественное разделение труда было нарушено войной и революцией. Промышленность центра в период гражданской войны была отрезана от сибирского и украинского хлеба, от донецкого угля, бакинской нефти, туркестанского хлопка и южной металлургиии. Собирание разрозненных материальных

[1] К. Маркс. Введение к критике политической экономии.

[2] Н. Ленин. «Как нам реорганизовать Рабкрин». Собр. соч., т. XVIII, ч. II, стр. 124.

[3] Н. Ленин. Тезисы о тактике Р.К.П. на III Конгрессе Коминтерна. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 315.

элементов, вещественных условий промышленного производства было первым шагом к его восстановлению. Первый этап восстановительной работы был сопряжен с величайшими трудностями. Разбитая в гражданской войне и выброшенная за-границу, контрреволюция в этот период строила свой расчет на том, что рабочее государство не справится с восстановлением и з-з а недостатка материальных возможностей, что оно надломится от непосильной задачи. Подлейший меньшевик Л. Пумпянский, в качестве контр-революционного спеца «по рабочему вопросу», тогда «удостоверял», что в Советской стране нет пролетариата, спобнаго поднять на своих плечах разоренную промышленность: «В течение 1918 и 1919 годов происходило распыление рабочей массы по сельской России, и превращение бывших промышленных рабочих в сельских хозяев или провинциальных ремесленников. За этой массой последовал ее общественный, политический авангард, рабочая интеллигенция, которая бросила свои главные силы в сторону государственного управления и организации государственного народного хозяйства. Некоторая часть промышленных рабочих и демобилизованные рабочие солдаты быстро оказались в рядах Красной армии и втянулись в военную жизнь. Из старой рабочей массы осталось в промышленности небольшое количество рабочих. Остались те рабочие, которые были удержаны на заводах или лишены были возможности пристроиться в деревне, так как уже раньше с ней окончательно порвали. Эти рабочие переплелись с городским мещанством, некоторый слой которого вынужден был к тому же во время революции пролетаризироваться. Таким образом, в тот момент, когда жизнь вновь стала настойчиво выдвигать вопрос о восстановлении нашей промышленности около промышленности остались лишь остатки нашего бывшего (!) фабричного пролетариата, ни количественно, ни качественно не соответствующие потребностям подлежащей возрождению промышленности» [1].

Истощенный и растрепанный борьбой рабочий не сможет перейти от выделки зажигалок к крупному общественному производству! — злорадствовали желтые и белые.

«Нигде в мире сейчас нет такой острой нужды в скорейшем восстановлении растраченного национального капитала, как в России. Сваливаясь со ступеньки на ступеньку в бездну нищеты и куль-

[1] Л. Пумпянский. «О промышленном труде».—«Экономист», № 1. Вестник XI Отдела Русского Технического Общества. 1922 г., стр. 111.

турного одичания, мы остались с такими крохами необходимого для оборудования сельского хозяйства и промышленности инвентаря, что неизбежно возвращение к самым примитивным формам хозяйствования и, след., образование огромного резервуара «избыточного» населения, осужденного на голодную смерть. Острое несоответствие балансов производства и потребления может быть устранено только путем обновления национального капитала. Медленно, с явными признаками рахита, оживают от летаргического сна мелкая и средняя промышленность. Попрежнему влачит жалкое существование крупное производство. Если таковы наибольшие достижения новой экономической политики, она теряет всякий смысл. Владельцы [1] предприятий хищнически эксплоатируют их, стараясь сорвать с них все, что возможно, и претворить добычу в предметы потребления, чтобы поскорее окунуться в омут бывших запретными при регулированном хозяйстве наслаждений. Никто и не помышляет о восстановлении полуразрушенных предприятий, о любовной (!) и неусыпной заботе об их расширении, которая так характерна для хорошего хозяина. Нужно мужественно (!) признать, что, несмотря на новую экономическую политику, у нас еще нет или почти нет буржуазии. Те, что проводят ночи напролет в маскарадах или «балаганчиках»—это не буржуазия; не годятся они в строители обновленной русской промышленности. Пусть напяливают они на себя маскарадный костюм промышленного магната—за маской не трудно разглядеть уродливую гримасу спекулянта и любителя легкой наживы. Для серьезной творческой (!?) работы нам нужно воспитать или выписать из-за границы буржуа другого душевного облика,—истинных промышленных организаторов, живущих не дешевой мишурой ночного разгула, а неустанной созидательной работой» [2]. Эту—«тоску по хорошей буржуазии» разделял и Мартов.—«На ближайшие, критические для народного хозяйства в России, годы,—заявлял он,—это последнее мы должны мыслить в капиталистическом окружении (!!!) и самое восстановление русского народного хозяйства, немыслимое без немедленной помощи Запада, должны представлять себе в тесном взаимодействии с европейским и американским капитализмом» [3].

---

[1] Здесь г-н Штейн заговорился: он имеет в виду арендованные частными хозяевами предприятия.

[2] В. Штейн. «Нищета и роскошь».—«Экономист», № 2, 1922 г., стр. 19.

[3] Л. Мартов. «Наша платформа».—«Социалистический Вестник», № 19 (41), 4 октября 1922 г.

Эмигрантская контр-революция, разочаровавшись в победе вооруженной интервенции, связала свои надежды с экономической интервенцией международного капитала. Голод в Поволжьи 1921 года подогрел эти надежды. Но эта карта была бита. Уже в 1923 году советская крупная промышленность и транспорт встали на ноги; уплотнился, окреп и очистился пролетарский состав на фабриках и заводах; начала завязываться более устойчивая смычка с крестьянством. Ллойд-Джорджу и К° не посчастливилось накинуть на нас версальскую петлю в Генуе и в Гааге в 1922 году. К началу 1924 года европейский капитализм вынужден был пойти на признание de-jure Советского союза, отказавшись от прямой попытки трактовать его как неравноправную силу.

Само собой понятно, что в условиях Новой экономической политики в самой коммунистической партии возможны колебания более неустойчивых элементов по вопросу о темпе и формах нашего хозяйственного восстановления. Это об'ясняется, в первую очередь, тем, что советское государственное хозяйство не может сразу, с одной стороны, достичь полной взаимной согласованности своих частей, а, с другой стороны, добиться крепкой и правильно организованной связи с крестьянским рынком. В капиталистическом обществе регулятором товарных цен и стихийного распределения производительных сил является конкуренция. В Советском союзе монополия на крупно-машинные средства производства принадлежит рабочему государству, которое выступает на рынке как монополист. Однако, поскольку существует свободный рынок, рыночная конкуренция вносит «поправку» на монопольное установление цен сверху. Потребительский спрос крестьянского рынка, в конечном счете, определяет рамки развития крупной промышленности. «Хозяйственный, коммерческий расчет», на основе которого работает промышленность, служит выражением необходимости уравновешения издержек производства и обращения сообразно с рессурсами крестьянского хозяйства. Кризис сбыта осени 1923 года явился следствием несоответствия цен промышленных и сельско-хозяйственных товаров, следствием расхождения «ножниц». Товарные «излишки» в крестьянском хозяйстве не покрываются товарной массой, выбрасываемой крупной промышленностью, благодаря тому, что восстановление крестьянского хозяйства вообще идет быстрее восстановления промышленности, «товарность» же крестьянского хозяйства, его втягивание в денежно-торговый оборот растет медленнее, чем это нужно для промышленности. Про-

мышленность уже переросла городской рынок, крестьянский оборот еще не выходит из местных деревенских рамок. Преувеличенное исчисление себестоимости промышленных товаров (накладные расходы и т. д.) запирает, закупоривает деревенский рынок, заставляя его удовлетворять свои потребности с помощью кустаря и ремесленника. Падение цен на сельско-хозяйственные товары осенью 1923 года было результатом того, что их на рынке оказалось много больше, чем изделий промышленности. Реакцией на катастрофическое падение цен земледельческих товаров было сжатие крестьянского рынка.

Кризисы при нэп'е до полной смычки между государственным хозяйством и крестьянским рынком, неизбежны [1]. Они будут ослабляться и сокращаться в размерах по мере роста промышленности и удешевления производства и сбыта промышленных товаров. Широкая постановка сельско-хозяйственного кредита, введение твердой денежной валюты, вывоз хлеба за-границу и распространение кооперативной организации служат средством втягивания крестьянского хозяйства в общехозяйственный оборот.

Перескочить через постепенное изживание противоречий, вызываемых недостаточным развитием производительных сил и их организации, нельзя. Между тем, оппозиция, выступившая против партийной линии в ноябре-декабре 1923 года, попыталась проделать именно этот скачек. Она об'явила главной и единственной причиной кризиса отсутствие государственного общехозяйственного плана. Исходным пунктом своих построений она взяла несогласованность между отдельными частями государственного хозяйства, не поняв того, что это внутреннее согласование частей государственного хозяйства обусловливается степенью смычки между ним и крестьянской экономикой. Тов. Троцкий писал в своей брошюре «Новый курс»: «Когда мы говорим о государственном хозяйстве, мы имеем, разумеется, в виду, наряду с промышленностью, транспорт, внешнюю и внутреннюю государственную торговлю и финансы. Весь этот «комбинат»—и в целом, и по частям—приспособляется к крестьянскому рынку и к отдельному крестьянину, как налогоплательщику. Но это приспособление имеет своей основной целью поднять, усилить, развить государ-

[1] «Мы строим свою экономику в связи с крестьянством. Мы должны ее переделывать неоднократно и устроить так, чтобы была смычка между нашей социалистической работой по крупной промышленности и сельскому хозяйству и той работой, которой занят каждый крестьянин».—Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 28.

ственную промышленность, как краеугольный камень диктатуры пролетариата и базу социализма. В корне неправильно думать, будто можно изолированно развивать и доводить до совершенства отдельные части этого комбината: транспорт, финансы и пр. Их успехи и неудачи взаимозависимы, соотносительны»[1].

— Попробуйте сравнить высказанное здесь тов. Троцким с выступлением Владимира Ильича на 4 Конгрессе Коминтерна. —Тов. Ленин говорил: «В капиталистической стране для улучшения положения т я ж е л о й промышленности потребовался бы заем в сотни миллионов, без которых улучшение было бы невозможно. И экономическая история капиталистических стран показывает, что в отсталых странах только долгосрочные стомиллионные займы в долларах или в золотых рублях могли бы быть средством для поднятия тяжелой промышленности. У нас этих займов не было, и мы ничего не получили... Несмотря на это, мы наблюдаем уже заметное улучшение, и мы видим далее, что наша торговая деятельность принесла нам уже некоторый капитал. Правда, пока очень скромный, немногим превышающий двадцать миллионов золотых рублей. Во всяком случае, начало положено: наша т о р г о в а я деятельность дает нам средства, необходимые для улучшения положения т я ж е л о й промышленности»[2].

В 1921 году Владимир Ильич выдвинул на первый план поправку крестьянского земледелия с помощью торговли, торговля толкнула легкую промышленность, — на основе этих достижений началось улучшение для тяжелой индустрии.

Ошибка тов. Троцкого и его единомышленников состоит в забвении основных положений Ильича: через ряд переходных ступеней и звеньев «смыкается» с крестьянской экономикой тяжелая индустрия, по-другому связывается с ней легкая промышленность, в иной комбинации с ней находятся финансы и т. д. В з а и м н а я смычка тяжелой и легкой индустрии, промышленности и торговли, промышленности и финансов находится в прямой зависимости от овладения крестьянским рынком.

Настаивая на ц е н т р а л ь н о м значении этой задачи, тов. Ленин в 1922 году ссылался на постановку вопроса, данную им в 1918 г.—«Недостаточно быть революционером и сторонником социализма или коммунизма вообще»,—писал я в апреле 1918 года в «Очередных Задачах Советской власти».—Надо уметь н а й т и

[1] Л. Троцкий. Новый курс. Москва, 1924 г., стр. 71.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 94.

в каждый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной, цепи».

В данный момент в той области деятельности, о которой идет речь, таким звеном является оживление внутренней торговли при его правильном государственном регулировании (направлении). Торговля — вот то «звено» в исторической цепи событий в переходных формах нашего социалистического строительства 1921—1922 годов, «за которое надо всеми силами ухватиться» нам, пролетарской государственной власти, нам, руководящей коммунистической партии. Если мы теперь за это звено достаточно крепко «ухватимся», мы всей цепью в ближайшем будущем овладеем наверняка. А иначе нам всей цепью не овладеть, фундамента социалистических общественно-экономических отношений не создать. Это кажется странным. Коммунизм и торговля?! Что-то очень уже несвязное, несуразное, далекое. Но если поразмыслить экономически, одно от другого не дальше, чем коммунизм от мелкого крестьянского, патриархального земледелия» [1].

А тов. Троцкий в «Новом курсе» заявлял: «Госплан [2] должен согласовывать, т. е. планомерно сочетать и направлять все основные факторы государственного хозяйства в их правильном соотношении с народным, т. е. прежде всего крестьянским хозяйством, причем стержнем работы Госплана должна быть забота о росте и развитии государственной (социалистической) промышленности. Именно в этом смысле мне приходилось говорить, что внутри государственного комбината «диктатура» должна принадлежать не финансам, а промышленности... Не только внешняя торговля, но и работа по восстановлению устойчивой валюты должна быть строго соподчинена интересам государственной промышленности» [3].

---

[1] Н. Ленин. «О значении золота теперь и после полной победы социализма» Собр. соч., т. XVIII. ч. 1, стр 412.

[2] Комиссия по плановому регулированию хозяйства.

[3] Л. Троцкий. «Новый курс», стр. 71.

Экономические тезисы оппозиции перевели это на практический язык в том смысле, что денежная реформа слишком дорогое «излишество», без которого можно обойтись.

Тов. Троцкий и его единомышленники забыли, что простой ссылки на смычку с крестьянством недостаточно в области практической политики. Введение же твердой валюты в крестьянский оборот есть важнейшая предпосылка для установления нормальных хозяйственных взаимоотношений между рабочим классом и крестьянством.

Бюрократическая постановка вопроса о хозяйственном плане, который складывается и расширяется по мере накопления материальных возможностей, — результат переоценки «действия сверху». Но эта постановка вопроса, родственная постановке вопроса о профсоюзах в 1921 году, имеет другую сторону. Если проповедь единоспасающего плана ведет на деле к поощрению политики «восстановительных» цен, не учитывающих состояния крестьянского хозяйства [1], то оборотной стороной медали является склонность к более значительным уступкам иностранному капиталу. Тов. Красин, уже на 12 С‘езде упрекавший партию в недостаточности планового руководства, тогда же настаивал на большей уступчивости по отношению к иностранным капиталистам во имя «быстрого» восстановления крупной промышленности: «без серьезной (?!) постановки вопроса о привлечении капитала, мы не разрешим проблемы восстановления крупной индустрии» [2].

Оппозиция приняла этот взгляд, дополнив его совершенно неслыханным проектом товарной интервенции, — допущения на российский рынок иностранных товаров в целях будто бы конкуренции с торговыми посредниками [3].

Этот проект, если бы он осуществился,—был равносилен предоставлению иностранным капиталистам возможности проводить свободно политику «бросового вызова» в интересах подрыва Советской промышленности. Европейские капиталисты, мечтающие о срыве

---

[1] Исчисление цен не только в соответствии с издержками производства и накидкой минимальной прибыли, но и включая произвольную накидку на восстановление производства.

[2] Бюллетень XII С‘езда РКП (б), № 8.

[3] Снижение цен мы должны непременно дополнить некоторой комбинацией экономических мероприятий, имеющих задачей воздействовать на реальное соотношение на рынке, в частности применить ввоз иностранных товаров для того, чтобы частный торговец не получал эту прибыль».—Бюллетень XIII конференции РКП (б) № 1. Речь т. Пятакова.—Здесь дело идет о спекулятивной прибыли, получаемой частным торговцем.

советской монополии внешней торговли, с радостью бы затопили наш рынок своей дешевкой, чтобы нанести удар своему злейшему политическому врагу—победоносному пролетариату.

Политическая слепота оппозиционно-бюрократического прожектерства явилась результатом такого подхода к вопросу о хозяйстве, который не учитывает классовых взаимоотношений в стране и ее международного положения. XIII Всесоюзная партийная конференция оценила выступление оппозиции, как «явно-выраженный мелкобуржуазный уклон» [1].

В руководстве хозяйством пролетарский авангард должен исходить из своей основной задачи—проведения пролетарской гегемонии по отношению к мелко-крестьянской экономике.— «Уметь поставить работу правильно, так, чтобы не отставать, чтобы во время разрешить трения, которые происходят, и не отрывать администрирования от политики,—вот в чем задача. Ибо наша политика и администрирование держатся на том, чтобы весь авангард был связан со всей пролетарской массой, со всей крестьянской массой. Если кто забудет про эти колесики, если он увлечется одним администрированием, то будет беда» [2].

Отрыв администрирования от политики и есть настоящее зло бюрократизма, открывающего двери враждебным пролетариату классовым влияниям.

— «Уничтожение классов—дело долгой, трудной упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает (как воображают пошляки старого социализма и старой социал-демократии), а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее» [3].

Первым этапом этой классовой борьбы была гражданская война и борьба против иностранной интервенции. Вторым этапом ее является борьба за пролетарское организационное руководство хозяйственным и культурным строительством. Империалистическая война 1914—18 годов подточила корни капиталистического господства во всем мире. Во время войны все общественное производство было приспособлено для целей военной борьбы. Каждая «страна

---

[1] Резолюции XIII конференции Р.К.П. (б.).

[2] Н. Ленин. Доклад о деятельности Ц. К. Р. К. П. на XI С'езде. Заседание 27 марта 1922 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 51.

[3] Н. Ленин. «Привет венгерским рабочим». 27 мая 1919 г. Собр. соч., т. XVI, стр. 227.

превратилась в фабрику для войны, и война сделалась продолжением народного хозяйства» [1].

Десятки миллионов тружеников промышленности и земледелия были перебиты и искалечены; десятки миллионов были выброшены из хозяйства и деклассированы; миллиарды вещественных ценностей были уничтожены, подорвана была продовольственная, сырьевая и топливная база крупной промышленности; подорваны были экономические связи между городом и деревней, поскольку ослабилось их материальное питание; разрушены были узы мирового обмена и международного разделения труда. Война в самой катастрофической форме вскрыла несоответствие и противоположность между капиталистическим присвоением и интересами сохранения и развития производительных сил.—Наряду с варварским разрушением производительных сил, происходило накопление фиктивного капитала в виде всякого рода долговых обязательств капиталистам на получение ими дохода в будущем. Бумажные деньги и военные займы, векселя и долги союзников,—все это было формой накопления фиктивного капитала. Какой-нибудь господин Маслов думает, что он проявляет чрезвычайное глубокомыслие, когда он пишет: «Война и революция дали возможность видеть на опыте, что интересы народного хозяйства не совпадают с интересами отдельных общественных групп и классов, поскольку эти классы в своих интересах стремятся увеличить непроизодительное потребление за счет производительного; что увеличение дохода отдельных групп хозяйств не ведет к увеличению дохода всего народного хозяйства, что увеличение доходов военного снаряжения сопровождалось уменьшением доходов народного хозяйства; что характер потребления национального дохода определяет и величину этого дохода и характер развития производительных сил. С другой стороны, революция в России, превратившая в период «военного коммунизма» миллионы отдельных хозяйств в одно народно-хозяйственное целое, регулируемое единой волей и властью, показала, что ради сохранения народного хозяйства приходится подчинять непосредственные интересы рабочего класса интересам народного хозяйства, что без такого подчинения народное хозяйство будет разрушено вследствие превышения потребления над производством, что национализация предприятий сама по себе без процесса накопления поведет к ликвидации этих предприятий, а

[1] Фр. Науман. Срединная Европа. 1918 г. Изд. «Огни», стр. 88.

следовательно, и к ликвидации национализированного предприятия. Словом, война и революция дала понятие о народном хозяйстве не как о простой сумме частных хозяйств, а как об особом организме, понятие о котором нельзя составить только из наблюдения частного хозяйства и частнохозяйственных отношений» [1].

— В силу «внеклассового» кретинизма у этого „суб'екта нет и намека на понимание разницы между исторической ролью буржуазии и пролетариата. Накопление фиктивного капитала во время войны есть следствие экономического паразитизма буржуазии, «потребительский» же коммунизм пролетариата периода гражданской войны был выражением необходимости спасения основной производительной силы общества.

Как раз империалистическая война показала, что общественное накопление в капиталистическом строе, выражающееся в накоплении капитала, на данной исторической ступени уже не служит причиной развития производительных сил, но, напротив, причиной их разрушения и гниения. Накопление фиктивного капитала во время войны означало рост капиталистической эксплоатации и буржуазного господства на фундаменте все более и более сокращающегося общественного производства [2].

Война нарушила равновесие между производством и потреблением в международных рамках, в пределах отдельных народных хозяйств, в области взаимоотношений между городом и деревней, в области взаимоотношений между тяжелой и легкой промышленностью, между производством средств производства и производством предметов потребления. Неравномерность и противоположность отдельных сторон и элементов экономического развития достигла вопиющих размеров. Но монополистический капитализм не был бы монополистическим капитализмом, если бы он не попытался отсрочить всеобщий кризис мирового хозяйства мерами воздействия сверху, чтобы ослабить силу и размах политических противоречий.

Шейдемановско-каутскианская «комиссия по социализации» в начале 1919 года с прискорбием отмечала: «Большинство (комиссии) полагает, что возврат (!) к капиталистической системе, которая бесспорно в состоянии была бы дать выдающиеся результаты в техническом и организационном отношении, невозможен по психо-

---

[1] Петр Маслов. Проблема продукции, стр. 7—8.
[2] См. Н. И. Бухарин. Экономика переходного периода.

логическим соображениям. Настроение рабочего класса таково, что никому не может прийти в голову поставить его вновь под иго капитализма» [1].

В военный период «война сделалась продолжением народного хозяйства»,—послевоенное народное хозяйство стало продолжением военной спекуляции.

«Ценою дальнейшего органического разложения хозяйственной системы (рост фиктивного капитала, падение валюты, спекуляция, вместо лечения хозяйственных ран) буржуазным правительствам удалось, совместно с банковскими концернами и промышленными трестами, отнести начало хозяйственного кризиса до того момента, когда политический кризис, вызванный демобилизацией и первоначальной оценкой последствий войны, начал уже спадать» [2].

«Промышленность почти полностью поглотила демобилизованных рабочих. Хотя заработная плата не могла в общем догнать повышения цен на предметы первой необходимости, однако, она поднималась непрерывно и создавала мираж хозяйственных успехов.

Именно высокая кон'юнктура 1919—20 годов, смягчившая острый ликвидационный период послевоенного времени, чрезвычайно усилила самоуверенность буржуазии и возбудила мысль о начале нового органического периода капиталистического развития» [3].

Если у нас, в период гражданской войны, печатный станок, по выражению тов. Преображенского, был «пулеметом, обстреливающим тылы капиталистической системы», то на Западе он сыграл роль елея гражданского мира, роль смазочного масла, временно обеспечивающего движение ржавых частей капиталистической машины.

Однако, в марте 1921 года последнее поражение германского пролетариата в первой революции совпало с началом открытого мирового кризиса капитализма.

Тов. Евг. Варга характеризовал его следующими основными чертами:

«Сущность кризиса заключается в отсутствии равновесия в мировом хозяйстве.

Нарушение его произошло по четырем разным причинам.

---

[1] См. А. Фишгендлер. Вопросы социализации и кооперации в германской революции, стр. 36.

[2] Тезисы 3 Конгресса о мировом положении и задачах Коминтерна. Цитируем по немецкому тексту.

[3] Там же.

1. Неравномерное развитие производительных сил во время войны в воюющих и в наживавшихся на войне странах. Мировое хозяйство распадается на две части: область перепроизводства (Америка, Япония, Англия) и область недопроизводства (Германия, Польша, Россия, Восточная Европа и т. д.).

2. Неравномерное развитие цен на промышленные и земледельческие товары в важнейшей области перепроизводства, в Соединенных Штатах [1].

3. Неприспособленность производства к изменившимся отношениям распределения в послевоенное время.

4. Нарушение разделения труда в мировом хозяйстве, благодаря индустриализации стран, бывших до сих пор аграрными» [2].

С экономической точки зрения спекулятивный под'ем 1919—20 г., облегчив переход от военно-государственного монополистического капитализма к «свободному» хозяйственному обороту, только помог разоблачению глубоких экономических противоречий, развитых войной до последней крайности.

«Во время войны, поглотившей так колоссально много военного материала, в Америке и других нейтральных капиталистических странах были произведены гигантские вклады капитала в производство военного материала. Эти вложения после окончания войны были переведены в мирное производство (машиностроительные, мебельные фабрики и т. п.). Производственный аппарат, таким образом, прежде всего в Соединенных Штатах, сильно расширился, и при этом обнаружилось относительное перепроизводство многих продуктов. Внутренний рынок Соединенных Штатов не мог принять возросшей, благодаря переходу на мирное производство, продукции, и прежде всего потому, что сельское население Соединенных Штатов, вследствие падения цен на земледельческие продукты, утратило большую часть своей покупательной способности.

Что же касается вывоза, то массовая поставка в войска Антанты прекратилась, — так же, как и государственные кредиты, делавшие возможным огромный сбыт американских товаров в Европе

[1] «Ножницы» в самой богатой стране капитализма!

[2] E. Varga. Die Krise der kapitalistischen Weltwirtschaft. 2-te Auflage. 1922. S.S. 47—48.

во время войны. Американские товары должны были вступить в соперничество с произведениями европейских и колониальных стран на свободном рынке. Если бы происходил обмен трудовой стоимости на трудовую стоимость или стоимости в золоте на стоимость в золоте (Goldewert), промышленность Америки, наверняка, вышла бы победительницей, ибо она производит все дешевле, чем новая промышленность колоний или промышленность опустившейся Европы. На деле вышло противоположное: продукты обедневшей Германии успешно конкурируют на мировом рынке с изделиями Соединенных Штатов или Англии [1].

Здесь лучше всего проявляется глубина нарушенного равновесия в мировом хозяйстве. Континентальная Европа ужасающе обеднела. Она бы все взяла из Америки: продовольствие, сырье, машины, фабрикаты. Но у ней собственно нет ничего взамен. Золота больше нет ни у кого. Расплачиваются бумажными деньгами. Однако, бумажные деньги теряют свою ценность, если страны, в которых они имеют хождение, не могут за них продавать товары [2]. Обесцененные бумажные деньги означают, однако,—дешевые мировые рыночные цены. И создается своеобразное положение, при котором продукты промышленности таких стран с плохой валютой и об'ективно [3] более дорогим производством, выраженные в золоте, дешевле, чем продукты американской промышленности» [4].

В мирное время монополисты применяли бросовый вывоз (Schleuderexport, dumping), то-есть по дешевке вывозили свои товары за границу, чтобы поддерживать высокие цены на них на внутреннем рынке или разорять своих заграничных конкурентов, или для обеих целей.

«Чем согрешили, тем и наказаны».

Весь вывоз разоренных войной стран сделался поневоле бросовым вывозом, подтачивающим производительные силы внутри их, подрывающим внутренний рынок и, в то же время, разорительным для самых богатых монополистов мирового хозяйства.

Советская монополия внешней торговли—мера самозащиты, абсолютно недоступная капиталистическим странам,—

---

[1] Так было до захвата Рура, лишившего Германию промышленной основы. Оттого американский и английский капитал и не был сильно «огорчен» этим захватом в первое время.

[2] Здесь не указана эмиссия, как источник обесценения.

[3] По своей трудовой стоимости.

[4] E. Varga. Ibid. S.S, 48—49—50—51.

представляет собой не только целесообразную революционную меру, но и исторически-необходимую меру защиты самостоятельности отсталых, слабых и разоренных стран. Охранить себя от всеобщей распродажи, в эпоху гниющего империализма, они другим путем не могут. «Новая буржуазия» — Стиннесы и Люшеры — это черви, которые изнутри раз'едают капитализм. С одной стороны, они продукт и носители монополистического капитализма; с другой стороны, — они представители той степени его разложения, когда капиталистическая монополия становится смертельным врагом всякой общественной организации, всякого народа, всякого хозяйства. Дурачек Каутский, сочиняя стадию «ультраимпериализма», не догадывался, какая жалкая и беспощадная каррикатура поджидает его детище в будущем. Стиннес—«ультра-империалист», так как он одинаково обогащается и на распродаже Германии, и на обогащении французских капиталистов от разорения Германии, и на режиме Версальского мира, и на его провале. Он—кондотьер финансового капитала. Он считает, что «капитал—это государство и государство—это тоже капитал», и, поэтому, он чеканит звонкую монету из краха германского империализма и из реакционных надежд на его возрождение [1], он охотно прибегает к государственной помощи французского капитала против немецких рабочих, но и не брезгует немецко-черносотенным рейхсвером. Он— «свой человек» и пайщик и у Секта—Людендорфа, и у Люшера [2], и у Хорти, и у Муссолини, и т. д.

Абсолютное недопроизводство—на одном полюсе мирового хозяйства, относительное перепроизводство—на другом.

В эпоху органического развития капитализма мировые кризисы только в национальных рамках обнаруживали противоречие между капиталистическим производством и общественными потребностями.

В эпоху империализма это противоречие как по форме, так и по содержанию становится международным.

Капитализм своим попятным, реакционным движением разрушает крупную промышленность. Международная зрелость социализма с экономической точки зрения вытекает именно из того факта, что в международном масштабе, в мировом хозяйстве, есть

---

[1] Из фашизма.

[2] Люшер во время войны был французским министром военного снабжения, а после войны выдвинулся, как французский Стиннес. Ныне он — глава «левого блока» (Эррио и др.).

крупная промышленность, созревшая для социализма и способная удовлетворить все потребности мирового хозяйства, но эта промышленность разрушается капитализмом.

Экономический анализ меньшевиков потому-то и хромает на все четыре ноги, что он берет вопрос о зрелости социализма исключительно в национальных рамках, а не в международном масштабе.

Международная постановка вопроса о зрелости социализма дала возможность товарищу Ленину, как никому другому, конкретизировать, упростить и сделать для всех самоочевидной историческую задачу пролетарской революции. — «Поскольку крупная промышленность в мировом масштабе есть, постольку, бесспорно, возможен переход к социализму, и никто не опровергнет этого факта, как не опровергнет того, что эта крупная промышленность либо задыхается и создает безработицу в самых цветущих и богатых странах—победительницах, либо только и делает, что фабрикует снаряды для истребления людей» [1].

Из международного характера пролетарской революции с неизбежностью следует ее обусловленность международными экономическими отношениями.

Из той формы этих отношений, которая была создана первой империалистической войной, следует историческая необходимость для пролетариата об'единить в международном масштабе под своим революционным руководством крестьянские массы и угнетенные нации.—«Если взять в мировом масштабе, такая цветущая, крупная промышленность, которая может снабдить мир всеми продуктами, имеется на земле, но только ее не умеют пускать в ход иначе, как только для того, чтобы строить пушки, делать снаряды и прочие орудия, с таким большим успехом примененные в 1914—1918 г.г... Вот почему она служила для дела фабрикации искалеченных людей, и у нее не осталось времени для снабжения крестьян своими продуктами...

На земле есть страны с такой передовой промышленностью, которая может сразу снабдить сотни миллионов отсталого крестьянства. Мы кладем это в основу своих расчетов» [2].

[1] Н. Ленин. Доклад на IX Всероссийском С'езде Советов.—Заседание 23 декабря 1921 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 436.
[2] Н. Ленин. Там же. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 433—434.

— Тут Ильич дал замечательную формулировку идеи международной смычки между пролетариатом и крестьянством, идеи пролетарской гегемонии по отношению к крестьянским массам в международном масштабе, подведя под него бесспорный экономический фундамент.

Международное Крестьянское Об'единение, основанное в Москве в 1923 году, — практический приступ к осуществлению зтой идеи.

Разразившийся в 1921 году кризис заставил союзный империализм пустить в ход полностью машину Версальского грабежа, которая до тех пор работала больше под сурдинку из боязни революционного взрыва и победы пролетариата, прежде всего, в Германии.

На Втором Конгрессе Коммунистического Интернационала Владимир Ильич сказал про Версальский мир:

«Мы имеем в мировой истории первый случай юридического закрепления грабежа, рабства, зависимости, нищеты и голода по отношению к миллиарду с четвертью людей» [1].

Период 1921—1923 годов охватывает процесс неумолимого превращения самой передовой в смысле социалистической зрелости европейской страны—Германии, в колонию, рабскую плантацию чужеземного империализма. Еще 5 мая 1918 года т. Ленин, с пророческой прозорливостью доказывал неизбежность союза между российской и германской пролетарской революцией: «История (от которой никто, кроме разве меньшевистских тупиц первого ранга, не ждал, чтобы она гладко, спокойно, легко и просто дала «цельный» социализм) пошла так своеобразно, что родила к 1918 году **две разрозненные половинки социализма,** друг подле друга, точно два будущих цыпленка **под одной скорлупой международного империализма.** Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических, производственных, общественно-хозяйственных, — с одной стороны, и политических условий социализма—с другой стороны.

Победоносная пролетарская революция в Германии сразу, с громадной легкостью разбила бы всяческую скорлупу империализма (сделанную, к сожалению, из лучшей стали и потому не разбивающуюся от усилий всякого... цыпленка), осуществила бы

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVII, стр. 261.

победу мирового социализма наверняка, без трудностей или с ничтожными трудностями,—конечно, если масштаб «трудного» брать всемирно-исторический, а не обывательски-кружковый.

Пока в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача—учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства» [1].

В 1918 году две половинки социализма находились под скорлупой германского империализма. Поражение последнего на западном фронте и ноябрьская революция 1918 года уничтожили эту скорлупу. Но ее заменила скорлупа Версальского мира, которая страной Советов была пробита благодаря победе в гражданской войне, но которая сковала германскую пролетарскую революцию.

Смычка между Советским Союзом и Германией является исторической необходимостью, продиктованной исходом первой империалистической войны и всем развитием мирового хозяйства. Расхищая германское народное хозяйство версальский империализм и немецкая новая послевоенная буржуазия «убивают будущее общество во чреве матери», как когда-то выражался Маркс по отношению к Англии. Изгнание Советской России и Германии из международного хозяйственного оборота составляет основу Версальского мира. Однако, именно, эта основа международного грабежа не может быть прочной и устойчивой.

«Продукты расширенного производственного аппарата не могут найти сбыта на международном рынке.

Отсюда относительное перепроизводство товаров в Америке, Японии [2] и Англии, которые по отношению к континентальной Европе находятся в том же положении, что и Соединенные Штаты по отношению к Европе в целом. Это относительное, с точки зрения мирового хозяйства, перепроизводство в странах «здорового» капитализма служит следствием недопроизводства

[1] Н. Ленин. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Собр. соч., т. XV, стр. 268.

[2] Землетрясение 1923 г. несколько изменило это положение.

в Срединной и Восточной Европе и исключения России из мирового оборота» [1].

Умереннейший буржуазный либерал — Франческо Нитти должен был признать, что «вместо того, чтобы подготавливать обширные федерации государств, Европа разлагается, нанося ущерб всему мировому хозяйству. Можно допустить, — не удаляясь слишком от истины,—что, в то время, как Европа составляла до войны немногим больше четвертой части населения земного шара, на ее долю приходилось больше половины всех главных продуктов обмена. В силу этого европейский кризис распространился на другие континенты, и сколько нибудь длительное равновесие не будет возможно до тех пор, пока не будут восстановлены (!) те начала демократии (!!) и справедливости (!!!), которые столь явно попраны серией мирных договоров, еще более насильнических, чем сама война» [2].

Дж. М. Кейнс, Нитти, Норман Анджелли — представители буржуазного пацифизма, рассчитывающего устранить противоречия империализма путем международного сговора между капиталистами. Германия и Советский Союз представляют из себя географический узел всей послевоенной международной политики. И этот узел противоречий империализма способна разрубить лишь международная пролетарская революция в союзе с угнетенными крестьянскими массами колоний и разоренных европейских стран.

Версальский мир создал новую почву для дальнейшего паразитического гниения международного капитализма и для новых империалистических войн и захватов.

Обетованная земля финансовой олигархии—Франция за время войны сильно индустриализировалась. С помощью Версальского мира она окружила себя рядом мелких государств - вассалов, отдав им под начало ряд угнетенных национальностей. Не будучи в силах проглотить всю Европу целиком, она разбила ее на клетки, чтобы через Польшу, Чехо-Словакию, Юго-Славию, Румынию и т. д. проводить свое военно-политическое и экономическое господство над всей Европой. Захватом Рура она по-

---

[1] E. Varga. Die Krise der kapitalistischen Weltwirtschaft. 2-te Auflage. s. s. 52—53.

[2] Ф. Нитти. Европа без мира. Русск. пер. со 2-го итальянского издания. Берлин, стр. 25—26.

пыталась соединить железную руду Лотарингии с немецким углем и, тем самым, подготовить фундамент для своего промышленного господства над Европой.

— «Когда 11 ноября 1918 года перемирие освятило возврат Эльзаса в рамки исторического единства французской нации, с одного до другого конца нашей территории все думали и произносили одну фразу, полную для нас глубокого смысла: «Наконец, мы снова вернули наш рейнский барьер!»

Однако, сейчас материальное значение Рейна видоизменяется; старое представление о «рейнском барьере» уступает место более современной идее «рейнского пути». В самом деле, Рейн может и должен быть для Франции одновременно и барьером, противопоставленным нападениям, идущим с Востока, и орудием транспортной связи, обеспечивающим нам экономические сношения между Севером и Югом, Югом и Севером.

Пришло время осуществить, путем использования Рейна пятой французской реки, прямую связь — через Францию, между Северным морем и Средиземным морем. Ибо забота о нашем благосостоянии требует, чтобы мы скорее установили великий торговый путь Антверпен-Страсбург-Марсель-Алжир-Тимбукту...

Африканские запасы позволят Франции, Бельгии, Швейцарии, а также и Италии избежать немецкого экономического преобладания. Конго перебьет успех Эльбе. Пшеница, хлопок, каучук, лес и все произведения Африки должны будут скапливаться на линии Марсель—Лион—Страсбург—Антверпен путем правильной доставки и в тысячах и миллионах тонн.

Франция и Бельгия этим способом улучшат свой обмен и гарантируют себе снабжение. Швейцария будет получать от этой артерии все, что ей не хватает и что она должна приобретать, чтобы жить. Италия, через эту же артерию, через Марсель—Геную и Марсель—Неаполь получит уголь, руду, отсутствие которого ставило ее в зависимость от Германии [1], фосфаты, в которых нуждается земля; и в обмен по тому же водному пути она пошлет свою сицилийскую серу на наши поля и заводы Востока и Севера» [2].

---

[1] Уголь Италия получает от Англии.

[2] Georges G. Toudouze. Une voie navigable Anvers—Marseille.—«Revue des deux mondes». 1 Juillet, P. 1923.

С другой стороны, этот водный путь будет проводником господства лотарингской металлургии.

— Проект этот, к осуществлению которого уже частично приступлено по своему империалистическому замыслу, вполне смахивает на немецкую железнодорожную линию Гамбург — Берлин—Багдад.

Он метит не только на полное превращение Германии во французскую колонию, отброшенную от столбовой дороги европейской торговли, но и на окончательное изгнание Англии из Европы. Бельгийский порт Антверпен должен перенять всю морскую торговлю голландского Роттердама и немецкого Гамбурга, бывших узловыми пунктами германской торговли с колониями и европейскими воротами английского ввоза. Эльба и Рейн—Майн—Дунай—вот путь немецкой торговли, пропускающий также и английские товары. Проект инженера Эмиля Бертена рассекает эту водную сеть и Кельну, кстати сказать оккупированному после перемирия англичанами, противополагает Страсбург, как центральный европейский речной порт, соединенный рядом каналов с бельгийской водной сетью и Роной. Экономическим планам французского империализма соответствует и его военная программа. После войны «Англия перестала быть островом», поскольку французский империализм перевесил военно-морское преобладание английского империализма своим военным господством в воздухе и усовершенствованием своей артиллерии, могущей бить с суши по британским островам.

Борьба за новый передел Европы между английским и французским империализмом—таков ближайший «хозяйственный план», выдвинутый Версальским миром. Английская колониальная база чрезвычайно ослаблена войной, поскольку война 1914—1918 г.г., изолировав колонии от метрополии, быстро толкнула вперед капиталистическое и революционное развитие Индии, Египта и т. д. [1].

На море Америка является первой мировой державой, не говоря уже об ее экономическом могуществе, притягивающем к себе английские Канаду и Австралию. Америка борется на почве созданного Версальским миром международного положения за господство на Тихом океане и Дальнем Востоке, в первую голову против Японии, а также

[1] Как раз по этой причине проекты густопсовых английских консерваторов о перенесении британской столицы в Дели—поближе к Центральному месту грабежа, в Индию!—обречены остаться утопией.

и против Англии, укрепляющей свою флотскую базу в Сингапуре на случай столкновения с Америкой. Американский империализм в послевоенный период пытался уйти от Европы, отдавшись грабежу и эксплоатации Центральной Мексики, прежде всего[1] и Южной Америки. Но крупнейшее государство Южной Америки — Аргентина — до сих пор жила эксплоатацией европейского рынка, и, поэтому, американский империализм вынужден снова и снова возвращаться к европейской проблеме.

Империалистическая война и пролетарская революция — вот две возможности, два пути, два способа исторического развития после Версаля. В конечном счете борьба двух этих путей, из которых один ведет к окончательному распаду мирового хозяйства и промышленной культуры, а другой к освобождению труда, определяет всю экономику и политику нашей эпохи.

Однако, никоим образом нельзя забывать, что в эту борьбу вклинивается ряд переходных ступеней, вплетается ряд переходных явлений, что империализм есть гниющий капитализм, своим разложением выводящий на арену международной борьбы те силы, которые до сих пор дремали под его спудом.

Возражая т. Бухарину, несколько упускавшему это из виду, т. Ленин говорил на VIII С'езде РКП в марте 1919 года: «Если бы перед нами был цельный империализм, который насквозь переделал капитализм, наша задача была бы во сто тысяч раз легче. Это давало бы такую систему, когда все подчинялось бы одному финансовому капиталу. Тогда оставалось бы только снять верхушку и передать остальное в руки пролетариата. Это было бы чрезвычайно приятно, но этого нет в действительности. Развитие действительности таково, что приходится поступать совершенно иначе.

---

[1] Господство над мексиканской нефтью — важнейшая опора американской мировой гегемонии. Нефть всюду вытесняет во флоте уголь, как более дешевое и легко-перевозимое топливо. Это ее качество позволяет судам, отапливаемым нефтью, оставаться в открытом море гораздо больший срок, чем при снабжении судовых машин углем, что для военных операций дает абсолютное преимущество. — «Американский мазут в топке больших судов — это, может быть, конец британской империи!» — Francis. Delaisi Le Petrole. Paris. 1921, page 42.

Империализм есть надстройка над капитализмом[1]**. Когда он разрушается, приходится иметь дело с разрушением верхушки и обнажением основания.** Вот почему наша программа если она хочет быть верной, должна сказать то, что есть. **Есть старый капитализм, который в целом ряде области дорос до империализма. Его тенденции—только империалистические.** Коренные вопросы можно рассматривать только с точки зрения империализма. Нет ни одного крупного вопроса внутренней или внешней политики, который мог бы быть решен иначе, как с точки зрения этой тенденции. Программа не об этом сейчас говорит. В действительности существует громаднейшая подпочва старого капитализма. Есть надстройка империализма, которая привела к войне, и из этой войны вытекло начало диктатуры пролетариата. Из этой фазы вы не выскочите. Этот факт характеризует самый **темп развития пролетарской революции во всем мире** и останется фактом много лет.

Западно-европейские революции, может быть, пройдут более гладко, но все же для реорганизации всего мира, для реорганизации большинства стран потребуется много и много лет. А это означает, что в тот переходный период, который мы переживаем, мы из этой мозаичной действительности не выскочим. Эту составленную из разнородных частей действительность отбросить нельзя, как бы она не изящна ни была. Неверна будет программа, составленная иначе, чем она составлена. Мы говорим, что пришли к диктатуре. Но надо же знать, как пришли. Прошлое нас держит, хватает тысячами рук и не дает шага вперед ступить или заставляет делать эти шаги так плохо, как мы делаем. Чтобы понять, в какое положение мы попадаем, надо сказать, как мы шли, что нас подвело к самой социалистической революции. Нас подвел капитализм в его первоначальных товарно-хозяйственных формах. Надо все это понимать, потому что, только учитывая действительность, мы сможем разрешить такие вопросы, как, скажем, отношение к среднему крестьянству. На самом деле, откуда мог взяться средний крестьянин в эпоху **чисто**-империалистического капитализма? Ведь даже

---

[1] Теорию империализма т. Розы Люксембург этого-то и не учитывала, смешивая под одним названием империализма все исторические ступени капитализма. Политические ошибки этого гениального революционера были обусловлены только этой неверной экономической теорией.

в странах просто капиталистических его не было. Если мы будем решать вопрос о нашем отношении к этому чуть ли не средневековому явлению (среднему крестьянству), стоя исключительно на точке зрения империализма и диктатуры пролетариата, мы много набьем себе шишек. Если же нам менять свое отношение к среднему крестьянину, —тогда и в теоретической части потрудитесь сказать, откуда он взялся, что он такое. Он есть мелкий товаропроизводитель. Вот та азбука капитализма, которую—сказать нужно, потому что мы из этой азбуки все еще не вылезли. От этого отмахнуться и сказать: «зачем нам заниматься азбукой, когда мы финансовый капитализм изучаем!»—это в высшей степени не серьезно. То же самое я должен сказать по отношению к национальному вопросу» [1].

В своей книжке «Пересмотр мирного договора» Джон Майнард Кейнс писал: «Упорядочение отношений может произойти отчасти, если Соединенные Штаты займут то место, которое доныне принадлежало Англии, Франции и (в меньшей степени) Германии в смысле снабжения капиталами новых частей света, еще не столь развившихся, как она, а именно—британских доминионов и Южной Америки. Также и Россия, Европейская и Азиатская, является девственной почвой, которая через некоторое время может послужить для приложения капитала... Однако таким способом едва ли удастся перекинуть мост через всю образовавшуюся пропасть. Рано или поздно должно произойти изменение баланса экспорта и импорта, и, вероятно (?!), оно наступит скоро. Америка должна начать покупать больше и продавать меньше» [2].

—Эти добренькие упования на американского дядюшку, рвущиеся из души идеолога английской свободной торговли, — недурной образчик обнажения подпочвы старого капитализма из-под кракающей империалистической надстройки. Такие же вздохи слышатся и с французской стороны: «Во Франции мелкая буржуазия является основой страны в большей степени, может быть, чем в Германии, в той же степени, как и в Англии. Близкая к ши-

---

[1] Н. Ленин. Речь о партийной программе. Заседание 19 марта 1919 г. Собр. соч., т. XVI, стр. 115—116.

[2] Джон М. Кейнс. Пересмотр мирного договора. Москва 1922 г. Пер. Кончаловского, стр. 101—102.

роким слоям населения, успешно достигшая некогда, в течение нескольких поколений, известного материального благополучия, проникнутая честностью и духом экономии, мелкая буржуазия являлась громадных резервом национальных сил» [1].

В настоящее время она находится в упадке, как и средние классы Англии» [2].

Этап международной политики, озаглавленный «Генуя—Гаага», был попыткой английского империализма частично и на время отступить на позиции старого капитализма, черпающего свою силу в «свободной» конкуренции, чтобы восстановить европейский рынок для сбыта английских товаров. Однако, поскольку Ллойд-Джордж и компания не смели решиться на взаимное аннулирование межсоюзных долгов и отказ от взыскания репараций с Германии и царских долгов и частновладельческих убытков с Советской России, вся эта попытка неизбежно должна была кончиться увеличением раздора между пайщиками версальского грабежа и ростом международного значения Советской России, что и выразилось в захвате Рура Пуанкаре в начале 1923 года, в новой конкуренции вооружений на суше, на море и в воздухе, и в Рапалльском договоре между Советской Россией и Германией.

Империализм, как надстройка над капитализмом, подчиняет себе фундамент старого капитализма и непрерывно разрушает его, стремясь путем военного разбоя и колониального паразитизма распутать клубок порожденных им противоречий.

За период 1921—начала 1924 года французский империализм обнаружил это с наибольшей отчетливостью, придя в тупик финансового кризиса и международной неразберихи.

Он поставил ставку на восстановление Европы под его гегемонией за счет германского рабочего, обращенного в колониального раба и получавшего уже в начале 1923 года только одну шестую часть заработка американского рабочего.

Энгельс в свое время писал об исключительном качестве китайского колониального раба,—«превосходящего всех способностью жить отбросами» [3].

Французский империализм стремится привить это качество немецкому пролетарию.

---

[1] Читай: оплотом финансовой олигархии.
[2] Ж. Кайо Куда идет Франция? Куда идет Европа? Госизд., стр. 101.
[3] Письмо Фр. Энгельса к Г. Шлютеру, 30 марта 1892 г.

За время рурской оккупации ему удалось перевести в разряд резервной армии труда большинство германского рабочего класса, удалось перенести ужасы голода в Поволжьи в самую промышленную страну Европы.

Но одновременно он надорвался и сам. Французский франк, который при заключении перемирия шел за все 100% своей стоимости, упал до одной пятой ее.

Французская финансовая олигархия до войны питалась и жирела от сбережений и поддержки мелкой буржуазии. После войны на это мелкобуржуазное большинство страны со всей силой и беспощадностью навалился налоговый пресс государства — рантье, которому нужны деньги для военно-колониального закабаления Европы. Мелкие держатели лишились своих вкладов в русские займы, они были обмануты в своих надеждах на то, что «немец заплатит». Оттяпав Рур, французский крупный капитал, в лице пресловутого «Комитета Металлургии» (Comité des Forges), вознаградил себя натурой. Зато на руках мелких рантье не осталось ничего, кроме фиктивных обязательств.

Индустриализация Франции и победа империализма уничтожили «гармонию интересов» между мелкими буржуа и финансовым капиталом. Французский финансовый капитал переменил свою оболочку, став из ссудно-ростовщического банковско-промышленным.

Победа увенчала его лаврами. Не сразу убедился мелкий буржуа, что этих лавров в суп не положишь. Даже провал союзнической интервенции в России не мог вывести его из безмятежного состояния. Но Рур его взбудоражил. Он увидел, что врастание французского капитализма в империализм привело к его гибели.

«Левый блок», за спиной которого стоит Люшер, есть попытка «спуска на тормозах», со стороны французского империализма, оторвавшегося от своей мелкобуржуазной «питательной базы».

Но слишком долго французский капитализм обходил историю. Теперь история зашла ему с тылу. В 1848 и 1871 г.г. «деревенщина» отстояла от пролетариата буржуазный порядок во Франции. Теперь эта «деревенщина» и городская мелкая буржуазия подают сигнал тревоги и ищут союзника в рабочем движении.

Рецидивы, периодическое возрождение буржуазного пацифизма в международной политике есть следствие разрушения империалистической надстройки и обнажения ее базы.

Со стороны империалистических верхов это—только попытки получения временной передышки для подготовки новых империалистических авантюр, для временного «полюбовного» соглашения о переделе награбленного.

Вставшее у власти в Англии в январе 1924 г. правительство «Рабочей Партии» со всей откровенностью выступило в защиту проекта «демилитаризации» и «нейтрализации» Рейнской и Рурской областей, что означает окончательное отнятие их у Германии и раздел их на «сферы влияния» между английским и французским империализмом.

Макдональдовское правительство так же, как и признание Советского Союза Англией, Италией, Норвегией и т. д. знаменует, что международный капитализм вступил в новую фазу кризиса, ослабить который буржуазия пытается с помощью хотя бы коротенькой передышки. В этих условиях становится вероятным вмешательство Америки в европейские дела. До сих пор она выжидала, обеспечивая свои международные позиции к тому моменту, когда буржуазная Европа будет вынуждена целиком принять ее диктатуру [1].

Второй Интернационал абсолютно встал на почву империализма. Гамбургский Конгресс его громогласно признал, что «восстановление разрушенных областей является одной из важнейших предпосылок материального (!) и духовного (!!) умиротворения Европы: при этом не подлежит сомнению, что тяжесть этого восстановления ложится на Германию, в виду того, что оно является ее нравственным долгом (!)» [2].

В обстановке послевоенного мирового кризиса капитализма всем народам приходится делать выбор между пролетарской революцией и диктатурой империализма.

Советский Союз, первый вырвавшийся из цепей империалистического рабства, по самому своему географическому положению является мостом между западно-европейской пролетарской революцией и колониальной революцией на Востоке. Его внутреннее общественно-классовое строение служит примером международной смычки между пролетариатом и крестьянством.

Возрождение Советского государственного хозяйства, уже вынудившее международный капитализм принять и признать включение Советского Союза в мировой хозяйственный

[1] Англия уже договорилась с Америкой о выплате ей военных долгов. Последний проект комиссии экспертов юридически превращает всю Германию в целом в колонию англо-американско-французского капитала.

[2] „Воля России". Июль. № 12. 1923 г. Резолюции Гамбургского Конгресса.

оборот, представляет разительное доказательство того, что в эпоху распадающегося капитализма пролетарское руководство хозяйством есть экономическая необходимость.

Революционная классовая борьба обеспечит победу этой экономической необходимости над всеми разрушительными силами старого общества.

IX.

Коммунистическая партия, Советское государство и рабочий класс.

«В десятилетие, предшествовавшее возникновению мировой войны, в германской социал-демократии, этой метрополии интернационала и духовной жизни пролетариата, во всеобщем упадке как в области теоретической, так и в области практической обнаружилась полная гармония: и тут и там чувствовались та же беспомощность и то же окостенение, и не что иное, как тот же империализм в качестве явления, безраздельно господствующего над всей общественной жизнью, победил как политический, так и теоретический генеральный штаб социал-демократии» [1].

Для всего довоенного Второго Интернационала были одинаково характерны и теоретическое игнорирование проблемы пролетарской диктатуры и такое же теоретическое пренебрежение к проблеме организации пролетарского авангарда—партии.

Тактика, цеплявшаяся только за частичные противоречия капиталистического строя, была отделена китайской стеной от теории, видевшей свою задачу исключительно в «чистой» пропаганде.

Ересью казалась теоретическая, принципиальная постановка вопроса о партии, как об узловом пункте классовой борьбы.

Вопрос о партии обсуждался только с точки зрения тактических расчетов.

Еще и сейчас даже в коммунистической среде часто не отдают себе ясного отчета в принципиально-теоретическом значении вопроса о партии, принося обильную дань предрассудкам «катедер-социализма», не допускающим такого тесного сближения между наукой и классовой борьбой.

---

[1] Р. Люксембург. «Накопление капитала или—что эпигоны сделали из теории Маркса (Антикритика)». Пер. Ш. Дволайцкого, стр. 102—103.

Партийная организация и партийное строительство — это, полагают, область тактики и только тактики!

Случается даже, что в теоретическом исследовании проблемы государственной власти, проблемы пролетарской диктатуры, минуют и обходят вопрос о партии, хотя и с практической и с теоретической точки зрения существование пролетарской диктатуры немыслимо без правильного и организованного партийного руководства.

Мертвое и тут хватает живое.

Предрассудки мирной парламентской эпохи и здесь мешают движению вперед.

А между тем, всемирно-историческая роль товарища Ленина есть непосредственный результат его значения, как строителя и организатора первоклассного пролетарского авангарда. Ни завоевание, ни оборона, ни укрепление пролетарской диктатуры в России не были бы возможны без Р.К.П. (б).

В резолюции II Конгресса Коммунистического Интернационала, составленной при ближайшем участии Владимира Ильича, говорится:

«Коммунистический Интернационал самым решительным образом отвергает тот взгляд, будто пролетариат может совершить свою революцию, не имея своей самостоятельной политической партии. Всякая классовая борьба есть борьба политическая. Цель этой борьбы, неизбежно превращающейся в гражданскую войну, — есть завоевание политической власти. Однако, политическая власть не может быть взята в руки, организована и направлена иначе, как той или другой политической партией. Только в том случае, если у пролетариата имеется, в виде руководителя, организованная и испытанная партия со строго определенными целями и конкретно выработанной программой ближайших действий как в области внутренней, так и внешней политики, — завоевание политической власти не явится случайным эпизодом, а послужит отправной точкой длительного коммунистического строительства пролетариата,

Та же классовая борьба требует об'единения в одном центре и общего руководства разнообразными формами движения пролетариата (профсоюзы, кооперативы, фабзавкомы, культурно-просветительная работа, выборы и т. п.). Таким общим об'единяющим и руководящим центром может быть только политическая партия. Отказ от ее создания и укрепления и от подчинения ей обозначает отказ от единства в руководстве отдельными бое-

выми отрядами пролетариата, действующими на различных аренах борьбы. Наконец, классовая борьба пролетариата требует концентрированной агитации, освещающей различные этапы борьбы с единой точки зрения и сосредоточивающей внимание пролетариата в каждый данный момент на определенных, общих для всего класса задачах. Это не может быть выполнено без центрального политического аппарата, т. е. вне политической партии» [1].

Партия представляет централизованную политическую силу рабочего класса.

«Уничтожить классы — значит не только прогнать капиталистов и помещиков — это мы сравнительно легко сделали, — это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелкобуржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелко-буржуазной бесхарактерности, раздробленности, индивидуализма, переходов от увлечений к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри коммунистической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его **главная** роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов — самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на нее, вести успешно такую борьбу невозможно. Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют те самые результаты, которые нужны буржуазии, которые реставрируют буржу-

[1] Резолюции и устав Коминтерна. — Резолюция о роли коммунистической партии в пролетарской революции.

азию [1]. Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата» [2].

Не случайно, что международный меньшевизм с особенной злобой и ненавистью набрасывается на революционную пролетарскую партию, как на своего главного врага.

«Власть организованного в партии меньшинства данного класса (или их союза) во имя действительных интересов этого класса (или классов)» — злопыхательствовал г-н Мартов, — «есть менее всего нечто новое, вытекающее из противоречий новейшей фазы капитализма, нечто принципиально отличающее новые революции от старых. Напротив диктатура такого меньшинства есть то общее, что роднит нынешние революции с революциями предыдущей исторической эпохи. По отношению к этой сущности механизма государственного управления та форма, в которую она в силу данных исторических условий, вылилась, — форма советов, — является уже относительно — второстепенным.

В самом деле. Проведение революции через диктатуру партийного меньшинства мы имеем и в французских событиях 1792—94 годов в виде диктатуры партии якобинцев. Об'единяя наиболее активные и наиболее «левые» элементы мелкой буржуазии, пролетариата, деклассированной интеллигенции и люмпен-пролетариата, якобинская партия осуществляла свою диктатуру через сеть различных учреждений — коммун, секций, клубов, революционных комитетов. Производственные единицы типа наших (!) Советов совершенно отсутствовали в этой сети. Напротив, в сети учреждений, проводящих диктатуру партийного меньшинства в нынешних революциях, мы, рядом с учреждениями якобинской диктатуры (партийные ячейки ничем (!?) не отличаются от якобинских клубов, ревкомы 1794 и 1919 годов совершенно однородны (!!!), комитеты бедноты выдерживают (!) аналогию с теми комитетами и клубами, на которые якобинская диктатура опиралась в деревне, создавая их преимущественно из бедняков), встречаем советы, фабрично-заводские комитеты и профессиональные центры, как нечто специфическое, налагающее особую печать на революции нашего времени.

---

[1] Подчеркнутое в последней фразе—курсив Вл. Ильича.

[2] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Собр. соч., том XVII, стр. 135—136.

В этом, конечно, сказывается то влияние, которое на содержание и ход революции оказывает пролетариат крупной промышленности. И, однако (!), это ни в малой мере не мешает тому, что и эти, чисто-классовые, пролетарские по происхождению органы, выросшие из самих условий современной промышленности, точно так же служат аппаратом проведения диктатуры определенного партийного меньшинства, как и имевшие совершенно другие корни органы якобинской диктатуры 1792—94 годов.

В конкретных российских условиях эта партийная диктатура в первую голову отражает интересы и настроения именно пролетарских слоев населения; еще более это будет верно при упрочении власти Советов в более передовых промышленных странах»[1].

— Это что называется, начал за упокой и, поневоле, кончил за здравие.

Мартов здесь повторил тот же оппортунистический взгляд на организацию рабочей партии, который он отстаивал на 2-м С'езде и который, в конце концов, привел его в ряды буржуазно-помещичьей контр-революции.

Тогда еще Ильич его разоблачил полностью: «Каждый стачечник должен иметь право об'явить себя членом партии. Этим положением тов. Мартов[2] сразу доводит свою ошибку до абсурда, принижая социал-демократизм до стачкизма, повторяя злоключения Акимовых[3]. Мы можем только радоваться, если социал-демократии удастся руководить каждой стачкой, ибо прямая и безусловная обязанность социал-демократии руководить всеми проявлениями классовой борьбы пролетариата, а стачка есть одно из глубочайших и наиболее могучих проявлений этой борьбы. Но мы будем хвостистами[4], если допустим отожествление такой первоначальной, ipso facto[5] не более, как трэд-юнионистской формы борьбы с всесторонней и сознательной социал-демократической борьбой. Мы будем оппортунистически узаконять заведомую фальшь, если дадим право каждому стачечнику «об'являть себя членом партии», ибо такое «об'явление» в массе случаев будет об'явлением

[1] Ю. Мартов. Мировой большевизм, стр. 39—40.
[2] Тогда он еще был товарищем.
[3] Наиболее буржуазный представитель «экономизма».
[4] Так называли «экономистов», обращавших рабочее движение в охвостье либерализма.
[5] Тем самым.

ложным. Мы станем убаюкивать себя маниловскими мечтами, если вздумаем уверять себя и других, что каждый стачечник может быть социал-демократом и членом социал-демократической партии при том бесконечном раздроблении, угнетении и отуплении, которое при капитализме неизбежно будет тяготеть над очень и очень широкими слоями «необученных», неквалифицированных рабочих. Именно на примере «стачечника» особенно ясно видна разница между революционным стремлением социал-демократически руководить каждой стачкой и оппортунистической фразой, об'являющей членом партии каждого стачечника» [1].

И далее, опровергая фразу Мартова о том, что противоядием против подпольно-«заговорщической» организации, вынужденной условиями борьбы с царизмом, должна быть «широкая рабочая партия», Ильич писал: «Чтобы быть социал-демократической партией, надо добиться поддержки именно класса [2]. Не партия должна облекать заговорщическую организацию, как думал т. Мартов, а революционный класс, пролетариат, должен облекать партию, включающую в себя и заговорщические и незаговорщические организации» [3].

Накануне октября, разбивая «новожизненские», меньшевистские «сомнения», т. Ленин со всей четкостью характеризовал роль партии, как рычага революции:

«Пролетариат не сможет, говорят нам, привести в движение государственный аппарат.

Россией управляли после революции 1905 года 130.000 помещиков, управляли посредством бесконечных насилий над 150 миллионами людей, посредством безграничных издевательств над ними, принуждения, огромного большинства к каторжному труду и полуголодному существованию.

И Россией, будто бы не смогут управлять 240.000 членов партии большевиков, управлять в интересах бедных и против богатых? Эти 240.000 человек имеют за собой уже теперь не менее 1 миллиона голосов взрослого населения... Вот у нас уже «государственный аппарат» в 1 миллион людей, преданных социалистическому госу-

---

[1] Н. Ленин. «Шаг вперед, два шага назад». Собр. соч., т. V, стр. 351—352.
[2] Курсив т. Ленина.
[3] Там же. Собр. соч., т. V, стр. 353.

дарству идейно, а не ради получения 20 числа ежемесячно-крупного куша.

Мало того, у нас есть «чудесное» средство сразу, одним ударом удесятерить наш государственный аппарат—средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это чудесное средство — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством» [1].

«Главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны «социалистов» (читай: мелкобуржуазных демократов) II Интернационала состоит в непонимании того, что государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии и у мелкобуржуазных партий» [2].

Меньшевизм, не понявший пролетарской гегемонии в революции и развивавшийся в борьбе именно с этой идеей, естественно, не мог понять и сущности пролетарской диктатуры: организаторской роли пролетарского авангарда в деле строительства советского государства, организаторской роли пролетариата в целом по отношению к непролетарским слоям трудящихся.

Отличие якобинской мелкобуржуазной диктатуры 1793 года от пролетарской диктатуры состоит отнюдь не в отказе от организации народных масс под руководством победившего класса, но как раз наоборот, — в их организации под руководством пролетариата, то-есть того класса, которого почти не было в 1793 году.

Якобинская диктатура дала образец организации революционной власти в обстановке ожесточенной войны классов. Но чего ей не хватало для того, чтобы выйти из рамок героического эпизода истории, так это прочной классовой основы, которая может быть только у одного революционного класса — у пролетариата, подготовляемого всем ходом классовой борьбы к роли организатора революционного общества.

«Капитализм не был бы капитализмом, если бы он, с одной стороны, не осуждал массы на состояние забитости, задавлен-

[1] Н. Ленин. Удержат ли большевики государственную власть? Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 236.

[2] Н. Ленин. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата. Собр. соч., т. XVI, стр. 447.

ности, запуганности, распыленности (деревня), темноты,—если бы он (капитализм), с другой стороны, не давал буржуазии в руки гигантского аппарата лжи и обмана, массового надувания рабочих и крестьян, отупления их и т. п.

Поэтому вывести трудящихся из капитализма к коммунизму способен только пролетариат. О решении наперед со стороны мелкобуржуазной или полумелко-буржуазной массы трудящихся сложнейшего исторического вопроса: «быть вместе с рабочим классом или с буржуазией» нечего и думать. Неизбежны колебания непролетарских трудящихся слоев, неизбежен их собственный практический опыт, позволяющий сравнить руководство буржуазии и руководство пролетариата.

Вот это обстоятельство и упускают постоянно из виду, поклонники «последовательной демократии», воображающие, что серьезнейшие политические вопросы могут быть решены голосованиями. На деле эти вопросы, если они остры и обострены борьбой, решает гражданская война;—в этой войне гигантское значение имеет опыт непролетарских трудящихся масс (крестьян в первую голову), опыт сравнения, сопоставления ими власти пролетариата с властью буржуазии» [1].

Но ударная наступательная сила и организаторские способности рабочего класса измеряются сознательностью, организованностью и решительностью его авангарда, его партии, и эти качества его, в свою очередь, обусловлены поддержкой класса.

«Коммунистическая партия отнюдь не ограничивается защитой от опасностей, грозящих пролетариату, обороной от ударов, сыплющихся на рабочие массы. Коммунистическая партия в период мировой революции по своей сути есть партия нападения, атаки на капиталистическое общество; она обязана всякую оборонительную борьбу, поскольку эта борьба развивается вширь и вглубь, расширять до нападения на капиталистическое общество. Она также обязана делать все, чтобы вести рабочие массы прямо к этому нападению, где только есть для этого условия. Кто принципиально выступает против наступательной политики по отношению к капиталистическому обществу, тот нарушает принципы коммунизма.

---

[1] Н. Ленин. Там же. Собр. соч., т. XVI, стр. 451—452.

Указанные условия заключаются, во-первых, в обострении борьбы в лагере самой буржуазии, в национальных и интернациональных рамках. Если борьба в лагере буржуазии достигает таких размеров, что открывается возможность борьбы рабочего класса с разделенными и расщепленными силами противника, партия должна взять на себя инициативу, чтобы после тщательной политической и, где возможно, организационной подготовки повести массы на борьбу. Второе условие для наступательной борьбы, для нападения на широком фронте образует сильное брожение в решающих слоях рабочего класса, открывающее возможность, что рабочий класс окажется готовым на борьбу против капиталистического правительства по всему фронту. Тогда как при росте движения вширь необходимо повышать боевые лозунги, — точно так же, в случае поворота движения к упадку, обязаннность коммунистического боевого руководства заключается в том, чтобы вывести борющиеся массы из борьбы в наибольшем порядке и при наибольшей сплоченности» [1].

Взаимоотношение между авангардом и массой рабочего класса **определяет** взаимоотношения борющихся сил в классовой войне.

Поскольку пролетариат сплоченно и организованно идет за своим авангардом и этот авангард полностью охватывает организаторскую задачу рабочего класса по отношению к непролетарским слоям трудящихся, постольку пролетариат выступает в роли авангарда классовой борьбы и социалистического строительства. Поскольку весь пролетариат или большинство его об'единяется вокруг партии—арьергарда, в роде английской «Рабочей Партии», постольку сам рабочий класс в политической борьбе занимает положение мелкобуржуазного арьергарда буржуазного общества.

Или в хвосте или во главе исторического движения!

— В этой дилемме, в этом выборе, стоящем перед пролетариатом, выражается революционная диалектика исторического развития, заставляющая пролетариат не делать революции только на половину, чтобы не рыть себе могилу.

---

[1] Тезисы III Конгресса Коминтерна о тактике, принятые 12 июля 1921 г.

Меньшевики, огораживаясь миллионами оговорочек от революции, декретируют:

«В передовых странах пролетариат апеллирует к советской форме диктатуры с того момента, когда движение его к социальной революции наталкивается на невозможность осуществить свою власть иначе, как в форме диктатуры меньшинства, притом меньшинства внутри самого пролетариата»[1].

Это меньшевистское «открытие», или, вернее, «изобретение» полно внутренней несогласованности и противоречивости: если пролетариат осуществляет свою власть в советской форме, то очевидно, что эта форма есть форма его власти, и партийный авангард пролетариата, руководя Советской государственной машиной, осуществляет пролетарские классовые интересы!

Меньшевизм представляет себе капиталистическое общество в виде снежной горы, которая под лучами солнца должна сама по себе растаять, и тогда из-под снежного гроба освободится и рабочий класс. В то же время он совсем отказывается делать солнечную погоду, видя в этом кощунственное насилие над «законами истории».

Ему нет дела до того, что «пока солнце взойдет, роса очи выест». Он не понимает, что весеннее таяние снегов вызывает лавины и обвалы, способные смести все живое; что самим нужно позаботиться о предупредительных мерах.

Меньшевизм низводит пролетариат до роли простого манекена истории!

Ничто другое, как переход от империалистической войны к войне гражданской, выдвигает освободительно-организаторскую роль пролетарского авангарда в самом выпуклом виде.

Развал старой империалистической армии, сам по себе неизбежный, создает величайшие препятствия для организации победивших революционных масс в вооруженную силу, готовую и способную противостоять контр-революции. Пролетарская красная гвардия является ее слабым зародышем. Нужно преодолевать огромную силу мелкобуржуазного сопротивления, находящего своего союзника в поголовном утомлении и истощении страны от войны.

---

[1] Мартов. Мировой большевизм, стр. 41.

Армия, способная побеждать, должна быть централизованной, и ликвидация партизанщины возможна только с помощью железного пролетарского руководства.

С другой стороны, необходимость использования старых военных специалистов сопряжена с огромной опасностью измены их, особенно в первый период гражданской войны.

Это мы и видели в 1918—19 г.г.

Армия есть орудие политики в самой острой форме военной борьбы.

Поэтому, в строительстве Красной Армии нужно было сочетать использование военных знаний старых специалистов и широкую военную организацию крестьянских масс с твердым пролетарским политическим руководством.

Фридрих Энгельс в письме к Марксу 26 сентября 1851 года жестоко высмеивал соображения «революционного прусского лейтенанта» Техова о том, что для использования старой армии в революционных целях борьбы с царско-крепостнической Россией нужно отставить в сторону задачи внутренней политики и принять руководство генералов: «Железная дисциплина, которая одна может создать победу, есть как раз оборотная сторона этого «отсрочивания внутренней политики» и военной диктатуры. Откуда должна явиться эта дисциплина? У этих господ должен бы накопиться кое-какой опыт в Бадене и Пфальце [1]. Ведь очевидный же факт, что дезорганизованная армия и полное разложение дисциплины являлись, как условием, так и результатом всякой победоносной революции. Во Франции понадобилось время с 1789 по 1792, чтобы снова сорганизовать армию в 60—80.000 человек—армию Дюмурье. И эта армия снова распалась, и во Франции не было, собственно говоря, никакой организованной армии вплоть до конца 1793 года.

В Венгрии потребовалось время с марта 1848 г. до середины 1849 г., пока у ней не появилось организованной армии.

Но кто внес в армию дисциплину во время первой французской революции? Не генералы, которые получают влияние и значение у импровизированных армий только после нескольких побед в рево-

[1] Где в 1848—49 г.г. была повстанческая борьба.

люции, а террор внутренней политики, гражданская власть» [1].

Буржуазная история констатирует, что «при Конвенте никакое участие в политике генералов было невозможно. Конвент, пока в нем власть принадлежала якобинцам, в корне пресек бы всякую попытку в этом направлении» [2].

Централизованная политическая организация мелкобуржуазной демократии—якобинский клуб—построила армию по образу и подобию своей власти.

«Французская революция, — описывает тов. Лукин,—создала новый своеобразный институт, с помощью которого Конвент вступил в непосредственное общение с войсками. Этот институт народных представителей, посылаемых на фронты с чрезвычайными полномочиями (комиссары Конвента при армии), был создан декретом 9 апреля 93 года. При каждой армии должны были быть три народных представителя. По истечении каждого месяца один из них заменяется новым. Декрет 30 апреля того же года отзывал всех старых комиссаров Конвента и назначал новых при каждой из одиннадцати армий Республики. Согласно последнему декрету народные представители при армии получали чрезвычайные, почти неограниченные полномочия. Прежде всего, они должны были вести энергичиую борьбу со всякими проявлениями контрреволюции в армии. Они имели право приостанавливать на две недели полномочия агентов гражданской власти и временно, впредь до принятия соответствующих мер Конвентом, отрешать от должности военных начальников. В то же время комиссары должны следить за поведением генералов, офицеров и солдат, не допускать чрезмерной популярности генералов, толкать их на самые решительные действия, «заставлять побеждать».

Комиссарам предписывалось использовать все средства просветительного характера для поддержания в войсках революционного духа. На их обязанности лежало поддержание живой связи между армией и Конвентом, воспитание войск в республиканском духе (рассылка газет, декретов Конвента и его воззваний, раз'яснений их и т. д.).

---

[1] К. Маркс и Фр. Энгельс. Письма. Пер. В. В. Адоратского.

[2] А. К. Дживилегов. Революционная армия и ее вожди, изд. «Книга». 1923 г., стр. 156.

Дальнейшей обязанностью комиссаров при армии является строжайшее обследование операций военных поставщиков и принятие всех необходимых мер для ускорения реорганизации армии...

Комиссары должны внимательно прислушиваться к солдатским заявлениям и жалобам, должны раз'яснять им политическое положение, осведомляться об их нуждах» [1].

Учредиловская контр-революция в 1918 году была побеждена, предана и разбита изнутри своим военным аппаратом,—точно так же как корниловщина 1917 года выросла при всемерном содействии «комиссаров» Керенского, вроде Савинкова и Филоненко.

— Таков уже удел мелкобуржуазной «демократии» в обстановке упадка капитализма—быть ближайшей ступенькой к военно-буржуазной и помещичьей диктатуре.

Зато пролетарская революция безбоязненно идет навстречу военной борьбе, беря в свои руки руководство всем строительством, политикой и жизнью армии.—«Революционный характер армии определяется, прежде всего, характером того советского режима, который ставит ей цель и превращает ее, таким образом, в свое орудие. С другой стороны, соответствие этого орудия советскому режиму достигается классовым составом главной массы бойцов, организацией комиссаров и коммунистических ячеек, наконец, общим партийным и советским руководством жизнью и деятельностью армии» [2].

Военная централизация в наибольшей степени ограничивает применение массовой самодеятельности и допущение стихийной партизанщины.

Она требует централизованного политического руководства путем действия сверху.

Таким руководством может быть только партийное руководство, которое частично сливается с советским руководством через военный аппарат, как таковой.

— «Комиссары в армии являются не только прямыми и непосредственными представителями Советской власти, но и прежде всего носителями духа нашей партии, ее дисциплины, ее твердости и мужества в борьбе за осуществление поставленной цели. Партия может с полным удовлетворением оглянуться на героиче-

[1] Н. Лукин-Антонов. Из истории революционных армий. Гос. изд., 1923 г., стр. 186—187.

[2] Резолюция VIII С'езда РКП (б.) по военному вопросу.

скую работу **своих** комиссаров, которые, рука об руку с лучшими элементами командного состава, в короткий срок, создали боеспособную армию. Вместе с тем необходимо, чтобы **Политические Отделы армии, под непосредственным руководством Центрального Комитета**, производили в дальнейшем отбор комиссаров, устраняя из их среды все сколько-нибудь случайные неустойчивые, карьеристские элементы.

Работа комиссаров может дать полные результаты лишь в том случае, если она опирается в каждой части на непосредственную поддержку ячейки солдат-коммунистов. Быстрый численный рост коммунистических ячеек является важнейшей порукой тому, что армия все больше будет пропитываться идеями и дисциплиной коммунизма. Но именно в виду огромной роли коммунистических ячеек, комиссары и все вообще наиболее зрелые партийные работники должны принимать меры к тому, чтобы в состав ячеек не попадали неустойчивые элементы в погоне за мнимыми правами и привилегиями. Уважение к коммунистическим ячейкам будет тем выше и незыблемее, чем яснее каждый солдат поймет и на опыте убедится, что **принадлежность к коммунистической ячейке не дает солдату никаких особых прав, а лишь налагает на него обязанность быть наиболее самоотверженным и мужественным бойцом**»[1].

— Вот те основные линии партийного руководства, которые установил восьмой с'езд партии в марте 1919 года.

Так называемая «военная оппозиция», выступавшая на этом с'езде, отдавала дань колебаниям «левого коммунизма», упуская из виду необходимость военной централизации и роль государственного принуждения в деле строительства и организации красной армии. Проявленные ею шатания в вопросе о целесообразности использования военспецов были, в известной мере, обусловлены боязнью ослабления руководящего значения партии в военном деле. Однако, из этих опасений она делала неправильные выводы.

В Красной армии, где государственная централизация достигает крайних пределов в силу условий военной обстановки, политическое руководство принимает наиболее концентрированную форму прямого партийного руководства. Такое же руководство пролета-

[1] См. VIII С'езд РКП (б). Москва, 1919 г.

риат способен осуществлять только с помощью своего авангарда— коммунистической партии.

Подло-трусливые вопли международного меньшевизма по поводу «красного милитаризма» служат превосходным отражением рабьей психологии и идеологии, питающей истинно-«толстовское» отвращение к насилию.

Конечно, убийцы Розы Люксембург и Либкнехта при этом лицемерят.

Но, если они находили до сих пор кое-где поддержку в массах, то это об'яснялось истинно-толстовской незрелостью масс.

Тов. Ленин, после поражения первой революции, блестяще осветил социальные корни мелко-буржуазного «пацифизма».

«С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости. Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян,—это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному «христианскому анархизму», как оценивают иногда «систему» его взглядов.

С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общежития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому, к тому, каково должно быть это общежитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе, как относится к интересам крестьянской революции и буржуазия, и буржуазная интеллигенция, почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы.

... Толстовское воздержание от политики, толстовское отречение от политики, отсутствие интереса к ней и понимания ее, делали то, что за сознательным и революционным пролетариатом шло меньшинство, большинство же было добычей тех беспринцип-

ных, холуйских, буржуазных интеллигентов, которые под названием кадетов бегали в собрания трудовиков, в переднюю Столыпина, клянчили, торговались, примиряли, обещали примирить,—пока их не выгнали пинком сапога. Толстовские идеи—это зеркало слабости, недостатков нашего крестьянского восстания, отражение мягкотелости патриархальной деревни и заскорузлой трусливости «хозяйственного мужичка» [1].

— Сказанное о русском крестьянстве дореволюционной эпохи целиком приложимо ко всем угнетенным классам, не порвавшим еще с мелко-буржуазной ограниченностью.

Там, где нет революционной организации, или она слишком слаба, революционная стихия неизбежно колеблется между махновским бунтом и «бунтом на коленях», непротивлением злу насилием.

Народнические предрассудки русского крестьянства, Керенщина и «революционное оборончество» эпохи Керенщины, восстания фронтовиков 1918 года и махновщина, крестьянские колебания периода гражданской войны, включая Кронштадтский мятеж 1921 года; эпопея Стамбулийского в Болгарии, с ее бесславным концом; «пацифизм», как господствующее настроение в отсталых кругах рабочего класса Европы в период стихийного под'ема 1918—21 годов и так далее и тому подобное,—все это укладывается в рамки обрисованной Владимиром Ильичем «патриархальной» психологии.

Предательская сущность международного соглашательства заключается в сознательной эксплоатации этого бессознательного толстовства, начиная с войны 1914 года.

Только закаленный пролетарский авангард в борьбе с этим массовым мелкобуржуазным психозом, путем убеждения и принуждения, способен построить и сделать победоносной рабоче-крестьянскую Красную Армию.

Отказ от «партийной» диктатуры в обстановке гражданской войны равносилен сдаче в плен врагу. Армией нельзя управлять с помощью выборных комитетов, спаять же всю армию сверху донизу единым сознанием, настроением и волей может лишь организация авангарда такого класса, как пролетариат.

В военный период сама партийная организация пролетарского авангарда милитаризуется, свертывая применение внутрипартийной демократии до минимума.

---

[1] Н. Ленин. «Толстой как зеркало русской революции». «Пролетарий».—11 (24) сентября 1908 г. Собр. соч., т. XI, ч. 1, стр. 116—117.

То же самое, еще в большей мере, происходит и с советской организацией, приспособляющейся к потребностям и условиям военного времени.

Однако, в известный момент и, прежде всего, в области хозяйства, это сопряжено с опасностью отрыва от масс, от материальной базы, питающей их.

Суровые условия гражданской войны навязали нам систему «военного коммунизма».

«Отчасти под влиянием нахлынувших на нас военных задач и того, казалось бы, отчаянного положения, в котором находилась тогда Республика, мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по фабрикам и заводам; и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение... На экономическом фронте с попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921 года потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение раньше, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение, выразившееся тем, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала того под‘ема производительных сил, который в программе нашей партии признан, как основная и неотложная задача. Разверстка в деревне и непосредственный коммунистический подход к задачам строительства в городе—эта политика мешала под‘ему производительных сил и оказалась основной причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы наткнулись весной 1921 г.» [1].

«Военный коммунизм» был необходим как средство спасения рабочего класса при полной хозяйственной разрухе и ожесточенной гражданской войне.

Он не годился как средство хозяйственного восстановления.

Бюрократическое извращение пролетарской политики явилось следствием этого.

«Возьмите вопрос о бюрократизме и взгляните на него с экономической стороны. 5 мая 1918 года [2] бюрократизм в поле на-

[1] Н. Ленин. Речь на II всероссийском с‘езде Политпросветов. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 372—373.

[2] Время опубликования статьи «О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности».

шего зрения не стоит. Через полгода после Октябрьской революции, после того, как мы разбили старый бюрократический аппарат сверху до низу, мы еще не ощущаем этого зла.

Проходит еще год. На VIII с‘езде Р. К. П., 18—23 марта 1919 г., принимается новая программа партии, и в этой программе мы говорим прямо, не боясь признать зла, а желая раскрыть его, разоблачить, выставить на позор, вызвать мысль и волю, энергию, действие для борьбы со злом, мы говорим о «частичном возрождении бюрократизма внутри советского строя».

Прошло еще два года. Весной 1921 года, после VIII с‘езда советов, обсуждавшего (дек. 1920 г.) вопрос о бюрократизме, после X С‘езда Р. К. П. (март 1921 г.), подводившего итоги спорам, теснейше связанным с анализом бюрократизма, мы видим это зло еще яснее, еще отчетливее, еще грознее перед собой. Каковы экономические корни бюрократизма? Главным образом эти корни двоякие: с одной стороны, развитая буржуазия именно против революционного движения рабочих (частью и крестьян) нуждается в бюрократическом аппарате, в первую голову военном, затем судейском и т. д. Этого у нас нет. Суды у нас классовые против буржуазии. Армия у нас классовая против буржуазии. Бюрократизм не в армии, а в обслуживающих ее учреждениях. У нас другой экономический корень бюрократизма: раздробленность, распыленность мелкого производителя, его нищета, некультурность, бездорожье, неграмотность, отсутствие оборота между промышленностью и земледелием, отсутствие связи и взаимодействия между ними.

В громадной степени, это результат гражданской войны. Когда нас блокировали, осадили со всех сторон, отрезали от всего мира, затем от хлебного Юга, от Сибири, от угля, мы не могли восстанавливать промышленность. Мы должны были не остановиться перед «военным коммунизмом», не испугаться самой отчаянной крайности: вытерпим полуголодное и хуже, чем полуголодное существование, но отстоим, во что бы то ни стало, несмотря на самое неслыханное разорение и отсутствие оборота, отстоим рабоче-крестьянскую власть. И мы не дали себя запугать тем, чем запуганы были эс-эры и меньшевики (шедшие за буржуазией в большей мере из страха, из запуганности). Но то, что было условием победы в блокированной стране,

в осажденной крепости, обнаружило свою отрицательную сторону, как раз к весне 1921 года, когда были окончательно выгнаны последние белогвардейские войска с территории РСФСР. «Запереть» всякий оборот в осажденной крепости можно и должно; при особом героизме масс это можно перенести три года. После этого разорение мелкого производителя еще усилилось, восстановление крупной промышленности еще оттянулось, отсрочилось. Бюрократизм, как наследие «осады», как надстройка над распыленностью и придавленностью мелкого производителя, обнаружил себя вполне»[1].

«Управлять страной и осуществлять диктатуру без теснейшей связи с профсоюзами, без горячей поддержки их, без самоотверженнейшей работы их не только в хозяйственном, но и в военном строительстве, мы, разумеется, не смогли бы не только в течение двух лет, но и двух месяцев...

Капитализм неизбежно оставляет в наследство социализму, с одной стороны, старые, веками сложившиеся, профессиональные и ремесленные различия между рабочими, с другой стороны, профсоюзы, которые лишь очень медленно, годами и годами, могут развиваться и будут развиваться в более широкие, менее цеховые, производственные союзы (охватывающие целые производства, а не только цехи, ремесла и профессии) и затем, через эти производственные союзы переходить к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей, людей, которые умеют все делать. К этому коммунизм идет, должен итти и придет, но только через долгий ряд лет. Пытаться сегодня практически предвосхитить этот грядущий результат вполне развитого, вполне упрочившегося и сложившегося, вполне развернутого и созревшего коммунизма, это все равно, что четырехлетнего ребенка учить высшей математике.

Мы можем (и должны) начать строить социализм не из фантастического и специально нами созданного человеческого материала, а из того, который оставлен нам в наследство капитализ-

[1] Н. Ленин. О продовольственном налоге. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 222—223.

мом. Это очень «трудно», слов нет, но всякий иной подход к задаче так не серьезен, что о нем не стоит и говорить.

Профсоюзы были гигантским прогрессом рабочего класса в начале развития капитализма, как переход от распыленности и беспомощности рабочих к начаткам классового об'единения. Когда стала вырастать высшая форма классового об'единения пролетариев, революционная партия пролетариата (которая не будет заслуживать своего названия, пока не научится связывать вождей с классом и с массами в одно целое, в нечто неразрывное), тогда профсоюзы стали неминуемо обнаруживать некоторые реакционные черты, некоторую цеховую узость, некоторую склонность к аполитицизму, некоторую косность и т. д. Но иначе, как через профсоюзы, через взаимодействие их с партией рабочего класса, нигде в мире развитие пролетариата не шло и итти не могло. Завоевание политической власти пролетариатом есть гигантский шаг вперед пролетариата, как класса, и партии приходится еще более и по-новому, а не только по-старому, воспитывать профсоюзы, руководить ими, вместе с тем, однако, не забывая, что они остаются и долго останутся **необходимой «школой коммунизма» и подготовительной школой для осуществления пролетариями их диктатуры**, необходимым об'единением рабочих для постоянного перехода в руки рабочего класса (а не отдельных профессий) и затем всех трудящихся управления всем хозяйством страны» [1].

— Это писал Владимир Ильич 27 апреля—12 мая 1920 г., задолго до наших споров о профсоюзах, полемизируя с западно-европейскими «левыми коммунистами» (Гортером и Ко), предлагавшими разрушать старые профсоюзы.

«Любое, даже ничтожное расхождение может стать политически опасным, если является возможность того, что оно разрастается в раскол, и притом такого именно рода раскол, который способен поколебать и разрушить все политическое здание, привести — говоря сравнением тов. Бухарина—к крушению поезда.

Ясно, что в такой стране, которая переживает диктатуру пролетариата, раскол среди пролета-

[1] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Собр. соч., т. XVII, стр. 139, 140—141.

риата или между пролетарской партией и массой пролетариата является уже не только опасным, но и опаснейшим, особенно если в этой стране пролетариат составляет небольшое меньшинство населения. А расколы в профдвижении... означают расколы именно в массе пролетариата» [1].

Самая большая опасность раскола в переходное время от войны к хозяйству имелась со стороны бюрократического перегиба хозяйственной политики.

Тов. Троцкий неправильно изображает положение, когда он заявляет: «Дискуссия о профсоюзах выросла из хозяйственной безвыходности на основании продразверстки и главкократии. Могло ли помочь «сращивание» профсоюзов с хозяйственными органами? Разумеется, нет. Но и никакие другие меры не могли помочь, доколе сохранялся хозяйственный режим «военного коммунизма». Эти «эпизодические споры были целиком покрыты решением привлечь на рынок, причем капитальнейшее решение не вызвало никаких разногласий» [2].

Тов. Троцкий ссылается на то, что еще в феврале 1920 года он выставлял проект замены продразверстки продналогом.

Однако, суть спора была не в этом.

Переход к нэпу даже при проведении замены продразверстки продналогом был бы невозможен, если бы партия, пролетарский авангард не поставил бы правильно вопроса о взаимоотношениях между ним и массой, не прощупал бы в споре о профсоюзах основную линию организационного пролетарского руководства в изменившихся условиях.

Капитальнейшее решение потому и не вызвало разногласий, что оно было подготовлено и для партии, и для рабочего класса дискуссией о профсоюзах.

«Главкократический» уклон как раз и нашел отражение во взглядах тов. Троцкого и тогдашних его фракционных единомышленников. Этот уклон был дальнейшим развитием в сторону «военного коммунизма» и главкократии. Он грозил полным отрывом профсоюзной организации от массы рабочего класса.

Тов. Троцкий тогда утверждал, что «профессионалист должен видеть в себе не ходатая по делам об удо-

[1] Н. Ленин. «Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т.т. Троцкого и Бухарина». 25 января 1921 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 42.
[2] Л. Троцкий. Новый курс, стр. 54.

влетворении нужд и потребностей рабочих, но (!) организатора трудящихся **для производства** на все повышающейся технической основе.

В рабочем государстве профсоюз имеет смысл постольку, поскольку он фактически овладевает производством, вовлекая в свои ряды всех его работников, улучшает организацию труда, повышает его механизацию и производительность и на этой основе улучшает материальное положение масс и повышает их духовный уровень.

Всякую другую работу в области производственной, просветительной, военной,—профессиональный союз совершает без нарушения его основного характера, как производственной организации трудящихся» [1].

— Здесь, прежде всего, бросается в глаза формальная точка зрения исключительно производственной целесообразности, являвшаяся несомненной данью старым социал-демократическим взглядам, поскольку она противопоставляла интересы производства «потребительским» интересам рабочих.—«Не производство для рабочих, а рабочие для производства», зрелость производственной организации, а не условия классовой борьбы определяют момент «наступления» социализма,—в этом метафизическом противопоставлении и заблудилась теория II Интернационала.

В приведенном тезисе тов. Троцкого совершенно игнорируется поднятие заработной платы, как основное условие поднятия производительности труда. А между тем, в период 1921—23 годов под'ем промышленности как раз пошел по этому пути, поскольку оживление торгового оборота создало предпосылки для оживления промышленности.

Наряду с этим здесь же мы видим чисто-кабинетный «учет» состояния производства, который связывает его восстановление с повышением его технической основы, до чего нам не удалось дойти даже через три года после споров о профсоюзах.

Там же тов. Троцкий писал, что «рабочая демократия должна сознательно поставить себя под производственный критерий» [2] и взваливал вину за бюрократизм... на профсоюзы [3].

---

[1] Л. Троцкий. Роль и задачи профессиональных союзов (к 10-му С'езду Партии). Изд. Цектрана, стр. 19.
[2] Л. Троцкий. Там же, стр. 25.
[3] Л. Троцкий. Там же, стр. 29—30.

Тов. Сталин тогда совершенно правильно указывал, что «для того, чтобы двинуть миллионы рабочего класса против хозяйственной разрухи, необходимо поднять инициативу, сознательность, самодеятельность широких масс, необходимо убедить их на конкретных фактах, что хозяйственная разруха представляет столь же реальную и смертельную опасность, какую представляла вчера опасность военная, необходимо вовлечь миллионы рабочих в дело возрождения производства через демократически настроенные профсоюзы. Только таким образом можно превратить борьбу хозяйственных органов с хозяйственной разрухой в кровное дело всего рабочего класса» [1].

Со всей резкостью и решительностью протестовал Владимир Ильич против подхода к хозяйственным задачам рабочего класса по военному шаблону.

— «Государство — это область принуждения. Сумасшествием было бы отрекаться от принуждения, особенно в эпоху диктатуры пролетариата. «Администрирование» и администраторский подход к делу здесь обязательны. Партия — непосредственно правящий авангард пролетариата. Это — руководитель. Исключение из партии, а не принуждение, вот специфическое свойство воздействия, средство очищения и закала авангарда. Профсоюзы — резервуар государственной власти, школа коммунизма, школа хозяйничанья. В этой области специфическое и главное есть не управление, а «связь» «между центральным» (и местным, конечно, тоже) «государственным управлением, народным хозяйством и широкими массами трудящихся» (как говорит наша программа партии, § 5 экон. части, посвященный профсоюзам)» [2].

«Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать — иначе значит забывать азбуку марксизма... Политический подход, это значит: если подойти к профсоюзам неправильно, это погубит Советскую власть, диктатуру пролетариата. (Раскол партии с профсоюзами, при условии, что партия не права, наверняка свалил бы Советскую власть в такой крестьянской стране, как Россия)... Троцкий

[1] И. Сталин. Наши разногласия. Сборник «Профсоюзы и партия». Под ред. Г. Зиновьева. 1921 г., стр. 179.

[2] Н. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т. т. Троцкого и Бухарина. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 63—64,

и Бухарин изображают дело так, что вот де мы заботимся о росте производства, а вы только о формальной демократии. Это изображение неверное, ибо вопрос стоит (и, по-марксистски, может стоять) лишь так: без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, а следовательно, не может решить и своей производственной задачи» [1].

Отвлеченно-пропагандистский подход к вопросу привел к бюрократическому извращению понимания связи между государством, партией и профсоюзами.

Переоценка действия сверху вызвала опасный политический уклон.

Это и отмечал Владимир Ильич: «Есть ценный военный опыт: героизм, исполнительность и проч. Есть худое в опыте худших элементов из военных: бюрократизм, чванство. Тезисы Троцкого, вопреки его сознанию и воле, оказались поддерживающими не лучшее, а худшее в военном опыте. Надо помнить, что политический руководитель отвечает не только за свою политику, но и за то, что делают руководимые им» [2].

Натиск мелкобуржуазно-анархической стихии на рабочий класс, ослабленный лишениями, истощением и деклассированием, нашел свое выражение в фракционной группировке так называемой «Рабочей Оппозиции».

Центральное положение ее платформы гласило: «Организация управления всем народным хозяйством принадлежит Всероссийскому с'езду производителей, об'единенных в профессиональные производственные союзы, который избирает центральный орган, управляющий всем народным хозяйством Республики» [3].

Если военно-бюрократический уклон стремился к полному и немедленному огосударствлению профсоюзов, то мелкобуржуазно-анархический уклон добивался того, чтобы «обсоюзить» Советское государство.

---

[1] Н. Ленин. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках т.т. Троцкого и Бухарина. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 50–51.

[2] Н. Ленин. О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тов. Троцкого. Речь 30 дек. 1920 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 23.

Еще на 2 С'езде Р. С.-Д Р. П., возражая тов. Троцкому, поддерживавшему Мартова, тов. Ленин говорил: «Нельзя забывать, что всякий член партии ответственен за партию, и партия ответственна за всякого члена».— Собр. соч., т. IV, стр. 301.

[3] Сборник «Профсоюзы и партия».—«Тезисы Рабочей Оппозиции», стр. 367.

Резолюция X С'езда РКП (б), принятая по предложению т. Ленина, давала вполне определенную оценку центральному тезису платформы «Рабочей Оппозиции».

«Идеи, лежащие в основе этого и других подобных заявлений, в корне неправильны теоретически, будучи полным разрывом с марксизмом и коммунизмом, а равно с итогами практического опыта всех полупролетарских и настоящей пролетарской революции.

Во-первых, понятие «производитель» об'единяет пролетария с полупролетарием и с мелким товаропроизводителем, отступая, таким образом, в корне от основного понятия классовой борьбы и от основного требования точно различать классы.

Во-вторых, неправильная постановка вопроса об отношениях между партией и широкими беспартийными массами, приводящая к подчинению партии беспартийной стихии, данная в приведенном тезисе, является не менее коренным отступлением от марксизма.

Марксизм учит—и это учение не только формально подтверждено всем Коммунистическим Интернационалом в решении второго (1920 г.) Конгресса Коминтерна о роли политической партии пролетариата, но и практически проверено всем опытом нашей революции, — что только политическая партия рабочего класса, т. е. Коммунистическая партия, в состоянии об'единить, воспитать, организовать такой авангард пролетариата и всей трудящейся массы, который способен противостоять неизбежным мелкобуржуазным колебаниям этой массы, традициям и неизбежным рецидивам профессионалистской узости или профессионалистских предрассудков, и руководить всеми сторонами пролетарского движения, а значит и всеми трудящимися массами. Без этого диктатура пролетариата немыслима. Неправильное понимание роли коммунистической партии в ее отношении к беспартийным рабочим массам, с одной стороны, и столь же неправильное понимание роли рабочего класса в его отношении ко всей массе трудящихся — с другой,—является коренным теоретическим отступлением от коммунизма и уклоном в сторону синдикализма и анархизма, каковой уклон пропитывает все воззрения «Рабочей Оппозиции»...

Кроме теоретической неверности и в корне неправильного отношения к практическому опыту начатого Советской властью хо-

зяйственного строительства, с'езд РКП видит во взглядах указанной группы и аналогичных групп и лиц громадную политическую неправильность и непосредственную политическую опасность для сохранения власти за пролетариатом.

В такой стране, как Россия, громадное преобладание мелкобуржуазной стихии и неизбежные в результате войны разорение, обнищание, эпидемии и неурожаи, крайнее обострение нужды и народных бедствий порождают особенно резкие проявления колебаний в мелкобуржуазной и в полупролетарской массе. Эти колебания идут, то в сторону укрепления союза этих масс с пролетариатом, то в сторону буржуазной реставрации. Весь опыт всех революций XVIII, XIX и XX веков показывает с безусловнейшей ясностью и убедительностью, что ничего иного, кроме реставрации (восстановления) власти и собственности капиталистов и помещиков от этих колебаний—при условии малейшего ослабления единства, силы, влияния революционного авангарда пролетариата—получиться не может.

Поэтому взгляды «рабочей оппозиции» и подобных ей элементов не только теоретически неверны, но и практически служат выражением мелкобуржаузных и анархических шатаний, практически ослабляют выдержанную руководящую линию компартии и на деле помогают классовым врагам пролетарской революции»[1].

Наиболее антипартийным выступлением «рабочей оппозиции» перед X с'ездом была брошюра А. М. Коллонтай.

«Пока рабочий класс, в первичную эпоху революции» — заявлялось в этой брошюре,—«ощущал себя единственным носителем коммунизма—единство партии было полное [2]. Не могло быть речи о верхах и низах в пооктябрьские дни, когда передовой слой пролетариата спешно осуществлял и закреплял один за другим пункты нашей классовой коммунистической программы. Крестьянин, получивший землю, еще не осознал себя частью и полноправным гражданином Совреспублики. Интеллигенция, специалисты, деловые люди и все мещанство, лже-спецы, постепенно пробирающиеся все выше и выше по ступеням советской лестницы, под видом «спецов», выжидательно сторонились, давая простор творчеству передовых рабочих масс.

[1] Н. Ленин. Резолюция X с'езда РКП о синдикалистском и анархистском уклоне в нашей партии. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 161—162, 163—164.

[2] Коллонтай забыла о «левом коммунизме», в поддержке которого она принимала живейшее участие.

Теперь наоборот, рабочий чувствует, видит, ощущает на каждом шагу, что «спецы», а еще хуже неграмотные, и вовсе не вышколенные лже-спецы, «люди практики» выталкивают «серого» рабочего за негодность и приспособленность к практической сметке и заполняют собою основные руководящие хозяйственно-продовольственные органы. А партия, вместо того, чтобы осадить этот чуждый рабочему классу и коммунизму элемент, потворствует им, ищет не у рабочих организаций, а именно у них, спасения и избавления от хозяйственной неурядицы. Не рабочим, не союзным классовым об'единениям, а им дарит партия свое доверие [1]. Рабочие массы это чувствуют, и вместо слитности, единства партии и класса получается брешь, не тождество, а раз'единение... Массы не слепы. Какими бы словами популярнейшие вожди рабочих ни прикрывали своего отступления от четко-классовой политики, своих уступок—то «мужичку», то мировому капитализму—в доверии, оказываемому ученикам капиталистической системы производства, массы чуют, где начинается отступление...

От революции непосредственно выиграло крестьянство; к новым формам советской системы и жизни прекрасно (!) приспособилось не только мещанство, но и представители крупной буржуазии (!!), занявшие (!??) ответственные и руководящие посты в советских органах (в особенности в области «управления хозяйством», промышленностью или налаживанием торговых сношений с капиталистическим западом).

Один только основной класс Советской республики, выносящий на своих плечах всю тяжесть ответственности периода диктатуры, в массе своей влачит позорно жалкое существование» [2].

Этот взгляд лег в основу организации мясниковской анархистской контр-революционной ячейки «Рабочая Группа». Он же был переведен на язык богдановской «философии» меньшивистской группой «Рабочая Правда».

Мелкобуржуазно-анархическая стихия, при всемерной поддержке всей эмигрантской контр-революции, об'единилась весной 1921 года на лозунге: «Да здравствуют Советы без коммунистов!»

---

[1] Что значит — иметь старый меньшевистский «зуб со свистом» в плохую погоду!

[2] А. Коллонтай. «Рабочая Оппозиция только для членов X с'езда РКП». Москва. 1921 г., стр. 16—17.

Прямой капитуляцией перед этим лозунгом явилось выступление «рабочей оппозиции».

В это же самое время,—выступая против Германской Коммунистической Партии после ее поражения в мартовском восстании 1921 года,—без пяти минут шейдемановец, г-н Пауль Леви патетически восклицал по поводу «провала русского опыта»: «Нам никто не сможет доказать, что русский концессионер, получающий сверх-прибыль, русские нэпачи и спекулянты, возвышению которых никто не может помешать, суть «элементы нового общества», во имя «освобождения» которых русский пролетариат столь многим пожертвовал.

Что же осталось от «диктатуры пролетариата»? Ничего. Ничего из об'ективных моментов, ничего из суб'ективных моментов» [1].

Тов. Ленин не жалел сил для разоблачения мелкобуржуазной бесхарактерности и контр-революционной подоплеки «преклонения перед стихийностью» в тот момент, когда на лицо имеется упадок революционного настроения: «Докатившийся до меньшевизма Леви советует большевикам (победу капитализма над коими он «предсказывает» так же, как все мещане, демократы, социал-демократы и пр. предсказывали нашу гибель в случае разгона нами учредилки!) обратиться за помощью ко всему рабочему классу! Ибо, извольте видеть, до сих пор помогала им лишь часть его!

Здесь Леви совпадает замечательным образом с теми полуанархистами и крикунами, отчасти с некоторыми из бывшей «рабочей оппозиции», которые любят говорить громкие фразы на тему о том, что большевики теперь «не верят в силы рабочего класса». И меньшевики, и анархиствующие превращают это понятие «силы рабочего класса» в фетиш, не умея подумать об его фактическом, конкректном содержании. На место изучения и анализа этого содержания ставится декламация.

Господа из 2½-ного Интернационала, желая называться революционными, на деле оказываются при всяком серьезном положении контр-революционными, ибо они боятся насильственного разрушения старого государственного аппарата, они не верят в силы рабочего класса. Когда мы это говорили про эс-эров и К°, у нас это не было фразой. Всякий знает, что Октябрьская революция на деле выдвинула новые силы, новый

[1] «Введение» к брошюре Р. Люксембург о русской революции, стр. 51 немецкого издания.

класс, что лучшие представители пролетариата теперь управляют Россией, создали армию, вели ее, создали местное управление и т. д., руководят промышленностью и проч. Если в этом управлении есть бюрократические извращения, то мы этого зла не скрываем, а разоблачаем его, боремся с ним.

Кто из-за борьбы с извращением нового строя забывает его содержание, забывает, что рабочий класс создал и ведет государство советского типа, тот просто не умеет думать и бросает слова на ветер.

Но «силы рабочего класса» не безграничны. Если теперь слаб, иногда очень слаб приток свежих сил из рабочего класса, если, вопреки всем декретам, призывам, агитации, вопреки всем приказам о «выдвигании беспартийных», приток сил все же слаб, то тут уже отделываться декламацией о «неверии в силы рабочего класса» значит опускаться до пустого фразерства.

Без известной «передышки» этих новых сил нет; иначе, как медленно, они не нарастут; иначе как на базе восстановленной крупной индустрии (т. е., говоря точнее и конкретнее, на базе электрификации) им взяться неоткуда.

После величайших, невиданных в мире напряжений рабочему классу в мелко-крестьянской разоренной стране, рабочему классу, пострадавшему в больших размерах от деклассирования, необходим промежуток времени, чтобы новые силы могли подрасти, подтянуться, чтобы старые и изношенные могли «отремонтироваться».

Создание военного и государственного аппарата, который способен был победоносно выдержать испытания 1917—1921 годов, дело великое, занявшее, захватившее, исчерпавшее реальные (не в декламации крикунов существующие) «силы рабочего класса». Надо понять это и считаться с необходимостью, вернее, с неизбежностью **замедленного** прироста **новых** сил рабочего класса.

Когда меньшевики кричат о «бонапартизме» большевиков (на войско-де и на аппарат опираются против воли «демократии»), то этим прекрасно выражается **тактика буржуазии**, и Милюков правильно поддерживает ее, поддерживает «кронштадтские» (весны 1921 г.) лозунги. **Буржуазия правильно учитывает,**

что действительные «силы рабочего класса» состоят сейчас из могучего авангарда этого класса (Рос. Ком. Партии, которая не сразу, а в течение 25 лет завоевала себе делами роль, звание, силу «авангарда» единственно революционного класса) **плюс элементы, наиболее ослабленные деклассированием, наиболее податливые меньшевистским и анархистским шатаниям.**

Под лозунгом «побольше доверия к силе рабочего класса» проводится сейчас на деле усиление меньшевистских и анархистских влияний; Кронштадт весной 1921 года со всей наглядностью доказал и показал это. Всякий сознательный рабочий должен разоблачать и гнать прочь кричащих о нашем «неверии в силы рабочего класса», ибо эти крикуны—на деле пособники буржуазии и помещиков, проводящие выгодное им ослабление пролетариата путем расширения влияния меньшевиков и анархистов» [1].

Неизбежное деклассирование широких слоев рабочего класса в результате войны и хозяйственной разрухи взваливает на плечи пролетарского авангарда тягчайшую задачу удержания позиций пролетарской диктатуры, несмотря на временные мелкобуржуазные колебания в массе пролетариев, до крайности измученных трудностями борьбы.

Всемирно-историческая, поистине героическая роль авангарда в такие моменты возрастает в несказанной мере. От его твердости и крепости, от его политической дальновидности зависит вся судьба революции.

Буржуазно-помещичья контр-революция в дни кронштадтского мятежа с радостью и единодушно подхватила его лозунг—«Советы без коммунистов» потому, что в этот момент только решительность и стойкость коммунистического авангарда могла разбить ее планы.

«Свободные выборы в Советы» проповедывали Милюковы, Черновы, Даны и Петриченко, мотивируя необходимостью «выдвижения с низов» той мелкобуржуазно-анархической стихии, которая прокладывала дорогу реставрации.

На примере германской революции мы видели, как буржуазия и помещики умеют использовать даже лозунги Советского строя во имя выхолащивания его классового содержания.

---

[1] Н. Ленин. «Новые времена, старые ошибки в новом виде». 20 августа 1921 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 356—357—358.

Иуда Дан, всячески стараясь обелить себя от поддержки Кронштадтского мятежа, сообщает в своих воспоминаниях: «Во всяком случае в нашей организации было постановлено движения ни в коем случае не раздувать, рекомендовать рабочим удовлетвориться частичными уступками, но (!) в то же время использовать события, чтобы раз‘яснить массам связь между их теперешними бедствиями и общею политикою большевизма, особенно подчеркивая необходимость отказа от системы огульной (!) национализации, необходимость примирения с мелко-собственническим крестьянством и ликвидации партийной диктатуры. Свободные выборы в Советы, как **первый шаг** к замене диктатуры господством демократии— таков был наш очередной политический лозунг» [1].

За этот «первый шаг» были, конечно, все враги рабочего класса.

Но и тут их надежды были обмануты самими рабочими массами, которые поддались лишь минутному порыву отчаяния: «**Кронштадтское движение не было ни в каком виде поддержано петербургскими рабочими** именно потому, что уступки совета [2] и экстренные выдачи предметов продовольствия, одежды и обуви возбудили у них надежду на улучшение материального положения, толкнувшего их на забастовку» [3].

Даже неорганизованные и деморализованные ужасающей нуждой рабочие массы не дали провести себя белогвардейским политиканам и при малейшей надежде на улучшение положения резко повернули к ним спиной. Пролетарский классовый инстинкт сделал свое дело. Но он мог одержать победу над отчаянием исключительно благодаря **партийному** руководству.

Буржуазия охотно обманывает рабочие массы **иллюзией свободы**. На этом она строит свое парламентское господство. Старая французская каррикатура очень удачно изобразила эту хитрую механику. — «Державный народ поднимается!» [4]. А под этой надписью представлен согбенный в три погибели рабочий избиратель, подающий свой голос по указке хозяина.

Пролетарская диктатура, по определению «Коммунистического Манифеста» есть «**пролетариат, организованный как господствующий класс**».

---

[1] Ф. Дан. Два года скитаний. Берлин. 1922 г., стр. 113—114.

[2] Снятие заградительных отрядов и разрешение рабочим и их семьям поездок за продовольствием.

[3] Ф. Дан. Там же, стр. 112.

[4] Строфа из песни Андрея Шенье эпохи первой французской революции.

Уже из этого определения вытекает, что мы имеем дело с длительным процессом, так как фундамент пролетарского господства образует социалистическая крупная промышленность.

Меньшевизм заблудился в трех соснах потому, что он оказался не в состоянии по-марксистски проанализировать исторические условия под'ема рабочего класса до роли господствующего класса—организатора социалистического общества.

Вот «гвоздь» всех меньшевистских рассуждений: «Возьмем, напр., Англию, Бельгию, Германию, Австрию, Швецию и вообще все те страны, где рабочие партии пользуются значительным влиянием на ход политической обстановки и общественной жизни. Говорить здесь о диктатуре буржуазии нет никаких (!?!) оснований. Буржуазия вынуждена здесь разделять власть (!) с представителями трудящихся масс, уступая им в некоторых случаях наиболее ответственные административно - политические позиции. Стоит, однако, сравнить реальное влияние на экономическую и общественную жизнь этой не пользующейся единовластием буржуазии с влиянием единовластной диктатуры пролетариата в странах «социальной революции», чтобы сразу же убедиться, насколько буржуазия без диктатуры сильнее владеет ходом экономического и политического развития, чем пролетариат с его диктатурой. Власти у пролетариата больше, а реального влияния на общественные и экономические отношения гораздо меньше. Диктатура дает пролетариату гораздо меньше простора для осуществления его классовых задач, чем дает буржуазии коалиция со своими социальными противниками» [1].

Социал-белогвардеец забыл азбуку марксизма. Марксизм учит, что не капиталист «своими трудами» создает свою власть над обществом, а «рабочая сила служит орудием самовозрастания капитала». Отсюда следует, что пока это происходит, пока рабочий класс, в качестве наемного раба, строит, укрепляет и усовершенствует свою тюрьму, до тех пор власть буржуазии в ее доподлинном виде, в массовом, общественном масштабе остается неприкосновенной и только упрочивается с помощью обмана желтых вождей.

В противоположность этому, пролетариату приходится выбиваться из положения наемного раба, сначала вооруженным пу-

[1] Ст. Иванович. О Диктатуре.—«Современные записки», т. X, 1922 г. (28/IV).

тем, с помощью гражданской войны, а затем перенимая организаторские функции и культурные знания у буржуазии и приспособляя их к своим потребностям. На своей, а не на чужой спине он должен нести всю тяжесть восстановления крупного производства в обстановке голодухи и всеобщей разрухи.

— «Бакунисты многие годы проповедывали, что всякое революционное действие сверху вниз пагубно, что все нужно организовывать и проводить в жизнь снизу вверх» [1].

Тов. Ленин уже в 1905 году, опровергая трусливые «сомнения» меньшевиков о допустимости участия представителей пролетариата во Временном революционном правительстве, указывал, что «перед партией пролетариата всякое серьезное революционное положение» ставит задачу сознательного проведения восстания, организации революции, централизации всех революционных сил, смелого военного выступления, энергичнейшего использования революционной власти» [2].

Реформизм и оппортунизм всегда шатались и блуждали между переоценкой «действия сверху», через буржуазную государственную машину, которая своими реформами должна «помочь» подняться пролетариату, и мелко-буржуазно-анархической проповедью исключительного воздействия снизу, поскольку это воздействие шло об'ективно на пользу буржуазии.

Тов. Ленин оценил принципиальную позицию меньшевиков в 1905 году, как «созерцание «задней» пролетариата и перепев анархических блужданий» [3].

«Кронштадт» был финалом этих блужданий.

В противоположность меньшевикам, большевики всегда отстаивали **соединение революционного действия снизу**, с **революционным действием сверху,** подготовляя таким образом массу к усвоению **основного метода социалистического строительства.**

Социализм приходится строить «пролетариату, организованному как господствующий класс», и именно этим определяется, основной метод пролетарского строительства.

---

[1] Энгельс.—«Бакунисты за работой». Статьи 1871—75 г.г. Пер. Б. Смирнова. 1919 г., изд. Союза Коммун Северной области, стр. 27.

[2] Н. Ленин. «О Временном Революционном Правительстве. Статья вторая: Только снизу или и снизу и сверху». Собр. соч., т. VI, стр. 233.

[3] Там-же, стр. 233.

Стихия не может победить и удержать свою победу без централизованной организации.

«Коммунистический Манифест» вскрывал уже эту историческую необходимость:

«Пролетариат воспользуется своей политической властью, чтобы постепенно вырвать у буржуазии капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, т. е. пролетариата, организованного, как господствующий класс, и возможно скорее увеличить массу производительных сил» [1].

Но для того, чтобы провести в жизнь это, пролетариат должен обладать централизованной организацией авангарда, через которую он может осуществлять свое централизованное действие сверху,—и в армии, и в хозяйстве, и в общественной жизни и т д.

«Диктатуру пролетариата через его поголовную организацию осуществить нельзя, ибо не только у нас, в одной из самых отсталых капиталистических стран, но и во всех других капиталистических странах пролетариат все еще так раздроблен, так принижен, так подкуплен кое-где (именно империализмом в отдельных странах), что **поголовная организация пролетариата диктатуры его осуществить непосредственно не может. Диктатуру может осуществить только тот авангард, который вобрал в себя революционную энергию класса»** [2].

Меньшевистские тупицы злорадствуют по поводу обрастания пролетарской централизации бюрократическими извращениями. На этом основании они предлагают вместе с советским бюрократизмом похерить и пролетарскую диктатуру.

— «Государство переходного революционного времени, которое, по теории, должно было быть, в противоположность буржуазному государству, органом «насилия большинства над меньшинством», органом власти большинства, оказалось все тем же органом власти меньшинства (конечно, меньшинства иного)» [3].

Об‘ективное, классовое содержание власти от них застилает «туман слезы» по случаю утраты формальной, то-есть буржуазной демократии!

---

[1] К. Маркс и Фр. Энгельс. Манифест Коммунистической Партии. Пер. П. Орловского (В. В. Воровского). 1917 г., стр. 61.

[2] Н. Ленин. «О профсоюзах, о текущем моменте и об ошибке тов. Троцкого». Собр. соч., т. XVIII, ч. I, стр. 9.

[3] Мартов. Мировой большевизм, стр. 38.

Перед Октябрьской революцией Владимир Ильич писал: «Об уничтожении чиновничества сразу, повсюду, до конца не может быть речи. Это утопия. Но разбить сразу старую чиновничью машину и тотчас же начать строить новую, позволяющую **постепенно** сводить на-нет всякое чиновничество, это не утопия, это — опыт Коммуны, это прямая, очередная задача революционного пролетариата.

Капитализм упрощает функции «государственного» управления, позволяет отбросить «начальствование» и свести все дело к организации пролетариев (как господствующего класса), от имени всего общества нанимающей «рабочих, надсмотрщиков, бухгалтеров».

Мы не утописты. Мы не «мечтатели» о том, как бы сразу обойтись без всякого управления, без всякого подчинения; эти анархистские мечты, основанные на непонимании задач диктатуры пролетариата, в корне чужды марксизму и на деле служат лишь оттягиванию социалистической революции до тех пор, пока люди будут иными. Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся.

Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплоатируемых и трудящихся—пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра, начать заменять простыми функциями «бухгалтеров и надсмотрщиков», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего».

Организуем крупное производство, исходя из того, что уже создано капитализмом, сами мы, рабочие, опираясь на свой рабочий опыт, создавая строжайшую, железную дисциплину, поддерживаемую государственной властью вооруженных рабочих, сведем государственных чиновников на роль простых исполнителей наших поручений, ответственных, сменяемых, скромно оплачиваемых «надсмотрщиков и бухгалтеров» (конечно, с техниками всех сортов, видов и степеней),—вот наша пролетарская задача, вот с чего можно и должно начать при совершении пролетарской революции. Такое начало, на базе крупного производства, само собою ведет к постепенному «отмиранию» всякого

чиновничества, к постепенному созданию такого порядка,—порядка без кавычек, порядка, не похожего на наемное рабство,—такого порядка, когда все более упрощающиеся функции надсмотра и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут, как особые функции особого слоя людей» [1].

— «Экономической основой полного отмирания государства является такое высокое развитие коммунизма, при котором исчезает противоположность умственного и физического труда, исчезает следовательно, один из важнейших источников современного общественного неравенства и притом такой источник, которого одним переходом средств в общественную собственность, одной экспроприацией капиталистов сразу устранить никак нельзя» [2].

— «Если действительно все участвуют в управлении государством, тут уже капитализму не удержаться. И развитие капитализма, в свою очередь, создает предпосылки для того, чтобы действительно «все» могли участвовать в управлении государством. К таким предпосылкам принадлежит поголовная грамотность, осуществленная уже рядом наиболее передовых капиталистических стран, затем «обучение и дисциплинирование» миллионов рабочих крупным, сложным, общественным аппаратом почты, железных дорог, крупных фабрик, крупной торговли, банкового дела и т. д., и т. п.» [3].

Бичуя «ученые» оговорки г-на Н. Суханова, Владимир Ильич писал: «Для создания социализма,—говорите вы,—требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну, а почему мы не могли сначала создать такие предпосылки цивилизованности, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму?» [4].

— «Если для создания социализма требуется определенный уровень культуры (хотя никто не может сказать—каков этот определенный «уровень культуры»), то почему нам нельзя начать сна-

[1] Н. Ленин. Государство и революция. Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 335—336.
[2] Н. Ленин. Там-же, стр. 375.
[3] Н. Ленин. Там же, стр. 379.
[4] Н. Ленин. О нашей революции. (По поводу записок Н. Суханова). 17 января 1923 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 120.

чала с завоевания революционным путем предпосылок для этого определенного уровня, а потом уже, на основе рабоче-крестьянской власти и советского строя, двинуться догонять другие народы» [1].

Меньшевистская критика советского строя — под видом критики советского бюрократизма — исходит именно из предположения полной и всесторонней «зрелости» общества для социализма.

Реформистский кретинизм не позволяет этим господам понять, что гниение капитализма в форме империализма об'ясняет ускоренный переход к социалистическому строительству еще до той поры, когда какой-то воображаемый «идеальный» капитализм «преподнесет готовенький социализм на блюде».

— «Не может быть равенства между эксплоататорами, которые в течение долгих поколений выделялись и образованием и условиями богатой жизни и навыками,—и эксплоатируемыми, масса коих даже в самых передовых и наиболее демократических буржуазных республиках забита, темна, невежественна, запугана, разрознена. Эксплоататоры на долгое время после переворота сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги (уничтожить деньги сразу нельзя), кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех «тайн» (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления, остается более высокое образование, близость к технически высшему (по буржуазному живущему и мыслящему) персоналу, остается неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно), и так далее, и так далее» [2].

Саботаж «культурной» интеллигенции, разорение крупного производства от войны, истощение сил всей страны от военной борьбы,—все это чрезвычайно затруднило строительство Советской власти.

«Вреднее всего было бы полагаться, — напоминал Владимир Ильич в 1923 году, — на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата,

[1] Н. Ленин. Там же. 16 января 1923. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 119.
[2] Н. Ленин. Пролетарская революция и ренегат К. Каутский. Собр. соч., том XV, стр. 466.

действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. п.

Нет, такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени, и надо затратить много, много, много лет.

Какие элементы имеются у нас для создания этого аппарата? Только два. Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не могут этого сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. А для этого необходима именно культура. Тут ничего нельзя поделать нахрапом или натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством, вообще.

Во-вторых, элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами» [1].

— «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим.

Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто-культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [2].

«Мы выработали свой государственный строй больше чем трехгодовой работой, невероятно тяжелой, невероятно полной героизма. В условиях, в которых мы были до сих пор, нам некогда было разбирать, не будет ли много жертв, потому что жертв было до-

[1] Н. Ленин. Лучше меньше, да лучше. Собр. соч., том XVIII, ч. 2, стр. 126.
[2] Н. Ленин. О кооперации. 26 мая 1923 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 145.

статочно много, потому что борьба, которую мы тогда начали, эта борьба была не на жизнь, а на смерть против старого общественного порядка, против которого мы боролись, чтобы выковать себе право на существование, на мирное развитие. Его мы завоевали»[1].

«Однако, в то же время у нас имеются теперь огромные массы служащих, но у нас нет достаточно образованных сил, чтобы действительно распоряжаться ими. На деле очень часто случается. что здесь на верху, где мы имеем государственную власть, аппарат кое-как функционирует, но что там, внизу, где они распоряжаются, там они очень часто работают против наших мероприятий. Наверху мы имеем... только несколько тысяч, максимум несколько десятков тысяч своих. Но внизу—сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих сознательно, отчасти бессознательно против нас. Здесь в короткий срок ничего не поделаешь, это несомненно. Придется работать в течение нескольких десятков лет, чтобы усовершенствовать **аппарат**, изменить его и привлечь новые силы. Мы это делаем довольно быстрым темпом, может быть слишком быстрым»[2].

— В приведенном мнении Владимира Ильича необходимо обратить сугубое внимание на различие, проводимое им,—между государственным строем и государственным аппаратом.

Советский строй, как форма пролетарской диктатуры, является продуктом сложного взаимодействия между партийным пролетарским авангардом и массами рабочих и крестьян—через Советы, профсоюзы и массовые организации и массовую работу вообще,—с одной стороны, а с другой стороны, между партийным авангардом, опирающимся на свою связь с массами и административным аппаратом.

Советский строй не покрывается существующим административным аппаратом.

Направляющий стержень его составляет организация масс вокруг РКП и Советской власти.

[1] Н. Ленин. Речь на пленуме Московского Совета, 19 ноября 1922 г. Соб. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 104.

[2] Н. Ленин. «Пять лет российской революции и перспективы мировой революции». — Доклад на 4 Конгрессе Коминтерна (13 ноября 1922 г.). Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 97.

Это, к сожалению, частенько забывается.

А между тем, если бы этого не было, если бы отсутствовало направляющее руководство партии, если бы недостатки административного аппарата не корректировались, не выправлялись с помощью организационно-политической связи авангарда с массами, один наличный административный аппарат никоим образом не мог бы справиться с политическими задачами пролетарской диктатуры.

Через свою связь с массами партия оформляет потребности масс и направляет стремления масс по пути сознательного советского, социалистического строительства.

Опираясь на свой массовый опыт и свою связь с массами, она передает «толчки жизни» административному аппарату, заставляет его приспособляться к новым потребностям и задачам.

Тов. Ленин вполне основательно указывал в 1920 году на роль профсоюзов в деле военного строительства.

Сведение советского строя к государственному аппарату, в узкослужебном понимании его, равносильно забвению того принципиального положения, что пролетарская диктатура представляет собой «пролетариат, организованный как господствующий класс».

Отрицая за пролетарской диктатурой право представлять пролетариат, социал-соглашатели совершенно последовательно — со своей буржуазно-демократической точки зрения—валят в одну кучу и советский строй, и советский бюрократизм.

Уже на восьмом с‘езде партии обнаружился уклон так называемого «демократического централизма». Представители этого уклона, тов. Осинский, Сапронов и другие, проявили **стремление к ослаблению партийного влияния на советский аппарат**, путем большего сосредоточения власти на местах и известного высвобождения центрального советского аппарата от центрального партийного руководства.

Тов. Осинский уже тогда договорился до следующего: «В начале революции положение было таково, что у нас правительство было настоящим (!) правительством. И в данный момент, если большинство членов ЦК будет входить в состав Совета Народных Комиссаров, то получатся следующие преимущества. Во-первых, Совет Народных Комиссаров превратится в правительство в полном смысле этого слова. Он должен будет постоянно руководить политикой, так как там будут наиболее ответственные политические работники. С другой стороны, ЦК всегда будет находиться

на месте, ему даже не придется заседать (!) для решения отдельных вопросов, так как эти вопросы будут решаться в заседании Совета Народных Комиссаров. А если нужно будет решать вопросы более общего характера, то нетрудно (!!) будет созвать ЦК. Такая конструкция Совнаркома гарантирует наличие настоящего правительства, живо работающего... Если правительство состоит из деловых людей, если оно является деловым кабинетом, то совершенно ясно, что здесь все будут говорить об интересах своего ведомства и будут спорить о границах компетенции своих ведомств, а общего политического руководства не будет. Обыкновенно (!!!) правительство бывает сконструировано следующим образом: во главе каждого ведомства должен стоять ответственный политический руководитель, а при нем имеются деловые товарищи-министры. Так обстоит дело за-границей, так это было и у нас (!?)» [1].

— В этом проекте не было и намека на понимание своеобразия советского строя, что, однако, не помешало Осинскому проповедывать этот рецепт вплоть до 1924 г.

Тов. Зиновьев, отвечая т. Осинскому, правильно отмечал: «Мы должны иметь лучшую машину, это верно. Но если вы хотите сейчас создать такой Совнарком, который вопрос о Принцевых островах [2] и целый ряд других вопросов политической жизни Республики решал бы сам, вы хотите этим самым о т н я т ь и д е й н о - п о л и т и ч е с к о е р у к о в о д с т в о у ЦК п а р т и и» [3].

Тов. Ленин имел все основания охарактеризовать перед X С‘ездом РКП группу «демократического централизма» по ее заслугам.

— «Кто больше? Кто больше обещает «прав» беспартийным, соединяйтесь по случаю партс‘езда РКП!..» [4].

Эта группа выразила л и б е р а л ь н о - ч и н о в н и ч и й уклон, стремящийся путем формальной «демократизации» советских и партийных учреждений ослабить партийное руководство и проведение ленинской линии в партии.

Уклон этот с первых же своих шагов сигнализировал партии т е н д е н ц и ю с о в е т с к о г о а п п а р а т а оторваться от партии и ее массового пролетарского «окружения».

---

[1] 2-е заседание Организационной секции. Стенографический отчет VIII с‘езда РКП, стр. 166.

[2] Предложение союзников о совместной конференции «всех существующих на территории России правительств» в 1919 г.

[3] 2-е заседание Орг. секции. Стенографический отчет VIII с‘езда РКП, стр. 191.

[4] Н. Ленин. Кризис партии. 21 января 1921 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 37.

Он стал передаточным звеном мелкобуржуазного воздействия на пролетарский авангард.

Переход к новой экономической политике подверг трудному испытанию пролетарскую крепость и сплоченность партии.

Фр. Энгельс неоднократно останавливался на той опасности, которая грозит пролетарской партии от массового притока в ее ряды мелкобуржуазных попутчиков.—«Вступление в партию мелкобуржуазных элементов и крестьян, хотя и свидетельствует о блестящем развитии движения, однако же, является опасностью для него, поскольку забывают, что эти люди должны прийти, да и приходят потому, что должны. Их вступление есть доказательство того, что пролетариат, действительно, стал руководящим классом. Но так как они приходят с мелкобуржуазными и крестьянскими понятиями и желаниями, то не надо забывать, что пролетариат не выполнил бы своей руководящей исторической роли, если бы он делал уступки этим понятиям и желаниям»[1].

В 1919 году был впервые поставлен на 8 с'езде вопрос о чистке партии от примазавшихся. Одновременно с чисткой, пред лицом наступающих белых генералов, была проведена «партийная неделя» по приему новых членов из пролетарской среды.

Переход к нэп'у с особой остротой выдвинул задачу очищения партийных рядов. Во имя укрепления партии на новых позициях необходимо было проделать эту работу, опираясь на свою связь с массами.

Тов. Ленин в то время подчеркивал сугубую обязательность проверки каждого коммуниста, с точки зрения его связи с классовой базой партии—с рабочими массами.

— «Чистка партии развилась, видимо, в работу серьезную и гигантски важную.

Есть места, где чистят партию, опираясь, главным образом, на опыт, на указания беспартийных рабочих, руководясь их указаниями, считаясь с представителями беспартийной пролетарской массы. Вот это—самое ценное, самое важное.

Если бы нам действительно удалось, таким образом, очистить партию сверху до низу, «не взирая на лица», завоевание революции было бы в самом деле крупное.

[1] Фр. Энгельс. Политическое завещание. 24 ноября 1879 г., стр. 6.

Ибо завоевания революции теперь не могут быть такими же как прежде. Они неизбежно меняют свой характер в зависимости от перехода с военного фронта на хозяйственный, от перехода к новой экономической политике, от условий, требующих в первую голову повышения производительности труда, повышения трудовой дисциплины. В такое время главным завоеванием революции становится улучшение внутреннее, не яркое, не бросающееся в глаза, не видное сразу, улучшение труда, его постановки, его результатов; улучшение в смысле борьбы против разлагающих пролетариат и партию влияний мелкобуржуазной и мелкобуржуазно-анархической стихии»[1].

Специально настаивал Владимир Ильич на очищении партии от меньшевиков и меньшевиствующих: «Меньшевики «примазываются» к Р.К.П. не только и даже не столько из маккиавелизма (хотя по части приемов буржуазной дипломатии меньшевики еще с 1903 года доказали, что они первоклассные мастера в этой области), сколько из-за их «приспособляемости». Всякий оппортунист отличается приспособляемостью (но не всякая приспобляемость есть оппортунизм), и меньшевики, как оппортунисты, приспособляются, так сказать, «из принципа» к господствующему среди рабочих течению, перекрашиваются в защитный цвет, как заяц становится белым зимой»[2].

Частичное возрождение капитализма в рамках Советской республики увеличивает угрозу отрыва партии от масс, государственного аппарата от партии, отдельных отрядов партии от централизованной партийной организации.

«Новая экономическая политика создает для партии во многих отношениях новые трудности. Переход от условий военного коммунизма к работе в новой обстановке создает на первых порах чрезвычайно пестрые отношения. Рабочая партия, осуществляющая диктатуру пролетариата, попрежнему ни в коем случае не может допустить свободной организации сил, враждебных революции. И, вместе с тем, партия, считаясь с неизбежностью частичного возрождения капитализма, должна принять самое деятельное участие в урегулировании отношений, вытекающих из этого факта. От члена партии требуется в одно и то же время—научиться выгодно

---

[1] Н. Ленин. О чистке партии, 21 сентября 1921 г. Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 360.

[2] Там же, стр. 361.

торговать в пользу государства и не отрываться от масс. С одной стороны, наиболее активной части членов партии приходится с головой окунуться в хозяйственную и коммерческую область, соприкасающуюся ныне с капиталистическими отношениями.

С другой стороны, этим же наиболее активным членам партии необходимо, наиболее энергично бороться против капиталистических отношений и показать массам реальный путь к социализму и образец самоотверженной работы для осуществления его» [1].

Элементы новой буржуазии, при новой экономической политике, естественно, изыскивают все средства и пути, чтобы сорвать монопольные позиции государственного хозяйства.—В качестве частных посредников между трестами, они спекулируют на обеспечении советских денежных знаков и перекладывают в свой карман государственную прибыль. Заполучая заручку у спеца в советском учреждении, они стараются подчинить себе и дезорганизовать работу хозяйственных органов. И так далее, и так далее.

Они стремятся повернуть дело так, чтобы разрушить хозяйственный фундамент пролетарской диктатуры. Для них «государственный капитализм, это—капитализм, насаждаемый государством» [2].

Этот натиск нэповской буржуазии мы наблюдали в особенно-откровенном виде в 1922 году.

Одновременно с этим, тогда же обрисовались попытки вползания контр-революции в Советский строй.

— «Советы на местах становятся муниципальными (!) органами, ВЦИК—парламентом (!!), профессиональные союзы—из всеобщей и принудительной школы коммунизма—добровольными об‘единениями трудящихся, весь государственный аппарат, во главе с Совнаркомом эмансипируется (!) от партии [3].

Давно ли лозунг этой эмансипации считался не только еретическим, но и прямо контр-революционным. Теперь он ходом событий установлен, а революцией усыновлен...

Первый и на этот раз реальный шаг не только в сторону крестьянства, но и в сторону интеллигентской общественности сделан государственной Советской властью, которая отныне не может и не должна отождествляться с коммунистической партией» [4].

---

[1] Резолюция XI С‘езда Р.К.П. (б), 1922 г.

[2] Сменовеховский журнал «Россия». № 4, декабрь, 1922 г.

[3] Расширенное толкование «демократического централизма»!

[4] И. Лежнев. «Эмансипация Советов».—«Новая Россия». № 2. Петроград, 1922 год.

— И далее конкретно развивался план «тихой сапы»:

«Мы, в свое время принявшие (а иные даже восторженно!) булыгинское детище из рук царизма, мы, активно принимавшие участие в выборах и органической работе третьеиюньской государственной думы, не имеем сейчас никаких моральных оснований для дальнейшего скептически-пренебрежительного воздержания от участия в выборах и органической работе революционных городских и земских (!?) Советов, их деловых секций и комиссий. Интеллигенция должна перестать играть унизительную роль служебной силы и подневольного наймита государства. В предстоящем России хозяйственно-культурном возрождении—интеллигенция, как образованный слой, как носитель знаний и технических навыков страны, имеет право и на самостоятельную роль в государственных делах.

Каковы в данный момент условия выборов в Советы и сопровождающая их правовая обстановка—мы знаем. Но мы знаем и иное,—и в этом, как раз, поучительный опыт революции,—изменение норм и форм неразрывно связано с изменением реального содержания. Одно функционально влечет за собой другое. Меняется в основе хозяйственно-бытовой уклад, преображается содержание работы местных Советов, освежается их личный состав, снимается опека партии,—неизбежно должна, значит, измениться сопутствующая правовая обстановка. Перерождение форм будет итти параллельно, как производное более могущественного стихийно-биологического процесса перерождения самой ткани.

Надо признать далее, что сложная административно-государственная машина [1] за эти бурные годы износилась физически и нуждается в чувствительном ремонте. Конечно же, в таких условиях так называемая «переброска», которая до сих пор довольно широко практиковалась, является лишь паллиативом. Необходимо освежение аппарата, при этом освежение людьми зрелого опыта и крепкой культуры,—благо столь невесомая субстанция, как культура, узаконена, наконец, в гражданских своих правах.

В каких же областях это освежение необходимо в первую очередь? Естественно, в тех, которые лежат на стыке государственности и общественности. Это—городские и земские муниципальные органы (Советы), профессиональные об'единения. Сюда

[1] Читай: партийный состав ее.

приток свежих сил из резервуаров по новому возрождающейся общественности необходим и неизбежен» [1].

Это выступление в 1922 году было знамением времени. Частично г-да Лежневы продолжали ту «кронштадтскую» тактику буржуазии, о которой предупреждал Владимир Ильич в 1921 г. Эта тактика строилась в расчете на «изношенность» пролетариата от гражданской войны и разрухи.

Частично они видоизменяли ее по-сменовеховски, в чаянии победы нэповской стихии над коммунистическим руководством.

Тактика ниспровержения, после поражения и развала всех антисоветских партий, была заменена тактикой собирания сил и скрытого подкопа.

Эта «тихая сапа», разумеется, не ограничилась подкопом под советский аппарат, кооперацию, профсоюзы и т. д., но неминуемо должна была обратиться и против партии, с целью разложения и взрыва ее изнутри.

— Л. Мартов, разбирая лозунг «единого рабочего фронта», весьма прозрачно намекал на меньшевистскую готовность использовать в качестве своего орудия любую фракционную группировку внутри партии: «Только когда находящаяся сейчас в рядах большевистской партии часть рабочего класса откристаллизуется в отдельную — хотя бы утопически-коммунистическую — но пролетарско-классовую (!??) партию, вопрос об едином пролетарском фронте в России примет тот же вид, что и везде» [2].

Другими словами: в интересах взрыва основного ядра пролетарской диктатуры изнутри, «мы» обещаем свою помощь всякому стремлению расслоить и обессилить коммунистическую партию.

Д. Далин формулировал это же еще откровеннее: «В той обстановке, которая создалась в последние годы, при отсутствии всякой общественной жизни, в атмосфере апатии и растерянности, при обморочном состоянии всех других партий, организаций, — большевистская партия остается единственно организованной общественной силой, наряду с Красной армией. Поэтому ликвидация большевизма не может произойти тем же путем, каким происходила ликвидация предыдущих правительств. Она не может произойти путем восстания. Эпоха восстаний соответствует эпохе революционного под‘ема, роста революционных

[1] И. Лежнев. Эмансипация Советов.

[2] Л. Мартов. Проблема «единого фронта» в России—«Социалистический Вестник», 16 августа 1922 г.

настроений. Период завершения (!) и окончания революции связан с политическими переворотами иного характера: расколами, заговорами и пронунциаменто...

Уничтожив все другие партии, большевизм превратился в универсальную партию, в государство. И поэтому зародыши всех новых классовых и партийных группировок заключены в единой РКП. Как из луковицы вырастают понемногу различные стебельки, так и политические группировки ближайшего будущего вырастают из нынешней единой правящей партии.

В ней есть крестьянские элементы, еще не сложившиеся в особое течение, но очень сильные и крепкие в волостных и уездных органах власти. В ней значительные рабочие группы, начинающие смутно сознавать свои особые интересы в пределах партии—государства. В ней большие интеллигентские группы, отчасти с демократическим устремлением, отчасти—великодержавными, в духе «Смены вех». В ней, наконец, немало ново-буржуазных (!!!) элементов. Все они уживаются, до поры до времени, в пределах одной партии.

Но когда пробьет их час, они выйдут на свет божий из чрева их общей матери, и взаимная борьба их заполнит собой политическую историю» [1].

Уже по поводу последней дискуссии конца 1923 — начала 1924 года от'явленнейший белогвардеец Ст. Иванович радостно потирал руки: «Нас нисколько не прельщают политически все эти оппозиции. Но мы их записываем в плюс русского освобождения, поскольку они разлагают твердыни РКП» [2].

«Социологический анализ» Далина—старый либерально-буржуазный перепев «экономизма», уже в конце XIX века об'являвшего «буржуазной выдумкой» политическую самодеятельность рабочего класса.

Никто другой, как Эдуард Бернштейн, первый «установил», что революционный захват власти пролетариатом влечет за собой его... буржуазное вырождение!

Негодяи, защищающие империализм в интересах подкупа мелкой буржуазии и рабочей аристократии поистине невыразимо отвратительны в позе «обвинителей» ленинской пиртии!

---

[1] Д. Далин После войн и революций, стр. 50—51.

[2] Ст. Иванович. Автобиография РКП—«Современные Записки», т. XVIII, Париж. 1924 г., стр. 310.

Лежневых [1] и Далиных роднит общий план борьбы с пролетарской диктатурой с помощью нэпманов и международного капитала. Он заключается в организации мелкобуржуазного натиска на командные высоты пролетарской диктатуры, в «эмансипации» советского аппарата от партии, с одной стороны, в разложении пролетарской партии изнутри путем «обволакивания» ее наиболее неустойчивых элементов.

Контр-революция, уже при первой попытке проведения своего плана «тихой сапы», позорно провалилась. Однако рецидивы, повторение снова и снова таких попыток неизбежны, поскольку в обстановке нэп'а на мелкобуржуазной почве возрождаются капитализм и идеология буржуазной реставрации, поддерживаемые при этом еще международным капиталистическим окружением.

На хозяйственном фронте единственно пролетарский авангард способен целесообразно сочетать действие сверху и действие снизу, администрирование аппарата и общее политическое руководство массами.

В области хозяйства,—больше, чем где-либо, партийная связь работников государственного аппарата обеспечивает пролетарское руководство этим аппаратом и связь работы аппарата с массами.

Именно, исходя из этого, т. Ленин предложил проект реорганизации Рабоче-Крестьянской Инспекции.

Именно, исходя из трудностей немедленного и прямого овладения всеми звеньями советского аппарата снизу, т. Ленин выдвинул необходимость частичного слияния партийных и советских функций.

«Как можно соединить учреждения партийные с советскими?»—писал он. «Нет ли тут чего-либо недопустимого?

Я ставлю этот вопрос не от своего имени, а от имени тех, на кого я намекнул... говоря, что бюрократы имеются у нас не только в советских, но и в партийных учреждениях.

Почему бы в самом деле, не соединить те или другие, если это требуется интересом дела? Разве кто-либо не замечал когда-либо, что в таком наркомате, как Наркоминдел, подобное соединение приносит чрезвычайную пользу и практикуется с самого его

[1] Сам г-н Лежнев с тех пор еще раз успел сменить вехи.

начала? Разве в Политбюро не обсуждаются с партийной точки зрения многие мелкие и крупные вопросы о «ходах» с нашей стороны в ответ на «ходы» заграничных держав, в предотвращение их, ну, скажем, хитрости, чтобы не выражаться менее прилично? Разве это гибкое соединение советского с партийным не является источником чрезвычайной силы в нашей политике? Я думаю, что то, что оправдало себя, упрочилось в нашей внешней политике и вошло уже в обычай так, что не вызывает никаких сомнений в этой области, будет, по меньшей мере, столько же уместно (а я думаю, что будет гораздо более уместно) по отношению ко всему нашему государственному аппарату. А, ведь, Рабкрин и посвящен всему нашему государственному аппарату, и деятельность его должна касаться всех и всяких, без всякого из‘ятия государственных учреждений, и местных, и центральных, и торговых, и чисто чиновничьих, и учебных, и архивных, и театральных и т. д.— одним словом, всех без малейшего из‘ятия.

Почему же для учреждения с таким широким размахом, для которого, кроме того, требуется еще чрезвычайная гибкость форм деятельности, почему же для него не допустить своеобразного слияния контрольного партийного учреждения с контрольным советским?» [1]

Об‘единение Центральной Контрольной Комиссии РКП с Рабоче-Крестьянской Инспекцией состоялось по постановлению XII с‘езда.

И характерно: как раз этот с‘езд выступил против уклона т.т. Красина, Осинского и др. в сторону отрыва советского хозяйства от партийной гегемонии.

Резолюция его гласила: «XII с‘езд не может закрыть глаза на то, что обстановка НЭП‘а создает почву для уклонов, опасность которых должна быть предусмотрена партией, и которым партия должна с самого же начала дать решительный идейный отпор. Особенно опасными и губительными для исторической миссии нашей партии являются те уклоны, которые противопоставляют советское государство рабочему классу и партию советскому государству.

Противопоставление советского государства, опирающегося на союз рабочих и крестьян, интересам рабочего класса и дикта-

[1] Н. Ленин. «Лучше меньше, да лучше». Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 132—133.

туре партии является ныне главнейшим агитационным орудием всех врагов нашей партии и принимает в их руках явно контрреволюционный характер. Но этот же ход мыслей принимает и другие формы, формы доброжелательной «критики» политики нашей партии «слева» или «справа» (в виде попыток увеличить «независимость» советских и хозяйственных органов от партии),—иногда не встречающие достаточно решительного отпора в рядах нашей партии, особенно среди ее молодых и недостаточно партийно-воспитанных элементов. Между тем, этот круг идей в своем развитии представляет ни что иное, как ревизию (пересмотр) испытанной пятилетней тактики партии и ведет неизбежно к ликвидаторским выводам» [1].

Отрыв советских органов от партийного влияния связан неразрывно с попытками ревизии большевистской идеи пролетарской гегемонии по отношению к полупролетарским и крестьянским массам. Одно влечет за собою другое. И наоборот.

Правильное понимание взаимоотношений между коммунистической партией, советским государством и массами может быть достигнуто только на основе последовательного применения идеи пролетарской гегемонии в революции,—как в области обучения широких трудящихся масс делу управления, так и в области связи между администрированием и политикой.

Обсуждение национального вопроса, в связи с преобразованием советской федерации в советское союзное государствс на XII с'езде на конкретном, отдельном примере вскрыло прямую обусловленность государственного строительства партийно-пролетарским руководством.

Национальный вопрос, после победы октябрьской революции, разбирался на 8 и 10 с'ездах РКП (б).

Международное единство пролетариев в рамках коммунистической партии, полное национальное равноправие и свободный революционный союз трудящихся всех наций в области советского государственного строительства,—вот основные принципы ленинизма в национальном вопросе.

Международное единство пролетариев в рамках коммунистического авангарда является необходимой предпосылкой проведения

[1] Резолюция XII С'езда по отчету ЦК.—Стенографический отчет. Москва. 1923 г., стр. 620—621.

пролетарского руководства в деле сближения и об'единения полупролетарских и крестьянских масс разных наций.

X С'езд, осудив великорусское колонизаторство и туземный шовинизм ранее угнетенных наций, признал, что «оба эти вредных уклона от принципов коммунистического интернационализма черпают силу в неизбежной, на первых порах, засоренности коммунистических организаций на окраинах. С одной стороны, к партии примазываются кулацко-колонизаторские элементы, с другой стороны, в партию проникают представители туземных эксплоататорских групп» [1].

Нэп эти уклоны в партийно-советском строительстве усилил.

В своем докладе на XII с'езде т. Сталин говорил: «В связи с нэп'ом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила— великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей федерации и ведущий к тому, что если мы этой новой силе не дадим решительного отпора, если мы ее не подсечем в корне,—а нэповские условия ее взращивают,— мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что равняется подрыву диктатуры пролетариата.

Но нэп взращивает не только шовинизм русский,—он взращивает и шовинизмы местные, особенно в тех республиках, которые имеют несколько национальностей... Эти местные шовинизмы, конечно, не представляют по своей силе той опасности, которую представляет шовинизм великорусский. Но они все таки представляют опасность, грозя нам превратить некоторые республики в арену национальной склоки, подорвать там узы интернационализма» [2].

XII С'езд нашел, что в особенности в условиях нэп'а, требующих усиления централизованного политического и экономического руководства в борьбе с капиталистической стихией,—«об'единение национальных республик в Союз советских республик является заключительным этапом развития форм сотрудничества, принявшим на этот раз характер военно-хозяйственного и политического об'единения народов в единое многонациональное советское государство» [3].

---

[1] Десятый С'езд РКП (б). Стенографический отчет, стр. 326.
[2] Двенадцатый С'езд РКП (б). Стенографический отчет, стр. 441.
[3] Резолюция по национальному вопросу. Там же, стр. 645.

Промышленная колонизация окраин, без которой невозможен прочный хозяйственный и культурный под‘ем их, неосуществима без этого условия.

Но в то же время проведение союзного об‘единения С‘езд обусловил точным проведением партийной линии советским аппаратом.

«Одним из ярких выражений наследства старого»,—говорилось в резолюции С‘езда,—«следует считать тот факт, что Союз республик расценивается значительной частью советских чиновников в центре и на местах не как союз равных государственных единиц, призванный обеспечить свободное развитие национальных республик, а как шаг к ликвидации этих республик, как начало образования так называемого «единого-неделимого».

Таким же результатом наследства старого следует считать стремление некоторых ведомств Р.С.Ф.С.Р.—подчинить себе самостоятельные комиссариаты автономных республик и проложить путь к ликвидации последних.

Осуждая такое понимание, как антипролетарское и реакционное и провозглашая абсолютную необходимость существования и дальнейшего развития национальных республик, С‘езд призывает членов партии зорко следить за тем, чтобы об‘единение республик и слияние комиссариатов не были использованы шовинистически-настроенными советскими чиновниками, как прикрытие их попыток игнорировать хозяйственные и культурные нужды национальных республик. Слияние комиссариатов есть экзамен советскому аппарату: если бы этот опыт получил на практике великодержавническое направление, то партия была бы вынуждена принять против такого извращения самые решительные меры, вплоть до постановки вопроса о пересмотре слияния некоторых комиссариатов впредь до надлежащего перевоспитания советского аппарата в духе действительно пролетарского и действительно братского внимания к нуждам и потребностям малых и отсталых национальностей» [1].

Наряду с организацией Союзного ЦИК‘а, С‘езд высказался за создание Совета Национальностей, «специального органа представительства национальностей на началах равенства», при-

---

[1] Двенадцатый С‘езд РКП (б). Стенограф. отчет, стр. 648.

званного отражать «специальные нужды и потребности отдельных национальностей» [1].

Строительство союзного советского многонационального государства под силу только интернационально-пролетарской партии. Оно не может быть выполнено средствами одного государственного аппарата, так как в этой области они более, чем где-либо, недостаточны.

Национальный вопрос с особой выпуклостью подчеркивает, что руководство партии советским аппаратом никоим образом не может ограничиться только дачей последнему «плановых заданий».

К 1923 году хозяйство Советского Союза начало быстро подниматься. С этим под'емом совпали окончательный развал последних остатков анти-советских групп и партий и поворот самых широких масс рабочего класса к прямой поддержке нашей партии.

Однако, одновременно хозяйственный под'ем привел к расхождению известных «ножниц».

Революционный под'ем в Германии в августе — октябре 1923 года был приостановлен новой победой фашизма, благодаря новому предательству социал-демократии.

Это неминуемо должно было вызвать новый толчок мелкобуржуазной стихии против партии.

Этот толчок шел из мелкобуржуазно-интеллигентской среды, из среды смешанной «новой» интеллигенции. Его передаточным рычагом оказались наиболее неустойчивые элементы партии.

Интеллигенция в стране Советов, в настоящее время, представляет собой чрезвычайно пеструю массу, пестрый ряд переходов от нэповской буржуазии и мелкой буржуазии к пролетариату.

А. Пешехонов, не так давно перекочевавший в эмиграцию, дал довольно точную характеристику ее: «Служилая интеллигенция — в одной ее части — была февральской революцией как будто приподнята, но в целом этот слой уже тогда опустился. После октябрьского взрыва часть этого социального слоя была распылена, а в целом он опустился очень глубоко и стал социальными низами. Часть интеллигенции эмигрировала. Оставшиеся в России элементы этого слоя были перемешаны: почти все переменили службу, многие профессию, некоторые — и место жительства. Кое-

[1] Двенадцатый С'езд РКП (б). Стеногр. отчет, 648.

кто передвинулся и в другие социальные слои. Советская власть всячески старалась вернуть интеллигенцию к прежнем профессиям и на прежние места, но результаты ничтожны. Лишь с переходом к новой экономической политике процесс размещения служилой интеллигенции пошел более успешно. Состав ее за время революции существенно изменился. Очень много элементов, которые входили в ее состав, уже отпало и еще отпадает, а, с другой стороны, в нее вошло много новых элементов из прежнего правящего слоя, из торгово-промышленной буржуазии, из офицерства, а особенно из рабочих и крестьян. Кроме того, усилия Советской власти дать в первую очередь образование крестьянам и рабочим, несомненно сыграли свою роль и отразятся на дальнейшем составе служилой интеллигенции. В общем она сделается еще более разночинной, чем раньше, но вместе с тем она станет более однородной: не будет больших различий между служащими различных категорий.

Старая фигура чиновника сходит со сцены—его место займут новые люди, у которых будет меньше формализма и больше умения приспособиться к жизни. В низших слоях эта новая служилая интеллигенция будет напоминать культурного рабочего. В средних слоях—прежнего земского служащего, и в высших, где раньше заседала сословная бюрократия, она будет иметь более интеллигентные черты» [1].

Пешехонов, конечно, путает в одной куче и пролетарскую и советско-крестьянскую интеллигенцию с мелко-буржуазной интеллигенцией. Но не подлежит сомнению, что ряд переходов, сцепок, всяческих связей между ними имеется.

Пестрота социального состава интеллигенции определяет расплывчатость ее политической физиономии: от меньшевизма и лежневщины до Р.К.П. включительно.

Нэп толкнул ее к известному общественному пробуждению,—как в смысле почти всеобщей «смены вех», так и в смысле возрождения стремлений делать по своему политику и, прежде всего, выдвигаться выше, вверх.

Здесь мы имеем дело не столько с сознательным стремлением, сколько с «потребностью роста».—Благодаря нэп'у немного подкормились и подремонтировались.

---

[1] «Социальные последствия русской революции».—Доклад Пешехонова в Иене.—«Дни», 18 июля 1923 г.

В первой половине 1920 года, тов. Ленин, возражая западноевропейским «левым коммунистам», пугавшимся участия в буржуазных парламентах в виду уменья буржуазии «обволакивать» рабочих представителей, доказывал неизбежность такого рода «обволакивания» и после захвата власти пролетариатом:

«Бесстыднейший карьеризм, буржуазное использование парламентских местечек, вопиющее реформистское извращение парламентской работы, пошлая мещанская рутина — нет сомнения, что все это — обычные и преобладающие характерные черты, которые порождает капитализм всюду и не только вне, но и внутри рабочего движения. Но он, капитализм, и создаваемая им буржуазная обстановка (исчезающая даже после свержения буржуазии очень медленно, ибо крестьянство постоянно возрождает буржурзию) решительно во всех областях работы и жизни порождают такой же по существу буржуазный карьеризм, национальный шовинизм, мещанское опошление и т. д.

Вы кажетесь себе самим «ужасно революционными», милые бойкотисты и анти-парламентаристы, но на самом деле вы испугались сравнительно небольших трудностей борьбы против буржуазных влияний изнутри рабочего движения, тогда как ваша победа, т. е. свержение буржуазии и завоевание политической власти пролетариатом создаст эти самые трудности в еще большем, в неизмеримо большем размере. Вы по-детски испугались маленькой трудности, которая предстоит вам сегодня, не понимая, что завтра и послезавтра вам придется все же научиться, доучиться преодолевать те же самые трудности в размере, неизмеримо более значительном.

При Советской власти в вашу и в нашу, пролетарскую, партию полезет еще больше буржуазно-интеллигентских выходцев. Они пролезут и в Советы, и в суды, и в администрацию, ибо нельзя, не из чего, строить коммунизм иначе, как из человеческого материала, созданного капитализмом, ибо нельзя изгнать и уничтожить буржуазную интеллигенцию, надо победить, переделать, переварить, перевоспитать ее — как перевоспитать надо в длительной борьбе, на почве диктатуры пролетариата, и самих пролетариев, которые от своих собственных мелкобуржуазных предрассудков избавляются не сразу, не чудом, не по повелению божией матери, не по велению лозунга, революции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями.

При Советской власти те самые задачи, которые теперь так горделиво, так высокомерно, так легкомысленно, так ребячески отбрасывает от себя антипарламентарий одним движением руки,— те же самые задачи возрождаются внутри советов, внутри советской администрации, внутри советских «правозаступников»...

Внутри советских инженеров, внутри советских учителей, внутри привилегированных, т. е. наиболее квалифицированных и наилучше поставленных рабочих на советских фабриках мы видим постоянное возрождение решительно всех тех отрицательных черт, которые свойственны буржуазному парламентаризму, и только повторной, неустанной, длительной, упорной борьбой пролетарской организованности и дисциплины мы побеждаем—постепенно—это зло» [1].

Это писалось задолго до нэп'а.

Когда на очередь дня становится культурная революция, буржуазно-интеллигентские попутчики, зачастую бессознательно, стараются перебить дорогу культурному под'ему, идущему из пролетарской среды. Культурное обволакивание в этих условиях становится сугубо опасным, так как грозит отрывом молодой пролетарской интеллигенции от ее классовой базы.

Умственный труд, оторванный от повседневного участия в работе пролетарского коллектива, располагает к тому отвлеченному мышлению, которое игнорирует конкретно-историческую обстановку классовой борьбы.

Еще в 1907 году, разоблачая представителей и сладкопевцев «внеклассовой» интеллигенции, Ильич писал: «Влияние помещиков на народ не страшно. Обмануть сколько-нибудь широкую рабочую и даже крестьянскую массу сколько-нибудь надолго никогда им не удастся. Но влияние интеллигенции, непосредственно не участвующей в эксплоатации, обученной оперировать с общими словами и понятиями, носящейся со всякими «хорошими» заветами, иногда по искреннему тупоумию возводящей свое междуклассовое положение в принцип внеклассовых партий и внеклассовой политики,—влияние этой буржуазной интеллигенции на народ опасно. Тут и только тут есть на-лицо заражение широких масс, способное принести действительный вред, требующее напряжения всех сил социализма для борьбы с этой отравой» [2].

[1] Н. Ленин. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Собр. соч., т. XVII, стр. 196—197.

[2] Н. Ленин. Памяти графа Гейдена (Чему учат народ беспартийные „демократы"?) Сб. „Голос Жизни", 1907 г. Собр. соч., т. VIII, стр. 429.

Своеобразие классовой обстановки в России, позволяющее всем попутчикам рядиться в защитный цвет, заключается в том, что внутри страны прямой классовый враг, — ничтожен и существует в полуприкрытом виде, силу же, могущую столкнуться с пролетарской диктатурой, представляет мелкобуржуазная стихия — безличная, неуловимая и вездесущая.

«Чтобы закрепить победу пролетариата и отстоять в обостреннейшей гражданской войне диктатуру его, пролетарскому авангарду пришлось лишить свободы организации все те политические группировки, которые были враждебны Советской власти. Российская Коммунистическая Партия осталась **единственной легальной политической партией в стране**. Это обстоятельство дало, разумеется, много преимуществ рабочему классу и его партии. Но оно же, с другой стороны, вызвало явления, крайне усложнившие работу партии. В ряды единственной легальной политической партии неизбежно устремились, ища приложения своих сил, такие **группы слои и, которые при иных условиях находились бы не в рядах коммунистической партии, а в рядах социал-демократии или другой разновидности мелкобуржуазного социализма.** Эти элементы, иногда сами искренно считающие себя коммунистическими, на деле не совлекли с себя «ветхого Адама» мелкобуржуазности и приносят в Р.К.П. свою мелкобуржуазную психологию и навыки мысли» [1].

Они-то и выявили себя в партийной дискуссии.

Хозяйственный и культурный под'ем рабочего класса сделал необходимым расширение внутри-партийной рабочей демократии в целях упрочения и расширения связи партии с рабочим классом.

Центральный Комитет и, в частности тов. Зиновьев в своей статье «Новые задачи Партии», опубликованной в годовщину революции, так и поставили вопрос.

Ленинградская организация, до опубликования постановления Политбюро Ц. К. и Президиума Ц. К. К., со всей определенностью заявила, что она понимает расширение внутрипартийной демократии не как уступку фракционности и мелкобуржуазным уклонам, но как меру, направленную на помощь новому росту пролетарского костяка партии.

---

[1] Резолюция XI С'езда Р.К.П., происходившего 27 марта — 2 апреля 1922 г.

Ленинградская организация указала, что прямой и главнейшей целью широкого проведения внутрипартийной демократии является вовлечение в партию новых масс рабочих от станка.

— «Тяга беспартийных рабочих масс в партию и необходимость закрепления и расширения рабочего состава партии повелительно требуют сосредоточения внимания всей организации на повышении политического уровня и самодеятельности рабочих коллективов. Пролетарий-коммунист, работающий у станка, занимает важнейшую командную высоту пролетарской диктатуры, являясь проводником идей и лозунгов партии в широкие беспартийные массы рабочего класса [1].

Оппозиция, организованная, главным образом, группой «демократического централизма», этому деловому и большевистскому подходу к вопросу противопоставила настоящий фракционный поход против партийного аппарата и руководящей ленинской линии партии.

В походе на «аппаратчиков» и «партийный бюрократизм» с полной очевидностью вылилось недовольство мелкобуржуазных попутчиков монопольным положением пролетарского авангарда и желание сорвать эту пролетарскую монополию.

Так же, как и во время спора о профсоюзах, тов. Троцкий дал увлечь себя ошибочному уклону и выработал даже целую философию партийной истории в защиту этого уклона.

Буквально за несколько недель до притока двухсот тысяч рабочих от станка в РКП (б) [2], тов. Троцкий, в разрез со всей историей большевизма, провозгласил необходимость проводить партийную политику, опираясь на ячейки разного социального состава.—«Фабрично-заводские ячейки по классовому составу своему являются, разумеется, коренными. Но тот факт, что они составляют одну шестую часть партии и что наиболее активные элементы партии из'емлются из них и вводятся в партийный или государственный аппарат, не позволяет партии пока еще, к несчастью, опираться только или даже преимущественно на производственные ячейки. Рост этих последних будет надежнейшим

[1] Резолюция XIX Губернской партийной конференции. Сборник «За партию! За ленинизм»! Стр. 78.

[2] Величайший удар пролетариату — смерть Владимира Ильича — только разрядил энергию, накоплявшуюся в течение долгого предшествующего периода. На этом сходятся все показания «ленинского призыва».

измерителем успехов партии в области промышленности и вообще хозяйства и, вместе с тем, лучшей гарантией сохранения ее пролетарского характера. Но вряд ли можно надеяться на их быстрый рост уже в ближайшее время. Партии придется, следовательно, в ближайший период обеспечивать свое внутреннее равновесие и свою революционную линию, опираясь на ячейки **разного состава»** [1].

— На III С'езде большевиков в 1905 году Владимир Ильич предупреждал: «на маленькую интеллигентскую периферию положиться нельзя, но на сотни организованных рабочих положиться можно и должно» [2].

У тов. Троцкого же получилось не только извращение ближайшей политической перспективы—в смысле недооценки культурно-политического роста рабочих масс, но и вообще принципиально-неправильная, небольшевистская постановка вопроса.

Он просмотрел тот факт, что суровые ограничения внутрипартийной демократии, вплоть до чистки, включая ее, были вызваны временной слабостью пролетарской базы партии.

Большевистская партийная политика никогда не была и не может быть компромиссом между пролетарским ядром партии и неустойчивыми элементами.

В современной обстановке это было чем-то вроде «внутрипартийного нэп'а»!

А большевизм как раз всегда держался своей внутренней крепостью, и только эта крепость позволяла ему делать самые разнообразные маневры и глубокие отступления в тыл.

Тов. Троцкий в своих статьях о «Новом курсе» попытался изобразить борьбу руководящей ленинско-пролетарской линии партии с мелкобуржуазными уклонами, как борьбу старого с молодым, как борьбу «отцов» и «детей».

— Невероятно, но факт!

«Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденцию ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, всей остальной партийной массе как об'екту воздействия. Если бы этот режим упорно сохранялся и дальше, то он, несомненно, грозил бы, в конце концов, вызвать переро-

[1] Л. Троцкий. Новый курс.—«Бюрократизм и революция», стр. 36.
[2] Собр. соч., т. VI, стр. 187.

ждение партии—притом одновременно на обоих ее полюсах, т. е. и в партийном молодняке и в руководящих кадрах» [1].

Следует признать, что со времени ликвидаторства и полуликвидаторского примиренчества не было, со стороны виднейшего представителя партии, подобной, «уничтожающей» оценки внутрипартийного положения.

Однако, дело не в этом. Дело в том, что опасность перерождения партии тов. Троцкий свел к... внутрипартийному «режиму».

В качестве же главного виновника этого «старого режима» он выставил старую ленинскую гвардию.—«Только постоянное взаимодействие старшего поколения с младшим, в рамках партийной демократии, может сохранить старую гвардию, как революционный фактор. Иначе старики могут окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма.

Перерождение «старой гвардии» наблюдалось в истории не раз. Возьмем наиболее свежий и яркий исторический пример: вожди и партии II Интернационала. Мы ведь знаем, что Вильгельм Либкнехт, Бебель, Зингер, Виктор Адлер, Каутский, Бернштейн, Лафарг, Гед и многие другие были прямыми и непосредственными учениками Маркса и Энгельса. Мы знаем, однако, что все эти вожди—одни отчасти, другие целиком—переродились в сторону оппортунизма в обстановке парламентских реформ и самодовлеющего роста партийного и профессионального аппарата. Мы видим, особенно ярко накануне империалистской войны, как могущественный социал-демократический аппарат, прикрытый авторитетами старшего поколения, стал величайшим тормозом революционного развития» [2].

Чтобы окончательно развенчать «авторитеты старшего поколения», тов. Троцкий не пожалел и до-октябрьской истории большевизма.—«Что до-октябрьская история, несмотря на ее богатство, сложность и различие пройденных этапов, представляла только подготовительный период, это сейчас совершенно бесспорно. Октябрь дал идейную и организационную проверку партии и ее кадрового состава. Под Октябрем мы понимаем наиболее острый период борьбы, борьбы за власть, начиная, скажем, с апрельских тезисов т. Ленина и кончая фактическим завладением государственным аппаратом. Октябрьская глава, измеряемая

---

[1] Л. Троцкий. Новый курс.—«Вопрос о партийных поколениях», стр. 12.
[2] Л. Троцкий. Новый курс.—«Письмо к партийным совещаниям», стр. 80.

месяцами, по содержанию своему не менее значительна всего подготовительного периода, измерявшегося годами и десятилетиями. Октябрь не только дал безошибочную, единственную в своем роде проверку великого прошлого партии, но и сам стал источником величайшего опыта для будущего» [1].

— Если разобраться во всем этом фракционном узоре, то станет абсолютно ясным, насколько далеко тов. Троцкий зашел в поддержке мелкобуржуазного уклона в партии.

Но сначала «маленькая справка».

«Одна уже постановка вопроса: «диктатура партии или диктатура класса? диктатура (партия) вождей или диктатура (партия) масс?» свидетельствует о самой невероятной и безысходной путанице мысли. Люди тщатся придумать нечто совсем особенное и в своем усердии мудрствования становятся смешными. Всем известно, что массы делятся на классы;—что противополагать массы и классы можно, лишь противополагая громадное большинство вообще, не расчлененное по положению в общественном строе производства, категориям, занимающим особое положение в общественном строе производства;—что классами руководят обычно и в большинстве случаев, по крайней мере, в современных цивилизованных странах, политические партии; — что политические партии в виде общего правила управляются более или менее устойчивыми группами наиболее авторитетных, влиятельных, опытных, выбираемых на самые ответственные должности лиц, называемых вождями. Все это азбука. Все это просто и ясно. К чему понадобилась вместо этого какая-то тарабарщина? Какой-то новый волапюк? С одной стороны, повидимому, люди запутались, попав в тяжелое положение, когда быстрая смена легального и нелегального положения партии нарушает обычное, нормальное, простое отношение между вождями, партиями и классами. В Германии, как и в других европейских странах, чересчур привыкли к легальности, к свободному и правильному выбору «вождей» регулярными с‘ездами партий, к удобной проверке классового состава партий выборами в парламент, митингами, прессой, настроениями профсоюзов и других союзов и т. п. Когда от этого обычного пришлось, в силу бурного хода революции и развития гражданской войны, переходить быстро к смене

[1] Л. Троцкий. Новый курс.—«Вопрос о партийных поколениях», стр. 7—8.

легальности и нелегальности, к соединению их, к «неудобным», «недемократическим» приемам выделения или образования или сохранения «групп вожаков», — люди растерялись и начали выдумывать сверх‘естественный вздор. Вероятно, голландские «трибунисты» [1], которые имели несчастье родиться в маленькой стране [2], с традицией и условиями особенно привилегированного и особенно устойчивого легального положения, люди, совсем не видавшие смены легального и нелегального положения, запутались и растерялись сами, помогли нелепым выдумкам.

С другой стороны, заметно просто непродуманное, бессвязное употребление «модных», по нашему времени, словечек о «массе» и о «вождях». Люди много слыхали и твердо заучили нападки на «вождей», противопоставление их «массе», но подумать, что к чему, выяснить себе дело не сумели.

Расхождение «вождей» и «масс» особенно ясно и резко сказалось в конце империалистской войны и после нее, во всех странах. Основную причину этого явления раз‘ясняли много раз Маркс и Энгельс в 1852—1892 годах на примере Англии. Монопольное положение Англии выделяло «рабочую аристократию», полумещанскую, оппортунистическую, из «массы». Вожди этой рабочей аристократии переходили постоянно на сторону буржуазии, были — прямо или косвенно — на содержании у нее. Маркс завоевал себе почетную ненависть этой сволочи за то, что открыто клеймил их предателями. Новейший (XX века) империализм создал монопольно-привилегированное положение для нескольких передовых стран, и на этой почве везде во II Интернационале обрисовался тип вождей-предателей, оппортунистов, социал-шовинистов, отстаивающих интересы своего цеха, своей прослойки рабочей аристократии. Создалась оторванность оппортунистических партий от «масс», т. е. от наиболее широких слоев трудящихся, от большинства их, от наихудше оплачиваемых рабочих. Победа революционного пролетариата невозможна без борьбы с этим злом, без разоблачения, опозорения и изгнания оппортунистических, социал-предательских вождей; такую политику и повел III Интернационал.

---

[1] Гортер и др., группировавшиеся вокруг газеты «Трибуна».

[2] Несчастьем бывает также и родиться в маленькой фракции.—Это стоило бы добавить к характеристике, данной здесь Владимиром Ильичем.

Договориться по этому поводу до противоположения вообще диктатуры масс диктатуре вождей есть смехотворная нелепость и глупость. Особенно забавно, что на деле-то вместо старых вождей, которые держатся общечеловеческих взглядов на простые вещи, на деле выдвигают (под прикрытием лозунга: «долой вождей») новых вождей, которые говорят сверх'естественную чепуху и путаницу» [1].

— Это было написано тов. Лениным четыре года тому назад, но и сейчас вполне заслуживает внимания.

На заре рабочего движения тов. Ленин учил пролетариев, что «ни один класс в истории не достигал господства, если он не выдвигал своих политических вождей, своих передовых представителей, способных организовать движение и руководить им» [2].

Постановка вопроса о «вождях», данная тов. Троцким, ничего не имеет общего с большевистским, ленинским взглядом на этот вопрос. О перерождении старой гвардии можно говорить всерьез, а не в пустую, исходя из об'ективных данных политики и экономики. Сравнивать же ленинскую гвардию — в свое время ее многие называли «ленинским сектантским кружком»! — с «героями» Второго Интернационала значит переворачивать вещи вверх ногами.

Тов. Троцкий не в состоянии доказать недоказуемое; не в состоянии доказать, что в Советском Союзе есть та же самая рабочая аристократия, как и в странах империализма.

Если же говорить об опасностях перерождения партии, то они заложены в мелкобуржуазном окружении и именно политика, рассчитанная на «ячейки разного состава», могла бы содействовать росту этих опасностей.

Тов. Троцкий расценивает до-октябрьский опыт, как подготовительный этап.

Однако, он должен был бы вспомнить, что все неудачи западно-европейских коммунистических партий в первую голову об'ясняются отсутствием этого опыта, что октябрьская и послеоктябрьская политика была его последовательным продолжением.

Правда, в период от апреля до октября наши ряды пополнились, но не это пополнение определило основной партийный курс.

[1] Н. Ленин. «Детская болезнь...» Собр. соч., т. XVII, стр. 133—134—135.
[2] Н. Ленин. «Насущные задачи нашего состава».—«Искра», № 1, декабрь 1900 г. Собр. соч., т. IV, стр. 14.

Впрочем, забвение исторической последовательности событий никогда не ведет дальше политических ошибок.

В противовес «людям старого поведения», тов. Троцкий выдвинул молодежь, и прежде всего, учащуюся.—«По своему составу и связям учащаяся молодежь отражает все социальные прослойки, входящие в нашу партию, и впитывает в себя их настроения. По молодости и отзывчивости она склонна этим настроениям немедленно же придавать активную форму. Как учащаяся молодежь, она стремится об'яснять и обобщать. Этим вовсе не сказано, что молодежь во всех своих проявлениях и настроениях выражает здоровые тенденции. Если бы это было так, это означало бы одно из двух: либо в партии все обстоит благополучно, либо молодежь перестала отражать свою партию» [1].

Во всяком случае, «особенно остро реагирует на бюрократизм учащаяся молодежь» [2].

А «бюрократизм в государственном аппарате и в партии есть выражение тех самых отрицательных тенденций нашей обстановки, минусов и уклонов нашей работы, которые, при известных социальных условиях, могут привести к подрыву революции» [3].

С одной стороны: порок—бюрократизм, возглавляемый «перерождающейся» старой гвардией.

С другой стороны: добродетель—учащаяся молодежь.

Эта историко-социологическая схема сильно напоминает другую схему, построенную в свое время народником Ивановым-Разумником [4]: «внеклассовая», «этическая», «антимещанская» интеллигенция на протяжении всей истории общественной мысли в России ведет самоотверженную борьбу с «социологическим», «политическим», «этическим», «эстетическим» и прочим мещанством.

Тов. Ленин всегда стоял на той точке зрения, что с бюрократизмом борьбу нужно вести, прежде всего, пролетарскими силами, что только пролетариат и, в первую голову, пролетарское ядро партии способно действительно побороть бюрократизм, являющийся надстройкой над мелкобуржуазной и, особенно, крестьянской отсталостью и раздробленностью. Именно руководствуясь этим, тов. Ленин предлагал сближение и частичное слияние советских и партийных функций.

[1] Л. Троцкий. Новый курс.—«Общественный состав партии», стр. 18.

[2] Там же, стр. 18.

[3] Л. Троцкий. Новый курс.—«Бюрократизм и революция», стр. 38.

[4] См. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли.

Но тов. Троцкий видит бюрократизм там, где его нет, и не видит его там, где он есть.

Как раз в противоречии с тем, что отстаивал Владимир Ильич, он заявляет: «Весь переплет бюрократической повседневности советского государства вливается в партийный аппарат и создает в нем бюрократический сдвиг. Партия, как коллектив, не ощущает своего руководства, ибо не (!!?) осуществляет его. Отсюда недовольство или недоумение даже в тех случаях, когда руководство по существу правильно. Но оно не может удержаться на правильной линии, поскольку разменивается на мелочи, не приобретая систематического, планомерного и коллективного характера. Таким образом, бюрократизм не только нарушает внутреннюю спайку партии, но и ослабляет правильное воздействие ее на государственный аппарат. Этого сплошь да рядом не замечают и не понимают те, кто громче всего кричат о руководящей роли партии по отношению к советскому государству» [1].

Одним из таких «непонимающих» был тов. Ленин.

В этом не трудно убедиться, если вспомнить, как Владимир Ильич ставил вопрос об улучшении государственного аппарата с помощью партии.

По существу точка зрения тов. Троцкого—хочет того он или не хочет—льет воду на мельницу людей, желающих оторвать администрирование от политики, советский аппарат от коммунистической партии.

Тов. Ленин был безусловнейшим противником всякого прожектерства, стремящегося подменить широковещательным «планом» повседневную работу.

— «Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чинопочитания, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями.

Это и понятно, потому что самые смелые шаги вперед лежали в области, которая составляла издавна удел теории, лежали в области, культивировались, главным образом и даже почти

---

[1] Л. Троцкий. Новый курс.—«Общественный состав партии», стр. 20—21.

исключительно, теоретически. Русский человек отводил душу от постылой чиновничьей действительности дома за необычайно смелыми теоретическими построениями, и поэтому эти необычайно смелые теоретические построения приобретали у нас необыкновенно односторонний характер. У нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывалась с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом не хватало фантазии на какую-нибудь десятистепенную канцелярскую реформу; не хватало фантазии или не хватало терпения применить к этой реформе те же общие положения, которые давали такие «блестящие» результаты, будучи применяемы к вопросам общим»[1].

— «Мы должны иметь мужество сказать, что мы создаем свой аппарат стихийно. Лучшие рабочие шли и брались за самые трудные обязанности в области военной и в области гражданской, брались сплошь и рядом неправильно, но умели поправляться и работать. Соотношение между этими, может быть, десятками мужественных людей и сотнями тех, которые сидят и саботируют, или полусаботируют, путаясь в об'еме своих бумаг, это соотношение губило сплошь и рядом наше живое дело в непомерном море бумаг. Мы должны самым обстоятельным образом изучить этот вопрос, которого до сих пор изучить не могли. Годы и годы должны пройти, годы и годы мы должны учиться, потому что уровень культуры наших рабочих низок, рабочим трудно взяться за совершенно новое дело производства, а только на одних рабочих мы можем положиться в смысле искренности и энтузиазма. Годы и годы должны пройти, чтобы мы добились улучшения нашего государственного аппарата, под'ема его не в смысле отдельных лиц, а в полном его об'еме, на высшие ступени культуры»[2].

Шумливая полу-вузовская, полу-советско-бюрократическая оппозиция этого-то и не усвоила, предавшись «плановым» мечтаниям.

Она не поняла, что, поскольку государственный аппарат до известной степени строится и работает стихийно, постольку све-

---

[1] Н. Ленин. «Лучше меньше, да лучше». Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 134.

[2] Н. Ленин. Речь на IV сессии ВЦИК 31 октября 1922 г. Собр. соч., т. XVIII ч. 2, стр. 83—84.

дение партийного руководства им к одной только даче плановых заданий на деле сводит на-нет партийное руководство.

Боязнь переплетения с «бюрократической повседневностью советского государства» означает отказ от исправления этой бюрократической повседневности.

Здесь нужно обратить внимание также и на другую, принципиальную сторону вопроса.

— Энгельс в предисловии к Марксовой «Гражданской войне во Франции» писал: «Коммуна должна была с самого начала признать, что рабочий класс, достигнув власти, не может пользоваться для своих целей старой государственной машиной; что если этот класс не хочет потерять только что завоеванное господство, он должен, во-первых, устранить весь старый, направлявшийся до тех пор против него самого, механизм угнетения, с другой стороны — обезопасить себя со стороны своих собственных служащих и уполномоченных — обезопасить тем, чтобы их можно было в любое время и всех без исключения смещать»[1].

Советский строй эту возможность обеспечивает. Но для фактического осуществления ее недостаточно широкой выборности руководящих органов массами. В повседневной работе обеспечить подчинение советского аппарата пролетарскому руководству может только партия, широко опирающаяся на свою связь с массами и использующая ее для этого.

Для этого отнюдь не нужно непосредственное администрирование со стороны партии, которое признано нецелесообразным восьмым, одиннадцатым и двенадцатым с'ездами РКП(б).

Для этого необходимо, чтобы всякий вопрос, имеющий политическое значение, всякое назначение административного лица на более или менее важную должность, были проверены и взвешены с точки зрения пролетарско-коммунистического руководства государственным аппаратом.

С узкой, административно-служебной точки зрения вопросы регулирования заработной платы, отпуск товаров трестами для рабочей кооперации, изменение цен и т. п. — могут казаться мелкими.

[1] К. Маркс. Гражданская война во Франции. Перевод под редакцией Н. Ленина. Изд. «Красная Новь», 1923 г., стр. 10. Предисловие Фр. Энгельса.

На деле, в период хозяйственного строительства пролетарской диктатуры из этих «мелочей» делается большая политика.

«Ножницы», частично вызванные произвольным вздуванием цен, без учета классовых взаимоотношений, продемонстрировали воочию обязательность такого партийного контроля и руководства.

Из-за деревьев оппозиция не увидела леса. Из-за шумихи о «бюрократизме» не заметила настоящей опасности бюрократического вырождения государственного аппарата в результате ослабления партийно-пролетарского воздействия на него.

Но активное вмешательство партии в работу государственного аппарата чревато опасностью бюрократического окостенения партии?!

Это довод того же порядка, что и доводы меньшевиков о «незрелости» пролетарской революции: от ее незрелости и проистекает бюрократизм.

— «Попытка осуществить социализм в ближайшие годы в Западной Европе, т. е. ликвидировать, по крайней мере, 70—80% капитализма, привела бы в общем и целом к тем же результатам (что и в России): бюрократизму, спекуляции и громадному хозяйственному регрессу. Они являются последствиями не одной дикости, а раньше всего—попытки осуществить социализм, когда для него нет предпосылок» [1].

Увлечение—вещь хорошая, но плохо, если оно ведет к заимствованию доводов из чужого арсенала.

— Ведь, если бюрократизм можно побеждать, лишь отдаляя партию от государственного аппарата, то очевидно, что партия является... одним из источников бюрократизма!

Что касается противопоставления партии-аппарата и партии-масс, то это такая заскорузлая меньшевистская схема, что не стоит труда и опровергать ее.

«Аппаратный характер» большевизма меньшевики неизменно об'ясняли «ошибочным» курсом большевиков на гражданскую войну, в которой без централизованного аппарата борьбы не обойдешься [2].

Для действительной борьбы за пролетарскую диктатуру, в том числе и против советского бюрократизма, без аппарата тоже не обойтись.

---

[1] Д. Далин. После войны и революции, стр. 201.

[2] См. Н. Ленин. Кризис меньшевизма. Собр. соч., т. VIII, стр. 43—44.

Спору нет, что эпоха гражданской войны и последующий период спешной перестройки рядов в связи с НЭП'ом, вызвали известные бюрократические извращения в партийном аппарате, в виде чрезмерного перегиба действия сверху, назначенства и т. д. Но приступить к действительно широкому оживлению партийной самодеятельности возможно стало только с повышением материального уровня и культурного роста **пролетарской** базы партии.

Оппозиция, не собравшая вокруг себя ни одной значительной группы рабочих-коммунистов, целиком обнаружила отсутствие у нее революционного чувства действительности и свою оторванность от рабочего класса.

Она ударилась в фракционизм вместо того, чтобы пойти навстречу пролетарскому под'ему.

Тов. Троцкий в подновленном виде повторил свою старую «внефракционную теорию тех времен, когда он искал почвы для «марксистского центра» в российском рабочем движении.

— «Если продумать создавшуюся в партии обстановку, особенно как она вскрылась в дискуссии до конца»,—писал т. Троцкий в своей статье о группировках и фракционных образованиях,— «то станет совершенно ясна двойственная перспектива дальнейшего развития. Либо происходящая ныне в партии идейно-организационная перегруппировка по линии резолюции Ц. К. (!) действительно послужит шагом на пути органического роста партии, началом—разумеется, только началом—новой большой главы,—и тогда это будет наиболее желательный для всех нас и наиболее благотворный для партии исход. Тогда с дисскуссионными и оппозиционными излишествами, а тем более с вульгарно-демократическими тенденциями партия справится легко. Либо же перешедший в контр-наступление **партаппарат** в большей или меньшей мере подпадет под влияние наиболее консервативных элементов и **под лозунгом борьбы с фракционностью** снова отбросит партию на вчерашние позиции «штиля». Этот второй путь будет несравненно более болезненным; он не задержит, разумется, развития партии, но заставит оплатить это развитие большими усилиями и потрясениями, ибо даст лишнее питание вредным, разлагающим, антипартийным тенденциям» [1].

Мы знаем, что тов. Троцкий оказался плохим пророком. XIII всесоюзная партийная конференция осудила оппозицию, возглавленную тов. Троцким, и признала ее за мелкобуржуазный

[1] Л. Троцкий. Новый курс, стр. 31.

уклон. Сделала она это, опираясь на поголовный опрос всей партии в ходе дискуссии. Это решение не помешало, а помогло 200.000 пролетариев примкнуть к нашей партии.

Тов. Троцкий, провозгласив лозунг: в партийном аппарате— все «фракционное» зло, тем самым об'явил широкую амнистию всем анти-партийным и полу-партийным группировкам и фракциям

Он обошел резолюцию X С'езда, против которой велась главная атака, каучуковой оговорочкой: «Постановление X С'езда, запрещающее фракционность, может иметь только вспомогательный характер [1], но само по себе оно еще не дает ключа ко всем (!) и всяким (!!) внутренним затруднениям» [2].

А между тем, резолюция X С'езда, составленная и проведенная Владимиром Ильичем, определенно говорила: «...Необходимо, чтобы каждая организация партии строжайше следила за тем, чтобы безусловно необходимая критика недостатков, всякий анализ общей линии партии или учет ее практического опыта, проверка исполнения ее решений и способ исправления ошибок и т. п. были бы направляемы не на обсуждение групп, складывающихся на какой-либо «платформе» и т. п., а на обсуждение всех членов партии».

Резолюция поручала Ц. К. «провести полное уничтожение всякой фракционности».

Она указывала, что «необходимо, чтобы все сознательные рабочие сознали вред и недопустимость какой бы то ни было фракционности, которая неминуемо ведет на деле к ослаблению дружной работы и к усиленным повторным попыткам примазывающихся к партии врагов ее углублять разделение и использовать его в целях контр-революции» [3].

Отклики белых на последнюю дискуссию подтвердили правильность этой оценки.

— «Демократический образ правления партии нонсенс [4] без демократического образа правления страной. Ибо внутри-партийная демократия есть только функция демократии вне партии» [5].

---

[1] Надо полагать, не для «партаппарата»!
[2] Л. Троцкий. Новый курс, стр. 27—28.
[3] Десятый С'езд РКП(б). Стенографический отчет, стр. 309—310.
[4] Бессмыслица.
[5] Ст. Иванович. Автобиография РКП.—«Совр. Записки», т. XVIII. 1924 год, стр. 309.

— Так попытался по своему корректировать стрельбу против партийного аппарата белый стан.

Борьба классов даже при пролетарской диктатуре есть, до известной степени, стихийное явление, и во всякую трещину в пролетарской диктатуре неминуемо устремляются враждебные классовые силы внутри страны и за ее пределами.

Тов. Троцкий развил в «Новом курсе» целую теорию непротивления фракционному злу насилием.—«Партия может нередко разрешать одну и ту же задачу разными путями. И разногласия возникают насчет того, какой из этих путей будет лучше, короче, экономнее. Такого рода разногласия могут, в зависимости от характера вопроса, захватить широкие круги партии, но это вовсе не будет непременно означать, что тут идет борьба двух классовых тенденций.

Можно не сомневаться, что у нас это еще случится не раз, а десятки раз впереди, ибо путь пред нами трудный и не только политические задачи, но и, скажем, организационно-хозяйственные вопросы социалистического строительства будут создавать разногласия и временные группировки мнений. Политическая проверка всех оттенков марксистским анализом является для нашей партии всегда необходимейшей предохранительной мерой. Но именно конкретная марксистская проверка, а не косный шаблон, как орудие самообороны бюрократизма» [1].

Но ведь всякое крупное расхождение в организационном вопросе ведет к политическим разногласиям, всякая фракционная борьба есть в тенденции борьба разных классовых направлений.

Одного марксистского анализа и пропагандистской оценки анти-партийных уклонов недостаточно. Поскольку эти уклоны становятся угрозой единству партии, организационные мероприятия безусловно необходимы и обязательны.

— Так учит нас история ленинской партии.

Однако, тов. Троцкий и в этой истории видит опасный уклон: «Если что могло бы стать поистине смертельным для духовной жизни партии и для теоретического воспитания молодняка, так это—превращение ленинизма из метода, для применения которого нужны инициатива, критическая мысль, идейное мужество, — в канон, который требует только раз навсегда призванных истолкователей» [2].

[1] Л. Троцкий. Новый курс, стр. 29—30.
[2] Л. Троцкий. Новый курс.—«Традиция и революционная политика», стр. 46.

— Это уж, действительно, фраза, подбитая «дискуссионным» ветром. Ибо именно дискуссия доказала, что партия страдает не от избытка ленинизма, а от его недостатка.

Такая фраза способна лишь послужить призывом к неустойчивым элементам партии для ревизии ленинизма.

— «Оппозиция» явно нарушила постановление X С'езда РКП, запрещающее образование фракций внутри партии. Большевистский взгляд на партию, как на монолитное целое, «оппозиция» заменяет взглядом на партию, как на сумму всевозможных течений фракций. Эти течения, фракции и группировки согласно «новым» взглядам «оппозиции» должны быть равноправны в партии, а ЦК партии должен являться не столько руководителем партии, сколько простым регистратором и посредником между течениями и группировками. Такой взгляд на партию не имеет ничего общего с ленинизмом. Фракционная работа «оппозиции» не могла не стать угрозой единству государственного аппарата. Фракционные выступления «оппозиции» оживили надежды всех врагов партии, в том числе западно-европейской буржуазии, на раскол в рядах РКП. Эти фракционные выступления вновь поставили перед партией со всей остротой вопрос о том, может ли РКП, стоящая у власти, допустить образование фракционных группировок внутри партии.

Подводя итоги этим разногласиям и анализируя весь характер выступления представителей «оппозиции», всесоюзная партконференция приходит к выводу, что в лице нынешней «оппозиции» мы имеем перед собой не только попытку ревизии большевизма, не только прямой отход от ленинизма, но и явно выраженный мелкобуржуазный уклон. Не подлежит никакому сомнению, что эта «оппозиция» об'ективно отражает напор мелкой буржуазии на позиции пролетарской партии и ее политику. Принципы внутрипартийной демократии начинают уже истолковываться за пределами партии расширительно, в смысле ослабления диктатуры пролетариата и расширения политических прав новой буржуазии.

При том положении, что РКП, воплощающая диктатуру пролетариата, пользуется монополией легальности в стране, неизбежно, что наименее устойчивые группы коммунистов иногда поддаются непролетарским влияниям. Партия в целом должна видеть эти опасности и зорко охранять пролетарскую линию партии.

Против этого мелко-буржуазного уклона необходима систематическая и энергичная борьба всей нашей партии» [1].

— Вся партия дала отпор попытке возродить под ленинским флагом оппортунистическую контрабанду.

В 1906 году Ильич говорил: «В противоположность авантюре «рабочего с‘езда» и «беспартийной партии» мы выдвигаем лозунг: расширение впятеро и вдесятеро нашей социал-демократической партии [2], но только преимущественно и почти исключительно чисто-пролетарскими элементами и исключительно под идейным знаменем революционного марксизма» [3].

— Смерть Владимира Ильича вызвала настоящий взрыв пролетарской солидарности; десятки тысяч рабочих повалили в партию, чтобы скрепить ее ряды, упрочить ее силу и единство.

Тов. Зиновьев совершенно правильно формулировал новую задачу партии, сказав:

—«Взаимоотношения партии и беспартийных рабочих, партии и класса видоизменяются на наших глазах. Будет время,—оно уже не так далеко,—когда громадная масса беспартийных рабочих, вся толща рабочего класса пойдет в ряды нашей партии... Происходящее массовое орабочение нашей партии есть целая «революция», и притом такая, которая принесет партии только благо. Настоящий барометр для партии большевиков, это—ее основная группа: рабочие от станков. Мы должны воспитать всю массу членов партии так, чтобы для нее считалось чем-то само собой разумеющимся, что все остальные части партии равняются по ее основному ядру—пролетариям от станков» [4].

Перелом, обусловленный «ленинским призывом», знаменует, что хозяйственный рост страны и под‘ем рабочего класса уже сейчас создают действительные предпосылки для приступа к поголовной политической организации рабочего класса, неосуществимой при капитализме и в первые годы тяжелой борьбы за пролетарскую диктатуру.

---

[1] Резолюция XIII конференции РКП (б). — «Об итогах дискуссии и о мелко-буржуазном уклоне в партии».

[2] Тогда в ней считалось 150.000 членов.

[3] Н. Ленин. Собр. соч., т. VIII, стр. 47.

[4] Г. Зиновьев. «Новый «ленинский призыв» и новая глава в жизни нашей партии».—«Правда». 17 февраля 1924 года.

В то же время, благодаря этому мы не на словах, а на деле приближаемся к под'ему всего нашего советского социалистического строительства на высшую культурную ступень с помощью массового, партийно-пролетарского охвата всей государственной и общественной жизни [1].

Мелкобуржуазные колебания «оппозиции» предупредили партию о необходимости самого бдительного и систематического регулирования материального и культурного роста страны в интересах углубления пролетарской революции.

«Ленинский призыв» показал, как глубоко вросла в массы та партия, в которой ничего, кроме «аппаратного бюрократизма», не видели маловеры.

Партия—авангард, ленинская партия, есть локомотив международной пролетарской революции.

X.

Этапы борьбы Коммунистического Интернационала.

Великие учителя пролетариата, Маркс и Энгельс, с суровой беспощадностью относились ко всякому оппортунизму.

В классической стране капитализма XIX столетия—в Англии, они уже наблюдали широкий подкуп буржуазией верхушек рабочего класса.

— «Самое отвратительное здесь»,—писал Энгельс,—«это всосавшаяся в плоть и кровь рабочих буржуазная «respectability» [2]. Социальное расчленение общества на бесчисленные, бесспорно всеми признанные градации, из которых каждая в отдельности имеет свой гонор и проникнута врожденным ей чувством уважения перед своими «betters» и «superiors» [3], столь старо и столь устойчиво, что надувать массы для буржуазии не представляется большого труда» [4].

Империализм возрождает средневековое сословно-цеховое разделение общества.

---

[1] См. Г. Зиновьев. На пути к орабочению нашей партии. «Прибой». Ленинград, 1924 г.

[2] «Приличия».

[3] «Лучшими» людьми и «высшими».

[4] Письмо к Зорге, 7 декабря 1889 г.—Письма И. Ф. Беккера, И. Дицгена, Ф. Энгельса, К. Маркса и др. к Ф. А. Зорге и др. Пер. с нем. Политикуса. С предисловием Н. Ленина. Спб. 1907 г., стр. 357.

«В Англии, говорит Декамп [1], все суждения о человеке, как сочлене общества, основаны ни на чем другом, как на его standard of life [2], и в Англии с презрением относятся к человеку, который ведет жизнь ниже своего положения, безразлично, кто бы он ни был, англичанин или иностранец. Тот же масштаб применяют англичане и в отношении к другим странам: себя они считают идущими во главе человечества, так как у них standard of life более высокий, чем на континенте; ниже всех на мировой социальной лестнице рассматривается желтая раса и негры, занимающие в их глазах самую низшую ступень» [3].

«Несмотря на некоторую демократизацию общественного уклада, замечаемую в последнее время, надо признать за общее правило, что классовые перегородки в Англии весьма редко нарушаются. Дети остаются в том же классовом положении, что и родители. Брак между рабочим и представительницей зажиточных классов абсолютно немыслим. Низшие классы редко имеют возможность пробиться в первые ряды жизни. Подавляющее большинство профессий — политическая, юридическая, медицинская и т. д. доступны лишь людям состоятельных классов. Даже в не столь замкнутых сферах литературной и художественной деятельности Англия не знает ни Горьких, ни Шаляпиных.

Система школьного образования отчасти ответственна за эту классовую замкнутость. В Англии не существует гибкой связанности всех школ в одну систему. Каждый класс, в сущности, имеет свою иерархию низшей и высшей школы» [4].

Шовинизм в рядах рабочего класса в Англии есть также продукт этого сословного разделения.

На примере американского капитализма Энгельс показывал, как буржуазия умеет использовать всякое разделение в рядах рабочего класса.—«У вас в Америке, как мне кажется», — указывал он Герману Шлютеру,—«служит большим препятствием исключительное положение туземных рабочих. До 1848 года о туземном постоянном рабочем классе можно было говорить только как об исключении. То же небольшое число, которое существовало в восточных городах, питало надежду сделаться самостоятельными крестьянами или буржуями.

---

[1] Paul Descampe. La hiérarchie des classes en Angleterre.
[2] Уровень жизни.
[3] С. Солнцев. Общественные классы. Томск, 1917 г., стр. 271—272.
[4] Керженцев. Англия и англичане, изд. «Социалист», 1918 г., стр. 16—17.

Теперь этот класс развился и организовался, главным образом, в трэд-юнионы. Но он по занимаемому им положению аристократ, имеющий возможность простые, плохо оплачиваемые занятия предоставлять переселенцам. Из переселенцев же только малая часть их вступает в ряды аристократических трэд-юнионов. Переселенцы разделяются на национальности, в большинстве случаев не понимающие ни друг друга, ни местного языка. А ваша буржуазия умеет куда лучше австрийского правительства натравливать одну национальность на другую: евреев, итальянцев, чехов и пр. на немцев, ирландцев и т. д., так что в Нью-Иорке, я думаю, существуют такие различия в жизни рабочих, какие в других странах были бы немыслимы. К этому нужно еще прибавить, что ваше общество выросло на чисто-капиталистическом базисе; лишено всякого феодального прекраснодушия и совершенно равнодушно к погибающим в борьбе за существование человеческим жизням. — «Их еще много и больше, чем следовало, этих проклятых dutchmen'ов (собственно голландцев, но в Америке это бранное слово для обозначения «немцев»), ирландцев, евреев и венгерцев», а сверх всего этого на фоне вырисовывается John Chinaman (китаец), превосходящий их всех способностью жить отбросами» [1].

Сословно-цеховое и сословно-национальное разделение рабочего класса характерно для эпохи загнивающего капитализма. Обеспечение устойчивого дохода за всеми общественными группами привилегированной нации создается монопольным господством финансового капитала.

В Англии эта устойчивость буржуазного господства всегда имела своим источником колониальный грабеж. Во Франции, до войны, банковский капитал подкупал верхушки мелкой буржуазии благодаря своему монопольному положению всемирного ростовщика. В Америке монополия банковско-промышленного капитала и подкуп туземной рабочей аристократии выросли на почве монопольного распоряжения огромными, нетронутыми естественными богатствами и дешевой рабочей силой европейских переселенцев.

Тов. Ленин еще во время Штутгартского конгресса Второго Интернационала разоблачал связь оппортунизма с империализмом. Оппортунисты Ван-Коль, Бернштейн и Давид провели в комиссии конгресса поощрение колониальной политики.—«Предложение ко-

[1] Письмо из Лондона 30 марта 1892 г.—«Письма к Зорге», стр. 428—429.

миссии было провалено на с'езде 128 голосами против 108 при 10 воздержавшихся (Швейцария). Заметим, что при голосовании в Штутгарте первый раз нации получили разные числа голосов, от 20 (крупные нации, Россия в том числе) до 2 (Люксембург) [1]. Сумма мелких наций, либо не ведущих колониальной политики, либо страдающих от нее, перевесила те государства, которые несколько заразили даже пролетариат страстью к завоеваниям.

Это голосование по колониальному вопросу имеет очень важное значение. Во-первых, особенно наглядно разоблачил себя здесь социалистический оппортунизм, пасующий перед буржуазным обольщением. Во-вторых, здесь сказалась одна отрицательная черта европейского рабочего движения, способная принести немало вреда делу пролетариата и заслуживающая поэтому серьезного внимания. Маркс неоднократно указывал на одно изречение Сисмонди, имеющее громадное значение. «Пролетарии древнего мира»,—гласит это изречение,—«жили на счет общества. Современное общество живет на счет пролетариев».

Класс неимущих, но не трудящихся, неспособен ниспровергнуть эксплоататоров. Только содержащий все общество класс пролетариев способен произвести социальную революцию. И вот, широкая колониальная политика привела к тому, что европейский пролетариат **отчасти** попадает в такое положение, что **не** его трудом содержится все общество, а трудом почти порабощенных колониальных туземцев. Английская буржуазия, например, извлекает больше доходов с десятков и сотен миллионов населения Индии и других ее колоний, чем с английских рабочих. При таких условиях создается в известных странах материальная, экономическая основа заражения пролетариата той или другой страны колониальным шовинизмом. Это может быть, конечно, лишь преходящим явлением, но тем не менее надо ясно сознать зло, чтобы уметь сплачивать пролетариат всех стран для борьбы с таким оппортунизмом. И эта борьба неизбежно приведет к победе, ибо «привилегированные нации составляют все меньшую долю в общем числе капиталистических наций» [2].

[1] То-есть делегации раскололись!

[2] Н. Ленин. «Международный Социалистический Конгресс в Штутгарте». — «Пролетарий», № 17, от 20 октября 1907 г. Собр. соч., т. VIII, стр. 499—500.

— Из этого видно, насколько основательны попытки оппортунистов отдать Владимира Ильича в учение... Гильфердингу!

Устойчивый доход верхушек мелкой буржуазии, рабочей аристократии и рабочей бюрократии, получаемый от империалистического грабежа, об'ясняет нам не только национальную ограниченность и шовинистическое своекорыстие этих избранников империалистической фортуны, но и их враждебное отношение к политическому об'единению вокруг пролетариата батрацких и полупролетарских элементов деревни, —к связи со средним крестьянством.

В деревне они видят только мертвый резервуар дешевой рабочей силы, способный сбить их привилегированное положение. К деревне они относятся, как к колониальному элементу!

Они отстаивают свое сословное, преимущественное положение на мировой социальной лестнице.

Империализм в наиболее реакционной, средневековой форме сословного разделения концентрирует, сгущает и усиливает все противоречия капиталистического строя, тем самым выдвигая необходимость революционного перехода к бесклассовому обществу.

Союз пролетариата со всеми угнетенными и эксплоатируемыми в международном масштабе делается насущной потребностью рабочего класса во имя его самозащиты от собственного загнивания, от своей рабочей аристократии.

В апреле 1907 года товарищ Ленин предвидел неизбежность того, что новый высший международный революционный тип рабочего движения будет выработан той страной, в которой буржуазно-демократическая революция еще не закончена и где уже развивается самостоятельная пролетарская классовая борьба.

— «В настоящее время»,—утверждал он,—«когда международное рабочее движение проявляет симптомы глубокого брожения и шатания, когда крайности оппортунизма, «парламентского идиотизма» и филистерского реформизма вызвали обратные крайности революционного синдикализма,—в настоящее время общая линия «поправок» Маркса и Энгельса к англо-американскому и немецкому социализму приобретает исключительную важность.

В таких странах, где нет социал-демократической рабочей партии, нет с.-д. депутатов в парламентах, нет никакой систематической, выдержанной с.-д. политики ни на выборах, ни

в прессе и т. д.,—в таких странах Маркс и Энгельс учили социалистов во что бы то ни стало рвать узкое сектантство и примыкать к рабочему движению, чтобы политически встряхнуть пролетариат. Ибо ни в Англии, ни в Америке пролетариат в последней трети 19 века не проявлял почти никакой политической самостоятельности. Политическая арена в этих странах—при почти абсолютном отсутствии буржуазно-демократических задач—была всецело заполнена торжествующей, самодовольной буржуазией, которая по искусству обманывать, развращать и подкупать рабочих не имеет себе равной в свете [1].

Думать, что эти советы Маркса и Энгельса по адресу англо-американского рабочего движения могут быть просто и прямо применены к российским условиям,—значит использовать марксизм не для уяснения его метода, не для изучения конкретных исторических особенностей рабочего движения, а для мелких фракционных интеллигентских счетов [2].

Наоборот, в такой стране, где буржуазно-демократическая революция осталась незаконченной; где царил и царит «обшитый парламентскими формами военный деспотизм» (выражение Маркса в его «Критике Готской программы»), где пролетариат давно уже втянут в политику и ведет социал-демократическую политику, — в такой стране Маркс и Энгельс всего больше боялись парламентского опошления, филистерского принижения задач и размаха рабочего движения...

Русский рабочий класс завоюет свободу себе и даст толчок вперед Европе своими полными ошибок революционными действиями—и пусть кичатся пошляки безошибочностью своего революционного бездействия» [3].

Тогда же тов. Ленин приводил в пример Маркса—в защиту пролетарского руководства революцией: «У нас в России удиви-

---

[1] С поправкой на коренную перемену мировой обстановки, Коминтерн проводит ныне эту же политику по отношению к английской «Рабочей Партии» и в Америке, через Workers Party, через легальную «Рабочую Партию», осуществляющую коммунистическое влияние на широкое рабочее движение.

[2] Здесь тов. Ленин имел в виду меньшевистскую проповедь «широкой рабочей партии».

[3] «Письма к Зорге». Предисловие Н. Ленина, от 6 апреля 1907 года, стр. XXI—XXII, XXVI. «Безошибочность революционного бездействия»,—это не в бровь, а в глаз «марксистскому центру!»

тельно распространено среди социал-демократов какое-то мещанское представление о марксизме,—будто революционный период с его особыми формами борьбы и задачами пролетариата является чуть ли не аномалией, а «конституция» и «крайняя оппозиция»—правилом. Ни в одной стране в мире нет в данную минуту такого глубокого революционного кризиса, как в России,—и ни в одной стране нет «марксистов» (принижающих и вульгаризирующих марксизм), которые бы так скептически, филистерски относились к революции. Из того, что содержание революции буржуазно, у нас делают плоский вывод о буржуазии, как двигателе революции, о подсобных, несамостоятельных задачах пролетариата в этой революции, о невозможности пролетарского руководства ею!

Как разоблачает это плоское понимание марксизма Маркс в письмах к Кугельману! Вот письмо от 6 апреля 1866 года. Маркс в это время закончил свой главный труд. Оценку немецкой революции 1848 года он дал уже окончательно за 14 лет до этого письма. Свои социалистические иллюзии о близкой социалистической революции в 1848 году он сам опроверг в 1850 году. И в 1866 году он пишет, только еще начиная наблюдать нарастание новых политических кризисов:

«Поймут ли, наконец, наши филистеры (речь идет о немецких либеральных буржуа), что без революции, которая устранит Габсбургов и Гогенцоллернов, дело в конце концов должно привести опять к 30-летней войне».

Ни тени иллюзий насчет того, что **ближайшая** революция (она произошла сверху, а не снизу, как ждал Маркс) устранит буржуазию и капитализм. Самое отчетливое и ясное констатирование того, что она устранит лишь прусскую и австрийскую монархию. И какая вера в эту буржуазную революцию! Какая революционная страстность пролетарского бойца, понимающего громадную **роль буржуазной революции для социалистического движения вперед!**» [1].

Тов. Ленин ясно сознавал, что российское рабочее движение имеет несомненные преимущества перед европейским, поскольку оно первое совершает переход к революционному действию,

[1] Предисловие Н. Ленина от 5 февраля 1907 г. — К. Маркс. Письма к Л. Кугельману. Перевод с нем. М. Ильиной. СПБ. 1907 г., стр. V—XVI.

не имеет за своими плечами богатого буржуазного груза оппортунизма и вынуждено с первых же шагов размежевываться не только с «парламентским идиотизмом», но и с якобы марксистским прикрытием реформизма.

— Тов. Троцкий в своей книжке «1905 год» писал: «Если меньшевики, исходя из абстракции: «наша революция буржуазна», приходят к идее приспособления всей тактики пролетариата к поведению либеральной буржуазии вплоть до завоевания ею государственной власти, то большевики, исходя из такой же голой абстракции: «демократическая, а не социалистическая революция», приходят к идее буржуазно-демократического самоограничения (!) пролетариата, в руках которого (?!) находится государственная власть. Правда, разница между ними в этом вопросе весьма значительна: в то время как анти-революционные стороны меньшевизма сказываются во всей силе уже теперь, анти-революционные (!!!) черты большевизма грозят огромной опасностью только в случае революционной победы» [1].

Мы знаем, что 1917 год полностью подтвердил правильность большевистской линии, направлявшей рабочий класс от пролетарской гегемонии в демократической революции к пролетарской диктатуре.

Тов. Троцкому не повезло с его пророчеством.

Поэтому в примечании ко 2 изданию он оговорился: «Этого, как известно, не случилось, так как, под руководством т. Ленина, большевизм совершил (не без внутренней борьбы) свое идейное перевооружение в этом важнейшем вопросе весною 1917 года, т.е. до завоевания власти» [2].

Не пытаясь доказать недоказуемое—одинаковость обстановки в 1905 и в 1917 г.,—тов. Троцкий тем не менее считает возможным давать доводы для выхолащивания всей до-октябрьской истории большевизма!

В отличие от немногочисленной в России группы «марксистского центра», большевизм пришел к октябрю не путем колебаний слева направо и справа налево, но на основе логики классовой борьбы, которую он правильно отражал и направлял на всех ее стадиях.

Апрельские тезисы Владимира Ильича были применением большевистской тактики к после-февральской обстановке.

---

[1] Л. Троцкий. 1905 г., 2 изд. Москва. 1922 г., стр. 285.—Представителем этих «анти-революционных» черт был, очевидно, в первую голову, тов. Ленин!

[2] Там же, стр. 285.

«Внутренняя борьба» в большевистских рядах по поводу апрельских тезисов 1917 года была таким преходящим и незначительным эпизодом [1], что раздувать ее можно только с точки зрения пересмотра всей большевистской истории.

Только через пролетарскую гегемонию в крестьянской революции мог российский рабочий класс проложить себе дорогу к новой школе революционной борьбы, которая затем должна была завоевать международное значение.

Отстаивая пролетарскую гегемонию в демократической революции 1905 года, тов. Ленин отдавал себе полный отчет в том, что «гарантия от реставрации в настоящем смысле слова может быть лишь одна: социалистический переворот на Западе» [2].

Однако, он отсюда не делал вывода о том, что нужно итти к социалистической революции задом наперед, то-есть, отдавая щедрую дань меньшевистским предрассудкам.

Критикуя позицию тов. Троцкого в 1915 году, Владимир Ильич писал: «Оригинальная теория Троцкого берет у большевиков призыв к решительной революционной борьбе пролетариата и к завоеванию им политической власти, а у меньшевиков — «отрицание» роли крестьянства. Крестьянство-де расслоилось, дифференцировалось; его возможная революционная роль все убывала; в России невозможна «национальная» революция: «мы живем в эпоху империализма», а «империализм противопоставляет не буржуазную нацию старому режиму, а пролетариат — буржуазной нации».

Вот забавный пример «игры в словечко»: империализм.

Если в России уже противостоит пролетариат «буржуазной нации», тогда значит Россия стоит прямо перед социалистической революцией!!. Тогда неверен лозунг «конфискации помещичьих земель» (повторяемый Троцким в 1915 г. вслед за январской конференцией 1912 г.)...

Все десятилетие — великое десятилетие 1905 — 1915 г.г. — доказало наличность двух и только двух классовых линий русской революции. Расслоение крестьянства усилило классовую борьбу внутри него, пробудило очень многие политически спавшие элементы, приблизило к городскому пролетариату сельский (на осо-

---

[1] Это доказала всероссийская апрельская конференция большевиков в 1917 г. — «Анти-революционные черты большевизма» так и остались архивным анекдотом.

[2] Н. Ленин. «К итогам с‘езда». — «Волна», 7 мая 1906 г., собр. соч., т. VII, ч. 1, стр. 240.

бой его организации большевики настаивали с 1906 года и ввели это требование в резолюцию Стокгольмского меньшевистского с'езда). Но антагонизм «крестьянства» и Марковых—Романовых—Хвостовых усилился, возрос, обострился. Это такая очевидная истина, что даже тысячи фраз в десятках парижских статей Троцкого не «опровергнут» ее. Троцкий на деле помогает либеральным рабочим политикам России, которые под «отрицанием» роли крестьянства понимают нежелание поднимать крестьян на революцию!

А в этом сейчас гвоздь. Пролетариат борется и будет беззаветно бороться за завоевание власти, за республику, за конфискацию земель, то-есть за привлечение крестьянства, за исчерпание его революционных сил, за участие «непролетарских народных масс» в освобождении буржуазной России от военно-феодального «империализма» (царизма). И этим освобождением буржуазной России от царизма, от земель и власти помещиков, пролетариат воспользуется немедленно не для помощи зажиточным крестьянам в их борьбе с сельским рабочим, а—для совершения социалистической революции в союзе с пролетариями Европы» [1].

Революция 1905 года была первым революционным толчком международного масштаба. Она обнаружила внутреннее брожение и опасные уклоны во Втором Интернационале. Но она не была решающим толчком, ибо империализм еще не произвел окончательной перегруппировки сил в международных отношениях и классовой борьбе. Это изменение наступило лишь в 1914 году.

Иногда слышится наивный или деланно-наивный вопрос: как же большевики и тов. Ленин могли уживаться во Втором Интернационале, если они видели гнилость его?

Тов. Ленин ответил на это исчерпывающим образом: «Если можно еще мириться с тонкими и слабыми подошвами, когда ходить приходится по культурным тротуарам маленького провинциального города, то нельзя обойтись без толстых и подбитых гвоздями подошв, идя в горы. Социализм в Европе вышел из стадии сравнительно мирной и ограниченной тесными национальными пределами. Он вошел с войной 1914—15 г.г. в стадию революционных действий, и полный разрыв с оппортунизмом,

[1] Н. Ленин.—«О двух линиях революции».—20 ноября 1915 г. Сб. «Против течения», стр. 308—309.

изгнание его из рабочих партий безусловно назрели» [1].

«Под социал-шовинизмом мы разумеем признание идеи защиты отечества в теперешней империалистской войне, оправдание союза социалистов с буржуазией и правительствами «своих» стран в этой войне, отказ от проповеди и поддержки пролетарски-революционных действий против «своей» буржуазии и т. д. Совершенно очевидно, что основное идейно-политическое содержание социал-шовинизма вполне совпадает с основами оппортунизма. Это — одно и то-же течение. Оппортунизм в обстановке войн 1914—15 года и дает социал-шовинизм. Главное в оппортунизме есть идея сотрудничества классов. Война доводит до конца эту идею, присоединяя к обычным факторам и стимулам ее целый ряд экстраординарных, **принуждая обывательскую и раздробленную массу к сотрудничеству с буржуазией особыми угрозами и насилием;** это обстоятельство, естественно, увеличивает круг сторонников оппортунизма, вполне об'ясняя переименование многих вчерашних радикалов в этот лагерь.

Оппортунизм есть принесение в жертву временным интересам ничтожного количества рабочих коренных интересов массы, или, иначе, **союз части рабочих с буржуазией против массы пролетариата. Война делает такой союз особенно наглядным и принудительным.** Оппортунизм порождался в течение десятилетий особенностями такой эпохи развития капитализма, когда **сравнительно мирное и культурное существование слоя привелигированных рабочих „обуржуазивало“ их, давало им крохи от прибылей своего национального капитала, отрывало их от бедствий, страданий и революционных настроений разоряемой и нищей массы.** Империалистская война есть прямое продолжение и завершение такого положения вещей, ибо это есть война за привилегии великодержавных наций, за передел колоний между ними, за господство их над другими нациями. Отстоять и упрочить свое привилегированное положение «высшего слоя» мещан или аристократии (и бюрократии) рабочего

[1] Н. Ленин. Крах II Интернационала. 1915 г., сб. «Против течения», изд. 1918 г., стр. 170.

класса—вот естественное продолжение мелко-буржуазных оппортунистических надежд и соответственной тактики во время войны, вот экономическая основа социал-империализма наших дней.

И разумеется, сила привычки, рутина сравнительно «мирной» эволюции, национальные предрассудки, боязнь резких переломов и неверие в них—все это играло роль добавочных обстоятельств, усиливающих и оппортунизм и лицемерное и трусливое примирение с ним, якобы только на время, якобы только по особым причинам и поводам. Война видоизменила десятилетиями выращенный оппортунизм, подняла его на высшую ступень, увеличила число и разнообразие его оттенков, умножила ряды его сторонников, обогатила их доводы кучей новых софизмов, слила ряд ручейков и струй, но основной поток не исчез. Напротив, она, так сказать, слила с основным потоком много новых.

Социал-шовинизм есть оппортунизм, созревший до такой степени, что существование этого буржуазного нарыва попрежнему внутри-социалистических партий стало невозможным [1].

Война поставила на очередь дня строительство III Коммунистического Интернационала.

Конференции в Циммервальде и в Кинтале в 1915 и 1916 г.г. собрали в большинстве своем сторонников левого центра. Циммервальдская левая, добивавшаяся размежевания не только с социал-империализмом, но и с каутскианцами-центристами составляла на них меньшинство. Она приняла участие в Циммервальдском об'единении, в качестве самостоятельной фракции, чтобы помочь ускорению запоздалого процесса разложения западно-европейских партий II Интернационала.

Апрельская конференция большевиков в 1917 году констатировала преходящий характер этого временного соглашения.

— «В Циммервальде и Кинтале большинство принадлежало «центру». Это обессиливало Циммервальдский блок с самого начала. Циммервальдский блок, как целое, отверг предложение левой его части призвать рабочих всех стран к непосредственной революционной борьбе против своих правительств. Циммервальдский блок отказался признать необходимость прямого раскола с социал-

² Н. Ленин. «Крах II Интернационала». Сб. «Против течения», стр. 164, 165, 166.

шовинистскими большинствами старых официальных партий. Кинтальская конференция на словах осудила пацифизм, буржуазный и социалистический. Но на деле большинство партий и групп, входящих в Циммервальдский блок, продолжает вести политику социал-пацифизма. Колеблющаяся тактика Циммервальдского большинства привела к тому, что в некоторых странах Циммервальд начал уже становиться тормозом для революционного движения.

Задачей нашей партии, действующей в стране, где революция началась раньше, чем в других странах, является—взять на себя инициативу по созданию III Интернационала, окончательно разрывающего с «оборонцами» и решительно борющегося [1]. также против промежуточной политики «центра».

Уже февральская революция передала историческую инициативу в международном рабочем движении в руки российского пролетарского авангарда.

И это благодаря тому, что он оказался всей своей предыдущей историей наиболее подготовленным к разрыву со Вторым Интернационалом, обратившимся в живой труп.

— «В России полное отделение революционно-с.-д. пролетарских элементов от мелко-буржуазно-оппортунистических подготовлено всей историей рабочего движения. Самую плохую услугу ему оказывают те, кто отмахивается от этой истории и, декламируя против «фракционности», лишает себя возможности понять действительный процесс образования пролетарской партии в России, складывающейся в многолетней борьбе с различными видами оппортунизма [2]. Из всех «великих» держав, участвующих в теперешней войне, Россия одна только в последнее время пережила революцию: ее буржуазное содержание, при решающей роли пролетариата, не могло не породить раскола буржуазных и пролетарских течений в рабочем движении. В течение всего приблизительно двадцатилетнего (1894—1914) периода, который российская с.-д. просуществовала, как организация, связанная с массовым рабочим движением

[1] «РКП в резолюциях ее с'ездов и конференций», стр. 179.

[2] Это положение сохраняет свою силу и по нынешний день, поскольку имеются налицо попытки «отменить» до-октябрьскую историю большевизма.

(а не только в виде идейного течения 1883—1894 г.г.), шла борьба пролетарски-революционных и мелко-буржуазно-оппортунистических течений. «Экономизм» эпохи 1894—1902 годов был, несомненно, течением последнего рода. Целый ряд аргументов и черт его идеологии—«струвистское» извращение марксизма, ссылки на «массу» в оправдание оппортунизма и т. д.—поразительно напоминает теперешний, опошленный марксизм Каутского, Кунова, Плеханова и пр. Было бы очень благородной задачей напомнить теперешнему поколению с.-д. старую «Раб. Мысль» и «Раб. Дело» в параллель с теперешним Каутским.

«Меньшевизм» следующего (1903—1908) периода был непосредственным, не только идейным, но и организационным преемником «экономизма». Во время русской революции он проводил тактику, об'ективно означавшую зависимость пролетариата от либеральной буржуазии и выражавшую мелкобуржуазные оппортунистические тенденции. Когда в следующий затем период (1908—1914) главный поток меньшевистского течения породил ликвидаторство — это классовое значение данного течения стало настолько очевидным, что лучшие представители меньшевизма все время протестовали против политики группы «Нашей Зари». А эта группа,—единственная, которая вела против революционно-марксистской партии рабочего класса систематическую работу в массах за последние 5—6 лет,—оказалась в войне 1914—15 г.г. социал-шовинистскою. И это в стране, где живо самодержавие, где не завершена далеко еще буржуазная революция, где 43% населения угнетают большинство «инородческих» наций. «Европейский» тип развития, когда известные слои мелкой буржуазии, особенно интеллигенции, и ничтожная доля рабочей аристократии могут «попользоваться» привилегиями «великодержавного» положения «своей» нации, не мог не сказаться в России.

К «интернационалистской», т. е. действительно революционной и последовательно революционной тактике рабочий класс и рабочая с.-д. партия России подготовлены всей своей историей» [1].

Контр-революционная сущность империализма в России выступала ярче и осязательное, чем где-либо. Тесное переплетение

[1] Н. Ленин. «Крах II Интернационала». Сб. «Против течения», стр. 177—178.

26*

банковско-промышленного капитала с дворянской военно-бюрократической машиной было закреплено на почве поражения революции 1905—7 г.г. на почве Столыпинщины. Российский реформизм в условиях борьбы пролетариата за политическую гегемонию в революции, неизбежно должен был носить определенно-выраженный контр-революционный характер. Попытка царизма перейти на рельсы европейского развития прусского образца только усилила и углубила классовые противоречия, тем самым подготовив переход от демократической революции к революции социалистической.

Уже декабрьская конференция 1908 года признала, что «общее обострение на мировом рынке, об'ясняющееся, главным образом, изменениями промышленного положения Западной Европы в сторону кризиса, перешедшего в 1908 году в форму депрессии, и революционными движениями на Востоке, знаменующими собою создание национальных капиталистических государств, усиливает конкуренцию, ведет к учащению международных столкновений, обостряя этим классовое противоречие между буржуазией и пролетариатом и делая общую международную обстановку все более революционной» [1].

Война застала российский пролетарский авангард наиболее зрелым к революционной борьбе в новых условиях, созданных империализмом.

Роль ариадниной нити при этом сыграла идея пролетарской гегемонии во всяком массовом революционном движении, ибо эта идея наиболее прямым путем подводила рабочий класс к борьбе за пролетарскую диктатуру, наиболее четко и недвусмысленно определяла его историческую задачу как организатора революции.

Такой ясности положения не могло быть на Западе. Там пролетарскому авангарду еще предстояло выбиться из скорлупы старых партий и предрассудков мирной эпохи.

Там и экономическая и идеологическая основа оппортунизма была много прочнее, чем в стране ублюдочного буржуазно-дворянского империализма, получившего только временную отсрочку от революции.

Февральская революция надломила военно-помещичью и буржуазную диктатуру империализма. Ликвидация помещичьего строя

[1] «РКП в резолюциях» и т. д., стр. 95.

слилась с борьбой против империализма, а нити этой борьбы сошлись в руках рабочего класса. Октябрьская революция открыла новую эпоху международной пролетарской революции.

— «Первый Интернационал (1864—1872) заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал. Второй Интернационал (1889—1914) был международной организацией пролетарского движения, рост которого пошел вширь, что не обошлось без временного усиления оппортунизма, приведшего в конце концов к позорному краху этого Интернационала.

Третий Интернационал фактически создался в 1918 году, когда многолетний процесс борьбы с оппортунизмом и социал-шовинизмом, особенно во время войны, привел к образованию коммунистических партий в ряде наций. Формально Третий Интернационал основан на его первом с'езде в марте 1919 года в Москве. И характернейшая черта этого Интернационала — его призвание выполнить, провести в жизнь заветы марксизма и осуществить вековые идеалы социализма и рабочего движения,—эта характернейшая черта III Интернационала сразу проявила себя тем, что новое третье «международное товарищество рабочих» стало уже теперь совпадать в известной мере с союзом советских социалистических республик.

Первый Интернационал заложил фундамент пролетарской международной борьбы за социализм.

Второй Интернационал был эпохой подготовки почвы широкого, массового распространения движения в ряде стран.

Третий Интернационал воспринял плоды работ Второго Интернационала, отсек его оппортунистическую, социал-шовинистическую, буржуазную и мелкобуржуазную скверну и начал осуществлять диктатуру пролетариата.

Международный союз партий, руководящих самым революционным движением в мире, движением пролетариата к свержению ига капитала, имеет теперь под собою невиданную по прочности базу: несколько советских республик, которые в международном масштабе воплощают в жизнь диктатуру пролетариата, его победу над капитализмом.

Всемирно-историческое значение Третьего Коммунистического Интернационала состоит в том, что он начал претворять в жизнь величайший лозунг Маркса, лозунг, подведший итог вековому развитию социализма и рабочего движения,

лозунг, который выражается понятием: диктатура пролетариата»[1].

Но «как могло случиться, что первой страной, которая осуществила диктатуру пролетариата, организовала советскую республику, оказалась одна из наиболее отсталых европейских стран? Мы едва ли ошибемся, если скажем, что именно это противоречие между отсталостью России и ее «скачком» к высшей форме демократизма, через буржуазную демократию к советской или пролетарской демократии, именно это противоречие было одной из причин (помимо гнета над большинством вождей социализма, оппортунистических привычек и филистерских предрассудков), которая особенно затруднила или замедлила понимание роли Советов на Западе.

Рабочие массы инстинктом уловили, во всем мире, значение Советов, как орудия борьбы и как формы пролетарского государства. Но испорченные оппортунизмом «вожди» продолжали и продолжают молиться на буржуазную демократию, называя ее «демократией» вообще.

Удивительно ли, что осуществление диктатуры пролетариата показало прежде всего «противоречие» между отсталостью России и ее «скачком» через буржуазную демократию? Удивительно было бы, если бы осуществление новой формы демократии история подарила бы нам без ряда противоречий.

Любой марксист, даже любой человек, знакомый с современной наукой вообще, если ему поставить вопрос: вероятен ли **равномерный или гармонически-пропорциональный переход разных капиталистических стран к диктатуре пролетариата?** — ответит на этот вопрос, несомненно, отрицательно. Ни равномерности, ни гармоничности, ни пропорциональности в мире капитализма никогда не было и быть не могло. Каждая страна развивала особенно выпукло то одну, то другую сторону, то одну, то другую черту или группу свойств капитализма и рабочего движения. Процесс развития шел неравномерно.

Когда Франция проделывала свою великую буржуазную революцию, пробуждая к новой историче-

---

[1] Н. Ленин. «Третий Интернационал и его место в истории». 15 апреля 1919 г. Сборник—В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев. За третий Интернационал. Госизд. Ленинград. 1924 г., стр. 6—7.

ской жизни весь континент Европы, Англия оказалась во главе контр-революционной коалиции, будучи в то же время капиталистически гораздо более развитой, чем Франция. А английское рабочее движение той эпохи гениально предвосхищает многое из будущего марксизма.

Когда Англия дала миру первое широкое, действительно массовое, политически-оформленное, пролетарски-революционное движение, чартизм, на континенте Европы происходили в большинстве случаев слабые буржуазные революции, а во Франции вспыхнула первая великая гражданская война между пролетариатом и буржуазией. Буржуазия разбила различные национальные отряды пролетариата по одиночке и по разному в разных странах.

Англия дала образец страны, в которой, по выражению Энгельса, буржуазия, рядом с обуржуазившейся аристократией, создала наиболее обуржуазившуюся верхушку пролетариата. Передовая капиталистическая страна на несколько десятилетий оказалась отсталой в смысле революционной борьбы пролетариата. Франция как бы исчерпала силы пролетариата в двух геройских, давших необычайно много во всемирно-историческом смысле, восстаниях рабочего класса против буржуазии, в 1848 и 1871 годах. Гегемония в Интернационале рабочего движения перешла затем к Германии, с 70-х годов XIX века, когда эта страна была экономически позади и Англии и Франции. А когда Германия обогнала экономически обе эти страны, то-есть ко второму десятилетию XX века, тогда во главе всемирно-образцовой марксистской рабочей партии Германии оказалась кучка от'явленных мерзавцев, самой грязной, продававшейся капиталистам сволочи, от Шейдемана и Носке до Давида и Легина, самых отвратительных палачей из рабочих на службе у монархии и контр-революционной буржуазии.

Всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, но идет далеко не гладкими, не простыми, не прямыми путями...

На время, само собой разумеется, лишь на короткое время— гегемония в революционном пролетарском Интернационале перешла к русским, как она была в различные периоды XIX века у англичан, потом у французов, потом у немцев.

Мне приходилось говорить уже не раз: по сравнению с передовыми странами русским было легче *начать* всемирную пролетарскую революцию, но им труднее будет *продолжать* ее и довести до окончательной победы, в смысле полной организации социалистического общества.

Нам легче было начать, во-первых, потому, что необычная—для Европы XX века—политическая отсталость царской монархии вызывала необычайную силу революционного натиска масс. Во-вторых, **отсталость России своеобразно слила пролетарскую революцию против буржуазии с крестьянской революцией против помещиков.** Мы с этого начали в октябре 1917 года, и мы не победили бы тогда так легко, если бы мы не начали с этого. Маркс еще в 1856 году указывал, говоря о Пруссии, на возможность своеобразного сочетания пролетарской революции с крестьянской войной. Большевики с начала 1905 года отстаивали идею революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства [1].

В-третьих, революция 1905 года чрезвычайно много сделала для политического обучения масс рабочих и крестьян, как в смысле ознакомления их авангарда с «последним словом» социализма на Западе, так и в смысле революционного действия масс. Без такой «генеральной репетиции», как в 1905 году, революция в 1917 году, как буржуазная, февральская, так и пролетарская, октябрьская, были бы невозможны. В-четвертых, географические условия России позволяли ей дольше, чем другим странам, держаться против внешнего перевеса передовых капиталистических стран. В-пятых, своеобразное отношение пролетариата к крестьянству облегчало переход от буржуазной революции к социалистической, облегчало влияние пролетариев города на полупролетарские беднейшие слои трудящихся в деревне. В-шестых, **долгая школа стачечной борьбы и опыт европейского массового рабочего движения облегчали возникновение при глубокой и быстро обостряющейся революционной ситуации, такой своеобразной формы пролетарской революционной организации, как Советы»** [2].

В приведенном отрывке Владимир Ильич дал квинт-эссенцию ленинизма, выжимку революционно-марксистского содержания его теории и практики.

Принципы ленинизма легли в основу строительства III Коммунистического Интернационала. Его организационное оформление было предрешено германской революцией 1918 года, с самого же начала направившейся по линии борьбы между коммунизмом и бур-

---

[1] Вот они—«антиреволюционные черты большевизма»!

[2] Н Ленин. «Третий Интернационал и его место в истории». Сб. «За III Интернационал», стр. 7—8—9—10.

жуазной социал-демократией. В 1919—1920 г.г. революционный под‘ем охватил все европейские страны и колониальный Восток.

— Стихийное развитие классовой борьбы в международном масштабе резко повернуло в сторону «русского» пути. Борьба развернулась вокруг Советов и из-за Советов.

Прав был тов. Ленин, говоря, что «основание III Коммунистического Интернационала в Москве 2 марта 1919 года было записью того, что завоевали не только русские, не только российские, но и германские, австрийские, венгерские, финляндские, швейцарские,—одним словом, международные пролетарские массы» [1].

I Конгресс Коминтерна записал основные принципиальные положения международной пролетарской революции, которая уже началась.

Организация коммунистического пролетарского авангарда в большинстве стран, во время созыва его находилась еще в зачаточном состоянии. Нужно было провести борьбу против социал-пацифистского, примиренческого «центра», который, опираясь на старую социал-демократическую организацию, ее традиции и авторитет, стремился удержать пробудившиеся к борьбе массы под идейной гегемонией оппортунизма.

Во время империалистической войны наиболее типичный представитель «центра», Карл Каутский, бросил формулу: «Классовая борьба во время мира, борьба за мир во время войны».

«Борьба» этих оруженосцев Шейдемана во время войны свелась к обману масс пацифистскими иллюзиями в интересах империализма. Их функция в этот период состояла в том, чтобы накоплявшуюся революционную энергию рабочих выпускать через предохранительный клапан надувательских фраз.

С концом войны и с наступлением революционного под‘ема, они не «возобновили» классовой борьбы, но, наоборот, обратились к массам с проповедью социального мира во имя международного, то-есть, версальского «мира». Эту проповедь социального мира они облекли в форму защиты «демократии» против пролетарской диктатуры.

Империализм сменил свою военную оболочку на мирную, и социал-пацифизм последовал за своим хозяином.

---

[1] Н. Ленин. «Завоеванное и записанное». Собр. соч., т. XVI, стр. 54.

Тов. Ленин в тезисах «Об основных задачах второго Конгресса Коминтерна», единодушно принятых вторым конгрессом, характеризовал тогдашнее положение таким образом:

«Настоящий момент в развитии международного коммунистического движения характеризуется тем, что во всех капиталистических странах лучшие представители революционного пролетариата вполне поняли основные принципы Коммунистического Интернационала, именно: диктатуру пролетариата и советскую власть, и с беззаветным энтузиазмом встали на сторону Коммунистического Интернационала. Еще более важным и крупным шагом вперед является то, что повсюду среди самых широких масс не только городского пролетариата, но и среди передовой части сельских рабочих вполне определилось их безусловное сочувствие этим основным принципам.

С другой стороны, обозначились две ошибки или слабости растущего необыкновенно быстро международного коммунистического движения. Одна, очень серьезная и представляющая громадную непосредственную опасность для успеха дела освобождения пролетариата состоит в том, что часть старых вождей и старых партий II Интернационала, частью полубессознательно уступая желаниям и напору масс, частью сознательно обманывая их для сохранения за собой прежней роли агентов и помощников буржуазии внутри рабочего движения, заявляют о своем условном или даже безусловном присоединении к III Интернационалу, оставаясь на деле, во всей практике своей партийной и политической работы, на уровне II Интернационала. Такое положение вещей совершенно недопустимо, ибо оно вносит прямое развращение масс, роняет уважение к III Интернационалу, грозя повторением таких же измен, как измена венгерских социал-демократов, наскоро перекрестившихся в коммунисты. Другая, гораздо менее значительная ошибка, которая является, скорее всего, болезнью движения, состоит в стремлении к «левизне», ведущем к неправильной оценке роли и задач партии по отношению к классу и к массе и обязательности для революционных коммунистов работать в буржуазных парламентах и реакционных профсоюзах» [1].

[1] В. И. Ленин и Г. Е. Зиновьев. За III Интернационал, стр. 257—258.

«Центризм» в период 1918—1921 г.г. проявил ту крайнюю степень приспособляемости к господствующим в рабочей среде настроениям, которая вообще характерна для всякого реформизма и которая в эту эпоху являлась необходимой военной хитростью в интересах удержания буржуазного господства. Старания поженить Советы и учредилку, громкие революционные фразы при оппортунистическом бездельничании, смазывание разногласий с III Интернационалом, и т. д.—все это было данью «духу времени». Все это тем более претендовало на «искренность», чем полнее совпадало с интересами капитала.

Карл Каутский выболтал этот секрет, когда в Германии дело снова приблизилось к об'единению элементов II и II½ Интернационалов: «Несчастный исход январских беспорядков быстро увеличил авторитет Независимой Социалистической Партии в рабочих массах, сильно ослабив влияние Социал-Демократической Партии Германии. Последняя выступила в союзе с буржуазными элементами, как проводник военного насилия над пролетарским движением, тогда как Независимая Партия явилась защитницей демократии. Не как провозвестник насилия, а как защитница демократии она приобрела возросшее доверие пролетариата. На выборах в Национальное собрание в январе 1919 года независимые получили свыше двух миллионов голосов. Полтора года спустя, в июне 1920 г., им удалось при выборах в рейхстаг более, чем удвоить это число, доведя его почти до пяти миллионов. Правые социалисты, наоборот, за тот же промежуток сошли с одиннадцати миллионов до 5.600.000, то-есть—вдвое...

К сожалению (!), жизненная сила Независимой Партии основывалась *не на ее собственных заслугах, а на ошибках ее противников. Как только эти грубые ошибки были устранены* (!?), *рост независимых прекратился*»[1].

Само собой понятно, что не из преданности буржуазной демократии поддерживали рабочие независимых. На эту партию они смотрели, как на своего рода «проходную контору». Но независимцы смягчали чересчур откровенную подлость правых, выполняя роль их тылового прикрытия.

---

[1] K. Kautsky. Mein Verhältnis zur Unabhängigen Sozialdemokratischen Partei. Berlin. 1922. S. 13.

Однако, все относительно на грешной земле!

На с‘езде в Галле, которому предшествовал неудачный дебют Дитмана и Криспина на втором конгрессе Коминтерна, подавляющее большинство революционных рабочих покинуло ряды независимцев.

Это служило показателем того, что немецкий пролетариат, проверив на тяжелых уроках борьбы все партии, уже созрел для создания массовой коммунистической партии, с помощью которой он хотел помешать буржуазной контр-революции ликвидировать под‘ем 1918—21 годов.

Перед передовиками-коммунистами Запада в период строительства Коминтерна стояла двуединая задача. Необходимо было очистить пролетарский авангард от всех попутчиков, от всех элементов 2½ Интернационала, сложившегося—между прочим—в международную организацию уже ко времени упадка революционной стихии.

С другой стороны, нужно было освободиться от «левого» сектантства, мешавшего осуществлению коммунистического руководства пролетарской революцией. Это «левое» сектантство было отражением бессознательного стремления одним ударом, минуя трудности борьбы, разрешить основную задачу—завоевание пролетарской диктатуры. Оно вытекало из желания «сделать обратное» социал-шовинизму и социал-пацифизму. Но этот перегиб шел в разрез с интересами организации масс для революционной борьбы.

«Левый коммунизм» в форме анти-парламентаризма и отрицания старых профсоюзов, мы встречаем в Германии, где он быстро обособляется и отходит от пролетарской революционной борьбы; в Италии — где он помогает центристским и полу-центристским элементам удержать командующие высоты в рабочем движении в самый решающий момент; в Англии—где он служит помехой для закрепления первого советского движения, движения «фабричных старост», и т. д.

Всюду «левое» сектантство путает программу и тактику, тем самым обнаруживая молодость и идейную незрелость представляемых им слоев рабочего движения.

Гнилой консерватизм прошлого мирного периода мстит за себя, закрывая—в лице «левого» сектантства—доступ революционным идеям к массам.

Коммунистическому Интернационалу приходится комбинировать «русский пример», в смысле подталкивания революции, с тактикой

умелого освобождения масс из плена буржуазно-социалистической политики.

Узкая партия — авангард, широкая связь с массами,—этот основной принцип большевизма находит полное приложение в условиях Запада, поскольку отставшему в революционном отношении Западу приходится повторять основные этапы нашей большевистской истории.

Коммунистические партии, только что вышедшие на арену открытой классовой борьбы из недр старых партий, во многом, в смысле своего партийного развития, переживают в 1918—21 годах свой 1905 и 1908 год, тогда как об'ективно-историческая обстановка соответствует 1917 году в России.

Меньшевизм и отзовизм, до известной степени, перекрещиваются, задерживая поступательное движение рабочего авангарда. Старая социал-демократия, во всех своих разветвлениях, широко использует аппарат профсоюзов, чтобы затормозить революционную борьбу с помощью рабочей бюрократии и рабочей аристократии. Центризм опирается на эту силу, прикрывая свои трусость и лицемерие ссылкой на «массы».

События в Италии в 1920 году—доказательство этого.

Confederazione Generale del Lavoro, Генеральная Конфедерация труда, во главе с Д'Арагона, Коломбино и пр., сыграла при этом самую гнуснейшую роль.

— Металлисты после войны в Италии оказались наиболее плохо оплачиваемой группой рабочих. Они сплошь получали голодный заработок. Вследствие кризиса и перевеса предпринимательской организации их одиночная стачка не могла увенчаться успехом. Необходим был призыв ко всеобщей стачке всего итальянского пролетариата, — тем более, что политическая обстановка свидетельствовала о крайней степени революционного напряжения.

Реформистские профсоюзные вожди на это не согласились, и союз металлистов предложил рабочим провести саботаж, т. е. фактическую приостановку производства под видом работы. Предприниматели ответили на это закрытием фабрик, после чего рабочие провели захват фабрик, выставив при этом свою рабочую охрану с пулеметами у ворот предприятий. Союз металлистов, скрепя сердце, санкционировал этот захват, но обусловил, что

«и в дальнейшем производство будет работать на счет предпринимателей».

Правительство, не располагая достаточной вооруженной силой, об'явило о своем «нейтралитете» в этом конфликте!

Пролетарская революция, таким образом, достигла самого решающего момента.

Но ее победу сорвали желтые профсоюзные вожди и итальянская социалистическая партия, во главе с максималистами, предоставив реакции набраться сил, чтобы подавить пролетариев. Движение уже стихийно перекатилось к полному захвату буржуазной и помещичьей собственности. Его предали, отказавшись от захвата власти под тем подлейшим и лживым предлогом, что «это—только экономическая борьба».

Д'Арагона потом заявлял: «Мы на самом деле были слишком уступчивы в то время, когда буйствовала псевдо-революционная глупость. Однако, мы сделали все, что могли. Фашистская реакция есть следствие неудавшейся революции, однако еще страшнее (!) была бы реакция, если бы она последовала не за только прославлявшейся, но не осуществленной революцией, а за революцией осуществленной и побежденной, как это было в Венгрии. Поэтому мы исполнили наш социалистический (!) долг, поскольку мы остались в партии, и наша позиция принесла пролетариату большую пользу» [1].

— Это заявление было сделано Д'Арагоной за пару месяцев до пришествия фашистской диктатуры Муссолини.

Сей негодяй не постеснялся даже разоблачить свою роль провокатора в социалистической партии, которая в 1920 году утешала себя тем, что, предав революцию, она не вступила в конфликт с профсоюзами.

Д'Арагона, Коломбино и им подобные в 1923 году стали открытыми фашистами, поклявшись Муссолини, что они будут направлять работу профсоюзов сообразно с его «предначертаниями»!

А у итальянских реформистов после всего этого хватило бесстыдства декларировать еще в своем манифесте в 1922 году: «Мы, социалисты,—принципом которых является то положение, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих,—мы должны

[1] См. Giulio Aquila. Die italienische sozialistische Partei. 1922, s. 42.

заявить, что мы решительно против большевистского, якобинского, авторитарного, бланкистского и вспышкопускательского метода, с помощью которого партия меньшинства пытается захватить власть и подавить большинство. Этот метод привести к власти какого-нибудь Бонапарта, Ленина или Муссолини, но он отрицает и подавляет верховную волю класса рабочих умственного и ручного труда, составляющего подавляющее большинство общества» [1].

Удивляться низости г-д Турати, Тревеса, Модильяни и им подобных нечего, ибо «левые» центристы-максималисты потому и разошлись с Коминтерном на втором конгрессе, что пытались отстоять их в рядах единой партии.

Отрезвление пришло позднее, но оно уже было слишком запоздалым.

Основание Красного Интернационала профессиональных союзов, Красного Профинтерна, в противовес желтой «Международной Федерации Профсоюзов» в Амстердаме, произошло позднее, чем основание Коминтерна. Но необходимость создания Профинтерна, как международного центра революционного профессионального движения, для передовых элементов пролетариата выяснилась сразу же совершенно определенно.

Во Франции, в этой — можно сказать — классической стране социал-соглашательства и мелкобуржуазно-анархистской фразы, маевка 1919 года показала быстрое и мощное наростание стихийно-революционного настроения, приведшее к столкновениям десятков тысяч рабочих с полицией и войсками в Париже. Возмущение вооруженным вмешательством в русские дела сделало популярной идею всеобщей международной стачки. Стачка была назначена на 21 июля 1919 г. Она была сорвана предательством Генеральной Конфедерации Труда.

Для французского рабочего движения эпохи 1918 — 21 годов этот срыв имел самые пагубные последствия, так как с этого момента начинается стремительное падение революционной волны.

Во Франции профсоюзы больше, чем в какой бы то ни было другой стране держат в своих руках судьбу рабочего движения, и ту провокаторскую роль, которую в других странах брала на себя и проводила социал-демократия, там выполнили профсоюзы, руководимые Жуо и компанией.

[1] Giulio Apuila, стр. 39 нем. текста.

Д'Арагона и Ко «работали» в Италии через социалистическую партию, во Франции эта же «работа» была проделана прямо и непосредственно.

Первый приступ к основанию Профинтерна был предпринят 16 июня 1920 года, когда был основан «Международный Союз Профессиональных и Производственных Союзов».

Заслуживает внимания тот факт, что представителями Италии на эту конференцию явились Д'Арагона, Бианки, Коломбино и Дугони,—от'явленнейшие предатели, воспользовавшиеся прикрытием социалистической партии.

Учредительный с'езд Красного Профинтерна состоялся 3—9 июля 1921 года.

В это время уже повсеместно революционный под'ем спал, и, поэтому, на долю Профинтерна, прежде всего, выпала задача организации обороны рабочего класса от наступавшего тогда капитала и подготовки нового под'ема на почве экономической борьбы.

Несомненно, что одной из важнейших причин поражения 1921 г. на Западе было то, что в самый решающий период борьбы рабочий класс не имел в своем распоряжении революционных профсоюзов.

Свою партию - авангард европейский пролетариат создал только к концу первой полосы революционного кризиса.

Свои революционные силы в профсоюзах он начал организовывать также только к этому же времени.

III Конгресс Коминтерна подвел итог полосе боев 1918—21 годов: «Революционное движение конца империалистической войны и послевоенного времени знаменует собою невиданный доселе в истории под'ем. В марте 1917 года происходит падение царизма. С мая 1917 года в Англии обнаруживается бурное стачечное движение. В ноябре 1917 года российский пролетариат завоевывает государственную власть. В ноябре 1918 года происходит падение германской и австрийской монархий. Стачечное движение захватывает ряд европейских стран и в следующий год приобретает еще больший размах. В марте 1919 года возникает советская республика в Венгрии. В конце того же года в Соединенных Штатах разражаются бурные стачки металлистов, углекопов и железнодорожников. В Германии после январских и мартовских боев 1919 года движение достигает своего высшего пункта в дни

капповского мятежа в марте 1920 года. Во Франции момент наивысшего внутреннего политического напряжения наступает в мае 1920 года. В Италии все более и более усиливающееся движение промышленного и сельско-хозяйственного пролетариата в сентябре 1920 года приводит к захвату рабочими фабрик, мастерских и товаров. Чешский пролетариат в декабре 1920 года обращается к оружию массовой политической стачки. В марте 1921 года восстают рабочие средней Германии, а горнорабочие Англии начинают свою гигантскую стачку.

Особенно широко и остро проявляет себя движение в воюющих странах, и среди них—в побежденных. Оно, однако, распространяется и на нейтральные страны. В Азии и Африке пробуждается или усиливается революционное возмущение миллионов колониальных народов.

Но эта могучая волна не смела ни мирового, ни европейского капитализма» [1].

— «Мировая революция, то-есть распад капитализма и собирание революционной энергии пролетариата, его организация в наступательную и победоносную силу, требуют длительного периода революционной борьбы. Различие в степени обострения противоречий в отдельных странах, различие их социальной структуры и стоящих на их пути препятствий, высокая степень организации буржуазии в капиталистически-развитых странах Западной Европы и Северной Америки, привели к тому, что мировая война не закончилась немедленной победой мировой революции.

Коммунисты, следовательно, оказались правы, заявляя еще во время войны, что период империализма сменяется эпохой социальной революции, то-есть длинным рядом гражданских войн внутри отдельных капиталистических государств, и войн между капиталистическими государствами, с одной стороны, и пролетарскими государствами и эксплоатируемыми колониальными народами, с другой. Мировая революция отнюдь не есть прямолинейно прогрессирующий процесс, но периоды хронического распада капитализма, повседневной революционной подрывной работы завершаются и подытоживаются острыми кризисами.

[1] Тезисы III Конгресса о мировом положении и задачах Коминтерна. Цит. по немецкому изданию—«Die Thesen und Resolutionen des III Weltkongresses der Kommunistischen Internationale". 1921, s. 8.

Ход мировой революции замедлился еще более, благодаря тому факту, что сильные рабочие организации и рабочие партии, именно социал-демократические партии и профсоюзы, созданные пролетариатом для руководства борьбой против буржуазии и превратившиеся во время войны в органы контр-революционного влияния на пролетариат и помеху ему, продолжали играть эту роль и по окончании войны. Это облегчило мировой буржуазии преодоление кризиса демобилизационного периода — позволило ей в эпоху спекулятивного под‘ема (Scheinprosperität) 1919—20 годов разбудить в рабочем классе новые надежды на возможность улучшения своего положения в рамках капитализма, что и было причиной поражения восстаний 1919 года и замедлившегося хода революционных движений в 1919—20 г.г.» [1].

«Немец за все заплатит!» — Под этим лозунгом буржуазия провела в Англии и во Франции свои «версальские» выборы в парламент, сдобрив свои звериные аппетиты во внешней политике обманными обещаниями демократических и социальных реформ в области внутренней политики.

Созданием «Международного Бюро Труда», во главе с прожженым социал-прохвостом Альбером Тома, она «связала» судьбу своего внутреннего законодательства с «Лигой Наций», как бы издевательски подчеркнув одинаковую безнадежность мирного преодоления диктатуры империализма и в области международных отношений и в «рабочем вопросе».

Но сначала это было не так заметно широким массам. Версальский «мирный договор» провозглашал не больше и не меньше, как отказ рассматривать и «дальше» рабочую силу как товар!

В странах—«победительницах»,—в Англии, Франции, Бельгии, Чехо-Словакии, Америке и т. д.,—буржуазия уцепилась за рабочую аристократию и рабочую бюрократию, за мелкобуржуазных «демократов» и «социалистов», как за якорь спасения.

Империалистический подкуп верхушек угнетенных классов она провела под защитой Версальского мира.

— В Англии срыв стачки рудокопов в 1921 году был наиболее значительной услугой английской рабочей бюрократии и аристократии британскому капиталу» [2].

---

[1] Тезисы о тактике III Конгресса. См. «Die Thesen», s. s. 32—33.
[2] См. М. М. Бородин. История великой измены. Петербург. 1922 г. Госизд.

В побежденных и полу-побежденных войной[1] странах спекулятивный под'ем 1919—20 годов был либо следствием «бросового вывоза», как в Германии, либо результатом самого перехода на мирное производство. Стимулировал, подгонял его сознательный расчет капиталистов, стремившихся воспрепятствовать прямому совпадению экономического и политического кризиса.

В этих странах буржуазия вынуждена была провести более глубокий маневр в тыл, чтобы спасти свое политическое господство. Здесь она пожертвовала—на время—монархическим режимом, приняла «социалистов у власти», пошла временно на большие уступки профсоюзам. Здесь спасителями ее были те же самые элементы, что и в странах—«победительницах»,—с тою только разницей, что в побежденных странах они, по преимуществу, спекулировали на «трудности международного положения» и необходимости быстрого хозяйственного «восстановления».

Война и послевоенная разруха, вызвав широкое применение в производстве необученной рабочей силы, женщин и подростков, и понизив материальный уровень квалифицированного труда, нанесли сильный удар профессионально-цеховому дроблению рабочего класса и преобладанию рабочей аристоктатии.

Произошло известное выравнение в рядах рабочего класса,

Однако, это не могло сразу освободить лучше-оплачивавшиеся слои пролетариата от реформистских иллюзий. Наоборот, ухудшение их положения было воспринято многими из них как временное. Спекулятивный под'ем возродил реформистско-демократические предрассудки в их среде. Этими предрассудками вновь были охвачены не только элементы рабочей аристократии, отчасти утратившей в побежденных странах свое привилегированное положение в производстве, но и значительные массы квалифицированных рабочих вообще, за которыми потянулись и широкие слои менее квалифицированного труда.

Мартовское восстание 1921 года в Германии было героической попыткой авангарда поднять снова революционную волну, уже быстро спадавшую. Такая попытка была заранее осуждена на поражение. За год до этого Владимир Ильич предостерегал западноевропейских коммунистов против подобных попыток: «Пролетарский авангард идейно завоеван. Это главное. Без этого нельзя сделать и первого шага к победе. Но от этого еще довольно да-

[1] Пример—Италия, Польша.

леко до победы. С одним авангардом победить нельзя. Бросить один только авангард в решительный бой, пока весь класс, пока широкие массы не заняли позиции, либо, прямой поддержки авангарда, либо, по крайней мере, благожелательного нейтралитета по отношению к нему и полной неспособности поддерживать его противника, было бы не только глупостью, но и преступлением. А для того, чтобы действительно весь класс, чтобы действительно широкие массы трудящихся и угнетенных капитализмом дошли до такой позиции, для этого одной пропаганды, одной агитации мало. Для этого нужен собственный политический опыт этих масс. Таков—основной закон всех великих революций, подтвержденный теперь с поразительной силой и рельефностью не только Россией, но и Германией» [1].

Мерзавец Пауль Леви после мартовского поражения 1921 года бросил в Германскую Коммунистическую партию настоящую «вонючую бомбу»: это, мол, было «борьбой безработных против работающих, борьбой коммунистов против пролетариев, выступлением босяцкого пролетариата» [2].

За Леви, как и бывает при всяком поражении, последовали еще несколько дезертиров во главе с Фрисляндом. Они затем нашли себе тихое пристанище в лоне шейдемановской партии.

Тов. Ленин, жестоко бичевавший Плеханова за его мудрость задним числом после поражения декабрьского восстания 1905 г. («Не нужно было браться за оружие!»), вскрыл об'ективные причины мартовского выступления: «Во-первых, и главным образом, международное положение Германии чрезвычайно быстро и резко обострило, начиная с конца 1918 года, ее внутренний революционный кризис, толкая авангард пролетариата на немедленное завоевание власти. В то же время и немецкая и вся международная буржуазия, великолепно вооруженные и организованные, обученные «русским опытом», обрушились на революционный пролетариат Германии с бешеной ненавистью. Десятки тысяч лучших людей Германии, ее революционных рабочих, перебиты и замучены буржуазией, ее героями—Носке и К°, ее прямыми слугами—Шейдеманами и т. д., ее косвенными и «тонкими» (и потому особенно для нее ценными) пособниками—рыцарями «2½ Интернационала», с их подлой бесхарактерностью, колебаниями, пе-

---

[1] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Собр. соч., т. XVII, стр. 179.

[2] Paul Lewi. Unser Weg. Wider den Putschismus. Berlin. 1921, s. 31.

дантизмом, мещанством. Вооруженная буржуазия ставила ловушки безоружным рабочим, убивала их массами, убивала их вождей, систематически подкарауливая одного за другим, великолепно используя при этом контр-революционный вой из среды социал-демократов обоих оттенков, и шейдемановского и каутскианского. А действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса не оказалось, вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдеманы, Легины, Давиды и К⁰) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и К⁰) бандой лакеев капитала. В каждом честном, сознательном рабочем, который принимал Базельский манифест 1912 года за чистую монету, а не за «отписку» негодяев «2» и «2½» разряда, с невероятной остротой просыпалась ненависть к оппортунизму старой германской социал-демократии, и эта ненависть—самое благородное, самое великое чувство лучших людей из угнетенной и эксплоатируемой массы—ослепляла людей, не позволяла им рассуждать хладнокровно, вырабатывать свою правильную стратегию в ответ на превосходную стратегию вооруженных, организованных, обученных «русским опытом», поддержанных Францией, Англией, Америкой капиталистов Антанты; эта ненависть толкала на преждевременные восстания» [1].

В брошюре «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», за год слишком до III Конгресса Коминтерна, тов. Ленин набросал главные вехи тактики единого рабочего фронта, применительно к английским условиям.

Он писал: «Из того, что большинство рабочих в Англии еще идет за английскими Керенскими или Шейдеманами, что оно еще не проделало опыта с правительством из этих людей, каковой опыт понадобился и России и Германии для массового перехода рабочих к коммунизму, из этого вытекает с несомненностью, что английские коммунисты должны участвовать в парламентаризме, должны изнутри парламента помочь рабочей массе увидеть на деле результаты Хендерсоновского и Сноуденовского правительства, должны помочь Хендерсонам и Сноуденам [2] победить об'единенных

---

[1] Н. Ленин. Письмо к немецким коммунистам. Сборник «За III Интернационал», стр. 424—425.

[2] Оба—министры Макдональдовского правительства в 1924 г.

Ллойд-Джорджа и Черчилля [1]. Поступить иначе, значит, затруднить дело революции, ибо без перемены взглядов большинства рабочего класса революция невозможна, а эта перемена создается политическим опытом масс, никогда не одной только пропагандой. «Без компромиссов вперед, не сворачивая с пути», если это говорит заведомо бессильное меньшинство рабочих, которое знает (или во всяком случае должно знать), что большинство через короткий промежуток времени, при условии победы Хендерсона и Сноудена над Ллойд-Джорджем и Черчиллем, разочаруется в своих вождях и перейдет к поддержке коммунизма (или во всяком случае к нейтралитету и большей частью благожелательному нейтралитету по отношению к коммунистам),—такой лозунг явно ошибочен. Это все равно, как если бы 10.000 солдат бросились в бой против 50.000 неприятеля, когда следует «остановиться», «свернуть с дороги», даже заключить «компромисс», лишь бы дождаться имеющих подойти 100.000 подкрепления, которые сразу выступить не в состоянии. Это—интеллигентское ребячество, а не серьезная тактика революционного класса.

Основной закон революции, подтвержденный всеми революциями и в частности тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплоатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплоататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплоатируемых и эксплоататоров затрагивающего) кризиса. Значит, для революции надо, во-первых, добиться, чтобы большинство рабочих (или во всяком случае большинство сознательных, мыслящих, политически активных рабочих) вполне поняло необходимость переворота и готово было итти на смерть ради него; во-вторых, чтобы правящие классы переживали правительственный кризис, который втягивает в политику даже самые отсталые массы (признак всякой настоящей революции: быстрое удесятерение или даже увеличение во сто раз количества способных на политическую борьбу представителей трудящейся и угне-

---

[1] Т.-е. либералов и консерваторов.—Черчилль—организатор интервенции против Советской России.

тенной массы, доселе апатичной), обессиливает правительство и делает возможным для революционеров быстрое свержение его [1].

В Англии... явно нарастают оба условия успешной пролетарской революции. И ошибки со стороны левых коммунистов опасны теперь сугубо именно потому, что у некоторых революционеров наблюдается недостаточно вдумчивое, недостаточно внимательное, недостаточно сознательное, недостаточно расчетливое отношение к каждому из этих условий. Если мы—не революционная группа, а партия революционного класса, если мы хотим увлечь за собой массы (а без этого мы рискуем остаться просто говорунами), мы должны, во-первых, помочь Хендерсону и Сноудену побить Ллойд-Джорджа и Черчилля (вернее даже: заставить первых побить вторых, ибо первые боятся своей победы!); во-вторых, помочь большинству рабочего класса на своем опыте убедиться в нашей правоте, т.-е. в полной негодности Хендерсонов и Сноуденов, в их мелкобуржуазной и предательской натуре, в неизбежности их банкротства; в-третьих, приблизить момент, когда на почве разочарования Хендерсонами большинства рабочих можно будет с серьезными шансами на успех сразу скинуть правительство Хендерсонов, которое будет еще более растерянно метаться, если даже умнейший и солиднейший, не мелко-буржуазный, а крупно-буржуазный Ллойд-Джордж проявляет полную растерянность и обессиливает себя (и всю буржуазию) все больше и больше, вчера своими «трениями», с Черчиллем, сегодня своими «трениями» с Асквитом [2].

Буду говорить конкретнее. Английские коммунисты должны, на мой взгляд, соединить все свои четыре (все очень слабые, некоторые—совсем и совсем слабые) партии и группы [3] в одну Коммунистическую партию на почве принципов III Интернационала и обязательного участия в парламенте. Коммунистическая партия предлагает Хендерсонам и Сноуденам «компромисс», избирательное соглашение: идем вместе против союза Ллойд-Джорджа и консерваторов, делим парламентские места по числу голосов, поданных рабочими за Раб. Партию или за коммунистов (не на выборах, а по особому голосованию), сохраняем полнейшую

[1] Здесь тов. Ленин превосходно обосновал связь революционной тактики с марксистским учением о разрушении государства эксплоататоров.

[2] С «левым» либералом.

[3] Это были: «Британская Социалистическая Партия», «Социалистическая Рабочая Партия», «Южно-Уэльсское Социалистическое Общество» и «Рабочая Социалистическая Федерация».

свободу агитации, пропаганды, политической деятельности. Без этого последнего условия, конечно, на блок итти нельзя, ибо это будет изменой: полнейшую свободу разоблачения Хендерсонов и Сноуденов английские коммунисты так же абсолютно должны отстаивать и отстоять, как отстаивали ее (пятнадцать лет, 1903—1917) и отстояли русские большевики по отношению к русским Хендерсонам и Сноуденам, т.-е. меньшевикам.

Если Хендерсоны и Сноудены примут блок на этих условиях, мы выиграли, ибо нам вовсе не важно число мест в парламенте, мы за этим не гонимся, мы по этому пункту будем уступчивы (а Хендерсоны и особенно их новые друзья—или их новые господа—либералы, перешедшие в Независимую Рабочую Партию [1], за этим больше всего гонятся). Мы выиграли, ибо понесем свою агитацию в массы в такой момент, когда их «раззадорил» сам Ллойд-Джордж, и поможем не только Рабочей Партии скорее составить свое правительство, но и массам скорее понять всю нашу коммунистическую пропаганду, которую мы будем вести против Хендерсонов без всяких урезок, без всяких умолчаний.

Если Хендерсоны и Сноудены отвергнут блок с нами на этих условиях, мы еще больше выиграли. Ибо мы сразу показали массам (заметьте, что даже внутри чисто меньшевистской, вполне оппортунистической Нез. Рабочей Партии масса за советы), что Хендерсоны предпочитают свою близость капиталистам об'единению всех рабочих. Мы сразу выиграли перед массой, которая особенно после блестящих и высокоправильных, высокополезных (для коммунизма) раз'яснений Ллойд-Джорджа [2] будет сочувствовать об'единению всех рабочих против союза Ллойд-Джорджа с консерваторами. Мы сразу выиграли, ибо демонстрировали перед массами, что Хендерсоны и Сноудены боятся победить Ллойд-Джорджа, боятся взять власть одни, стремятся тайком получить поддержку Ллойд-Джорджа, который открыто протягивает руку консерваторам против Рабочей Партии. Надо заметить, что у нас в России после революции 27/II 1917 (ст. ст.) пропаганда большевиков против меньшевиков и эс-эров (т.-е. русских Хендерсонов и Сноуденов) выигрывала именно в силу такого же обстоятельства.

---

[1] Макдональд и К°, во время войны стоявшие в поповско-пацифистской «оппозиции» Хендерсону, министру военного снаряжения в кабинете Ллойд-Джорджа.

[2] Владимир Ильич перед этим приводил выдержки из речи Ллойд-Джорджа, содержащей указание на прямую угрозу всему буржуазному строю со стороны рабочего класса Англии.

Мы говорили меньшевикам и эс-эрам: берите всю власть без буржуазии, ибо у вас большинство в советах (на I Всероссийском С'езде Советов большевики имели в июне 1917 года всего 13% голосов). Но русские Хендерсоны и Сноудены боялись взять власть без буржуазии, и когда буржуазия оттягивала выборы в Учредительное собрание, прекрасно зная, что оно даст эс-эрам и меньшевикам [1] (те и другие шли в теснейшем политическом блоке, представляли на деле одну мелко-буржуазную демократию), то эс-эры и меньшевики были не в силах энергично и до конца бороться против этих оттяжек.

При отказе Хендерсонов и Сноуденов от блока с коммунистами, коммунисты выиграли бы сразу в деле завоевания симпатий масс и дискредитирования Хендерсонов и Сноуденов, а если бы мы от этого потеряли несколько парламентских мест, так это нам совсем не важно. Мы выставили бы своих кандидатов только в самом ничтожном числе абсолютно надежных округов, т. е. где выставление наших кандидатов не провело бы либерала против лабуриста (члена Рабочей Партии). Мы вели бы избирательную агитацию, распространяя листки в пользу коммунизма и предлагая во всех округах, где нет нашего кандидата, голосовать за лабуриста против буржуа. Ошибаются т.т. Сильвия Панкхерст и Галлакер [2], если видят в этом измену коммунизму или отказ от борьбы с социал-предателями. Напротив, от этого дело коммунистической революции, несомненно, выиграло бы» [3].

Опираясь на общий анализ обстановки мирового кризиса капитализма, III Конгресс Коминтерна наметил программу действия коммунистических партий в переходный период собирания сил и политического обучения масс.

— «Коммунистические партии могут развиваться только в борьбе. Даже самые малые коммунистические партии не могут ограничиться одной пропагандой и агитацией. Они должны образовать авангард во всех массовых пролетарских организациях, показывать отсталым и колеблющимся массам—путем формулировки практи-

[1] «Выборы в Учр. Собр. в России, в ноябре 1917 г., по сведениям, охватывающим свыше 36 миллионов избирателей, дали 25% голосов большевикам, 13% разным партиям помещиков и буржуазии, 62% мелкобуржуазной демократии, т. е. эс-эрам и меньшевикам вместе с небольшими родственными им группами». Примечание тов. Ленина.

[2] Первая вошла позже в состав анекдотического IV Интернационала, второй— один из вождей Британской Ком. Партии.

[3] Н. Ленин. Детская болезнь «левизны» в коммунизме. Собр. соч., т. XVII, стр. 171—172—173—174—175. В этой выдержке всюду разрядка тов. Ленина.

ческих лозунгов борьбы, путем втягивания в борьбу за насущные потребности пролетариата,—как нужно бороться, и разоблачать, таким образом, перед массами предательский характер всех некоммунистических партий. Лишь поскольку коммунистам удастся встать во главе практической борьбы пролетариата, удастся развить эту борьбу, они смогут на деле завоевать широкие массы для борьбы за диктатуру.

Вся агитация и пропаганда, вся работа коммунистичсских партий должна быть преисполнена сознанием того, что на почве капитализма невозможно никакое длительное улучшение положения массы пролетариата, что только свержение буржуазии, разрушение капиталистического государства дает возможность приступить к улучшению положения рабочего класса, взяться за восстановление разрушенного капитализмом народного хозяйства. Однако, понимание этого не должно вести к отказу от борьбы за насущные, неотложные жизненные нужды пролетариата, до тех пор, когда он станет в состоянии защищать их с помощью своей диктатуры. Социал-демократия,—в период крушения и распада капитализма, в эпоху, когда капитализм уже более не в состоянии обеспечить рабочим даже существование сытых рабов,—старая социал-демократическая программа выставляет мирные реформы, реформы, которые должны быть проведены мирными средствами на почве и в рамках обанкротившегося капитализма,—она сознательно обманывает рабочие массы. Не только капитализм в период упадка неспособен обеспечить рабочим мало-мальски человеческие условия существования, но и социал-демократы, реформисты всех стран доказывают ежедневно, что они не хотят вести какую-нибудь борьбу, хотя бы за самые умеренные требования, выставленные их программой. Точно таким же обманом является требование социализации или национализации важнейших отраслей промышленности, как это выдвигается центристскими партиями. Центристы не только обманывают массы, стараясь их убедить, что можно вырвать всю массу важнейших отраслей промышленности, не побеждая буржуазии, но они еще пытаются отклонить рабочих от действительной, насущной борьбы за ближайшие нужды с помощью иллюзии о постепенном захвате одной отрасли производства за другой, после чего только и должно начаться «планомерное» восстановление хозяйства. Таким путем они возвращаются к социал-демократической минимальной программе ре-

формы капитализма, превратившейся уже в явный контр-революционный обман. Поскольку при выставлении программы национализации, например, угольной промышленности,—когда при этом часть центристов руководится лассальянской идеей [1],—вся энергия пролетариата направляется на одно единственное требование, чтобы сделать его рычагом революционного действия, которое в своем развитии приведет к борьбе за власть [2], мы имеем здесь дело с безжизненным прожектерством; в настоящее время рабочий класс во всех капиталистических государствах страдает от стольких ужасающих бед, что совершенно невозможно борьбу против всех этих обременительных тягот, против сыплющихся на него ударов сконцентрировать на каком-нибудь доктринерски-надуманном об'екте.

Наоборот, всякая потребность должна быть принята за исходный пункт революционной борьбы, которая только в своей совокупности создает могучий поток социальной революции.

Коммунистические партии для этой борьбы не выставляют никакой программы-минимум, которая бы должна была на почве капитализма усилить и улучшить его шаткое основание. Разрушение этого основания остается их руководящей целью — остается их насущной задачей. Однако, чтобы выполнить эту задачу, коммунистические партии должны выставлять требования, выполнение которых составляет прямую, неотложную потребность рабочего класса; они должны эти требования отстаивать в массовой борьбе, независимо от того, совместимы ли они или нет с частно-хозяйственным господством капиталистического класса.

Не жизнеспособность и конкурентные возможности капиталистической промышленности, не выносливость капиталистического финансового хозяйства должны учитывать коммунистические партии, но предел нужды, которых пролетариат не может и не должен выносить. Если требования соответствуют насущной потребности широких пролетарских масс, если эти массы преисполнены настроением, что без осуществления этих требований они не могут существовать, тогда борьба за эти требования станет исходным пунктом борьбы за власть. Вместо минимальной программы реформистов и центристов Коммунистический Интернационал выставляет борьбу за конкретные нужды пролетариата, за систему требований, которые, взятые в целом, разлагают власть буржуазии,

---

[1] Лассаль с'уживал, в свое время, всю классовую борьбу до борьбы за всеобщее избирательное право.

[2] Повторение экономистской «теории стадий»!

организуют пролетариат, являются этапами в борьбе за пролетарскую диктатуру, и из которых каждое выражает потребность широких масс,—даже тогда, когда эти массы еще не стоят сознательно на почве пролетарской диктатуры.

По мере того, как борьба за эти требования будет охватывать и мобилизовать все более широкие массы, по мере того, как эта борьба будет противопоставлять жизненные нужды масс жизненным нуждам капиталистического общества, рабочий класс будет приходить к сознанию, что если он должен жить, капитализм должен умереть; это сознание есть основа воли к борьбе за диктатуру. Задача коммунистических партий — расширять, углублять и связывать борьбу, развивающуюся под лозунгом конкретных требований. Всякое частичное выступление, предпринимаемое рабочими массами с целью удовлетворения какого-нибудь частичного требования, всякая серьезная экономическая стачка одновременно мобилизует всю буржуазию, становящуюся, как класс, на сторону той части предпринимателей, которая подвергалась опасности, — чтобы сделать невозможной даже частичную победу пролетариата («техническая помощь» [1], буржуазные штрейкбрехеры во время английской железнодорожной стачки, фашисты). Буржуазия мобилизует также всю свою государственную машину для борьбы против рабочих (милитаризация рабочих во Франции и в Польше, военное положение во время стачки горнорабочих в Англии). Рабочие, борющиеся за свои частичные требования, автоматически вынуждаются к борьбе со всей буржуазией и ее государственным аппаратом. По мере того, как борьба за частичные требования, как частичная борьба отдельных групп рабочих вырастает в общую борьбу рабочего класса против капитализма, коммунистическая партия должна *повышать свои лозунги*, обобщать их до лозунга прямого свержения врага. При выставлении частичных требований коммунистические партии должны учитывать то, что требования, опирающиеся на потребность самых широких масс, не только ведут массы к борьбе, но также и являются — по своей сути *требованиями, организующими* массы. Все конкретные лозунги, вытекающие из экономической нужды рабочих масс, должны быть введены в русло борьбы за *контроль над производством*, не в смысле плана бюрократической организации народного хозяйства при

[1] Немецкая штрейкбрехерская организация технической интеллигенции.

режиме капитализма, но в смысле борьбы против капитализма, как через фабрично-заводские комитеты, так и через революционные профсоюзы. Только путем создания таких организаций, только через их связь по отраслям производства и промышленным центрам может быть организационно об'единена борьба рабочих масс, может быть дан отпор расколу масс социал-демократией и профсоюзными вождями. Фабрично-заводские комитеты выполнят эту задачу, только если они вырастут из борьбы за экономические цели, общие самым широким массам рабочих, только если они создадут связь между всеми революционными частями пролетариата: коммунистическими партиями, революционными рабочими и проделывающими свое революционное развитие профсоюзами [1].

Всякое возражение против выставления таких частичных требований, всякое обвинение в реформизме по поводу такой частичной борьбы есть продукт той же самой неспособности охватить реальные условия революционной деятельности, которая выразилась в сопротивлении отдельных коммунистических групп участию в профсоюзах и использованию парламентаризма. Дело идет не о том, чтобы только проповедывать пролетариату конечные цели, но о том, чтобы усилить практическую борьбу, которая только одна может привести пролетариат к борьбе за конечные цели. Насколько неосновательны возражения против частичных требований, насколько они чужды потребностям революционной жизни, явствует лучше всего из того факта, что даже маленькие организации, построенные так называемыми левыми коммунистами в качестве прибежища чистой теории, вынуждены выставлять частичные требования, поскольку они вообще стремятся втянуть в борьбу более широкие массы, чем те, которые группируются вокруг них, или хотят принять участие в борьбе широких народных масс, чтобы оказать на них свое влияние. Революционная сущность современной эпохи заключается именно в том, что самые скромные условия существования рабочих масс несовместимы с существованием капиталистического общества, что поэтому борьба даже за самые скром-

---

[1] Имеется в виду «лево-коммунистическое» противопоставление фабзавкомов профсоюзам.

ные требования вырастает в борьбу за коммунизм»[1].

— Российскому рабочему движению еще в эпоху Столыпинщины пришлось пережить внутреннюю борьбу по вопросу о частичных требованиях и неурезанных лозунгах.

Типичным признаком всякой революционной эпохи служит переход всякой частичной борьбы на революционные рельсы, превращение ее в борьбу революционную, направленную на полное уничтожение существующего строя.

Третье-июньский режим в России заставил рабочие массы практически подойти к этому вопросу и разобраться в разнице между реформистской и революционной постановкой вопроса о частичных требованиях.

Раз'ясняя решения январского пленума Центрального Комитета в 1910 году, Владимир Ильич указывал: «Тактика нашей партии должна в одно и то же время, в одном и том же действии пролетариата, в одной и той же сети организационных ячеек «делать пролетариат готовым к новой открытой революционной борьбе» (без этого мы утратили бы право причислять себя к революционной социал-демократии, мы не исполнили бы основного своего дела, завещанного эпохой 1905 года и предписываемого каждой черточкой современной экономомической и политической обстановки) и «давать пролетариату возможность использовать **для себя** все противоречия неустойчивого режима контр-революции» (без этого революционность превратилась бы во фразу, **в повторение** революционных слов **без применения** всей суммы революционного опыта, знаний и уроков международной социал-демократии к **каждому** практическому действию, к использованию **каждого** противоречия и колебания царизма, его союзников и всех буржуазных партий)...

Ничто так не ненавистно буржуазии и царизму, как нелегальная социал-демократическая партия, своей работой доказывающая свою верность заветам революции, свою непреклонную готовность к беспощадной борьбе с основами столыпинской «легаль-

---

[1] Тезисы о тактике.—«Die Thesen und Resolutionen des III Weltkongresser der Kommunistischen Internationale». S. S. 45—46—47—48.—Разрядка подлинника, за исключением последней фразы.

ности». Ничто так не ненавистно буржуазии и слугам царизма, как революционные задачи и лозунги социал-демократии. Отстаивание того и другого есть наша безусловная задача, и именно сочетание нелегальной и легальной работы особенно требует от нас борьбы со всяким «принижением роли и значения» нелегальной партии. Именно необходимость на более мелких вопросах, в более скромных размерах, по частным поводам, в легальных рамках защищать партийную позицию, особенно требует наблюдения за тем, чтобы эти задачи и лозунги не укорачивались, чтобы изменение формы борьбы не ликвидировало ее содержания, не ослабляло ее непримиримости, не уродовало исторической перспективы и исторической цели пролетариата: вести всех трудящихся и эксплоатируемых, вести все массы народа через ряд буржуазных революций, завоевывающих демократическую республику, к пролетарской революции, ниспровергающей самый капитализм»[1].

В Столыпинской России всякая экономическая борьба, в силу политических условий, неизбежно переходила в политическую;— политическая же борьба рабочего класса могла рассчитывать на успех только как борьба за подготовку условий для второй революции.

Вот почему ликвидаторская «программа-минимум» демократических преобразований—в виде «борьбы за легальность», свободы коалиций и т. д.—на деле проповедывала либеральный отказ от революции.

Без свержения царизма эта свобода коалиций была неосуществима. Поскольку же под этим лозунгом ликвидаторы пытались об'единять рабочих, они внушали рабочим массам контр-революционные иллюзии.

В полемике с тов. Троцким, тов. Зиновьев разоблачал связь взглядов ликвидаторов со взглядами «экономистов» и ревизионистов: «Западно-европейские ревизионисты проповедывали по отношению к социалистическому перевороту метод «эволюции», метод замены социальной революции завоеванием частичных социальных реформ, метод замены революционной «катастрофы» (Цузамменбрух'а) незаметным постепенным «врастанием» в социалистический строй. А русские «экономисты» то же ревизионистское построение применяли к России, которой предстояла тогда (предстоит еще теперь) буржуазно-демократическая революция. И при-

[1] Н. Ленин. «К единству». Сб. «Н. Ленин. О партийном строительстве за 20 лет». Москва, 1924, стр. 293, 296.

меняли эту ревизионистскую теорию так, что революционную борьбу с самодержавием разменивали на «частичные политические требования», а революцию подменяли «борьбой за права» [1]

Вследствие особого стечения обстоятельств росссийское рабочее движение первое вступило на революционный путь.

Отсюда—«индивидуальные» особенности российского оппортунизма, предвосхитившего измену Второго Интернационала.

«В России, — напоминал Владимир Ильич, — реформизм проявляется еще в особой форме, именно в виде отожествления коренных условий политической обстановки современной России и современной Европы» [2].

— «Европеизмом» называют ликвидаторы условия деятельности с.-д. в главных государствах Европы после 1871 года, т.-е. как раз в такой период, когда вся историческая эпоха буржуазных революций была закончена, когда основы политической свободы сложились прочно и надолго. «Изменение характера» социал-демократии в этих государствах явилось, во-первых, после коренного изменения политических условий, после того, как сравнительно весьма прочно установился определенный конституционный уклад; а, во-вторых, это изменение было только временным изменением для определенного периода (который как раз в последнее время, по общему признанию самых осторожных социал-демократов Европы, близится к своему концу).

В таких условиях вполне упрочившегося буржуазного конституционализма кампания, например, за свободу коалиций или за всеобщее избирательное право, вообще за конституционные реформы могла явиться, при известных обстоятельствах кампанией рабочего класса, действительной политической кампанией, действительной борьбой за конституционные реформы.

У нас же оппортунистические интеллигенты переносят лозунги подобных «европейских» кампаний на почву, лишенную элементарнейших основ европейского конституционализма, пытаясь обойти ей ту своеобразную историческую эволюцию, которая обыкновенно предшествует созданию этих основ» [3].

---

[1] Г. Зиновьев. Вопросы тактики. По поводу«петиционной кампании». 1912 г. Собр. соч., том II, стр. 224.

[2] Вл. Ильин. Марксизм и реформизм. 1913. IX. «Г. Зиновьев, В. Ильин, Ю. Каменев. Марксизм и ликвидаторство», изд. «Прибой». СПБ. 1914 г., стр. 74.

[3] В. Ильин. «Как П. Б. Аксельрод разоблачает ликвидаторов». 1912. VII. Сб. «Марксизм и ликвидаторство, стр. 49—50.

В обстановке развивающегося революционного кризиса рабочий класс отстаивает свои насущные интересы явочным, революционным порядком, прорывая то там, то тут существующие «законные рамки» классового господства буржуазии и помещиков. Легальная рабочая газета «Правда», широкое использование легальной арены для революционных целей в 1912—14 годах—все это было явочным завоеванием массовой борьбы.

Еще в 1906 году тов. Ленин показывал, почему буржуазия заинтересована в легальной «борьбе за права»: «Борись парламентски», т.-е. в тех пределах, которые предпишу тебе я по соглашению с монархией, борись посредством организаций,—только не таких, как всеобщие стачечные комитеты, советы рабочих, солдатских депутатов и т. п., а посредством таких, которые признает и ограничивает, обезвреживает по отношению к капиталу, закон, изданный мной по соглашению с монархией» [1].

— Так всегда буржуазия убеждает рабочих.

Явочный порядок революцинной борьбы вытекает из необходимости разрушения государства эксплоататоров и их экономической диктатуры.

В ту же эпоху 1912—14 года большевики применили тактику единого рабочего фронта под лозунгом единства снизу, т.-е. об'единения рабочих масс на конкретных задачах классовой борьбы и разоблачения оппортинистов на практике.

Отзовистско-ультиматистский уклон «впередовцев» был оборотной стороной ликвидаторства, ибо он подменял практическую революционную борьбу революционной словесностью.

— Мы видим, таким образом, что и в области тактики переходного времени—большевизм был предтечей Коминтерна.

Конечно, тактика Коминтерна 1921—23 годов не была простым «повторением пройденного» большевизмом, но основные черты ее были заимствованы из русского опыта.

Тактика единого фронта, провозглашенная Исполкомом Коминтерна в конце 1921 года, учитывала, прежде всего, ту очередную задачу, которая состояла в практическом об'единении рабочих масс на почве классовой борьбы против наступающего капитала и в подрыве социал-демократической гегемонии в рабочем движении.

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. VII, ч. I, стр. 128.

Экономический кризис, разразившийся в 1921 году, форсировал наступление мирового капитала на пролетариат.

«Хозяйственное восстановление» за счет рабочей силы означало низведение заработной платы до нищенского уровня, ликвидацию 8-часового рабочего дня, террор против всех рабочих организаций и т. д.

Интересы непосредственной самообороны рабочего класса требовали об'единения всех его сил. А в то же время препятствием на пути к этому об'единению стояли социал-демократические верхи и профсоюзные вожди. Необходимо было обходным движением снять это препятствие с пути рабочего класса, заставить социал-предателей на почве конкретной борьбы разоблачить себя.

Об'единенное заседание Исполкомов III, II и II½ Интернационалов в Берлине в апреле 1922 года было одной из важнейших вех на этом пути: там шейдемановцы и центристы, перед всем международным пролетариатом, расписались в своей неспособности и в своем нежелании вести борьбу за элементарнейшие нужды рабочих масс.

Такой же опыт разоблачения был проделан во всех западноевропейских странах и всюду с одинаковым результатом.

Понятно, что сразу непосредственные плоды этого разоблачения социал-предателей, солидаризировавшихся на деле с наступающим капиталом, не могли сказаться. Но они заронили искру сомнения в рабочих массах и уже в 1923 году привели к реальным успехам в деле завоевания профсоюзных масс и увеличения политического влияния коммунистических партий.

Особенно значительна была победа в Германии, как это показал революционный под'ем августа—октября 1923 года.

Наибольшее сопротивление тактика единого фронта встретила во французской коммунистической партии.

Это было не случайным эпизодом.—Французская Коммунистическая партия вышла из недр Социалистической Партии, после Турского Конгреса в декабре 1920 года. От нее она унаследовала не только ряд центристско-меньшевистских предрассудков и привычек [1], но и целую группу центристских элементов во главе с Леоном Фроссаром, позже перебежавшим к буржуазии. До

[1] Тогда как в России всегда основной ячейкой партии был заводской коллектив, во Франции и в других партиях Запада до последнего еще времени сохранилась организация партии по избирательным округам, без прикрепления ее к основной заводской единице.

IV Конгресса Коминтерна эта группа, опираясь на организацинный аппарат и общую слабость движения, занимала преобладающее положение в партии. Свою оппозицию тактике единого фронта она проявила по двум важнейшим вопросам: по вопросу о взаимоотношении между партией и профсоюзами и по вопросу о проведении принципов демократического централизма внутри партии и в Коминтерне. Главным возражением против тактики единого фронта было то, что профсоюзы, группирующиеся вокруг «Об'единенной Генеральной Конфедерации Труда», примыкающей к Профинтерну, не примут этой тактики, ибо она является «отступлением» от революционных принципов. Это возражение подкреплялось другим доводом—об особенности французских условий, которой пренебрегает Коминтерн, навязывая «извне» искусственную тактику.

По существу все это представляло собой перепев старых взглядов французского оппортунизма. Французский оппортунизм в политической области всегда особенно рьяно защищал недопущение «постороннего вмешательства» в «автономию» профсоюзов, этим путем поддерживая п р и н и ж е н и е экономической борьбы французского пролетариата. Фроссар и Ко весьма искусно использовали свою связь с худшими, оппортунистическими элементами синдикализма, чтобы из-за их спины... делать политику коммунистической партии.

Только в 1923 году французской партией было достигнуто такое элементарное «завоевание», как «разрешение» коммунистам образовывать свои фракции в профсоюзах!

Фроссары сознательно поддерживали через коммунистическую партию раздробленность и цеховщину во французском рабочем движении, а тактика единого фронта грозила нарушить эту предустановленную гармонию между якобы-коммунистическим центризмом и анархо-синдикалистской проповедью революционного бездействия. Она была непосредственно направлена на с о з д а н и е е д и н с т в а с н и з у — с а м и м и р а б о ч и м и м а с с а м и, е д и н с т в а м е ж д у п о л и т и ч е с к о й и э к о н о м и ч е с к о й б о р ь б о й п р о л е т а р и а т а.

Французский «комцентризм» выступил против тактики единого фронта с шумными революционными фразами именно потому, что только этими фразами можно было затушевать отказ от коммунистической гегемонии в широком рабочем движении.

С другой стороны, под прикрытием этих фраз, он получил возможность практиковать внутри партии борьбу против Коммунистического Интернационала.

Фроссары и Ко повели борьбу за сохранение в партии явных негодяев и мелкобуржуазных карьеристов — типичнейших меньшевиков, буржуазных демократов и даже франк-массонов.

Оживление стачечной борьбы и коммунистической работы, в связи с оккупацией французами Рура, неминуемо должно было привести к изгнанию Фроссаров, игравших на струнках французского национализма в своем подкопе против международной коммунистической дисциплины.

Подобные же попытки к подрыву организационного и политического единства всемирной коммунистической партии—Коммунистического Интернационала обнаружились в 1921 — 23 годах в Скандинавских странах, в Норвегии и Швеции.

Эти страны не пережили ни «стальной бани» империалистической войны, ни широкой революционной волны послевоенного периода. По этой причине в этих партиях—больше, чем в других— удержались социал-пацифистские и мелкобуржуазные иллюзии и мещанские элементы, которые — подобно французским оппортунистам—также попытались воспользоваться пережившим себя расколом экономической и политической борьбы рабочего класса в своих интересах.

Тем не менее, Коммунистический Интернационал сумел в эту переходную эпоху преодолеть все рецидивы мелкобуржуазной бесхарактерности и сектантства [1] и во всех странах расширил, углубил и упрочил связь коммунистических партий с массами.

Тактика единого фронта дала ключ к связи с массами.

Наступление мирового капитала, начавшееся в 1921 году, перешло в фашизм.

— «Тот факт, что буржуазия повсюду была вынуждена самовооружаться, создавать белую гвардию, доказывает слабость классового господства. Буржуазия уже не может доверить охрану своего господства наемникам из других общественных классов; она уже больше не может сама вооружать часть пролетариата и применять ее для подавления общества; она должна самовооружаться. Это—признак не силы, но слабости классового господства, которое всего сильнее тогда, когда оно для своего поддержания нуждается в минимуме вооруженной силы, когда простая угроза государственным насилием достаточна для классового гос-

---

[1] В итальянской компартии, прежде всего.

подства. Это—верный признак упадка, если в настоящее время вооруженная борьба между буржуазией и пролетариатом частично разыгрывается помимо государственного аппарата (мартовские события в Германии в 1921 году, борьба фашистов, испанская офицерская лига [1], Венгрия и т. д.).

С другой стороны, мы видим, что буржуазия и экономически отбрасывает в сторону государственный аппарат и сама выдвигает на место государства свои организации. Таковы крупные капиталистические организации, которые отчасти уже открыто становятся на место государства (Стиннесовский договор о репарациях)» [2].

— Фашизм политически означает попытку организации централизованной партии буржуазной контр-революции и установления террористической диктатуры этой партии.

«Русский опыт» научил буржуазию ценить решающую роль централизованной классовой партии. Но она не понимает того, что разница между классовым положением буржуазии и классовым положением пролетариата не позволяет буржуазии осуществлять свою контр-революционную и паразитическую диктатуру... в якобинской форме!

Ни полного единства классовых интересов, ни соответствия их интересам широких народных масс, ни действительной связи с массами у буржуазии эпохи упадочного капитализма нет и быть не может, ибо международная и внутренняя конкуренция поедает ее изнутри, а по своему классовому положению она является эксплоататором и паразитом.

Фашизм — лишь запоздалый выкидыш бонапартизма, возрождаемого гниением мирового капитализма.

— «В теснейшей связи с наступлением капитала в экономической области находится политическое наступление буржуазии против рабочего класса, всего выпуклее выразившееся в международном фашизме. Так как растущее обнищание все более революционизирует массы, охватывает также и средние слои, включая чиновничество, и подрывает уверенность буржуазии в том, что в лице бюрократии она имеет абсолютно покорное и надежное орудие, буржуазия уже не довольствуется легальными методами поддержки своего господства. Поэтому, она переходит к созданию повсюду особой белой гвардии, направленной специально против всяких

[1] Она и произвела фашистский переворот в Испании в 1923 году.

[2] E. Varga. Die Niedergangsperiode des Kapitalismus. 1922. s.s. 23—24. Это было написано до ноябрьского фашистского переворота 1922 г. в Италии.

революционных движений пролетариата и служащей все больше и больше кровавому подавлению всякой попытки рабочего класса улучшить свое положение.

Характерный признак итальянского фашизма—фашизма «классического», на некоторое время захватившего целую страну—заключается в том, что фашисты не только создают узкие контрреволюционные, до зубов вооруженные, боевые организации, но также пытаются с помощью социальной демагогии приобрести известную почву в массе, в крестьянстве, в мелкой буржуазии и даже в известных частях рабочего класса, для чего стремятся использовать неизбежное разочарование в так называемой демократии в своих реакционных целях. Опасность фашизма имеется сейчас во многих странах: в Чехо-Словакии, в Венгрии, почти во всех Балканских странах, в Польше, в Германии (Бавария), в Австрии, в Америке и даже в таких странах, как Норвегия. В той или иной форме фашизм не исключен и в таких странах, как Франция и Англия»[1].

Распад буржуазного общества под натиском обостряющихся классовых противоречий влечет за собой разложение государственного аппарата буржуазии на его составные классовые элементы. Мелкобуржуазная масса чиновничества, попадающая под сокращение штатов и охватываемая тисками нищеты, уже больше не проявляет прежней покорности. В 1923—24 годах мы наблюдаем, как массовое явление, забастовки банковских служащих и чиновников правительственных ведомств в Германии, в Австрии, во Франции, в Польше и т. д. Чиновничество может быть автоматическим проводником государственного принуждения лишь там, где ему обеспечен прочный, привилегированный доход. В эпоху упадка капитализма буржуазия не в состоянии гарантировать это условие своего господства.

Фашизм старается использовать процесс разложения буржуазного общества во имя укрепления буржуазного господства— в новых формах военно-централизованной диктатуры.

Война и после-военная разруха чрезвычайно усилили, ускорили и обострили процесс экспроприации мелкой буржуазии, городского мещанства,

[1] Резолюция IV Конгресса Коминтерна. Цит. по немецкому тексту.—Protokoll des Vierten Kongresses der Kommunistischen Internationale. 1923. S. 1011.

служилой интеллигенции, крестьянства и полупролетарских слоев населения, поставив их под прямую угрозу превращения в люмпен-пролетариат, создав относительное перенаселение. Существующие источники государственного и частно-хозяйственного дохода, при экспроприации большей части производительных сил монополистическим финансовым капиталом, не могут прокормить всю эту массу населения. Захватная и плантаторская политика империализма усугубляет тяжесть положения. В Германии этот процесс «стиннезирования» страны, превращения ее в вотчину Стиннеса, достиг наибольшей остроты.

Антисемитизм называют «социализмом дураков». Социальная демагогия фашизма того же сорта. Она разжигает ненависть к «интернациональному» финансовому капиталу, хозяйничающему во всех капиталистических странах как в своих колониях. Особенно это относится к побежденным и надорванным войной странам. Фашизм проповедует возрождение национального капитализма под опекой твердой власти. На деле он служит Стиннесам в Германии, «Комитету металлургии» во Франции, помещикам Юга и промышленникам Севера в Италии, но он прикрывает эту свою служебную роль националистической демагогией, подменяющей классовую борьбу националистическим соперничеством. Фашизм—продукт Версальского мира, сделавшего Европу ареной колониальной политики. При этом следует заметить, что для современного финансового капитала характерно осуществление своего господства внутри его возлюбленного «отечества» теми же методами, что и в покоренных колониях.

Об‘ясняя корни фашизма в Италии и во Франции, тов. Лапинский правильно показал социальную подоплеку этого явления: «Социальное содержание политических событий в обеих странах по существу одинаково: огромная масса средней и мелкой буржуазии,—не исключая и крестьянства,—классы мелких и средних собственников, то обширное «третье сословие» современной Франции, которое в этой стране больше, чем где-либо представляет «нацию»,—в настоящее время судорожно и отчаянно борется против страшной угрозы деклассирования. Оно защищается против его снижения до той ступени, до которой доведена сейчас большая часть немецкого среднего сословия, борется против исторического процесса, который, правда, с особой беспощадностью

обрушился на побежденные страны, но который также—благодаря последствиям войны—чрезвычайно усилился и во всех других странах.

Однако то, что в других, более промышленно-развитых странах захватывает только определенные, молниеносно-пролетаризируемые слои, в мелко-буржуазной Франции является смертным приговором для всей «нации» и должно, несомненно, повлечь за собой более глубокие и всеобщие потрясения. Мелкобуржуазная масса защищает здесь историческую стуктуру французского народа, подвергшуюся опасности благодаря финансовому банкротству Германии,—ту структуру, с которой самым тесным образом связано существование этой мелкой буржуазии, ее фактическое или внешнее благосостояние» [1].

— Конечно, неверно, что только потому, что «немец не хочет платить» ренту французским мелким рантье, от этого грозит банкротство мелкой буржуазии во Франции. Французский финансовый капитал сам переродился в последнюю эпоху, он стал промышленным, ему нужны не репарационные платежи деньгами, а уголь, фабрики и т. д.—Отсюда угроза краха.

Это доказано поворотом мелкобуржуазных масс Франции к «левому блоку» в 1924 году.

Однако, совершенно правильно, что мелкая буржуазия защищает свой до-военный уровень жизни, и как фашизм, так и буржуазный демократизм — эти сезонные колебания мелкобуржуазного барометра—отражают это.

Фашизм черпает свою силу в разочаровании масс буржуазно-демократическим реформизмом. Он — наследник несостоятельного должника — социал-демократии, которая обманула также и этих мелкобуржуазных попутчиков, а не только пролетарские массы.

Прохвост Наполеон III поднялся на плечах мелкобуржуазной луиблановщины.

То же самое происходит и теперь.

Фашизм есть попытка восстановления политической гегемонии буржуазии и помещиков путем об'единения под руководством их деклассированных масс мелкой буржуазии.

Благодаря социал-демократии, в период революционного под'ема 1918—21 годов, рабочий класс не смог завоевать поло-

[1] A. Lapinsky. Die Besetzung des Ruhrgebiets und der Zerfall Europas.— „Die Internationale», Jahrgang 6, Heft 12. Berlin.

жения вождя народных масс. На его голову валятся преступления социал-демократии. Ему приходится расплачиваться за разочарование мелкобуржуазных масс в социал-демократическом руководстве.

«Против евреев и марксизма!»—воют Людендорфы и К^{0}, чтобы помешать революционной борьбе пролетариата, чтобы внушить массам, что других вождей, кроме Носке, рабочий класс не в состоянии выдвинуть.

В период фашизма социал-демократия доходит до последнего предела падения. Социал-демократия сплошь становится фашистской.

Об'единение II и II$^{1}/_{2}$ Интернационалов в Гамбурге, об'единение независимцев и шейдемановцев в Германии—первое доказательство этого.

Подлейшая измена «левых» с.-д. в момент революционного под'ема в Германии в 1923 г., переход и «левых» и правых на сторону черносотенного палача генерала Секта, подавление восстания в Гамбурге и разгон смешанных правительств — из «левых» и коммунистов в Саксонии и Тюрингии и т. д., и т. д., — все это вехи на пути полной фашистской самоликвидации меньшевизма.

Социал-демократия органически неспособна отстаивать свою политическую гегемонию. Напротив того, она целиком стала орудием контр-революционной диктатуры.

От социал-соглашательства к социал-империализму, от социал-империализма к палачеству Носке, от Носке к социал-фашизму — такова ее дорога.

Если раньше рабочая аристократия, рабочая бюрократия и мелкобуржуазные попутчики были содержанкой «отечественного» империализма и «национальной» контр-революции, то теперь они, вместе со Стиннесом, «интернационализировались», поступив на содержание мировой реакции и мировому империализму.

Немецкие социал-негодяи служат не только Стиннесу, но и Пуанкаре, но и английской плутократии. Таковы меньшевики во всех странах.

Разложение буржуазного общества и революционное обострение международной классовой борьбы вызвали фашизм и похоронили социал-демократию.

Фашизм показал, что идея пролетарской гегемонии во всякой революционной борьбе, об'единение всей трудящейся и эксплоатируемой массы вокруг пролетариата-вождя является рычагом не только специфически-русской, но и международной пролетарской революции.

В Италии фашизм завоевал власть, использовав для этого несвязанность рабочего и крестьянского движения.

В Болгарии в момент фашистского переворота коммунистическая партия совершила роковую ошибку, об'явив о своем нейтралитете в борьбе между крестьянской буржуазией и буржуазией и военщиной крупного городского калибра.

— «Бывают положения, при которых не принять бой для революционной партии хуже, чем драться и потерпеть поражение... В такой момент облечься в тогу «нейтральности»—означает парализовать свои собственные силы» [1].

Болгарская партия не врезалась своими силами в ряды борющихся сторон, чтобы после падения болгарского Керенского-Стамболийского [2] перенять в пролетарские руки руководство крестьянскими массами. И все же ей пришлось восстать в неизмеримо более худших условиях и потерпеть поражение.

В Германии борьба против правительства Куно и рурского захвата выявила перед коммунистической партией необходимость стать вождем борьбы самых широких масс за их освобождение от колониального рабства. Германская Коммунистическая Партия, с помощью правильной тактики, сумела привести рабочие массы на гребень революционного под'ема в августе—октябре 1923 года и почти полностью парализовать влияние фашизма.

Но она совершила другую ошибку, непростительную для партии-вождя. В лице своей руководящей группы, она не поняла, как должна видоизменяться тактика единого фронта в условиях революционного штурма. Она связала судьбу пролетарского восстания с поведением «левых» социал-демократов, изменивших в решающий момент и вызвавших, таким образом, поражение.

Вообще фашистское вырождение социал-демократии во всех странах выдвигает обязательность применения тактики единого фронта по-новому, в форме борьбы за единство снизу.

[1] Г. Зиновьев. «Уроки болгарского переворота». 28 апреля 1923 г. — Сб. «За III Интернационал», стр. 517.

[2] Болгарские с.-д., во главе с Янко Саказывом, выступили в союзе с фашистами.

Еще ранее, в 1922 году, Коминтерн высказался за лозунг рабочего правительства, как лозунг собирания сил рабочего класса для борьбы за власть.

В Германии часть товарищей дала неверное толкование этому лозунгу в смысле «теории стадий»: коалиция «левых» с.-д. и коммунистов есть необходимый этап на пути к пролетарской диктатуре.

На деле правильное понимание этого лозунга возможно лишь с точки зрения завоевания пролетарско-коммунистической гегемонии в революционной борьбе.

Коминтерн расширил лозунг рабочего правительства. Он признал целесообразным требование рабоче-крестьянского правительства во всех странах, где вовлечение крестьянских масс в революционную борьбу служит предпосылкой завоевания пролетарской диктатуры.

Именно период 1921—23 годов научил западно-европейские партии Коминтерна необходимости безусловного применения тактики ленинизма в международном масштабе.

Даже в далекой Америке «Рабочей Партии», проводящей коммунистическое влияние на массы, удалось связать движение полупролетарского фермерства, обдираемого крупным монополистическим капиталом, с борьбой рабочего класса.

Созданием Международного Красного Крестьянского Об'единения Коминтерн практически ввел в международный обиход борьбу за смычку пролетариата и крестьянства.

Возникновение в начале 1924 года «Рабочего Правительства» Макдональда и К° в Англии сигнализирует новый поворот в мировом политическом и экономическом кризисе капитализма.

Кризис Версальского мира в странах-победительницах, в Англии и Франции,—свидетельство дальнейшего распада капиталистического строя.

Новый передел Европы ставят на очередь дня запутавшиеся империалисты.

Новый передел—это новое усиление подготовки второй империалистической войны, новое расширение революционных возможностей.

Показательно, что во Втором Интернационале идейно-политическая гегемония перешла целиком Английской «Рабочей Партии», типичнейшей партии социал-империалистической рабочей аристократии.

Совсем недавно один из ее вождей характеризовал ее как партию не социалистическую.—«Ни Рабочая Партия, как политическое проявление движения британского рабочего класса, ни профессиональные союзы, как его промышленное выражение, не сделают когда-либо (!) попытки низвергнуть капиталистический строй путем насильственной революции. В этом смысле Английская Рабочая Партия не социалистична» [1].—Так писал Филипп Сноуден, один из министров нынешнего правительства Макдональда.

Всеми своими делами в 1924 году она доказала, что она представляет собой партию услужающих капитала и во внутренней политике и в области внешнего колониального грабежа.

Буржуазия поставила ее у власти во имя нового «пацифистского» эксперимента.

Ее пребывание на вершинах «мировой социальной лестницы» — эпизод разложения... этой «лестницы».

Но ее гегемония во II Интернационале—заключительный этап эволюции международной социал-демократии к социал-империализму и социал-фашизму.

Даже российский эмигрант—меньшевик вынужден признать, что «все происходившие со времени основания Гамбургского Интернационала международные совещания и заседания, в особенности последнее заседание Исполнительного Комитета [2] носят явственный отпечаток духа (!) [3], внесенного Labour Party в европейское движение. Реформизм Английской рабочей партии, пришедшей сейчас к власти в сильнейшем государстве Европы, концентрирует вокруг себя и морально укрепляет реформистские элементы во всех других рабочих партиях» [4].

В 1921 году, в самое трудное время, Дитманы, Каутские и К⁰ славословили конец международной революции и возрождение мирового капитализма под англо-американским господством.

События в Германии, восстание в Болгарии и в Польше, общее обострение мирового кризиса в 1923 г. обнаружили приближение новой революционной волны. Новый революционный под‘ем неизбежен, несмотря на все временные отсрочки.

---

[1] Ф. Сноуден. Социализм Английской Рабочей Партии.—«Заря», № 1, январь 1924 г., Берлин.

[2] На нем благословлен был Макдональд на правительственную службу капиталу.

[3] Не духа, а смрада.

[4] Р. Абрамович. «Рабочий Интернационал и марксистские партии».—«Социалистический Вестник». № 4, 25 Февраля 1924 года. Берлин.

В 1921 году ликвидаторы революции хоронили Коммунистический Интернационал.

За первое пятилетие своего существования Коммунистический Интернационал стал общепризнанным международным авангардом всемирного пролетариата, мировой коммунистической партией.

Коммунистический Интернационал впервые в истории провел действительно международное об'единение рабочего движения передовых промышленных стран с молодым рабочим движением и крестьянскими массами колониального и отсталого Востока.

В его состав входят коммунисты Индии и Кореи, коммунистические партии Турции и Китая, Египта и Японии, Персии и голландской Индии (Явы).

Революционный под'ем в Европе в 1919—20 годах совпал с революционным под'емом в колониях. Националистически-демократические и крестьянские движения в Индии, Египте, Китае, Персии, всюду выделили авангард рабочего движения, которое стало самостоятельно на ноги как раз в период падения волны обще-национального движения в 1921—23 годах.

Организация рабочих масс в независимую классовую силу, поддержка и усиление революционно-освободительной борьбы против империализма и крестьянских движений против туземных помещиков и феодальной бюрократии,—вот ближайшие задачи юного пролетарского авангарда колониального Востока.

В империалистической Японии рабочий класс выступает на борьбу с союзом помещиков и финансового капитала, чтоб подготовить свой 1905 год.

Коммунистический Интернационал перебросил мост между освободительной борьбой колониального Востока и пролетарской революцией Запада.

Это — величайшее завоевание, международное завоевание ленинизма.

Ленинизм стал во всех областях оружием борьбы и побед Коммунистического Интернационала.

Новая полоса революционного развития, новый скачок истории вперед подготовляется на ленинской основе.

Ни одна теория и тактика во всемирной истории не получала такой массовой практической, всемирно-исторической проверки, как ленинизм.

Ленинизм есть практическое и теоретическое применение марксистского метода к условиям международной пролетарской революции, порожденной мировым кризисом капитализма.

Ленинизм есть такое развитие этого марксистского метода, которое необходимо для международной победы пролетарской диктатуры.

И поэтому, ленинизм непобедим.

Поэтому он является победоносным оружием международной революции труда.

Ибо ленинизм претворил в жизнь величайший завет марксизма: «освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих».

4 апреля 1924 года.

Ленинград.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

I. Два пути теоретического развития (вместо введения) . . 3
II. Взгляды К. Маркса и Фр. Энгельса на революцию. . . . 13
III. Формы борьбы и организация рабочего класса в эпоху Второго Интернационала. 37
IV. Большевизм в борьбе за пролетарскую гегемонию в революции 69
V. «Война войне!». 116
VI. Государство и революция 149
VII. Борьба между империализмом и пролетариатом за крестьянство и угнетенные нации 198
VIII. Хозяйство и революция. 262
IX. Коммунистическая партия, Советское государство и рабочий класс 317
X. Этапы борьбы Коммунистического Интернационала . . . 390

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	Строка:		Напечатано:	Следует читать:
67	3	сверху	власти	власти»
118	6	снизу	критикою	критики
»	11	»	неравномерными	неравномерным
119	13	»	задержка»	задержка
120	6	сверху	, боже упаси!	—боже упаси!
122	6	»	нации	наций
123	2	снизу	«L'Humanité	L'Humanité
»	3	»	Protestution	Protestation
»	»	»	pour	. Pour
»	4	»	Noavelle	Nouvelle
134	20	»	критики,	критики
139	4	»	Verlag,	Verlag
141	13	»	конца	конца»
142	2	»	и т. п.	и т. д.
143	1	»	—Роза	Розы
»	2	»	per	der
»	»	»	von	. Von
148	8	»	развития?	развития?»
152	24	»	месяца [2]	месяца
160	1	»	«Новый	—«Новый
»	10	»	имеющих	имеющее
163	2	»	2, Anflage	2 Auflage
167	11	сверху	и Берлине	в Берлине
168	20	снизу	императорскому	имперскому
176	4	»	Lukcemburgs	Luxemburgs
177	4	»	«Gerhard	Gerhard
»	10	»	обладать	овладеть
»	16	»	организации	организация
»	6	сверху	о п я т ь н а й д е н	**опять найден**
198	8	»	партии	партии—
199	1	снизу	Verl	Verl.

Ленинградский гублит № 1630. Тир. 20.000.

Государств. тип. имени тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14.

973

Цена 2 р. 25 к.

6

ИЗД ПРИБОЙ

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

Ленинград: Смольный, комн. 74; Просп. 25 Октября, 52, магазин „Книжные Новинки“.

Москва: Московское отделение издательства „ПРИБОЙ“ Петровские линии, под‘езд № 1. Телеф. 2-24-09.